

ВАГИФ ГУСЕЙНОВ

От Ельцина к...?

ПЬЯНЯЩИЙ ДУРМАН

2

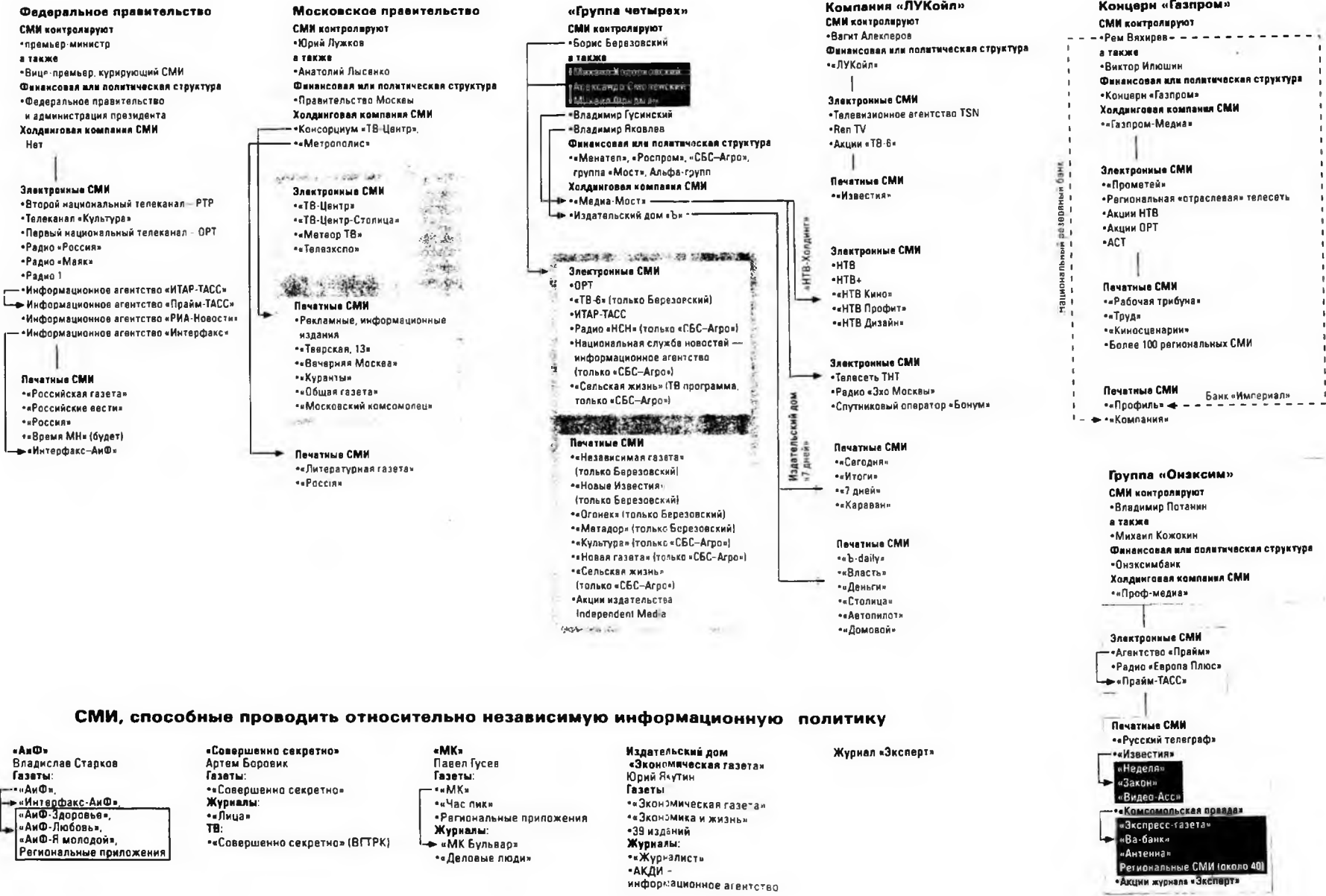
ВЛАСТИ

ЯНВАРЬ 1998 — ИЮНЬ 1999

ДОСЬЕ

Российские информационные империи

Национальный информационный банк

СМИ, способные проводить относительно независимую информационную политику

«АиФ»
Владислав Старков
Газеты:
• «АиФ»,
• «Интерфакс-АиФ»,
• «АиФ-Здоровье»,
• «АиФ-Любовь»,
• «АиФ-Я молодой»,
• Региональные приложения

«Совершенно секретно»
Артем Боровик
Газеты:
• «Совершенно секретно»
Журналы:
• «Лица»
ТВ:
• «Совершенно секретно» (ВГТРК)

«МК»
Павел Гусев
Газеты:
• «МК»
• «Час пик»
• Региональные приложения
Журналы:
• «МК Бульвар»
• «Деловые люди»

Издательский дом «Экономическая газета»
Юрий Ячутин
Газеты
• «Экономическая газета»
• «Экономика и жизнь»
• 39 изданий
Журналы:
• «Журналист»
• АКДИ – информационное агентство

Журнал «Эксперт»

Источник: «Радио Свобода», «Эксперт»

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Вагиф Гусейнов

ОТ ЕЛЬЦИНА К...?

Книга вторая

ПЬЯНЯЩИЙ ДУРМАН ВЛАСТИ

Январь 1998 — июнь 1999

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
1999

ББК 66.61(2)
Г 96

Исключительное право публикации книги Вагифа Гусейнова «От Ельцина к...?» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Г 96 От Ельцина к...? Книга 2. Пьянящий дурман власти.— М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. — 495 с. (Серия «Досье») ISBN 5-224-00582-5

Руководитель одной из московских аналитических служб В. А. Гусейнов продолжает начатое в первой книге интригующее повествование о невидимых битвах политических и финансовых группировок в борьбе за президентское кресло.

Описываемые события охватывают период с января 1998 по июнь 1999 г. В схватку вступают новые, еще более могущественные, чем в 1996 — 1997 годах, силы.

ББК 66.61(2)

ISBN 5-224-00582-5

© В. Гусейнов, 1999
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 1999
© В. Щербань, оформление, 1999

Часть первая

КРЕМЛЕВСКИЙ ОГОНЬ ОБЖИГАЕТ КРЫЛЬЯ

Глава 1

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Мнимое благополучие. — Третьеразрядная страна. — Судьба внутренних накоплений. — Троянский конь иностранных инвестиций. — Куда исчезали кредиты. — Угроза территориальной целостности. — Утечка капиталов: легальные и нелегальные каналы. — Россия стала жить в долг. — Все признаки кризиса. — Правительство сохраняет благодушие. — Управляемость теряется. — Банки и власть: все против всех. — Отчаянный шаг президента

В новый, 1998 год Россия вступила с большими надеждами. Основания для них были, и об этом неоднократно говорил премьер-министр Виктор Черномырдин. Действительно, в экономике страны прослеживались некоторые положительные тенденции. Но преувеличивать их роль главе правительства все же не следовало.

Специалисты скептически относились к заявлениям премьера о том, что страна вступила в стадию подъема. Более того, наиболее критически настроенные исследователи предупреждали: рано говорить о том, что российская экономика вышла из кризиса и стабилизировалась. Механизмы рынка в стране все еще находились на примитивном уровне, финансовый сектор с точки зрения международных стандартов был весьма и весьма слаб, промышленность и сельское хозяйство переживали многолетний спад, научный потенциал разваливался. В силу ряда факторов негативного характера относительная самостоятельность, устойчивость и целостность экономики страны по-прежнему находилась под угрозой.

Не исчезла реальная перспектива превратиться в третьеразрядное государство. Согласно оценкам Всемирного экономического форума, Россия в 1998 году находилась на 48-м месте по конкурентоспособности в списке 49 стран. Американский фонд «Херитидж» поставил Россию по итогам 1997 года на 102-е место в списке 158 государств по так называемому индексу экономической свободы, отмечая чрезмерный бюрократизм, высокую коррупцию, обширный черный рынок и другие слабые места российской экономики.

Объем реального ВВП по сравнению с 1989 годом уменьшился на 51 процент. В 1997 году российский ВВП составил всего 2675 триллионов рублей, что меньше 450 миллиардов долларов по обменному курсу, или около 600 миллиардов долларов по паритету покупательной способности (ППС). По размеру ВВП Россия находилась в 1998 году во второй десятке стран мира. Поэтому расходы федерального правительства уступали расходам правительства США примерно в 20 раз, Японии — в 14, Китая — в 4 раза.

Нормальными темпами прироста реального ВВП для стран с развитой рыночной экономикой являются 2,7—4 процента в год. В период становления рыночной экономики и радикальных реформ допустимыми считаются отрицательные значения этого показателя или его небольшой прирост (0,5—1, 5 процента). Однако период спада не должен превышать 2—3 лет. При этом уменьшение объема ВВП не должно быть больше критического порога (50 процентов), после которого наступают непредсказуемые социально-экономические последствия.

Таким образом, несмотря на происшедший в 1997 году перелом тенденции к падению ВВП (прирост ВВП составил 0,4 процента), и в январе 1998 года наблюдалось увеличение объема ВВП по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года, экономическая уязвимость страны оставалась по-прежнему высокой.

В этих условиях ключевой проблемой обеспечения национальной экономической безопасности становилось скорейшее восстановление экономического и, прежде всего, промышленного потенциала страны. Для возрождения экономической мощи требовался стабильный рост на уровне 8—10 процентов в год.

Наиболее острой проблемой в тот момент являлась проблема дефицита инвестиций. Расстройство системы денежного обращения продолжалось, и оно неотвратимо вело к платежному кризису, не позволяя восстановить нормальное воспроизводство собственных финансовых ресурсов предприятий. Если учесть, что рост курса доллара в бюджете-98 был заложен в размере 10 процентов в год, доходность операций коммерческих банков на рынке государственных облигаций составляла примерно 20 процентов в валюте. Результат — кредиты в производство опять не шли.

Инвестиционный климат в России характеризовался также нарастанием государственного долга, которое вело к поглощению всех свободных финансовых ресурсов бюджетными заимствованиями и многократному завышению уровня доходности в финансовой сфере по сравнению с рентабельностью производственной деятельности. Это серьезно затрудняло привлечение инвестиционных ресурсов в производство на кредитной основе и через фондовый рынок.

Явно затягивался бюджетный кризис; он вел к срыву даже урезанных инвестиционных программ, а также создавал трудности с привлечением в производственный сектор инвестиционных ресурсов из федерального бюджета. Не ослабевала резкая разбалансированность между имевшимися у населения сбережениями и реальными инвестициями.

В целом по стране наблюдалось недоинвестирование даже амортизационных отчислений, а чистые сбережения не трансформировались в инвестиции. Они замораживались, переводились в иностранную валюту, задействовались в спекулятивных операциях, вывозились за рубеж. В результате не обеспечивалось даже простое воспроизводство основного капитала, сокращался производственный потенциал российской экономики, ограничивался внутренний потребительский спрос, что вело к дальнейшему спаду производства.

Снижение инфляции и изменение финансовой конъюнктуры не привели к оживлению инвестиционной активности. В течение последних шести лет экономической реформы в России финансовая стабилизация являлась приоритетным направлением экономической политики государства. В 1997 году годовая инфляция

составила 11 процентов, или среднемесячная — 0,97 процента. В январе 1998 года она несколько выросла — до 1,6 процента, однако в феврале и марте опять снизилась — соответственно до 0,9 и 0,7 процента. Безусловно, это можно было расценить как признак определенной стабильности — ведь нормальным ежегодным уровнем инфляции считается 5—6 процентов. При инфляции 6—10 процентов разрабатываются специальные меры по ее сдерживанию.

Но уже тогда некоторые эксперты считали, что если стране не удастся справиться с бюджетным дефицитом, инфляция к концу года может вырасти до 25 процентов, что вновь поставит под угрозу срыва достигнутую финансовую стабилизацию. В январе 1998 года дефицит бюджета достиг 4,9 процента от объема ВВП против 2,9 процента в январе 1997 года. Указанные процессы активно развивались на фоне крайне неблагоприятной для России конъюнктуры мирового рынка, особенно если учесть, что это касалось товаров, которые составляли основные статьи экспорта. В частности, цены на нефть упали более чем на 40 процентов от среднего уровня 1997 года.

На фоне общего улучшения макроэкономических показателей финансовое положение предприятий продолжало оставаться достаточно тяжелым. Снижение объемов прибыли и рост неплатежей способствовали увеличению числа убыточных предприятий в основных отраслях экономики. Только просроченная задолженность по госзаказам и федеральным программам на начало февраля 1998 года составляла около 19 миллиардов рублей, увеличившись за месяц на 76 процентов, при том, что среднемесячный ее прирост в 1997 году составил 0,1 процента.

Задолженность бюджетов всех уровней по заработной плате, согласно официальным данным, составила на начало марта 13,2 процента от общей суммы долга, или 7636 миллионов рублей. Практически рассчитавшись с бюджетниками в конце 1997 года, в начале нового правительство стало стремительно наращивать темпы роста задолженности. Если неплатежи предприятий работникам выросли в феврале на 4 процента, то бюджеты всех уровней увеличили задолженность по зарплате на 20,9 процента, в том числе в отраслях

социальной сферы — на 31,2 процента. Если в целом по народному хозяйству долги по зарплате за февраль выросли на 6 процентов, то долги бюджетов работникам здравоохранения — на 117,2 процента, культуры и искусства — на 109,1 процента, образования — на 70 процентов. Было очевидно, что весной в стране резко обострятся проблемы состояния торгового и платежного балансов, покрытия бюджетного дефицита, внутреннего и внешнего долгов.

Поэтому новый, 1998 год для правительства Виктора Черномырдина начался с попыток найти выход из инвестиционного кризиса за счет внешних источников капитала, привлечения иностранных кредитов и инвестиций. Прямо скажем, Белый дом России в этом не очень преуспел — за период реформ, начиная с 1992 года, удельный размер западных инвестиций в экономику страны, по данным ООН, составил всего 47 долларов на одного россиянина. Для сравнения: в отношении Китая эта цифра составила 135 долларов на человека, для Польши — 300 долларов, для Чили — 500 долларов.

В 1997 году, по уточненным данным Госкомстата, объем иностранных инвестиций в российскую экономику составил около 10,5 миллиарда долларов. К 1 января 1998 года накопленный иностранный капитал в экономике страны достиг 21,8 миллиарда долларов. Более 4416 миллионов долларов было вложено в развитие кредитно-финансовой сферы, в том числе в страхование, пенсионное обеспечение. В промышленность было направлено 3337,3 миллиона долларов.

Объем прямых иностранных инвестиций в российскую экономику достиг в 1997 году 2 миллиардов долларов. Они в первую очередь направлялись в пищевую отрасль и топливно-энергетический комплекс. В 1998 году ожидалось, что прямые инвестиции возрастут до 3,5 миллиарда долларов. Однако и этого объема для такой страны, как Россия, было мало. Правда, в тех условиях экономика страны все равно была не в состоянии «переварить» более 5—7 миллиардов долларов в год.

Вместе с тем, по оценкам экспертов Центра экономической конъюнктуры при правительстве Российской Федерации, постулавшие иностранные инвестиции

практически не влияли на инвестиционную ситуацию в стране. Доля зарубежных инвестиций в России в общем объеме вложений в основной капитал, по оценке центра, составляла не более четырех процентов.

При этом две трети объема зарубежных поступлений шли на финансовые спекуляции и лишь оставшиеся крохи направлялись в промышленность, причем не на модернизацию производства, а на приобретение акций и вкладов в уставных капиталах, чтобы обеспечить зарубежным компаниям контроль за российскими предприятиями. В итоге 60 процентов предприятий цветной металлургии оказались нерентабельны.

Известны многочисленные факты, когда зарубежные инвестиции фактически выступали средством, используемым исключительно в интересах установления иностранного контроля над стратегически важными отраслями и предприятиями, устранения зарубежными производителями российских конкурентов, присвоения ими интеллектуальной собственности, установления технологической зависимости. Кроме того, политика чрезмерного привлечения иностранного капитала на фондовый рынок, по существу, стимулирует конвертацию населением денежных средств в американскую валюту и усиливает долларизацию экономики.

По оценкам экспертов, только восемь процентов сбережений российских граждан поступает в коммерческие банки, а более 80 процентов конвертируется в твердую валюту. В 1996 году население приобрело валюты на 253 триллиона рублей или более 40 миллиардов долларов, что составило 18,4 процента денежных доходов населения. В 1997 году эти расходы достигли 308,5 триллионов рублей или около 50 миллиардов долларов, что составило уже 21,4 процента денежных доходов населения.

В этой связи дальновидные эксперты уже в начале 1998 года предлагали властям обратить особое внимание на грядущее в 1999 году введение новой валюты евро, появление которой, по прогнозам, неминуемо приведет к существенным изменениям на валютном рынке России, в частности, к возможному обесцениванию накоплений в долларах США, которое в течение нескольких лет может составить около 20 процентов.

Погоня за иностранными инвестициями объясняет-

ся обычно тем, что страна якобы не имеет внутренних накоплений. Однако это не подтверждается имеющимися сведениями. Норма сбережений (отношение сбережений к доходу) в России весьма высока. Сбережения населения в 1996 году составляли 27 процентов располагаемых доходов, а в 1997 году — около 25 процентов. Для сравнения: в Японии норма сбережений населения 20—25 процентов, в других развитых странах — значительно ниже. Имевшаяся в 1998 году у населения СКВ на сумму 35 миллиардов долларов более чем в два раза превышала все вложения нерезидентов в государственные ценные бумаги (осенью они достигали 16 миллиардов долларов). Определенные сбережения имелись в банках и других финансовых структурах, а также на предприятиях сырьевых отраслей промышленности. По оценкам экспертов, имевшихся в стране внутренних инвестиционных ресурсов при полном их использовании было достаточно не только для полного возмещения выбывающих средств производства, но и для обеспечения расширенного воспроизводства основного капитала.

Одна из угроз, таившихся в чрезмерном увлечении иностранными инвестициями, заключалась в том, что погоня за западными кредитами могла придать развитию российских регионов неравномерный характер и таким образом спровоцировать дезинтеграцию экономики. Вслед за этим возникла бы и проблема территориальной целостности.

С точки зрения экономической безопасности привлечение иностранных инвестиций целесообразно лишь в случае полного и достаточно рационального использования внутренних источников накопления капитала. Но в условиях, когда внутренние сбережения явно не вводились в оборот, курс правительства Черномырдина на замену их западными вливаниями представлялся для многих специалистов спорным.

Приводились такие аргументы. Япония, например, форсируя в послевоенные десятилетия внутренние сбережения и инвестиции, не поощряла, а ограничивала ввоз иностранного капитала, который находился к тому же под жестким государственным контролем и допускался лишь в отдельных случаях — для производства сырья, создания сбытовых фирм. В целях предот-

вращения утечки внутренних накоплений за рубеж японские граждане в течение нескольких десятилетий не получали доступа к иностранной валюте, не могли вкладывать деньги в иностранные фондовые ценности, совершать туристические поездки за пределы страны. И по сей день они не имеют права хранить свои сбережения в иностранных банках. Стремительный рост японской экономики, подъем благосостояния всего населения окупил эти временные ограничения, которые к тому же мало затронули интересы широких слоев общества.

Характерной чертой финансовых кризисов, разразившихся в 1997 году в странах Юго-Восточной Азии, как, впрочем, и Латинской Америки в 80-е годы и в Мексике в 1994 году, стал резкий рост краткосрочной иностранной задолженности в предкризисный период. Правительства этих стран практически смирились с быстрорастущей зависимостью национальных экономик от краткосрочного, в основном спекулятивного капитала, что делало их финансовые системы чрезвычайно уязвимыми перед кризисами ликвидности. И как только иностранные инвесторы замедлили или совсем прекратили осуществлять краткосрочное финансирование, разразился кризис. Их общий сценарий примерно таков: массовый отток средств нерезидентов, обвал на стендовых рынках, атака на национальную валюту, паника среди местных инвесторов и населения и, как следствие, вынужденная девальвация.

То же происходило и в России. Вследствие фондового кризиса в начале 1998 года с российского фондового рынка зарубежными инвесторами было выведено около 2 миллиардов долларов — и это только с рынка корпоративных ценных бумаг и с рынка ГКО. А всего с рынка гособлигаций ушло в общей сложности около восьми миллиардов долларов средств нерезидентов. Уже в январе-феврале 1998 года некоторые эксперты предупреждали правительство: иностранцы продолжат изъятие своих средств с фондового рынка России. Это подтверждалось рядом косвенных признаков, в частности, тем, что западные банки повысили процентные ставки по кредитам, которые они выдавали России. Кризис европейских банков,

потерявших весьма существенные ресурсы в Юго-Восточной Азии, вел к тому, что они будут вынуждены сокращать кредитные лимиты для России.

Осенне-зимний кризис 1997—1998 годов на финансовом рынке подтвердил правоту тех специалистов, которые говорили о необходимости переориентации государственных заимствований. По мнению многих российских и зарубежных экспертов, кризиса можно было бы избежать, если бы до него не проводилась политика чрезмерного привлечения на российский фондовый рынок нерезидентов: с января по ноябрь 1997 года их доля на рынке ГКО-ОФЗ поднялась с 15 до 30 процентов.

Поэтому вместо чрезмерного привлечения средств нерезидентов необходимо, видимо, было бы задействовать свободные средства населения. На мировом рынке имелся богатый опыт выпуска ценных бумаг для физических лиц.

Для России выпуск подобных ценных бумаг был бы весьма актуален и наиболее стабилен, поскольку население в основном приобретало ценные бумаги для сохранения сбережений, а не для игры на изменении их курса. Не случайно в период осенне-зимнего кризиса 1997—1998 годов рынок облигаций сберегательного займа оказался несравненно стабильнее рынков ГКО-ОФЗ-ОВФЗ. В целом население России входило в 1998 год, располагая значительными денежными ресурсами для развития экономики и было способно дать средств в 25 раз больше, чем государство заимствует у него.

Выпуск ценных бумаг для населения позволил бы осуществить финансирование дефицита государственного бюджета. Он возник по многим причинам, включая и проблемы со сбором налогов. Ситуация в начале 1998 года в этом плане была неустойчивой. Если январский сбор налогов оказался весьма удовлетворительным — 14,6 миллиарда рублей, или 7,3 процента ВВП, то февральская бюджетная ситуация складывалась гораздо более напряженно. Доходы из всех источников, включая рефинансирование на рынке ценных бумаг, держались на уровне 26—29 миллиардов рублей, в то время как расчеты показывали, что для финансирования скорректированного в соответствии с последними поправками бюджета необходимо было

ежемесячно собирать не менее 39,5 миллиарда рублей.

Выпуск ценных бумаг для населения — далеко не единственное направление возможного использования доходов от госзаймов. Часть этих доходов следовало бы аккумулировать в специальном инвестиционном фонде, расходуя их исключительно на инвестиционные цели по наиболее значимым проектам.

Помимо увеличения выпуска ценных бумаг для населения, по мнению экспертов, следовало бы изменить и систему государственных гарантий на финансовом рынке. В развитых странах доходность государственных ценных бумаг как наиболее стабильного финансового инструмента является самой низкой. В России же ГКО — инструмент, имевший государственную гарантию, — был наиболее доходным: примерно в 1,5 раза выше, чем по депозитам в банки. Вместо обеспечения сверхдоходов нерезидентов и российских банков — основных участников рынка госбумаг — следовало бы предоставить государственные гарантии банкам по обеспечению доходности долгосрочного кредитования производства. Переливание капиталов с финансового рынка в реальный сектор позволило бы оживить производство, а следовательно, и увеличить доходы как институтов финансового рынка, так и предприятий. Налогооблагаемая база при этом значительно возросла бы, и уже не требовалось бы прибегать к чрезмерно дорогим для государства заимствованиям.

Меры валютного контроля, принятые за последние годы, несколько ослабили, но не остановили процесс вывоза капитала. Экспансия российского капитала за рубеж в 1997 году составила 447,1 миллиона долларов и 2,8 миллиарда неденоминированных рублей. Массированный вывоз капитала из страны шел по каналам внешней торговли. Федеральный бюджет из-за неучтенного импорта недобирал значительную часть доходов. Существенны были и объемы вывоза валютных ресурсов из страны по туристическим каналам.

В условиях инвестиционного кризиса государственная политика должна была быть, как представлялось, направлена на жесткое пресечение неоправданного вывоза капитала, в том числе и по легальным каналам.

Основания для тревоги имелись: только в 1996 году Банк России выдал резидентам лицензий и разрешений на вывоз капитала в форме инвестиций, торговых и финансовых кредитов, приобретения и аренды недвижимости на 7,5 миллиардов долларов. Такое отношение к вывозу капитала не могло не беспокоить своим, мягко говоря, либерализмом, а решения по этому вопросу, принятые в 1996—1997 годах, — непродуманностью.

Действительно, в условиях острейшей нехватки инвестиций гигантские суммы были выведены из финансовой сферы. И что странно — с разрешения федеральных органов исполнительной власти. Вывоз капитала в принципе должен допускаться лишь в исключительных случаях — например, для конверсии текущей задолженности стран СНГ в акции и облигации, расходы на поддержку экспорта.

Говоря о переориентации в заимствованиях, эксперты обуславливали ее необходимостью и состоянием государственного долга. Он неуклонно возрастал — с 14,7 процента в 1995-м до 25,4 процента в 1997 году. Россия начала жить в долг! На начало 1998 года он составил 219,1 миллиарда долларов. Объем внутреннего долга достиг 530 миллиардов «новых» рублей (88,3 миллиарда долларов), что в 1,8 раза превышало денежную массу. Его размеры стали предельно допустимыми, после чего наступает угроза финансовой безопасности страны. Впечатляющей была и динамика внешнего государственного долга России (в миллиардах долларов): 1991 год — 96,8; 1992-й — 107,7; 1993-й — 112,7; 1994-й — 119,9; 1995-й — 120,4; 1996-й — 125; 1997-й — 130,8.

В последние годы черномырдинского правления рост госдолга сопровождался еще более быстрым ростом расходов на его обслуживание. В проекте бюджета на 1998 год было запланировано использовать на эти цели 25 процентов бюджетных расходов. Однако в связи с осенне-зимним кризисом прогнозировалось, что скорее всего придется платить еще больше. В мире не так уж много стран, затрачивающих на выплаты по долгам более 20 процентов бюджетных расходов. В 1998 году только по рынку рублевых гособлигаций (ГКО-ОФЗ-ОГСЗ) из федерального бюджета должны

были ежемесячно возвращаться кредиторам порядка 15—20 миллиардов деноминированных рублей. Для сравнения: в январе того же года сумма перечисленных платежей в федеральный бюджет чуть превысила 10 миллиардов рублей, в феврале — 12 миллиардов рублей.

Обеспокоенность вызывала величина краткосрочного долга России. Затраты на его обслуживание могли вызвать дальнейший рост процентных ставок, что, в свою очередь, повлекло бы за собой снижение прибыли предприятий. По данным зарубежных экспертов, из 69,1 миллиарда долларов, привлеченных Россией в качестве заимствований у иностранных банков к середине 1997 года, 38 миллиардов должны быть погашены в срок до одного года.

В связи с ростом объемов краткосрочных кредитов ситуация в России становилась все менее стабильной. Позиция рубля продолжала оставаться неустойчивой. Меры, предпринятые Банком России для сохранения валютного курса, привели к росту процентных ставок и повышению стоимости обслуживания государственного долга.

Учитывая реструктуризацию внешнего долга России в рамках Парижского и Лондонского клубов, предсказывалось, что страна сможет справиться с долговым бременем, однако выплаты по долгам существенно возрастут начиная с 1999 года и составят одну из главных статей бюджета.

По данным Госкомстата, федеральный бюджет России в 1997 году был исполнен с дефицитом 86,5 триллиона неденоминированных рублей. Размер бюджетного дефицита составил 3,2 процента от ВВП, что укладывалось в установленный законом о федеральном бюджете лимит в 3,5 процента от ВВП. Однако соотношение дефицита бюджета к общей сумме расходов достигло 21,1 процента, в то время как закон ограничивал эту величину 18,01 процента.

Сложившиеся на начало 1998 года тенденции позволяли аналитикам сделать вывод о наличии предпосылок к тому, что в ближайшие два-три месяца в стране может наступить серьезное обострение бюджетного кризиса.

К 1998 году спад промышленного производства за

время проведения реформ превысил 50 процентов. Это свидетельствовало о том, что экономика страны, вопреки оптимистическим заверениям властей, находилась в глубоком кризисе.

Поводом для руководящего оптимизма, наверное, послужило то, что в 1997 году в стране впервые был зафиксирован рост объемов промышленного производства — на 1,9 процента. Однако уже в январе 1998 года этот показатель был на 6,8 процента меньше, чем в декабре предыдущего года.

Несмотря на ряд положительных моментов в развитии промышленности, в большинстве ее отраслей наблюдалось сильное влияние негативных тенденций. В частности, росла задолженность предприятий перед бюджетом и внебюджетными фондами, в связи с чем состояние дел в промышленности складывалось хуже, чем прогнозировалось. Среди факторов, ограничивавших рост производства, наиболее существенное влияние имели недостаток денежных средств, сырья и материалов, неопределенность экономической обстановки, отсутствие платежеспособного спроса на производимую продукцию.

В ряде регионов с большим удельным весом в структуре промышленности отраслей топливно-энергетического комплекса сохранялись большие различия в уровне промышленного производства. В регионах с развитым машиностроением наблюдался рост в основном за счет увеличения выпуска продукции в автомобильной промышленности, а также отдельных видов продукции приборостроения, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, электротехнической промышленности.

Анализ ситуации в промышленности России позволял сделать вывод о том, что производство важнейших видов промышленной продукции в целом будет соответствовать наиболее характерным тенденциям, сложившимся за последние три-четыре года, без существенных отклонений как в сторону углубления спада, так и в направлении прироста.

Тенденция улучшения финансового состояния предприятий, наблюдавшаяся с августа 1997 года, в январе и феврале 1998 года не проявилась. По данным опроса руководителей 150 промышленных предприятий, в ян-

варе увеличилось число заводов, считавших собственное финансовое положение плохим. Их доля выросла до 68 процентов по сравнению с 64 процентами в декабре и 82 процентами в августе 1997 года. Число опрошенных лиц, давших положительные ответы, уменьшилось с четырех процентов в декабре до двух процентов в январе. Падения производства к марту 1998 года ожидали 44 процента руководителей предприятий, роста — 37 процентов.

В январе было отмечено и сокращение заказов на новую продукцию (нараставшее ухудшение спроса), и уменьшение запасов готовой продукции (текущий спрос оставался достаточно интенсивным). О накоплении запасов в январе сообщили 17 процентов опрошенных руководителей предприятий, о росте заказов — 14 процентов. В декабре 1997 года эти показатели были 20 и 17 процентов соответственно. Это означало, что тенденция нарастания спросовых ограничений скорее сохранится, чем ослабеет. Тем не менее, несмотря на подобные настроения, тогдашняя ситуация оценивалась властями как лучшая за последние четыре года. Ссылаясь на закономерности цикла хозяйственной конъюнктуры, руководители экономического блока правительства уверенно говорили о том, что следует ожидать возобновления прерванного оживления. Однако реальных подтверждений прогнозирувавшемуся развитию событий два первых месяца 1998 года не дали.

На основании анализа динамики и структуры инвестиций по секторам и отраслям экономики в период 1992—1997 годов независимые эксперты приходили к выводу, что с изменением ситуации на финансовом рынке именно отсутствие перспективной инвестиционной стратегии выступало фактором, сдерживавшим процессы восстановления экономического роста и реструктуризации производства. Нестабильность политической ситуации, поддержание высокой доходности финансовых операций и рискованность долгосрочных вложений в реальный сектор определяли пассивный характер инвестиционной деятельности частного и акционерного капитала. Россия продолжала находиться в фазе структурного кризиса.

Таким образом, предупреждали эксперты, срочные меры необходимо предпринимать не только в макро-

экономической сфере. Нужна глубокая структурная перестройка экономики.

Предкризисная ситуация сложилась в российской металлургии. Причем по сравнению с кризисом 1995 года положение металлургов стало гораздо хуже. У большинства предприятий металлургического комплекса явно не хватало собственных оборотных средств, чтобы поддерживать производственный процесс. В целом по отрасли суммарная кредиторская задолженность превысила дебиторскую на 49,7 триллиона рублей (неденоминированных) при общем объеме реализации товарной продукции на 165,5 триллиона рублей. И эта разница продолжала неуклонно увеличиваться. Предприятия продолжали терять оборотные средства, причем в этот процесс были втянуты практически все предприятия металлургического комплекса. К тому же в последние годы из-за нехватки оборотных средств бурно развивались всевозможные товарообменные и зачетные схемы. Наконец, среди владельцев металлургических предприятий, особенно это касалось мелких и средних, преобладали собственники, не умевшие или не желавшие эффективно организовать производство.

В начале 1998 года к этим проблемам добавились новые, прежде всего с экспортом. Резко ухудшилась структура, отгружаемая на экспорт. Заметно выросла доля заготовки. То есть Россия начала терять рынки сбыта. Резко увеличились запасы металлопроката. Россия не смогла существенно увеличить экспорт металла. Что касается внутреннего рынка, то можно было достаточно уверенно сказать: он обладал низкой эластичностью. Даже значительное снижение внутренних цен на продукцию металлургических заводов не вызвало резкого роста объема средств, выделяемых на закупки металлопродукции.

Специалисты прогнозировали, что уже в марте-апреле 1998 года может разразиться отраслевой кризис.

Столь же шатким было положение и в военно-промышленном комплексе.

Именно в годы черномырдинского премьерства сложились особенно неблагоприятные экономические условия для оборонных отраслей.

В 33 раза сократился государственный оборонный заказ. Резко упал средний уровень зарплаты. С бюджетной поддержки сняли ряд направлений. Продолжалась «утечка мозгов». Отрасли испытывали проблему с кадрами вследствие их старения.

По данным Минэкономики, по состоянию на 1 января 1998 года общая задолженность предприятий оборонного комплекса составила 97 миллиардов рублей, из них 13,3 миллиарда — долг федеральному бюджету, а остальное — пени и штрафы за просроченную задолженность и долги перед поставщиками. Общий долг государства перед предприятиями оборонного комплекса за 1997 год составил 19,9 миллиарда денонмированных рублей. Часть этой суммы была накоплена по вине самих предприятий, которые произвели продукции больше, чем было запланировано государственным оборонным заказом, или выпускали конверсионную продукцию, которая вообще не подпадала под госзаказ. По данным же Минобороны, в 1997 году долги предприятиям военно-промышленного комплекса России за поставленную продукцию и предоставленные услуги составили около 25 миллиардов рублей.

Недостаточность оборотных средств, хронические неплатежи, непомерные налоги, доходившие до 90 процентов, привели к огромной задолженности предприятий ВПК перед госбюджетом и внебюджетными фондами. Упала инвестиционная активность, затормозились процессы обновления основных производственных фондов. Предприятия ВПК, не имея своевременного авансирования оборонного заказа и конверсионных программ из бюджета, вынуждены были брать кредиты в коммерческих банках под высокие проценты, закладывая свое имущество. В 1996—1997 годах из-за задержек в оплате выполненных работ предприятия заплатили банкам по процентам за кредиты почти ту же сумму, что получили из госбюджета. Массовые сокращения квалифицированного научно-производственного персонала вели к разрыву технологических цепочек.

В 1998 году государственный оборонный заказ планировалось разместить лишь на 700 из 1700 предприятий ВПК. Главная причина — финансово-экономический кризис, испытываемый всем народным хозяй-

ством и оборонным комплексом как его составной частью. Загрузка производственных мощностей находилась на уровне 10—15 процентов. Морально устарело 40 процентов оборудования. Оплата труда в ВПК продолжала отставать примерно на 40 процентов от оплаты в промышленности в целом.

Катастрофически низкое бюджетное финансирование отечественной «оборонки» стало основной причиной того, что подавляющее большинство предприятий российского ВПК оказалось на грани вымирания. Значительная задолженность привела к невыплатам заработной платы практически во всех предприятиях отрасли.

По оценкам специалистов, машиностроительная продукция в России почти вся неконкурентоспособна. Реальный выход для предприятий ВПК, по существу, был один: делать опять оборонную продукцию, в том числе и на экспорт, который стал в итоге едва ли не единственным источником пополнения финансовых ресурсов ВПК. В то же время торговля оружием дает определенные ограничения, обусловленные конкуренцией и исчерпаемостью мирового рынка вооружения и военной техники, и не оставляет надежд на резкое увеличение экспорта.

Характерно, что, по оценкам специалистов Минэкономики России, экспортный потенциал российского военно-промышленного комплекса составлял в 1998 году около 5 миллиардов долларов. Эти оценки основаны на изучении конкурентоспособности России на мировых рынках вооружений и не учитывали возможный экспорт военных технологий. Ориентируясь на такой показатель, как конкурентоспособность, можно предположить, что Россия теоретически могла бы экспортировать изделия ВПК более чем двух тысяч наименований.

Несмотря на то что в 1996—1997 годах Россия вернулась на международный рынок вооружений, объемы контрактов на 1998 годы были значительно ниже запланированных. По данным Росвооружения, Россия экспортировала в 1997 году вооружений и оборудования на 2,6 миллиарда долларов по сравнению с 3,5 миллиарда в 1996 году и 2,8 миллиарда в 1995-м. Ранее прогнозировалось, что в 1997 году объем экспорта составит около 4—5 миллиардов долларов.

Половину высвобожденных в ходе конверсии мощностей предприятий «оборонки» нечем загрузить. Другая половина загружена случайной продукцией, постепенно уничтожающей производственно-технологический потенциал «оборонки».

Ну а чем встретила 1998 год энергетическая отрасль?

К наиболее значимым факторам и условиям, которые характеризовали ситуацию, сложившуюся в энергетической сфере и оказавшую влияние на состояние экономической и энергетической безопасности страны, эксперты отнесли прежде всего сокращение резервов (разведанных запасов) энергоносителей и ухудшение их структуры, снижение эффективности использования природных запасов энергоносителей. Сюда же отнесен значительный моральный и физический износ оборудования и устаревание технологий добычи, переработки, хранения и транспортировки энергоносителей, слабая оснащенность предприятий современными технологиями.

Отмечено также отсутствие у государства достаточных централизованных финансовых средств, ограниченность местных бюджетов, трудности с безопасным привлечением кредитных ресурсов. В числе недоработок правительства — недостаточная эффективность долгосрочной государственной политики в области экспорта нефти и газа, в том числе в отношении возможностей энергетического рынка Азиатско-Тихоокеанского региона, считающегося самым перспективным; отсутствие возможности у России влиять с выгодой для себя на процесс ценообразования в этой сфере; дискриминационные меры внешнеторговых партнеров и ряд других упущений.

Как считали представители Минтопэнерго, при сохранении ситуации с освоением разведанных месторождений в 2001 году Россия вряд ли сможет добыть более 300 миллионов тонн нефти. По расчетам же Всемирного банка и западных нефтяных компаний, при отсутствии каких-либо изменений к 2000 году добыча нефти в России может упасть ниже 200 миллионов тонн в год. По мнению экспертов, предотвратить падение добычи нефти возможно лишь при условии ускоренного ввода в разработку новых месторождений с суммарными запасами около 6,5 миллиардов тонн.

Относительная стабилизация в 1996—1997 годах объемов добычи нефти сопровождалась сокращением фонда действовавших скважин. Количество нерентабельных скважин возросло более чем в три раза, составив почти четверть всего эксплуатационного фонда. Доля трудноизвлекаемых запасов составляла около 60 процентов. Среднесуточный дебит скважин уменьшился почти на треть по сравнению с 1960 годом. Износ основных фондов составлял около 60 процентов в нефтедобыче и 65 процентов в нефтепереработке.

В то же время объемы геологоразведочных работ снизились до недопустимо низкого уровня. Прирост запасов нефти в стране происходил исключительно благодаря мелким и средним месторождениям с прогнозными запасами нефти максимум в 10—20 миллионов тонн. Но и эти месторождения из-за отсутствия в бюджете денег на геологоразведку российские геологи смогли открыть на территориях только тех нефтяных провинций — а это в основном Западная Сибирь, а также Уральский и Поволжский регионы, — которые в отношении геолого-географических условий добычи нефти были достаточно хорошо изучены.

Уже несколько лет ввод в эксплуатацию разведанных геологами месторождений не обеспечивал компенсации выводимых из строя выработанных скважин. Представители Министерства природных ресурсов Российской Федерации считали, что геологоразведка не сможет претерпеть принципиальных изменений без привлечения крупномасштабных инвестиций.

По прогнозам Минтопэнерго, для обеспечения потребностей России в нефти и нефтепродуктах в период до 2010 года необходимо подготовить 10—13 миллиардов тонн дополнительных запасов нефти. Если учесть, что величина прогнозных запасов нефти составляла 62,7 миллиарда тонн, то данная задача выглядит вполне разрешимой. Однако этого нельзя сказать о финансовой стороне дела, поскольку потребность отрасли в инвестиционных ресурсах на период до 2000 года оценивалась примерно в 20 миллиардов долларов ежегодно. Пока ни федеральный бюджет, ни российские компании не в состоянии обеспечить финансовые средства в полных масштабах.

Помимо финансовых проблем воспроизводства сы-

рьево́й базы, современные трудности этого процесса в значительной мере сопряжены с приблизительностью геологической информации о разведанных месторождениях по двум основным параметрам: объем основных запасов и уровень промышленной себестоимости их извлечения. Минприроды владело только «вилочными» данными о том и другом практически по всем разведанным, но неработающим месторождениям. Например, запасы месторождений, разведанных в 1996 году, оценивались почти для каждого месторождения в 10—20 миллионов тонн нефти, а себестоимость извлечения сырья — в 40—70 долларов за тонну. В связи с этим при освоении того или иного нового месторождения на нефтяные компании ложились дополнительные финансовые затраты, обусловленные необходимостью доразведки месторождений. Бурение пробной скважины на любом из новых месторождений могло резко изменить имевшиеся геологические оценки запасов месторождения, а также данные о стоимости добычи нефти.

Эффективность добычи нефти в России значительно ниже, чем в США или в арабских странах. Основная причина — не применялись технологии, повышавшие отдачу нефтеносных слоев. По некоторым оценкам, из отечественных месторождений извлекалось не более 30 процентов их потенциальных запасов (по другим данным — 40—50 процентов), остальная нефть оставалась в земле.

Серьезно сдерживало развитие морских нефтепоисковых работ и техническое состояние геологоразведки. Для России техническим пределом являлись работы на континентальном шельфе с глубиной воды примерно в 300 метров. В то же время в США уже сравнительно недавно объектами изучения стали зоны с глубиной воды в 1—2 километра.

Финансовые и технические проблемы воспроизводства сырьевой базы нефти в России говорят о том, что к 2000—2010 годам вряд ли следует ожидать радикальных положительных изменений в темпах воспроизводства сырьевой базы.

Однако причины снижения добычи нефти, по мнению экспертов, не только в снижении качества сырьевой базы, но и в отсутствии прогрессивных технологий

разработки подгазовых залежей и залежей с низкими фильтрационными свойствами пород коллекторов; в дисбалансе цен на нефть, оборудование и материалы; в снижении объемов эксплуатационного бурения; длительных простоях нефтяных скважин; медленном вводе в разработку новых открытых месторождений на севере Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и на шельфе Сахалина; замедленных темпах разработки основной части месторождений Западной Сибири, введенных в эксплуатацию в 1986—1990 годах.

Наличие в России значительных запасов углеводородного сырья в течение длительного времени создавало возможности для долговременного удовлетворения собственных энергетических потребностей. Нефтяной сектор давал средства на проведение реформ, выплату внешнего долга и являлся одним из главных источников пополнения федерального бюджета.

В расчетах к бюджету-98 предусматривалось налогообложение нефтяных компаний, которое на 20 процентов превышало объем средств, оставшихся у предприятий. Годовая сумма валютных начислений на предприятия нефтяного комплекса оценивалась в 100,5 миллиарда рублей. Однако эти расчеты опирались на прогноз, предполагавший добычу нефти в 302 миллиона тонн, переработку в России — 168 миллионов тонн, а мировые цены — 115 долларов за тонну (15,7 доллара за баррель). Предполагалось, что внутренние цены на нефтепродукты возрастут на 10—20 процентов больше, чем средний рост цен в промышленности. К началу февраля 1998 года цены едва переваливали за 100 долларов, и ожидания стабилизации не оправдались.

Во время последнего мирового финансового кризиса страны ОПЕК подняли квоты на нефтедобычу в расчете на стабильное потребление в США и странах Восточной Европы, демонстрировавших рост валового национального продукта. Общая тенденция снижения контроля за предложением нефти со стороны стран ОПЕК, а также поставки не входивших в эту структуру государств, не регулируемые какими-либо квотами, создали классическую ситуацию превышения предложения над спросом. Постоянные колебания международной политики в отношении Ирака и иракской неф-

ти, независимо от решения этой проблемы, грозили выбросом значительных объемов легкой нефти на рынок.

Экспорт иракской нефти был одной из составляющих неблагоприятной для России тенденции падения мировых нефтяных цен. Поскольку федеральный бюджет России зависел в основном от поступлений выручки от продажи энергоносителей, конкретно — нефти и природного газа, реализуемых в основном по ценам, складывающимся на ведущих мировых биржах, происходившие в 1997—начале 1998 года на мировом нефтяном рынке процессы создавали реальную угрозу экономической безопасности страны. По мнению некоторых экспертов, вслед за мировым финансовым кризисом, который Россия пережила более или менее благополучно, в стране мог разразиться кризис нефтяной. Причем его последствия были бы весьма тяжелыми и долговременными.

В 1997 году Россия уже пострадала от падения мировых цен на нефть и нефтепродукты. Только за два осенних месяца 1997 года мировые цены на нефть упали почти на 30 процентов. В январе 1998 года нефть на мировых рынках продавалась по цене 15,4 доллара за баррель. По таким же ценам заключались контракты на поставку нефти в апреле 1998 года. Исходя из того, что даже для нефтедобывающих компаний стран Ближнего Востока, работавших в более благоприятных условиях, цена 15 долларов за баррель являлась почти пределом рентабельности, при существовавших объемах добычи положение большинства российских нефтяных компаний становилось критическим.

Если конъюнктура мирового рынка не изменится, а аналитики сходились во мнении, что по крайней мере всю первую половину 1998 года предложение будет превышать спрос, и если давление на экспортеров внутри страны не ослабнет, в 1998 году впервые могло произойти снижение нефтяного экспорта.

Падение цен на нефть могло привести к новому кризису российский фондовый рынок, поскольку возможно было новое резкое сокращение прибылей крупнейших российских производителей нефти. Снижение в январе 1998 года мировых цен на нефть до 14,44 доллара за баррель против 22,54 доллара в январе 1997

года уже привело к потерям в экспортной выручке российских нефтяных компаний на 520 миллионов долларов. По мнению экспертов, если цены на нефть не поднимутся до прежнего уровня, то по итогам года потери российских нефтяных компаний могли составить около 6 миллиардов долларов. Подчеркивалось, что именно объем экспорта всегда считался показателем финансового благополучия нефтяных компаний, поскольку расчеты по экспортным сделкам всегда велись «живыми» деньгами.

Вопрос: вправе ли Россия рассчитывать на встречный шаг со стороны стран ОПЕК — оставался открытым. Форс-мажорные обстоятельства, в которых оказались страны-экспортеры, предполагали принятие ими совместных чрезвычайных мер в отношении контроля за спросом и предложением нефти на мировых рынках.

Ситуация с нефтью усугублялась тем, что российские нефтяные компании были разобщены, а конкуренция, которая не шла на пользу потребителю, росла. Оптовые цены на бензин в стране давно превосходили уровень мировых. Компании продолжали заниматься экспортом сырой нефти, усиливая свою зависимость от мировых цен на сырье. Готовясь к приватизации «Роснефти», компании, беря кредиты, закладывали вперед собственный экспорт, внося свою лепту в тенденцию понижения цен на нефть. Ярким примером отсутствия координации действий служило то, что «сургутское соглашение», которое должно было создать общую платформу для консолидации интересов нефтяников в рамках СНГ, не было реализовано.

Для поддержания нефтедобычи компании должны были вкладывать деньги в развитие производства, но основным источником «живых» денег для них продолжал оставаться экспорт сырой нефти. Поддерживать необходимые объемы оборотных средств в условиях низкой рентабельности экспорта можно было путем снижения налогового бремени, чего и добивались компании. Однако такое решение грозило бюджету серьезными потерями.

Наиболее радикальный способ — централизация экспортных поставок в руках государства, которая позволила бы уменьшить конкуренцию между отечест-

венными нефтяными компаниями на внешних рынках. До недавнего времени в России существовало более 150 экспортеров нефти, сбивавших цену на рынке, при том что добывающих компаний было на порядок меньше. Следует отметить, что за рубежом в странах, основу экономики которых, как и в России, составляли доходы от топливно-энергетического комплекса, экспорт жестко контролируется государством.

Осложнение ситуации с энергоносителями касалось не только нефти. По оценкам экспертов, в 1998 году прогнозировалось снижение добычи угля. Уже в 1997 году была завершена добыча угля на 95 шахтах. Однако в случае экономического роста отрасль не могла справиться с возложенными на нее задачами. Это относилось и к электроэнергетике. Если учесть, что старые мощности постепенно выходили из строя, то не исключалось, что недостаток энергоресурсов уже в ближайшем будущем мог стать одной из главных проблем российской экономики.

Одним из реальных источников пополнения бюджета могло бы стать торговое судоходство. По мнению экспертов, перевозка грузов не менее прибыльное для бюджета страны дело, чем торговля невозполнимыми природными ресурсами. Причем более целесообразное с точки зрения экономической безопасности страны. Однако за годы реформ доля отечественного флота во внешнеторговых перевозках страны сократилась в десять раз.

65 процентов внешнеторговых грузов России в 1997 году перевезли иностранные компании. Из-за недостатка портовых мощностей свыше 30 процентов грузов перерабатывалось в портах соседних государств. Российским грузовладельцам подобная практика обходилась ежегодно как минимум в два миллиарда долларов за фрахт иностранных судов, транзит и перевалку грузов в иностранных портах.

В мире существует иная практика. Например, в США половину экспортно-импортных перевозок выполняет американский флот. Судно может и не нести национального флага, но тогда оно должно быть зафрахтовано американской компанией. В странах, даже не имеющих собственного флота, половина экспортно-импортных грузов в обязательном порядке возится

зафрахтованным ими флотом. В результате вся прибыль остается в стране.

Любопытные штрихи в социально-экономический портрет страны добавила Счетная палата Российской Федерации. Оценки этого контрольного органа помогают понять истоки и причины потрясений, происшедших в 1998 году.

По данным Счетной палаты, в 1997 году продолжалось снижение доли валового накопления в общем объеме ВВП.

Общий объем капитальных вложений — инвестиций в основной капитал — составил 408,8 триллионов рублей (94,5 процента к 1996 году), что было примерно в два раза ниже реальной потребности для реконструкции и технического перевооружения производства.

Впервые за годы реформ коэффициент обновления основных фондов оказался ниже коэффициента их выбытия.

Доходы федерального бюджета за 1997 год, по данным Счетной палаты, составили 318,6 триллиона рублей, или 73,3 процента к утвержденному бюджету на год и 96,1 процента к заданиям правительства в соответствии с распоряжением от 30 апреля 1997 года (секвестированный бюджет). Доля доходов в ВВП составила 11,9 процента, что на четыре пункта ниже предусмотренного законом показателя.

Налоговых доходов в бюджет поступило 243,5 триллиона рублей, или 65 процентов к утвержденному бюджету. Уровень собираемости налоговых доходов в федеральный бюджет составил только 9,1 процента к ВВП, а без учета зачетов — 6,8 процента, против 13,7 процента, предусмотренных расчетами к федеральному бюджету.

Рядом субъектов Федерации не соблюдался установленный норматив отчислений платежей по налогу на добавленную стоимость в федеральный бюджет. К значительным потерям для федерального бюджета привела организованная неопределенность в вопросе возложения ответственности за взимание акциза на экспортируемый природный газ и ослабление в результате этого контроля по данному налогу.

Существенное влияние на уровень собираемости акцизных платежей за нефть и газ оказала неоплата

топливно-энергетических ресурсов потребителям. Задолженность по налоговым платежам в федеральный бюджет на 1 декабря 1997 года достигла 109,9 триллиона рублей, в том числе недоимка — 95,4 триллиона рублей, отсроченные платежи — 14,6 триллионов рублей.

Уровень собираемости налогов по отношению к реальной налогооблагаемой базе не превышал 60 процентов. Нарушения налогового законодательства выявлялись при документальных проверках на каждом втором предприятии. По оценкам Счетной палаты, в теневом секторе экономики обращалась товарная масса на сумму не менее 350 триллионов рублей, что привело к сокрытию налогооблагаемой базы, недопоступлению в бюджет 80—100 триллионов рублей ежегодно.

Проверки, проведенные в 1997 году в системе РАО «Газпром», АО «Нефтяная компания «Роснефть», МПС России, РАО «ЕЭС России», выявили серьезные недостатки в исполнении налогового законодательства и уплате налогов и других обязательных платежей в бюджет, включая сокрытие доходов и уклонение от уплаты налогов. Годовое задание по неналоговым доходам за 1997 год выполнено на 159,9 процента. Сумма неналоговых поступлений составила 39,3 триллиона рублей, или 1,47 процента к ВВП против 0,93 процента, предусмотренных законом.

Финансирование расходов федерального бюджета в 1997 году составило 394,6 триллиона рублей, или 74,5 процента к утвержденному бюджету на год и 93,6 процента к секвестированному бюджету. Фактическое исполнение расходов на функционирование федеральных органов власти составило 91,5 процента от утвержденного годового показателя, при этом расходы администрации президента и правительства профинансированы на 115,2 процента, Совета Федерации — 64,3 процента, Госдумы — 73,4 процента, Счетной палаты — 70,6 процента.

Бюджетные ассигнования на национальную оборону были обеспечены только на 66,9 процента. Расходы на правоохранительную деятельность профинансированы на 64,8 процента. Счетная палата в очередной раз выявила серьезные нарушения при использовании

средств федерального бюджета. Так, в ряде случаев гарантии и поручительства давались Минфином России в нарушение законодательства. Например, вопреки указу президента РФ от 12 мая 1997 года «О прекращении предоставления гарантий и поручительств за счет средств федерального бюджета» Минфин задним числом подписал 14 договоров поручительства о предоставлении денежных и вексельных кредитов коммерческим банкам на общую сумму 2031,2 миллиарда рублей (без учета деноминации). В 1995—1997 годах вопрос участия банков в финансировании расходов федерального бюджета посредством привлечения их кредитов под гарантии и поручительства Минфина РФ от имени правительства в министерстве не был отработан.

В этой ситуации выбор банков из числа ранее уполномоченных осуществлялся без необходимых экономических обоснований, представленные на конкурс отчетные данные банков Минфином даже не проверялись. Счетная палата также установила, что письменные предложения Минфина об участии в конкурсе вручались в частном порядке представителям банков в департаментах Минфина, а не отправлялись почтой, как это было предусмотрено условиями проведения конкурсов. Кроме того, департаментами министерства также не представлялись экономические обоснования о необходимости заимствований на определенную дату кредитов коммерческих банков для финансирования расходов из федерального бюджета, а Главным управлением федерального казначейства Минфина не учитывались реальные остатки бюджетных средств на банковских счетах.

Более того, проверкой установлено, что больше половины гарантий и поручительств предоставлялись Минфином при наличии денег, достаточных для финансирования бюджетополучателей без привлечения кредитов коммерческих банков. Следовательно, банкам просто давали заработать. Получатели бюджетных средств не были инициаторами получения средств от кредитных учреждений. Они практически ставились перед фактом необходимости заключения кредитных договоров на условиях, определенных Минфином (сроки, объемы, процентные ставки), с выбранными им же коммерческими банками.

Исполнявший обязанности министра финансов Михаил Задорнов заявил, что в целом согласен с выводами, которые сделала Счетная палата относительно практики предоставления гарантий и поручительств Минфина по кредитам коммерческих банков. Минфин признал, что эта практика была порочной, и решительно от нее отказался. М. Задорнов уверен, что правительство больше не вернется к такому способу финансирования госрасходов. Результаты проверок были направлены в правительство, Госдуму, Совет Федерации и Генеральную прокуратуру.

Любопытен взгляд Счетной палаты и на социальную составляющую экономики России в 1997 году.

Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата составила около 965 тысяч рублей и увеличилась по сравнению с 1996 годом почти в 1,2 раза. Среднемесячная заработная плата обеспечивала немногим более два прожиточных минимума населения в трудоспособном возрасте. Размер минимальной оплаты труда по-прежнему оставался на низком уровне и составлял 83490 рублей, или менее 20 процентов прожиточного минимума.

Сохранялся значительный разрыв в уровнях заработной платы по отраслям, регионам, предприятиям и профессионально-квалификационным группам работающих. Так, разрыв между максимальными (в газовой, нефтедобывающей промышленности) и минимальными (в сельском хозяйстве, легкой промышленности) уровнями средней заработной платы достигал 7—9 раз. При этом заработная плата в отраслях с высоким уровнем оплаты труда росла более высокими темпами по сравнению с низким уровнем оплаты труда (соответственно 130 и 114 процентов).

Различия в оплате труда работников легкой и пищевой промышленности, имевших примерно одинаковый профессионально-квалификационный состав, составили 2,2 раза. Заработная плата в машиностроении, где работали наиболее квалифицированные кадры, в 2,3 раза ниже, чем в электроэнергетике, и в 1,6 раза ниже, чем в пищевой промышленности.

Особенно велик был разрыв в зарплате руководителей и работников предприятий. По данным социально-культурного мониторинга, уровень заработной

платы десяти процентов наиболее высоко оплачиваемых работников в 1997 году в 23,5 раза превышал уровень заработной платы десяти процентов наименее оплачиваемых работников.

Заработная плата работников бюджетной сферы в связи с непроведением ее индексации в 1996—1997 годах и недофинансированием этой сферы составила в здравоохранении 57 процентов, в образовании — 53 процента, в культуре и искусстве — 50 процентов от ее размера в промышленности, в то время как за тот же период 1996 года это соотношение было на уровне 65,59 и 54 процента.

Одной из наиболее острых экономических проблем, порождавших социальные конфликты, продолжала оставаться несвоевременная выплата заработной платы. Общая сумма долгов по зарплате, как отмечал Госкомстат, достигла в марте 57768 миллионов рублей.

Но несмотря на задержки выплаты зарплаты и серьезные проблемы с аккумулярованием средств в Пенсионном фонде, денежные накопления граждан в банковских вкладах, ценных бумагах и наличных деньгах выросли до 281,7 миллиарда рублей против 273,9 миллиарда рублей в феврале.

По данным Пенсионного фонда РФ, на 1 апреля долг по выплате пенсий составил 800 миллионов рублей. Задержки произошли в 30 регионах. Общий размер задолженности Пенсионному фонду — 87 миллиардов рублей. Основная проблема прежняя: неплатежи и связанная с ними неуплата налогов и пенсионных взносов. По-прежнему были сложными отношения у фонда с федеральным бюджетом: Пенсионный фонд заложил в проект своего бюджета 26 миллиардов рублей федеральных поступлений, Минфин соглашался лишь на 15 миллиардов.

Сбор пенсионных взносов упал не в последнюю очередь из-за декабрьского решения Конституционного суда, пересмотревшего порядок взимания отчислений с предприятий-должников и отодвинувшего Пенсионный фонд в цепочке получателей на пятую позицию вслед за налоговой службой. И хотя Пенсионный фонд пытался это решение оспорить, проблему снять не удалось. В январе доходы Пенсионного фонда составили 10,5 миллиарда рублей при объеме выплат —

14,4 миллиарда рублей. В феврале собрали пенсионных взносов на 1 миллиард больше, но опять-таки недостаточно.

По данным Госкомстата, средний размер назначенных месячных пенсий (с учетом компенсационных выплат) в 1997 году составил 324,6 тысяч старых рублей. Это меньше прожиточного минимума на душу населения — 410,9 тысячи рублей.

С введением с февраля 1998 года нового порядка исчисления пенсий и введения нового индивидуального коэффициента, пенсии были пересчитаны у 48 процентов пенсионеров, среднее увеличение пенсий по стране составило 22 процента (79 рублей), у трети они возросли на 50—100 рублей, а у пятой части — на 100—150. В результате общая ежемесячно выплачиваемая пенсионерам сумма возросла на 15,7 миллиарда рублей.

Возобновление с начала 1998 года роста долгов по зарплате и сохранение тяжелой финансовой ситуации в Пенсионном фонде России являлось наиболее ярким свидетельством того, что пришедшим год назад в правительство молодым реформаторам не удалось быстрыми, но, увы, поверхностными действиями вылечить ставшую хронической болезнь российской экономики.

Таким образом, анализ тенденций в развитии социально-экономической обстановки внутри страны свидетельствовал о том, что имелись предпосылки к ее осложнению в 1998 году. Это было обусловлено, в частности, незавершенностью экономических преобразований в основных сферах; слабостью рыночных институтов экономики; сохранением неравноправных внешнеэкономических отношений; возрастанием неравномерности социально-экономического развития регионов; продолжавшимся кризисом в бюджетной, промышленной, энергетической и иных жизненно важных сферах экономики. Нельзя было исключать, что падение производства сменилось стагнацией, за которой мог последовать дальнейший упадок.

Из имевшейся информации признаки перелома негативных тенденций или качественных сдвигов, которые бы свидетельствовали о начале серьезного экономического роста, не просматривались. Предпосылки для него, по существу, не были созданы, за исключением разве что секторов, где царил теневая экономика.

Потому он и не сопровождался соответствующим ростом доходов государства.

Как следствие, существовала реальная угроза ослабления экономической самостоятельности Российской Федерации, деградации отечественного технологического и промышленного потенциала, закрепления за Россией топливно-сырьевой ориентации в мировой экономике.

Сложное экономическое положение России оказывало негативное влияние на боеготовность Вооруженных сил, их мобилизационную готовность, вело к существенному снижению военно-промышленного потенциала страны.

Важнейшая особенность России — значительный разрыв в уровне развития регионов. Из-за него оживление экономики касалось лишь небольшой их части и, углубляя различия, усиливало центробежные устремления. Приток инвестиций и начало роста усилили бы территориальные различия и могли разорвать единую экономику страны. Сепаратизм в экономическом плане нес угрозу разрыва единого экономического пространства, нарушение цельной финансово-кредитной, налоговой и таможенной системы и в конечном счете подрыва социально-политической стабильности и территориальной целостности страны.

Кроме внутренних факторов, существовал ряд внешних, способных существенно осложнить социально-экономическую обстановку в России и успешное продвижение экономической реформы. Шла жестокая и подчас скрытая борьба за сферы влияния, за вытеснение России со стратегически важных мировых рынков. Попытки российских государственных и частных предприятий занять достойное место на международном рынке встретили ожесточенное сопротивление со стороны иностранных конкурентов, зачастую использовавших нецивилизованные методы и приемы конкурентной борьбы.

Прогнозировалось, что в ближайшей перспективе данные факторы будут по-прежнему доминировать и оказывать негативное влияние на общую обстановку в стране. Существовавшие же механизмы вкупе с экономическим потенциалом не всегда позволяли уверенно парировать возникавшие угрозы.

И все же, несмотря на сложности, у России был потенциал для перехода к устойчивому экономическому росту, для повышения уровня и качества жизни населения. Требовалось немного: добиться снижения банковских процентов, внести изменения в налоговое законодательство и процедуры сбора налогов. У государства не хватало денежных средств не только потому, что в бюджет плохо поступали доходы. Деньги налогоплательщиков слишком часто расходовались нерационально, а то и просто разворовывались. Но пробелы в российском законодательстве позволяли расхитителям легко уходить от ответственности. Согласно оценке зарубежных экспертов, Россия находилась на четвертом месте в Восточной Европе по качеству экономического законодательства, но по его исполнению — на одном из последних.

По мнению специалистов, уберечь государственные средства от разбазаривания помогли бы полный переход на казначейскую систему исполнения бюджета, введение конкурсности государственных закупок и размещения государственных заказов, четкая регламентация финансовых взаимоотношений центра и регионов.

Этого сделано не было. Поэтому политическая обстановка в России на начало 1998 года оставляла мало места для оптимизма и надежд на реальный выход из системного — политического, социально-экономического, духовного кризиса.

Весь букет противоречий, характерный для 1997 года, сохранился. Более того, многие из них получили в начале года дальнейшее развитие. Каждый из основных факторов, составляющий основу анализа обстановки, продолжал действовать, неся с собой в основном дестабилизирующее воздействие.

На этом фоне заявления руководителей правительства о наметившейся якобы экономической стабильности ровным счетом ничего не значили. Экономический рост на уровне 0,4 процента не мог дать даже десятой доли тех средств, которые были необходимы для экономического не только расширенного, но даже простого воспроизводства, для самых острых, первейших социальных нужд, не говоря уже о социальной политике, для осуществления военной реформы, содержания бюджетников и, конечно, для инвестиционной политики.

На пресс-конференции 31 января 1998 года первый вице-премьер А. Чубайс, по существу, признал, что никаких новых радикальных мер по изменению ситуации правительство не предложит. Это прямо вытекало из сделанного им заявления о том, что государство будет в своей деятельности исходить из тех средств, которые у него есть, и на этом строить свою политику. Иначе говоря, государство в своей деятельности будет исходить из имеющихся у него средств, а не из контекста тех целей и задач, которые стояли перед российским обществом. Это означало, что будет сохранена в своих принципиальных направлениях «реформаторская» политика предшествовавших лет и будут принесены в жертву социальные, культурные, экономические потребности большинства населения страны.

Б. Ельцин начал 1998 год почти по той же схеме, что и предыдущий: незапланированное отсутствие на рабочем месте в Кремле, перенос официальных мероприятий, противоречивая информация о самочувствии. Возвращение президента из отпуска ознаменовалось очередным всплеском активности.

Правительство получило очередной выговор, который не стал сенсацией и вскоре сменился почти прямо противоположным высказыванием Б. Ельцина: «Улучшилось настроение людей, и по зарплате такого шума нет». Если учитывать тот факт, что в январе постоянно сообщают о забастовках бюджетников, так и не получивших обещанные деньги, то создавалось впечатление, что президент не в курсе реального положения дел в стране. Или, что представлялось ряду аналитиков более вероятным, он тогда не нашел приемлемого выхода из правительственного кризиса. Очевидно, что для президента принять радикальное решение по поводу правительства значило бы принять его и против самого себя, так как именно с его именем было связано и назначение, и вся деятельность тогдашнего кабинета министров. Таким образом, действия президента в начале 1998 года лишний раз доказывали, что глава государства все чаще прибегал к внешним эффектам, которые, однако, не влияли на позиции тех, на кого были обращены.

В январе Б. Ельцин подписал указ о перечне госдолжностей РФ и госдолжностей госслужбы РФ, ут-

верждаемых президентом. Это означало, что отныне президент будет утверждать кандидатов на должность первых и «рядовых» вице-премьеров, федеральных министров, руководителей администрации президента, генералов и адмиралов 12 силовых ведомств, судей (кроме Конституционного суда), полномочных представителей в регионах, послов. Иными словами, произошла реанимация номенклатурного принципа кадровой политики.

Одной из центральных фигур в январе-феврале 1998 года стал бывший заместитель секретаря Совета безопасности Б. Березовский. В январе нефтяные компании «ЮКОС» (М. Ходорковский) и «Сибнефть» (Б. Березовский) объявили о своем слиянии, в результате чего было создано мощное объединение «ЮКСИ», которое стало претендовать не только на «Роснефть», но и на первые роли в государстве.

Политические последствия образования новой компании для общественной жизни России сразу же стали предметом обсуждения политологов. К тому времени существовали три мощных финансово-промышленных блока, по составу почти совпадавшие с альянсами — претендентами на «Роснефть», которым отводилась решающая роль в предвыборной кампании 2000 года. Эти финансовые объединения находились в очень непростых отношениях между собой. Для ОНЭКСИМа и «Газпрома», так же, как для ОНЭКСИМа и «ЮКСИ», — это отношения прямой конкуренции. Более дружественный характер, по оценкам зарубежных экспертов, носили отношения между М. Ходорковским, Б. Березовским и Р. Вяхиревым. Свидетельством тому называли факт, что образование «ЮКСИ» лично патронировал В. Черномырдин.

Логично было бы предположить, что конкуренты «ЮКСИ» предпримут ответные объединительные шаги. Однако противоречия между крупнейшими российскими компаниями были настолько сильны, что вряд ли в ближайшее время возможно было повторение опыта ЮКОСа и «Сибнефти».

Так, почти сразу заговорили о сближении (без слияния) ЛУКОЙЛа и ОНЭКСИМа, в связи с возможной ориентацией В. Черномырдина, а за ним и «Газпрома», на «ЮКСИ». Подобное объединение стало бы

весьма мощным. Но в тот же день, когда стало известно о встрече Алекперова с Потаниным, руководство «ЮКСИ» нашло президента ЛУКОЙЛа в Азербайджане. 23 января Алекперов дал пресс-конференцию, где заявил, что не вел серьезных переговоров с ОНЭКСИМом. Более того, информационное агентство «Интерфакс» сообщило о возможном картельном соглашении о совместной деятельности между «Газпромом», ЛУКОЙЛом и ОНАКО (компания, которую В. Черномырдин бережет от нефтяных «акул», но которой он был готов пожертвовать, чтобы избежать перехода Алекперова из газпромовского блока в потанинский).

Эксперты прогнозировали: на объединение ЛУКОЙЛ и ОНЭКСИМ скорее всего не пойдут, а вот некоторое сближение банка и нефтяной компании на почве приватизации «Роснефти» вполне реально. При сложившемся весьма хрупком балансе сил аукцион по продаже акций «Роснефти» способен качнуть маятник равновесия в сторону любого из трех претендентов. С этой точки зрения предстоявший аукцион представлялся аналитикам одним из центральных событий 1998 года.

Этот пример — одно из многочисленных свидетельств того, что власть, погрязшая в клановых предпочтениях, теряет авторитет у населения. Все видели, что единой власти в стране нет, что правительство состоит из алчных эгоистических группировок, действия которых направлены не на поиск стабильности и всесторонне обоснованных путей решения социально-экономических проблем общества, чего россияне ждут уже не один год, а на создание своих исключительных позиций, прежде всего в финансовых группах, для обеспечения своего успеха в предстоящих парламентских и президентских выборах.

1998 год начался и с обострения российско-чеченских отношений, показав, что чеченская проблема остается одной из самых серьезных для России.

Большой резонанс вызвало заявление министра внутренних дел А. Куликова, сделанное после нападения боевиков на Буйнакск, в намерении нанести превентивные удары по бандитским базам, где бы они ни находились, в том числе и на территории Чечни. Реак-

ция чеченской стороны была легко предсказуемой: М. Удугов заявил, что осуществление этих угроз будет означать начало новой войны. А. Масхадов официально заверил, что на «чеченской территории нет ни одной базы или иного объекта, где занимались бы инструктированием, тренировкой террористов и диверсантов». Напряженность в Чечне и вдоль ее границы нарастала. Дестабилизация обстановки в республике явилась официальной причиной того, что поездка российского президента в Чечню не состоялась.

Впрочем, здесь была и другая причина — значительное ослабление позиций А. Масхадова из-за длительного противостояния внутри руководства республики. Многие полевые командиры уже открыто выступали против президента Чечни, считая, что никаких особых заслуг перед Ичкерией у него нет и его лояльность к России не оправдана.

Чтобы сохранить стабильность внутри республиканского руководства, А. Масхадов уже передал часть своих полномочий Ш. Басаеву. И тот факт, что формирование нового чеченского правительства было поручено Ш. Басаеву, являлось очередным свидетельством того, что на политической арене Чечни демонстративно утверждалась фигура, известная своими мировоззренческими установками. Это, в свою очередь, не могло не вызвать болезненную реакцию в Москве. Уже в начале 1998 года специалисты по чеченской проблеме предсказывали обострение отношений Москвы и Грозного.

И точно, переговоры вновь застопорились. Поездки в Чечню секретаря Совета безопасности И. Рыбкина и вице-премьеров О. Сысуева и В. Хлыстуна ничего нового не дали.

Сложные и противоречивые процессы проходили и в силовом ресурсе власти.

Военная реформа, которая должна была начаться в 1997 году, в начале 1998-го оставалась на той же точке отсчета. Это создало напряженную ситуацию в армии, которая вконец была деморализована нищенским содержанием, пренебрежительным положением военнослужащего в обществе, унижением достоинства офицера. И сколько бы ни говорили генералы — руководители Вооруженных сил о благо-

получном морально-политическом состоянии офицерского корпуса, истина в другом: нищий, лишенный достоинства и уважения офицер никогда не был и не может быть опорой власти.

Бесконечная чехарда реорганизаций, кадровых перемещений и замен в силовых структурах объективно ослабляла эти структуры, создавала у кадровых работников чувство неуверенности в перспективе своего существования и невостребованности профессионального опыта.

На этом фоне выгодно выделялись внутренние войска, которые все больше напоминали преторианскую гвардию. Совершенно очевидно, что их подготовка осуществлялась не для ведения войсковых операций против иностранных армий, а для защиты конституционного строя и территориальной целостности страны. Как это делал российский политический режим, показали события в Чечне. То есть сама армия, внутренние войска стали заложниками политических интриг, расчетов и интересов политиканов.

Обстановка, которая сложилась в России в начале 1998 года, будет неполной без анализа ее международной политики на тот момент.

После подписания договора о сотрудничестве НАТО и России Североатлантический блок начал движение к границам страны.

Методика поэтапного включения новых членов в структуры НАТО была проста. Основной упор делался на проведение совместных учений, а также на включение войск будущих стран НАТО в миротворческие контингенты ООН. Совместные учения проходили в непосредственной близости от российских границ — на Балтийском и Черном морях, на территории Турции.

Шла и экономическая интеграция Запада со странами, входившими в советское экономическое пространство. В частности, было принято решение: в ближайшее время наряду с пятью другими европейскими странами Эстония станет членом ЕС. Одной из главных причин расширения ЕС стал поиск новых рынков сбыта европейской продукции. А российские товары, в отношении которых ЕС, несмотря на многочисленные заверения о скорейшей интеграции России в систему

мировых хозяйственных связей, вел себя недружественно, могли лишиться в скором времени даже того невысокого спроса, который имелся в бывших социалистических странах Восточной Европы. Последнее решение антидемпингового комитета дополнить список из 14 российских товаров, ввоз которых в Европу был ограничен, лишний раз показывал, что законы рынка сильнее политических обещаний.

В январе 1998 года начальник генштаба югославской армии Момчило Перишевич высказался за вступление своей страны в НАТО. До тех пор Югославия была единственным государством в Восточной Европе, которое не только не стремилось в НАТО, но и не спешило присоединиться к программе «Партнерство ради мира». Таким образом, последний союзник России в этом регионе готов был встать в очередь на вступление в альянс.

16 января была подписана Хартия партнерства в сфере безопасности США и стран Балтии. Совсем недавно тремя этими странами были отвергнуты российские предложения о гарантиях безопасности. Но означало ли это полный крах планов Москвы относительно системы безопасности в Балтийском регионе? В тексте Хартии американцы выразили поддержку независимости, суверенитета и территориальной целостности Латвии, Литвы и Эстонии, однако не дали конкретных гарантий безопасности.

Конечно, нельзя было не учитывать и заинтересованность прибалтийских стран в экономическом сотрудничестве с Россией. Примечательно, что перед вылетом в Нью-Йорк президент Латвии сообщил журналистам: он направил письмо Б. Ельцину, в котором «изложил свои взгляды по вопросам латвийско-российских отношений, проблемам региональной безопасности и сотрудничества». Однако пока России не удавалось решать «балтийский вопрос» в нужном для себя направлении, а после подписания Хартии страны еще больше вошли в сферу влияния США. Тот факт, что проамериканские настроения в прибалтийских странах сильны, лишний раз подтверждалось избранием американского гражданина президентом Литвы.

Правда, в Европе не очень были довольны тем, что США слишком активно вмешиваются в ее дела. В гер-

манских политических кругах считали, что Хартия является отражением стратегического замысла США по отношению к наметившейся оси Париж — Бонн — Москва. Газета «Ди Вельт» писала, что если Франция и Германия слишком активно будут флиртовать с Россией, то США смогут выложить балтийские карты.

Тем временем Россия продолжала проводить «политику развития двусторонних связей со странами, имеющими в НАТО свое звучание». Министр обороны И. Сергеев посетил с официальным визитом Францию, где провел встречу с французским коллегой Аленом Ришаром, объявлено о его намерении посетить Бонн. Визиты знаменовали начало сотрудничества России, Франции и Германии. На 1998 год была запланирована совместная встреча лидеров этих стран.

Сумеет ли нынешнее правительство решить европейскую проблему и вернуться к традиционной политике российского государства «дружеского согласия» или не использует этот шанс для утверждения позиции России в Европе? Этот вопрос занимал умы политиков. От решения указанной дилеммы в значительной степени зависело международное положение страны в будущем. России нужны были союзники. Но это только одна сторона вопроса. Франция и Германия тоже нуждались в союзниках. Вопрос был в одном: каковы условия такого «согласия» и какие позиции в нем займет Россия.

Не меньшей сложностью и противоречивостью отмечались интеграционные процессы в СНГ.

Как показали события последнего времени, авторитет СНГ как дееспособной организации продолжал падать. В январе 1998 года относительно СНГ выступили президенты Узбекистана и Туркмении. И. Каримов высказался против усиления роли Содружества и превращения его в какую-нибудь серьезную военно-политическую организацию, а С. Ниязов заявил, что его страна не намерена более тесно интегрироваться с СНГ.

Президенты пяти государств Центральной Азии на экстренной встрече в Ашхабаде решили создать альтернативный российскому южный коридор для экспорта нефти и газа. Спустя шесть лет после распада СССР Туркменистан добился своей первой стратегической

победы: практически в срок был построен газопровод в Иран. Сооружение рассматривалось как первый этап газопровода Туркмения — Иран — Турция — Европа.

Позицию Туркменистана понять легко: обладая четвертыми по величине в мире запасами природного газа, страна из-за нехватки покупателей (от поставок газа в бывшие советские республики Ашхабад имеет больше хлопот, чем реальной прибыли) и, как следствие, отсутствия денег добывает газа в два раза меньше, чем в советские времена.

Ответом на инициативы центральноазиатских стран можно назвать экстренные поездки В. Черномырдина в Ашхабад и Душанбе, которые, однако, не принесли каких-либо ощутимых результатов. Решение газового вопроса было отложено до мартовского визита Б. Ельцина. Таким образом, Россия сама определенным образом заставляла Туркмению искать альтернативные пути. А в это время ведущие западные компании делали все возможное, чтобы нефть и газ республики поступали на мировые рынки энергоносителей в обход российских маршрутов.

Начало нового года ознаменовалось интенсивными военными контактами между Россией и Грузией. С 4 по 8 января в Тбилиси и других городах республики, где дислоцировались объекты Группы российских войск в Закавказье (ГРВЗ), побывала представительная делегация Минобороны РФ. Аналитики отмечали, что в последнее время по мере активизации российско-грузинских военных контактов и ряда «дружественных» уступок со стороны России притязания в Грузии на российские военные объекты росли. Все это происходило на фоне повышения активности внешнеполитических и экономических контактов Грузии с другими странами.

Январские переговоры показали, что Грузия не отказалась от своих притязаний на многие объекты ГРВЗ и потребовала компенсаций за эксплуатацию российскими военными объектами и вывезенной боевой техники. Решение проблемы было перенесено на более поздний срок, хотя все понимали: вряд ли спорные вопросы могут быть решены в пользу России, если ее ведущие политики и государственные деятели будут

продолжать игнорировать обеспечение национальной безопасности своей страны и укрепления ее геополитического положения.

22 января одно за другим состоялись заседания Высшего совета Белоруссии и России и Межгосударственного совета Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России. Лидеры «двойки» приняли общий бюджет и одобрили концепцию совместной оборонной и внешней политики, «четверка» договорилась проводить единую политику в установлении таможенных тарифов и акцизов, были утверждены основные принципы взаимодействия налоговых служб, одобрены соглашения о формировании транспортного союза и т.д. Принятые серьезные экономические решения были названы определенным прорывом во взаимоотношениях государств.

В то же время задавались справедливые вопросы, последует ли за этим конкретная работа по созданию рабочих механизмов, или все это, как и после мартовского 1997 года союза России с Белоруссией, начнет активно саботироваться, сдерживаться. Тем более что противников политического союза Россия — Белоруссия за этот период не уменьшилось.

Не смогло дать толчок для возобновления интеграционного процесса и предложение Н. Назарбаева реанимировать СНГ путем создания единого экономического пространства. В 1995 году его идея Евразийского союза была отвергнута Кремлем, в начале 1998 года предложенный Назарбаевым договор был отправлен на доработку при непосредственном участии президента России. Выступая на заседании, Б. Ельцин подчеркнул, что такой документ «должен работать на всю «четверку», а не на отдельные республики».

Прошедшая в конце января встреча Ельцин — Кучма дала повод для многочисленных заявлений о сближении между Россией и Украиной. Но реальная ценность этой встречи оказалась весьма низкой, так как основная проблема — экономическое сближение, формирование единого экономического пространства как основы российско-украинского сближения — на встрече так и не была решена.

Таким образом, и здесь, несмотря на кажущуюся активизацию российских политиков на просторах быв-

шего Советского Союза, пока не было достигнуто реальных результатов в области интеграции, а решение ключевых вопросов было отложено на более поздний срок.

Итак, новый, 1998 год не принес давно обещанной стабилизации. Наоборот, обострение кризиса стало очевидным даже для тех, кто возлагал на 1997 год в этом плане определенные надежды. Бюджет не выполнялся, налоги собирались крайне неудовлетворительно, неплатежи разрастались, государственных инвестиций практически не было, внешнеторговое сальдо сократилось. Вся финансовая система находилась на грани катастрофы. Сосредоточив усилия на погашении задолженности по пенсиям, денежному довольствию военнослужащих, зарплате федеральным чиновникам, правительство Черномырдина допустило громадную задолженность по госзаказам, которая оценивалась в декабре 1997 года в 50 триллионов рублей.

Злую шутку сыграл с российской экономикой кризис, произошедший на российском финансовом и фондовом рынках в конце 1997 года. По мнению специалистов Центра российских исследований Гарвардского университета, этот кризис в значительной степени был искусственно спровоцирован узким кругом руководителей ряда крупных финансово-инвестиционных групп США и их лондонских филиалов. Операция проводилась по модели «влияния на обстановку в странах, экономика которых ориентирована на западный вариант развития».

«Испытание модели», по предположению гарвардских аналитиков, имело целью сыграть на понижение акций американских корпораций, в кратчайшие сроки перехватить стратегическую инициативу у японских и восточно-азиатских финансовых центров, значительно увеличить свое присутствие на развивающихся азиатских рынках, а также ослабить главных конкурентов — ведущие инвестиционные структуры Японии. Кроме того, в ходе реализации своих планов ряд американских концернов и банков, используя падение котировок на фондовых рынках США и Юго-Восточной Азии, хотели проверить эффективность установленного к середине 1997 года контроля за российской финансовой системой со стороны Запада.

По результатам «эксперимента» констатировалось, что цели, поставленные американцами в марте 1996 года, полностью достигнуты. Была проведена своего рода репетиция мероприятия по снижению цен на акции ведущих топливно-энергетических предприятий России. Аналогичная операция, по мнению американских специалистов, возможна непосредственно перед приватизационными конкурсами, в которых инвестиционные банки Запада планировали принять активное участие.

В ходе операции по изъятию активов, принадлежавших американским компаниям, по неофициальным каналам высказывались «предложения» политическому руководству России по крайней мере до середины 1998 года сохранить А. Чубайса в правительстве, перенести конкурсы по продаже «Роснефти» и «Транснефти» на начало 1998 года, отказаться от участия России в освоении газовых месторождений в Иране. Американские эксперты отмечали, что финансово-экономическое положение России таково, что «достаточно сговора пяти главных менеджеров ведущих инвестиционных концернов Запада по изъятию с рынка ГКО-ОФЗ «еврооблигаций» на 8—10 миллиардов долларов из незакрепленных активов, чтобы экономика России рухнула за три-четыре дня».

Тезис «свидетельства интегрированности российской экономики в мировую» был признан ложным, так как российский рубль на мировом рынке официально не котировался, финансовое обеспечение российского экспорта производилось исключительно в иностранной валюте, в форме связанных кредитов из тех же финансовых институтов Запада, которые являлись основными участниками биржевой игры в России. Сложившаяся ситуация, по мнению политологов Гарвардского университета, могла быть улучшена только с увеличением иностранных инвестиций в производственный сектор российской экономики и изменением структуры экспорта.

Короче, 1998 год начался с предчувствия: должно произойти нечто неординарное. Ощущение большой чистки в верхах висело в воздухе. Удивление аналитиков вызвал тот факт, что намечавшийся на первую декаду декабря 1997 года отчет правительства перед

президентом был отложен почему-то на конец февраля 1998-го, а не на конец января, когда Б. Ельцин должен был вернуться из отпуска. Обращало на себя внимание и то, что с сообщением об этом выступил не президент, а премьер, который, кстати, заявил о предстоящем «расширенном заседании правительства» без всякого упоминания об участии в нем главы государства.

В этой связи отмечалось явное несоответствие между критическими оценками результатов деятельности исполнительной власти, высказанными Б. Ельциным в конце декабря 1997 года, и гораздо более оптимистическим тоном доклада В. Черномырдина на заседании правительства 8 января 1998 года. Премьер-министр прибег к испытанному приему придания взвешенности своему выступлению («самое замечательное из того, что было», «плюсовые экономические результаты», «в то же время», «темпы преобразований далеки от оптимальных»).

Он не преминул сделать упор на достижениях, допустив жонглирование цифрами. Так, руководитель правительства сравнил декабрь 1997 и 1996 годов для демонстрации увеличения по валовому внутреннему продукту на 1,2 процента, не упомянув оценку Госкомстата о том, что за весь год этот рост составил не более 0,4 процента. Ранее же со ссылками на западных экономистов широко рекламировался грядущий «экономический прорыв» и ожидавшийся рост ВВП на 2 процента. Выкладка главы кабинета министров о сокращении безработицы в 1997 году на 5,7 процента не давала никакого понятия об уровне занятости в стране в целом.

Говоря о предложенной премьером программе действий «Структурная перестройка и экономический рост», специалисты считали, что до конца февраля в ее осуществлении ничего не произойдет. Сама программа, кроме общих контуров, не была разработана. Утверждение бюджета Федеральным собранием и подписание президентом ожидалось не раньше середины февраля. Поэтому все разговоры главы правительства о предстоящих «институциональных преобразованиях», «социальной сфере», «инвестициях», «активной промышленной политике», «формировании эффектив-

ных собственников», «теснейшем взаимодействии с регионами» представлялись специалистам пустыми разглагольствованиями, носившими декларативный характер.

Вероятность перемен в правительстве в феврале 1998 года прогнозировалась аналитиками и с точки зрения сложившейся ситуации в высших эшелонах власти. В конце 1997 года российские правящие круги, убедившись, что оппозиция не смогла организовать «наступление трудящихся» и проявила нерешительность в объявлении вотума недоверия правительству, вплотную занялись выяснением отношений между противоборствующими элитными группировками. Этот конфликт «лоббистов», завязанных на те или иные коммерческие структуры, получил особую остроту в связи с предстоявшими конкурсами по приватизации привлекательных объектов госсобственности. Усиливался паралич аппарата власти.

Борьба велась с широким использованием методов интриг и компромата: «Президент всех россиян», стремясь по-прежнему находиться над схваткой, пока не смог остановить конфликт, наносивший значительный ущерб лично ему и интересам его семьи, авторитету власти и стране в целом.

Однако аналитики подозревали, что решения у Б. Ельцина, мастера сдержек и противовесов, зрели и, если здоровье позволит, видимо, будут воплощены до начала весны. Предсказать конкретные действия российского президента всегда было чрезвычайно трудно ввиду его импульсивности и спонтанности, которые впоследствии наиболее доверенным его лицам приходилось объяснять и оправдывать как проявление продуманной властной стратегии. Правда, потом многие из его близкого окружения сами становились жертвами таких «стратегических» решений. На деле, как считают многие аналитики, президент всегда находится под влиянием текущего момента и собственного настроения.

Схватка между Б. Березовским и рядом других представителей олигархического капитала, с одной стороны, А. Чубайсом и Б. Немцовым — с другой, которая наложила наиболее сильный отпечаток на общественное мнение во второй половине 1997 года, тем

не менее отражала далеко не все глубинные процессы в борьбе за власть и доступ к материальным ресурсам. Истинный расклад во властных структурах состоял в том, что В. Черномырдин осторожно и закулисно, а Ю. Лужков резко и открыто выступали против «молодых реформаторов», администрация президента — против всего руководства правительства в целом.

Казалось, премьер-министр умело воспользовался кризисом в интересах укрепления своего политического влияния. Информированные круги в России и на Западе усиленно обсуждали усилившиеся амбиции премьера, его контакты с левой оппозицией, а также с Б. Березовским. Последний продолжал оставаться одним из крупнейших игроков на российской политической сцене, обладал обширными связями и мощной системой подконтрольных средств массовой информации.

Увы, союз российских капиталистов, сформировавшийся в Давосе в 1996 году, начал распадаться. Это привело к возникновению еще более сложной и запутанной конструкции во взаимоотношениях между банками и властью. Финансовые группировки не захотели опираться на одного общего для всех лоббиста в госструктурах, а стали приобретать и продвигать своих. Появилась необходимость в новых кадровых перестановках.

Громкие отставки Б. Березовского, А. Казакова, М. Бойко, П. Мостового, оставление на своих постах с усеченными правами А. Чубайса и Б. Немцова, нестандартные назначения А. Починка и М. Задорнова (последний стал за период с 1992 года восьмым министром финансов) вовсе не разблокировали ситуацию и не уладили конфликт в правящих элитах. Дискредитированы оказались не только «молодые реформаторы», претендовавшие на статус образцовых деятелей будущей демократической России, но и вся система подбора и расстановки кадров, премьер и сам президент.

И ему не оставалось ничего, кроме как решиться на отчаянный шаг.

Глава 2

ЧЕРНОМЫРДИН БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН

Отставка за неделю до юбилея. — Третья либеральная революция? — Политический фон марта 98. — Осадить Думу! — Сведение счетов или что-то большее. — Ельцин и «партия власти». — Крах системы сдержек и противовесов. — Новый раунд борьбы за Кремль. — Странное поведение отставного премьера. — Отправка «в никуда». — Беседа в США с А. Гором. — По конфиденциальным каналам. — Почти как в детективе. — Зачем это президенту

Март 1998 года буквально взорвал плавное течение политической жизни России, прервав череду повседневности с привычными уже схватками пресловутых олигархов, кланов и группировок, переделом власти и собственности. Ситуация в стране была полна динамизма и неопределенности. Каковы явные и скрытые причины разразившегося правительственного кризиса? Почему отставка кабинета производилась столь тайно, без широкого обсуждения в политических и общественных кругах? Имеет ли предложенная президентом кандидатура С. Кириенко шансы на утверждение в Государственной думе? И если нет, то у какой из ветвей власти — исполнительной или законодательной — раньше сдадут нервы? В чем истинный смысл происходивших событий, которые кто-то из аналитиков уже успел окрестить «третьей либеральной революцией», и революция ли это вообще, а если нет, то что именно? Какие процессы скрывались под маской подчеркнуто показного общественного безразличия?

Этими и другими вопросами активно задавалась большая часть политизированной общественности.

Хроника событий, предшествовавших отставке правительства В. Черномырдина, выглядела так.

Президент в период болезни прочел до пятницы, 20 марта, следующие документы:

Служебную записку секретаря Совета безопасности И. Рыбкина о положении в Чечне. Вывод: с А. Куликовым успехов и сдвигов не будет.

Записку о фактическом создании В. Черномырди-

ным своего предвыборного штаба в офисе «Газпрома». Резюме: будет баллотироваться в президенты.

Материалы Счетной палаты о злоупотреблениях членов правительства и немотивированных бюджетных тратах.

Информацию о намерениях Госдумы 10 апреля объявить вотум недоверия правительству.

Конфиденциальную записку о неформальной встрече В. Черномырдина и А. Куликова. Якобы вели доверительный разговор о необходимости принятия жестких мер в экономике, пока президент не ведет активную работу.

О предстоящей отставке правительства знали: Т. Дьяченко, В. Юмашев, С. Ястржембский, Ю. Яров. Документы готовились в обстановке полнейшей секретности.

23 марта С. Кириенко занял кабинет А. Чубайса. Первыми посетителями нового премьера были В. Потанин и некоторые действовавшие министры. Вечером заглянули — в течение часа — А. Чубайс, Б. Немцов, Е. Гайдар.

По информации газеты «Сегодня» (25.03.1998 г.), предметом беседы были подбор и расстановка кадров. Новому премьеру якобы рекомендовали сменить А. Крупнова — руководителя Госкомсвязи, В. Лазуткина — главу Федеральной службы теле- и радиовещания, И. Лаптева — председателя Роскомпечати, отстранить В. Булгака от кураторства СМИ. Оставить: А. Круглова — Государственный таможенный комитет, А. Кудрина — Минфин.

В тот же день у С. Кириенко состоялись встречи с Е. Строевым (в прессе благоприятный прогноз о прохождении кандидатуры С. Кириенко в Думе), с Г. Селезевым (осторожный отзыв в прессе), с В. Юмашевым (информации нет).

24 марта президент провел на Старой площади совещание своей администрации. Присутствовали: В. Юмашев, все его заместители, помощники президента, А. Кокошин, Т. Дьяченко, начальники управлений администрации.

В выступлении президента содержалась критика отставленного правительства (похвалил только министра обороны И. Сергеева и министра иностранных дел

Е. Примакова), критика администрации: «Не все мне нравится в вашей работе. Особенно в отношении контроля. Нам надо создать такую обстановку, чтобы все знали, чувствовали, что невыполнение указов — это смерти подобно. Все. Сразу или пиши заявление, или просто уходи».

На совещании обсуждалась ситуация, возникшая после отставки правительства, роль администрации президента в формировании нового кабинета министров.

27 марта Б. Ельцин выступил по радио. Поблагодарив В. Черномырдина за шесть лет совместной работы, назвал его «верным соратником», подтвердил, что основная причина отставки — подготовка Черномырдиным президентских выборов 2000 года.

Далее Ельцин заявил о том, что будет предлагать Думе утвердить С. Кириенко премьер-министром. Молодость — не помеха. Президент сослался на свой опыт, когда в 28 лет был назначен на должность руководителя крупного строительного комбината. Однако подчеркнул, что помощь новому премьеру необходима. И в правительстве, и в Думе, и со стороны губернаторов. Заверил, что будет помогать и он сам, и его администрация. Заверил, что основные задачи правительства — своевременная выдача зарплат и пенсий, реформы в социальной сфере, забота об армии, здравоохранении, культуре. Необходимо также принятие ответственных управленческих решений для обеспечения выполнения задачи роста промышленного производства.

Большинство комментариев, сопровождавших отставку правительства В. Черномырдина, отличалось одним-единственным, но достаточно существенным недостатком. Эксперты ограничивали себя ситуационным анализом, пытаясь размышлять о мартовских событиях в контексте «кто все это устроил» и «кто кого переиграл». Это не могло не привести к оценочному субъективизму, когда на первый план вышли не долговременные процессы, протекавшие в российском обществе, а конкретные и во многом сугубо прикладные интересы различных группировок правящей политической и финансово-промышленной элиты. Споры нет, это важно. Но еще важнее осознать, что

любые крупные перемены, сколь субъективными и зависимыми от воли конкретных политических фигуратов они бы ни казались, все равно не могут не отражать неких глубинных, перспективных тенденций общественной жизни.

Поэтому глубоко правы те, кто не ограничивает предмет своего профессионального интереса анализом причин и последствий правительственного кризиса как такового, а рассматривает ситуацию шире — через призму эволюции всей нынешней российской государственности.

С другой стороны, у данной проблемы имеется и сугубо прикладной аспект, в рамках которого долгосрочные прогнозы представляются малопродуктивными: ситуация менялась буквально по дням, а порой и по часам. Налицо многовариантность выбора и его зависимость от множества обстоятельств, в том числе и стихийных. Разобраться в них трудно, тем более что стороны предпочитали не афишировать свои планы, действуя преимущественно в кулуарах.

И тем не менее определенные выводы аналитики делали уже сразу, по горячим следам событий.

Отставка правительства В. Черномырдина и последовавший за ней политический кризис, который многие специалисты оценивали как один из наиболее серьезных за весь постсоветский период, подвели черту под определенным этапом развития России.

Внешне ничего неожиданного не произошло. В феврале многим было ясно: что-то должно произойти. В марте из-за острого бюджетного кризиса, разразившегося в связи с резким — почти 40-процентным падением мировых цен на нефть, последовавшим сразу за не менее разрушительным обвалом фондового рынка, эта ситуация еще более усугубилась. Обращал внимание и характер поведения правительства, продолжавшего, несмотря ни на что, твердить об экономическом росте, хотя перспективы его, по крайней мере в 1998 году, по общему мнению, можно было считать похороненными.

Тем не менее отставки кабинета именно в тот момент не ожидал практически никто. Главным образом из-за того, что увольнение фигуры такого масштаба, как Черномырдин, требовало особых, экстраординар-

ных обстоятельств. А таких к концу марта, при всей остроте социально-экономических проблем, в России все-таки не было. Стоит ли удивляться, что драматические события последних двух недель марта породили новую волну сомнений в «адекватности» Б. Ельцина. Тем более, что фоном для них стали очередные президентские экспромты на международном уровне, свидетелями которых в ходе тройственной российско-франко-германской встречи в верхах стали представители большинства аккредитованных на ней «масс-медиа».

В высшей степени симптоматично, что от президента и его действий поспешили отмежеваться даже ближайшие его недавние соратники, а также некоторые «придворные» политологи, известные своей лояльностью режиму.

Так, бывший руководитель администрации президента РФ С. Филатов, к примеру, считал, что Б. Ельцин «ослабел», что ему на этот раз изменила никогда не подводившая его ранее интуиция, что решение об отставке правительства было непродуманным, поспешным экспромтом и по большому счету выглядело откровенным сведением счетов во властных структурах, что дальнейшие действия просчитаны не были, а сам президент производил впечатление «нездорового человека», который уже полностью выполнил свою политическую миссию (*«Московские новости», 5—12 апреля, 1998 г., № 13*).

Известный политолог, руководитель фонда «Политика» В. Никонов был убежден, что Б. Ельцин изменил себе самому, когда начал торг с парламентом и региональными элитами. Залогом успеха такой акции, как отставка В. Черномырдина, на его взгляд, могли стать только решительные и бескомпромиссные действия по реализации задуманного плана от начала до конца (*«Известия», 7 апреля, 1998 г.*).

Стало быть, либо плана просто не было, либо он оказался неадекватным сложившейся расстановке сил и дал серьезный сбой уже на ранней стадии реализации.

Спору нет: отставка правительства, а также то, каким образом она была осуществлена, выходила за рамки рациональных представлений о кадровой поли-

тике. Некоторые эксперты и телеведущие, например обозреватель ТВ-6 С. Кучер (*эфир от 5 апреля 1998 г.*), даже перевели свои рассуждения в плоскость психоанализа, прибегнув для этого к комментариям соответствующих специалистов. Свою лепту внесло и упорство президента, жестко настаивавшего на кандидатуре С. Кириенко, чей опыт работы в правительстве не превышал года, что у многих вызывало ощущение иррациональности происходившего. Впрочем, опыт предыдущего поколения «реформаторов» наглядно демонстрировал всю ограниченность рамок подобной твердости — «сдать» С. Кириенко могли в любую минуту.

Вероятнее всего, Б. Ельцин действовал по совокупности субъективной и объективной оценок — рост влияния В. Черномырдина и усиление кризисных факторов в экономике. Возможно, президентом были отмечены определенные негативные тенденции, угрожавшие стабильности режима и он принял превентивные меры воздействия. Однако аналитики не исключали, что Б. Ельцин и его администрация на определенном этапе эти тенденции, напротив, «проморгали», дав им укорениться. И глава государства сознательно пошел на нетривиальные действия, чтобы «взорвать» неблагоприятную для него ситуацию и обескуражить политическую элиту, жестко навязав ей собственную волю. Когда же этого не получилось, Б. Ельцин вынужден был вступить в торг, согласившись на ряд кадровых уступок — например, на предложение Г. Зюганова об участии представителей Совета Федерации и Государственной думы в работе так называемой «рабочей группы» по рассмотрению кандидатур в правительстве. На практике это означало бы готовность приступить к воссозданию разрушенной мартовскими событиями системы сдержек и противовесов.

Наконец, аналитики не сбрасывали полностью со счетов и вариант, при котором главной целью Б. Ельцина было решительное обновление политической элиты и «отодвигание» представителей «старой номенклатуры» — В. Черномырдина, Ю. Лужкова и Е. Строева. В пользу этой версии мог свидетельствовать глубокий раскол правящего класса и наличие

у каждого из перечисленных его представителей собственных президентских амбиций, что для Б. Ельцина было неприемлемо.

Аналитики левого толка усиленно муссировали достаточно проблематичную тему возможного заговора по отстранению Б. Ельцина его собственными соратниками.

По большому счету, все это неопровержимо свидетельствовало: впервые после президентских выборов 1996 года в стране складывалась принципиально новая политическая реальность, связанная не столько с изменением сложившейся расстановки сил, сколько со значительной, хотя и несколько искусственной активизацией всего политического процесса в целом. Из поствыборной ситуация превратилась в предвыборную.

Многим было очевидно, что новая избирательная кампания из ближайшей и труднопрогнозируемой перспективы превратилась в жесткую реальность, действовать в которой политической элите и рядовым избирателям придется по меньшей мере по 2000 год. Подтверждений тому было множество: резкая активизация перегруппировки различных политических и финансово-промышленных группировок, возрастание интенсивности маневров региональных элит, растерянность большинства фракций и групп Госдумы, так и не выработавших единых, скоординированных подходов к решению свалившихся на них проблем.

Непростые маневры осуществлялись и на аппаратном уровне. Развернувшаяся здесь борьба за ключевые позиции в новом правительстве протекала на фоне административной реформы, запущенной президентским решением о двукратном сокращении как самого кабинета, так и его аппарата.

Значительно возросла активность основных претендентов на власть из числа крупнейших финансово-политических кланов. Ряд известных политиков, в списке которых особняком стоял бывший премьер В. Черномырдин, открыто объявил о начале собственной избирательной кампании. Не менее масштабными обещали быть и апрельские события.

В повестке дня апреля значились съезды ряда крупных политических партий, включая НДР и ЛДПР, губернаторские выборы в Красноярске, думские —

в 197-м округе Москвы, где к тому времени первого серьезного успеха добилась одна из наиболее загадочных звезд на российском политическом небосклоне — генерал А. Николаев. От результатов развития этих событий во многом зависели как ближайшие, так и более отдаленные перспективы развития России.

Итак, первый и главный вопрос: чем руководствовался президент при принятии кадровых решений и какие политические силы проявили заинтересованность в подобном развитии событий — по признанию многих аналитиков, однозначного ответа не имел.

Скорее всего, утверждали они, своим увольнением В. Черномырдин обязан совокупности ряда факторов. На первое место выдвигалось отсутствие у правительства концепции продолжения реформ и новых идей по выводу экономики из кризисного состояния, что привело к его превращению в своего рода «пожарную команду», инструмент быстрого реагирования и затыкания «дыр». Вторым пунктом шло резкое ухудшение внешней и внутренней экономической конъюнктуры, усиление кризиса неплатежей, катастрофический рост задержек по пенсиям и зарплатам. Третьим — ослабление после осенних скандалов 1997 года влияния ключевых фигур правительства, которое не могло не сказаться на уровне его политической и общественной поддержки.

Аналитики выделяли и группу политических факторов. Это — внутренний раскол кабинета и откровенная борьба между его отдельными членами и групповыми интересами, которые существенно подорвали «командный» имидж. Это — усиление конфронтации с парламентариями, прежде всего по бюджетному вопросу: вынужденный компромисс, на который депутаты Госдумы пошли под давлением перспектив полностью лишиться рычагов контроля за исполнительной властью, нанес определенный урон их электоральным позициям, что не могло не отразиться на взаимоотношениях между различными ветвями власти. Наконец, это некоторое ухудшение позиций правительства на Западе, обусловленное фактическим отказом от компромисса с Вашингтоном в вопросе, вызывавшем там плохо скрываемое раздражение — о российско-иранском сотрудничестве в сфере ядерной энергетики

и строительстве АЭС в Бушере, а также личным участием в кампании давления на латвийские власти в вопросе о гражданских правах соотечественников.

Не осталось незамеченным, безусловно, и усиление президентских амбиций бывшего премьера, вызвавшее очевидное недовольство Кремля, усиленно подогреваемое ближайшим окружением Б. Ельцина. Поводом для этого, в частности, послужил мартовский визит В. Черномырдина в США и переговоры с вице-президентом А. Гором. Показательно, что большинством средств массовой информации, как американских, так и российских, они анонсировались как встреча двух будущих руководителей обоих государств. По свидетельству ряда СМИ (*«Коммерсантъ-Власть»*, 31 марта 1998 г., № 11), для доведения информации об этом визите до Б. Ельцина были задействованы каналы Службы внешней разведки России, предоставившей его дочери и советнику Т. Дьяченко соответствующие отчеты.

Кроме того, упоминалось и о планах по празднованию 60-летия В. Черномырдина, которые были преподнесены Б. Ельцину как «чрезмерно помпезные».

Некоторые аналитики полагали, что отставкой правительства участие «окружения», по-видимому, и закончилось: на завершающей стадии его планы дали сбой, что и привело к появлению кандидатуры никому не известного С. Кириенко. И по сей день существует мнение, что это кадровое решение скорее всего принадлежало самому Б. Ельцину, стремившемуся продемонстрировать всем, в том числе и соратникам, собственную самостоятельность, твердость и способность полностью контролировать ситуацию.

В доказательство этой версии приводятся три обстоятельства.

Во-первых, несовпадением интересов в самом президентском окружении. В. Черномырдин, превратившийся в фигуру, соизмеримую по своему политическому масштабу с Б. Ельциным, не мог не внушать определенных опасений президентской семье, которую все это время занимал вопрос — будет ли он вечно лоялен к президенту или в какой-то момент все-таки решится на собственную игру. Представители крупного бизнеса, в свою очередь, были озабочены способ-

ностью В. Черномырдина обеспечить преемственность власти и сложившиеся за последние годы правила игры, а также, судя по некоторым заявлениям Б. Березовского, его «избираемостью» как публичного политика.

По-разному рассматривались в этой среде и перспективы 2000 года. Вспоминали, к примеру, что вариант с выдвижением Б. Ельцина на новый президентский срок натолкнулся на сопротивление Б. Березовского: «Президент неизбираем!» — в то время как В. Юмашеву и Т. Дьяченко он импонировал как бы по определению.

Данная версия вроде бы подтверждается и дальнейшим ходом кадровых перестановок. Так, одним из первых, причем с нарушением закона о правительстве (предусмотренная данным законом процедура требует, чтобы представление кандидатов в состав правительства осуществлялось премьер-министром после его утверждения Государственной думой), было объявлено об утверждении в должности министра иностранных дел Е. Примакова, с которым, как известно, пытался активно соперничать С. Ястржембский. Вслед за этим начался активный сброс компромата на С. Кириенко в контролируемых Б. Березовским «Новых известиях», который сочетался с благоприятной оценкой будущих электоральных перспектив В. Черномырдина.

Таким образом, каждый из членов «ближайшего окружения» вел во многом собственную игру, а их интересы совпадали только в части отставки правительства, но отнюдь не новых назначений.

Во-вторых, в пользу самостоятельности решения президента свидетельствует и свойственный только ему импульсивный характер предпринятых действий, в частности, назначение самого себя и. о. премьера, в корне противоречащее как действующей Конституции РФ, так и упомянутому федеральному конституционному закону «О правительстве». В итоге соответствующий пункт указа об отставке кабинета (№ 281 от 23 марта) был отменен только под явным «внешним» воздействием, а новый указ по этому поводу вышел только через два часа и под номером 287.

И наконец, в-третьих, сам подбор кандидатуры никому не известного С. Кириенко явно осуществлялся

без советчиков. Показательно, что одним из главных аргументов в пользу этого решения оказались многократно упомянутая Б. Ельциным «неангажированность» нового и. о. премьера и его независимость от тех или иных соперничавших группировок. Понятно, что в тогдашних российских условиях это можно было считать как раз его слабостью, так как единственной опорой правительства в этом случае оставался Б. Ельцин. Поддержка его была важна, но она не отменяла необходимости прочных позиций в государственных, финансово-политических и партийных структурах, среди крупных хозяйственников и в региональных элитах. А это было проблематично.

По имеющимся в аналитических центрах сведениям, Б. Березовский, к примеру, активно лоббировал кандидатуру И. Рыбкина и даже не скрывал разочарования президентским выбором: «Так не договаривались!». А И. Малашенко, выражавший интересы группы «Мост» (В. Гусинского), поддерживал В. Булгака. Можно предположить, что С. Кириенко, ввиду своей несамостоятельности и недостаточного опыта, устраивал прежде всего саму президентскую семью, так как это повышало шансы как на новое выдвижение Б. Ельцина, так и на управляемость С. Кириенко в случае возникновения «нештатных» ситуаций.

Однако по этим же причинам его не поддерживал никто из пресловутых олигархов, большинство которых, от Б. Березовского до В. Потанина, одолевали собственные проблемы, связанные с поиском своего места в рамках новой расстановки политических сил. В качестве «крестного отца» нового «и. о.» иногда называют Б. Немцова. Однако против этой версии «работало» существенное ослабление его позиций в правительстве, не скрывавшееся даже его ближайшими помощниками.

Все это позволило аналитикам выделить три этапа развития мартовского правительственного кризиса 1998 года.

На первом из них явно просматривался «фирменный» почерк Б. Березовского. Помимо нашумевшего интервью («Итоги», НТВ, эфир от 22 марта 1998 г.), в котором в завуалированной форме фактически объявлялось о предстоявших переменах, назвав В. Черно-

мырдина «неизбираемым», обращает внимание и на ряд других обстоятельств.

Среди них — краткосрочный и явно приуроченный к этим событиям приезд Б. Березовского в Москву. Известно, что в тот период он проходил лечение в Швейцарии. Далее — ряд встреч, проведенных им с руководителем президентской администрации В. Юмашевым. И еще — мало кому известное, но от того не менее сенсационное заявление генерала А. Лебеда, сделанное им в Красноярске в начале марта. В нем практически открыто предсказывалась отставка В. Черномырдина, А. Чубайса и А. Куликова, а в дальнейшем — и Б. Немцова. Это вполне соответствовало появившимся слухам о возможной замене Б. Немцовым В. Юмашева, который, в свою очередь, якобы планировал сосредоточиться на новом томе президентских воспоминаний. Объект следующей атаки, по версии А. Лебеда, — Ю. Лужков. Аналитики обратили внимание, что выход этого интервью по времени совпал с возникновением «смычки» А. Лебеда с Б. Березовским, поддерживавшим генерала в его борьбе за пост красноярского губернатора. По имевшейся информации, в начале февраля по инициативе Б. Березовского даже состоялась встреча А. Лебеда с руководителем президентской администрации В. Юмашевым и Т. Дьяченко, на которой кандидат в губернаторы заручился необходимыми рекомендациями для поездки в США. А после «наката» ведущего аналитической программы «Время» ОРТ С. Доренко на соперника А. Лебеда — тогдашнего красноярского губернатора В. Зубова (*«Время», ОРТ, эфир от 11 апреля 1998 г.*), взаимодействие олигарха и генерала окончательно превратилось в «секрет Полишинеля».

Ну а потом произошла одновременная отставка А. Чубайса и А. Куликова, каждый из которых по своему не устраивал Б. Березовского. Первый — лоббированием интересов противостоявших Б. Березовскому бизнес-структур, а второй — якобы участием в сборе на него компромата, который осуществлялся в ходе Давосского форума.

Вместе с тем, по мнению аналитиков, было бы опрометчивым однозначно утверждать, что отставки В. Черномырдина добивался именно Б. Березовский.

Скорее речь идет о том, что последнего вполне мог озаботить ряд успехов банковской группы ОНЭК-СИМ, которыми та была обязана В. Черномырдину — поездка В. Потанина в США в составе «черномырдинской» делегации, перевод в ОНЭКСИМ счетов Государственного таможенного комитета и принятие заведомо неприемлемой для Б. Березовского схемы приватизации «Роснефти».

Рядом аналитиков в этой связи было высказано мнение об «антиберезовской» направленности данного альянса.

Однако не все так просто, утверждают другие наблюдатели. При непредвзятом подходе эти факты можно трактовать иначе. В самом деле, ОНЭКСИМ в последнее время достаточно тесно сотрудничал со многими структурами. Это не позволяло однозначно утверждать, что отношения В. Потанина и А. Чубайса находились на прежнем уровне. Логичнее предположить, что ОНЭКСИМ, лишившись прежнего прикрытия во властных структурах, стремился обзавестись новыми влиятельными партнерами. Что касалось отзыва счетов ГТК из ОНЭКСИМа с последующим назначением межбанковского тендера на их обслуживание, то он произошел еще до главных правительственных отставок. Наконец, приватизация «Роснефти» по системе «75» (продажа одним лотом 75-процентного пакета) была выгодна не только ОНЭКСИМу, но и «Газпрому», что указывало на то, что в данном случае лоббировались именно его интересы.

Все это позволяло полагать, что взаимодействие между В. Черномырдиным и А. Чубайсом носило стихийный характер и обуславливалось совпадением отдельных интересов. Что касается противодействия экс-премьера попыткам отправить его первого заместителя в отставку, то оно скорее объяснялось наличием в правительстве собственной системы сдержек и противовесов, одним из субъектов которой и выступал А. Чубайс.

Таким образом, первый этап мартовских политических действий подготовил почву для правительственных отставок.

На втором этапе, в ходе которого, по-видимому, принимались основные кадровые решения, в действие

вступило пресловутое «ближайшее» окружение — семейное. В результате этого правительственный кризис был искусно «довернут» до отставки ключевых фигур. В пользу этого свидетельствует и секретный характер подготовки кадровых решений: по имеющейся информации, пакет указов об отставках в правительстве не проходил через президентскую канцелярию и Главное правовое управление. В противном случае откровенных ляпсусов вроде самоназначения премьером можно было бы избежать.

Что касается третьего этапа, то на нем в полной мере проявился президентский экспромт: «преемником» В. Черномырдина был назван малоизвестный технократ, которого до этого небезосновательно причисляли к команде Б. Немцова.

Все это позволяет полагать, что в целом правы аналитики, утверждающие, что увольнение В. Черномырдина состоялось под сильным воздействием субъективных факторов — «ревности» Б. Ельцина, его подчеркнутой нетерпимости к любому соперничеству, а также психологической неготовности и нежелания передавать кому-либо власть.

Отправив в отставку правительство, Б. Ельцин добился одновременно решения целого ряда весьма принципиальных для него задач.

Прежде всего, и это самое главное, он подтвердил собственное лидерство и продемонстрировал решимость, которая, как он считал, могла пригодиться в 2000 году.

Б. Ельцин перехватил политическую инициативу, а также лозунги у народно-патриотической оппозиции в Государственной думе в преддверии намеченной на 9 апреля всероссийской акции протеста. Кроме того, было известно, что на 10 апреля планировалось заслушивание правительственного отчета перед Государственной думой об исполнении федерального бюджета 1997 года. По его итогам оппозиция собиралась вынести кабинету вотум недоверия. О том, что вопрос стоял достаточно остро, свидетельствовала и попытка принятия нижней палатой нашумевшего постановления, рекомендовавшего Генеральной прокуратуре изучить вопрос о привлечении В. Черномырдина и А. Чубайса к ответственности за «самовольное» осуществление

прошлогодного секвестра. Проект этого постановления в целом принят так и не был, но соответствующий запрос был направлен Ю. Скуратову за подписью пяти оппозиционных председателей комитетов Государственной думы — В. Илюхина, Л. Рохлина и других.

Президент добился существенного ограничения влияния МВД, которое при А. Куликове фактически превратилось в государство в государстве. В околоправительственных кругах поговаривали, что бывшему министру «вспомнили» его активное участие в изолировании группировки А. Коржакова — А. Лебеда в 1996 году, и на всякий случай «профилактывали». Об этом говорили и озвученные С. Кириенко планы реформирования этого министерства: основной упор, по его словам, предполагалось сделать на усиление органов следственного направления и органов по охране общественного порядка, а внутренние войска должны быть существенно сокращены.

С отставкой кабинета В. Черномырдина был дан старт административной реформе, положившей начало сокращению государственного аппарата — сначала правительственного, а затем и президентского. Кроме того, одновременно была осуществлена немислимая при В. Черномырдине децентрализация руководства правительством с переподчинением его президентским структурам. Это проявилось в том, что Б. Ельцин, с одной стороны, вернул себе непосредственное руководство силовыми ведомствами и МИДОм, а с другой — поставил остальную часть кабинета под контроль своей администрации. Показательным в этом плане было заявление А. Лившица, высказавшегося в том плане, что ему не привыкать «заносить хвосты» за «молодыми реформаторами».

План административной реформы, обнародованный Б. Ельциным в ежегодном Послании Федеральному собранию, в частности, предусматривал существенное сокращение численности и статуса аппарата правительства, превращавшегося в канцелярию премьера. Ключевыми претендентами на должность его руководителя были заместитель руководителя администрации президента Е. Савостьянов и вице-президент банка «МЕНАТЕП» В. Шахновский, ранее возглавлявший аппарат правительства Москвы.

Е. Савостьянова аналитики тоже относили к числу фаворитов, но его шансы после довольно неуклюжих действий в Нижнем Новгороде несколько уменьшились. Кроме того, с объявлением о выдвижении своей кандидатуры на президентский пост в игру включился и экс-премьер В. Черномырдин, который, как и следовало ожидать, лоббировал кандидатуру руководителя правительственного аппарата В. Бабичева, позиции которого в последнее время несколько укрепились. Серьезная реформа ожидала и само правительство, количество постов в котором, по-видимому, предполагалось сократить примерно вдвое.

С назначением С. Кириенко Б. Ельцин укрепил пресловутую систему сдержек и противовесов среди крупных банковских и финансово-промышленных структур, усилив тем самым их зависимость от власти.

Аналитики отмечали, что Б. Ельцину, по всей видимости, удалось мобилизовать свою поддержку «региональному фактору», о чем свидетельствовала активизация как самого Е. Строева, так и других губернаторов, а также ряд других обстоятельств, подробнее о которых будет рассказано в конце этой главы.

Было очевидно, что все эти действия в конечном счете направлены на решение ключевого вопроса — укрепление собственного лидерства и консолидацию вокруг себя всех наиболее влиятельных федеральных группировок. Необходимость в этом, на взгляд многих политологов, была обусловлена двумя обстоятельствами — «фактором» Думы, роспуск которой при отсутствии единства в исполнительных структурах оказался бы максимально затрудненным, а также неопределенностью планов самого главы государства в отношении 2000 года. Симптоматично, что заявление о «выпадении из выборов» все политологи расценили как носящее конъюнктурный характер. В случае, если раскол в «партии власти» и в ведущих финансово-политических группировках сохранялся, рассчитывать на выдвижение правящей элитой единого кандидата не приходилось. А это не оставляло «партии власти» иных альтернатив, кроме новой ставки на Б. Ельцина.

Специалисты в области политических технологий признавали, что определенного прогресса на пути дос-

тижения этих целей президент добился. Прежде всего, как уже отмечалось, с назначением на пост премьера С. Кириенко — а в том, что Дума в конечном счете его все-таки утвердит, сомнений было мало, — кабинет утрачивал самостоятельный политический статус, превращаясь в своего рода филиал президентской администрации. В определенной зависимости от доброй воли главы государства и его готовности к компромиссам оказывалась и народно-патриотическая оппозиция. Конечно, ее руководство пыталось вести собственную игру. Но ее корректировали действия президента.

Аналитики отмечали, что мартовские события 1998 года застали лидеров КПрФ и родственных ей депутатских групп врасплох, что они, собственно, и не пытались скрыть: и Г. Зюганов, и Г. Селезнев неустанно твердили, что, «разобравшись» с негодным правительством, президент перехватил инициативу и существенно ограничил пропагандистский эффект от возможного роспуска Государственной думы.

В целом по президентскому сценарию, хотя и с определенными оговорками, развивалось и противостояние вокруг кандидатуры С. Кириенко: согласительные инициативы депутатов принимались, но рамки компромисса жестко ограничивались второстепенными вопросами. Так, по совету Е. Строева, например, Г. Селезнев в ходе заседания Консультативного совета («четверки») даже не предпринимал попыток перейти к обсуждению альтернативных кандидатур на пост премьера, хотя коммунисты к этому явно готовились. Не принес положительных результатов и состоявшийся 7 апреля «круглый стол»: участвовавшие в нем стороны остались в итоге при своем мнении. Кроме того, понятно, что сам подбор названных Б. Ельциным кандидатур — Е. Строев, Д. Аяцков, В. Булгак и Ю. Лужков, — которые якобы рассматривались для представления на пост премьера, свидетельствовал о стремлении «столкнуть» между собой потенциальных претендентов на президентское кресло и отнюдь не подтверждал готовность Б. Ельцина к провозглашенному им «бесконфронтационному» году. Не исключалось, что президент все-таки готовился к выборам и наносил удары по всему спектру возможных конкурентов.

Тем не менее добиться максимальной «расчистки» политического пространства Б. Ельцину, на взгляд ряда наблюдателей, так и не удалось. Одна из причин — в «особой» позиции Совета Федерации, представители которого не преминули бы возможностью использовать разразившийся правительственный кризис для получения новых уступок со стороны центра. Чему, кстати, в немалой степени способствовала достаточно сервильная позиция главного куратора территориального управления администрации президента В. Митиной.

Другим фактором, судя по итогам голосования 10 апреля, становилось сопротивление Государственной думы. Показательно, что неожиданный отъезд Г. Селезнева в Намибию на заседание Межпарламентского союза, поначалу рассматривавшийся как капитуляция перед соратниками по КПРФ, не поддержавшими спикера на последнем пленуме ЦК, на самом деле обнаружил иную подоплеку. Г. Селезневу удалось провести решение о проведении следующего заседания Межпарламентского союза летом 1998 года в Москве. А это — в случае роспуска Думы и неучастия по этой причине российских парламентариев — создало бы Б. Ельцину достаточно негативный международный имидж.

Но основным препятствием на данном этапе для Б. Ельцина неожиданно оказался отставленный им экс-премьер В. Черномырдин.

События, последовавшие за его отставкой, во многом проясняли как логику, так и подоплеку весеннего политического кризиса 1998 года.

Выдвижение В. Черномырдиным своей кандидатуры на президентский пост и последовавшая реакция на это как самого Б. Ельцина, так и его окружения, по мнению наблюдателей, не только не запутало ситуацию, как об этом твердили некоторые газетные и телевизионные обозреватели, но, напротив, максимально ее прояснило, расставив большинство точек над «i» в истории взаимоотношений двух первых лиц государства.

Следуя логике этих наблюдателей, предпосылки к отставке В. Черномырдина существовали уже давно. К их числу в феврале и марте 1998 года добавились новые. Это — персональная ответственность по зар-

платам бюджетников с ежемесячным докладом по этому вопросу президенту, возложенная на тогдашнего премьера лично Б. Ельциным. Это — провал государственного визита В. Черномырдина на Украину, которому способствовала интрига с участием Б. Ельцина, Л. Кучмы, В. Пустовойтенко и Ю. Лужкова. Это — история с «реальным бюджетом», как бы рассчитанная на организацию лобового столкновения прежнего правительства с оппозиционными парламентариями. Сюда же можно отнести моральное поощрение губернаторов из числа членов НДР, поддержавших — вразрез с официальной линией движения — президентскую инициативу по отмене партийных списков, а также неоднозначность отношений бывшего премьера с Б. Березовским.

Наблюдатели исходили и из того, что решение об отставке главы правительства принималось отнюдь не в расчете на его последующее самостоятельное участие в политической жизни. В. Черномырдина явно отправляли «в никуда», причем по номенклатурному обычаю — с традиционным для таких случаев награждением.

Что касалось президентского поручения «заниматься выборами 2000 года», то оно явно отдавало пресловутым «двойным смыслом», было невнятным, расплывчатым и при желании, как справедливо отметило большинство экспертов, могло трактоваться сколь угодно широко.

В том, что президентская трактовка не предусматривала самовыдвижения экс-премьера, оказавшегося для Б. Ельцина совершенно неожиданным, неопровержимо свидетельствовала, по мнению наблюдателей, о нервозности первоначальной реакции Кремля. По имеющимся у них сведениям, администрацией президента вскоре была затребована видеокассета с записью интервью бывшего премьера 28 марта ведущему аналитической программы «Время» (ОРТ) С. Доренко. Да и сам В. Черномырдин после этого интервью выглядел несколько растерянным: первые разъяснения, появившиеся на следующий день, были достаточно путанными и к тому же анонимными — со ссылкой на неких «высокопоставленных» сотрудников администрации.

Официальная реакция последовала только на ис-

ходе вторых суток и исходила не от пресс-службы или соответствующих пресс-структур, а непосредственно от президента. Объяснение Б. Ельцина по В. Черномырдину выглядело неуклюжим и чрезмерно эмоциональным: он не прояснил поставленных перед экс-премьером новых задач и не определил характера их настоящих и будущих политических и личных взаимоотношений.

Наблюдатели также обращали внимание на то, что выдвижение В. Черномырдина оказывало воздействие на политическую ситуацию в России не только в долгосрочной, с прицелом на 2000 год, но и в краткосрочной перспективе. Правда, реальные шансы экс-преьера занять президентское кресло были достаточно проблематичны, хотя назвать их совсем уж незначительными также было нельзя.

По оценкам сторонников этого варианта, на руку В. Черномырдину играл его огромный политический и хозяйственный опыт, детальное знание всех нюансов и «приводных ремней» российской политики, прочной связи с представителями влиятельных политических и деловых кругов Запада и, прежде всего, Европы, а также опора на мощные политические, финансово-промышленные и отраслевые группировки, активно влиявшие на государственную политику России. Кроме того, В. Черномырдин трудно «сломать» компроматом: он достаточно информирован и имел немало возможностей для адекватного ответа.

Но в его позиции имелось немало и узких мест, а также проблем, с которыми он как кандидат неизбежно столкнулся бы в ближайшем будущем. Среди них: существенное сокращение — с увольнением с премьерского поста — административных ресурсов, недостаточное владение инструментарием публичной политики, неопределенность электоральных перспектив НДР как структуры подчеркнуто номенклатурного типа, возможность потери НДР статуса «партии власти». На эту роль, по имевшимся сведениям, рассматривалась коалиция мелких радикально-либеральных партий, опорным звеном которой, наряду с «Демвыбором России» могло оказаться только что тогда зарегистрированное «раскольником» НДР С. Беляевым объединение «Российский прогрессивный союз». Нельзя

было не учитывать и ограниченность предвыборного маневра: с одной стороны, было очевидно, что без критики президентского курса успеха на выборах не добиться, с другой — подобная критика осложнила бы отношения с Кремлем и могла бы сыграть роль «бумеранга».

В краткосрочной перспективе речь могла идти несколько о другом, а именно: о непосредственном влиянии В. Черномырдина на расстановку политических сил в стране и во властных структурах. Наблюдатели отмечали, что неординарность его действий поставила перед президентской командой ряд трудноразрешимых проблем.

Прежде всего констатировалось, что бывшему премьеру удалось сыграть «на опережение», перехватив инициативу в наиболее болезненном для Б. Ельцина вопросе — о возможности его выдвижения на третий срок. В результате этого президент оказался в ситуации «цугцванга» — когда каждый ход ведет к ухудшению позиции. В самом деле, опровергать В. Черномырдина, утверждая, что это его личная инициатива — значило публично признавать, что премьеру фактически указали на дверь. Не реагировать, делать вид, будто ничего не произошло — все равно что сдавать позиции. А вступить в конфронтацию — просто совершить электоральный фальстарт, публично «засветив» собственные амбиции.

Решение, принятое Б. Ельциным в ситуации, когда особого выбора у него не было, можно считать оптимальным. Объявив о том, что «выпадает из выборов», Б. Ельцин фактически подтвердил прежнюю позицию: «не выдвигаюсь, потому что это противоречит Конституции». То есть, если Конституционный суд это противоречие снимет, вопрос как бы автоматически вновь открывается. Кроме того, В. Черномырдину был нанесен ответный удар: ему напомнили первопричину вопроса — решение главы государства об отставке правительства. Тем самым было подчеркнуто, что появившиеся у него президентские амбиции — результат не его, а президентского выбора, который дал экс-премьеру очередное поручение и ждет от него соответствующего отчета. Тем не менее сути дела это не изменило: первый раунд президентской командой оказался проигран.

То же самое, хотя и менее явно, произошло и во втором раунде. Речь идет о жестком и — что немало важно — удачно мотивированном несогласии В. Черномырдина с возможным роспуском Государственной думы. С продолжением ее работы бывший премьер связал перспективу принятия в 1998 году Налогового, Бюджетного и Земельного кодексов, а также пакета социальных законов. Имелись все основания полагать, что позиция В. Черномырдина существенно повлияла на изменение тональности президентской стороны и начало прямого диалога с парламентариями.

В этой ситуации нельзя было полностью исключить и возможного повторного сближения Б. Ельцина и В. Черномырдина: некоторые достаточно информированные наблюдатели и эксперты, например, бывший пресс-секретарь президента В. Костиков, указывали, что кандидатура экс-премьера теоретически могла быть внесена в Государственную думу в третий раз, после двух отклонений С. Кириенко; нашлись бы и соответствующие объяснения этой комбинации-рокировки, например, невозможность удаления из кабинета иным способом А. Чубайса и А. Куликова, отставка которых неизбежно послужила бы поводом для атаки на власть со стороны различных финансово-политических группировок. Высказывались предложения «осадить» Думу, не допустив вынесения прежнему правительству депутатского недоверия, а также оптимизировать структуру, состав правительства и его аппарат в рамках предложенной концепции административной реформы и т.д.

Однако развитие ситуации по данному сценарию многим экспертам представлялось в целом маловероятным, так как это фактически означало бы не только косвенное признание Б. Ельциным своего поражения, но и существенно осложнило бы ему участие в выборах 2000 года. Тем самым из наиболее активного субъекта российской политики он фактически превратился бы в «хромую утку» — так в США называют уходящего президента, чья власть ограничивалась датой инаугурации преемника. Эти и другие обстоятельства позволяли убедиться в том, что избранная президентской стороной тактика «зачистки» предвыборного пространства на данном этапе успехом не увенчалась:

в лице В. Черномырдина президент столкнулся с опытным и искушенным в кремлевских интригах, а потому крайне осторожным и не склонным к авантюрам политиком, опирающимся на поддержку ТЭКа и других могущественных финансово-политических структур. Причем показательно, что еще на дальних подступах к избирательной кампании экс-премьер фактически определил ключевое направление выстраивания своего имиджа: образу «ниспровергателя и разрушителя» в лице действовавшего президента как бы противопоставлялось стабилизирующее, «созидательное» начало. Кстати, германисты отметили прецедент, вспомнив одну из кампаний по выборам в бундестаг ФРГ в середине 80-х годов, которую Г. Коль вел под слоганом: «Этот канцлер внушает доверие!»

По мнению политологов, В. Черномырдин вел себя на удивление грамотно. В том же первом интервью «Итогам» после отставки им были даны тонкие оценки потенциальным конкурентам. Например, про Ю. Лужкова: «Верю в его порядочность — говорил, что Москва ему дороже и выдвигаться в президенты не будет».

Однако первые самостоятельные ходы В. Черномырдина, сделанные им в публичной политике вслед за отставкой, отнюдь не гарантировали столь же успешного продолжения. Невооруженным взглядом было видно, что экс-премьеру, при всех его сильных сторонах, на выборах — в случае неучастия Б. Ельцина — будут противостоять мощные и к тому же обладавшие определенными исполнительными и законодательными полномочиями фигуры Ю. Лужкова и Е. Строева.

А теперь — взгляд со стороны. Как комментировали, чем объясняли отставку правительства В. Черномырдина западные аналитики и эксперты?

В статье московского корреспондента английской газеты «Файнэншл таймс» К. Фрилэнд (*«Файнэншл таймс», 24 марта 1998 г.*), на второй день после сенсационного события, отмечалось, что предпринятые президентом России «экстраординарные шаги вылились в наиболее драматические перемены с момента конфронтации между Кремлем и парламентом в октябре 1993 года». Идеологией Б. Ельцина является власть, которую он стремится консолидировать. Ни-

что иное — банковские войны и тому подобное — не может объяснить его нынешнее поведение — говорилось в публикации. Президент вновь продемонстрировал царский подход.

«Ввергнув Россию в политический хаос, — писала журналистка, — Б. Ельцин вновь поставил себя в центр наиболее важной игры — поиск будущего президента России. Стареющий, болеющий и находящийся в середине своего президентского срока, когда-то всевластный глава Кремля пришел к выводу, что интерес к нему все более снижается, а страна фокусирует внимание не на нем, а на его потенциальных преемниках. Даже не обладающий харизмой (мягко говоря) В. Черномырдин начал брать на себя независимую политическую роль и выглядеть в глазах некоторых наблюдателей как один из наиболее вероятных преемников Б. Ельцина».

Теперь одним махом Б. Ельцин избавился от своих соперников, считала «Файнэншл таймс». Газета задавалась вопросом, какое это будет иметь значение для России. Раньше Б. Ельцин, несмотря на личные недостатки, был на правой стороне исторического развития. «Теперь, когда коммунисты повержены, важнейшей задачей страны является то, как обеспечить переход от первого героического поколения антикоммунистов к более нормальной политике демократии». Наиболее драматичным видом преемственности стала бы смерть стареющего Б. Ельцина на нынешнем посту. В обычных обстоятельствах власть на непродолжительное время должна перейти к премьер-министру до новых выборов. Но если премьерство окажется в руках молодого человека со слабыми полномочиями «исполняющего обязанности премьер-министра», то ситуация становится неясной. Говоря о новом выдвиженце Б. Ельцина, «Файнэншл таймс» отмечала, что «С. Кириенко является зеленым политиком, не имеющим независимой властной основы».

Формально Б. Ельцин утверждает, что бывший премьер отправлен в отставку, чтобы «сконцентрироваться на политических вопросах подготовки к выборам». Однако наиболее вероятным результатом, как полагала английская газета, будет «ссылка В. Черномырдина в политическую Сибирь». Президент лишил

его политической базы, которая делала вероятной возможность прохождения его кандидатуры на выборах. «С ослаблением позиций В. Черномырдина, которое может оказаться для него фатальным, Б. Ельцин вновь стал королем и распорядителем престолонаследия».

Одна из версий, имеющих хождение в России, отмечала «Файнэншл таймс», сводится к тому, что чистка правительства была задумана и проведена в жизнь Б. Березовским, одним из наиболее влиятельных магнатов России, близким к семье президента. Если это так, то Б. Березовский наконец-то свел счеты с А. Чубайсом и одновременно убрал из правительства В. Черномырдина за то, что он пошел на сближение с «молодыми реформаторами». Кажутся удивительными такие «византийские» оценки, продолжает К. Фрилэнд, но указанные аргументы фигурируют и в аналитических материалах западных инвестиционных банков.

Другая точка зрения сводится к тому, что Б. Ельцин действительно расчищает путь к президентству более молодым людям, среди которых «Файнэншл таймс» называла Б. Немцова и Г. Явлинского.

Возможно, в этом и состоит гений Б. Ельцина как политического тактика, что он в одночасье успешно инспирировал диаметрально противоположные интерпретации происшедшего. «Тактика сработала, — заключала английская газета. — Б. Ельцин бесспорно контролирует текущий момент. Что касается вопросов долгосрочной стабильности, то отставка правительства вызывает беспокойство».

Любопытно, что эта публикация не получила освещения со стороны ИТАР-ТАСС и других российских информационных агентств.

24 марта, в день появления цитируемой выше статьи в английской «Файнэншл таймс», депутат Государственной думы России А. Коржаков беседовал с одним из западных экспертов. Бывший начальник Службы охраны президента, входивший в круг особо доверенных лиц, проработавший с ним дольше, чем другие, заявил, что он не припомнит случая, когда Б. Ельцин что-либо тщательно и заблаговременно планировал. А. Коржаков, по-прежнему обладавший своими каналами получения информации с высшего уровня, был

убежден, что решение об отставке правительства России было спонтанным и окончательно принято не раньше чем в субботу, 21 марта.

По наблюдениям бывшего телохранителя президента, особенностью характера Б. Ельцина является то, что «ему надоедают одни и те же лица». Срабатывает фактор недоверия и подозрительности к различным сговорам за его спиной. Негативной информации такого рода из самых различных источников о любом представителе своего окружения у Б. Ельцина предостаточно.

Стратегии сбалансированной работы с различными элитными группами у президента не было и нет. Преобладает тактика «кадровой чехарды», возложения ответственности за просчеты власти в целом на конкретных людей с тем, чтобы отсрочить принятие кардинальных общегосударственных решений. Это выдается задним числом за гений создания схем сдержек и противовесов. На деле же, по словам А. Коржакова, на первом месте у президента находятся инстинкт самосохранения, сиюминутное стремление подчеркнуть и укрепить личную власть, гипертрофированное мнение о безграничности собственных полномочий.

Состояние здоровья Б. Ельцина оценивалось А. Коржаковым как постоянно ухудшавшееся. Президент старел, он устал, работоспособность весьма ограничена, участились периоды депрессии и мнительности.

Мнения некоторых аналитиков о «почетном» (с награждением орденом и возложением важного политического поручения) отстранении В. Черномырдина как элемент его «раскрутки» в качестве потенциального преемника Б. Ельцина на посту президента, судя по всему, лишены оснований. Бывшему премьеру, который в последнее время стал демонстрировать излишнюю самостоятельность, была уготована участь постепенного ухода в небытие, как это случалось со многими яркими фигурами в прошлом. А. Чубайс, несмотря на заверения Б. Ельцина об обратном, был кандидатом «на заклятие» ввиду непрекращавшегося социально-экономического кризиса в стране с осени 1997 года — до удобного момента, который наступил в марте 1998 года. А. Куликов стал жертвой своей близости к В. Черномырдину и участвовавших фактов

проявления неверия в стабильную будущность Б. Ельцина.

Восхождение С. Кириенко на политическом горизонте связывалось бывшим руководителем охраны президента с тем, что круг непосредственного общения Б. Ельцина уже давно стал весьма узок. Важное значение имел тот факт, чтобы та или иная фигура «глянулась» президенту и его семье. В ходе нескольких контактов с Б. Ельциным этот выдвиженец Б. Немцова из Нижнего Новгорода пришелся по нраву своим подобием и служебным рвением. С. Кириенко умеренно амбициозен, не лез в большую политику, демонстрировал равноудаленность от кремлевских кланов и ведущих финансово-промышленных групп, не способен был на тот момент вести свою игру в обход вышестоящих предписаний, короче говоря, управляем.

А. Коржаков полагал, что, возможно, у С. Кириенко есть определенное политическое будущее, однако на тот момент он мог выполнять лишь переходную роль, которая ему была предписана. Не исключалось, что он «сгорит» уже в самое ближайшее время, поскольку Госдума будет взвешивать перспективы утверждения ею неопытного и неискушенного во властных интригах главы кабинета министров с риском конституционного роспуска парламента. Б. Ельцин в зависимости от температуры общественных настроений также мог дать обратный ход и выдвинуть на роль премьера более приемлемую для различных противоборствующих сил фигуру, например, Е. Строева.

Снова обратимся к западным источникам. В зарубежной прессе, в отличие от российской, было опубликовано немало интригующих подробностей, связанных с отставкой В. Черномырдина.

Сообщалось, например, что с лета 1997 года постепенно формировалась система латентных противоречий между Б. Ельциным, В. Черномырдиным и Ю. Лужковым. Иерархия таких противоречий к середине марта 1998 года выглядела следующим образом: Б. Ельцин — В. Черномырдин, В. Черномырдин — Ю. Лужков, Б. Ельцин — Ю. Лужков. После отставки В. Черномырдина ситуация резко изменилась: ключевым, латентным противоречием стало противоречие между президентом и Ю. Лужковым.

Б. Ельцин всегда подозрительно относился к своим ближайшим сподвижникам. Особенно после ухода А. Коржакова. И это в полной мере относилось к В. Черномырдину и Ю. Лужкову. По некоторым конфиденциальным сведениям, отрицательная установка у семьи Б. Ельцина по отношению к В. Черномырдину и Ю. Лужкову сложилась еще весной 1994 года. В этом роковую роль сыграл якобы А. Коржаков.

Согласно западным источникам, начиная с сентября 1997 года, подозрение со стороны Б. Ельцина, мнительность которого в связи с его болезнями порой становилась маниакальной, начало возрастать. В конце декабря Б. Ельцин спровоцировал В. Черномырдина на активизацию его личных политических амбиций. В отношении Ю. Лужкова была избрана другая тактика — аппаратное игнорирование. Президент сознательно держал дистанцию в своих взаимоотношениях с Ю. Лужковым.

В марте окончательно стало ясно, что В. Черномырдин попался в расставленную для него ловушку. Он потерял присущую ему осторожность, которая позволяла ему долго избегать подводных политических рифов. Именно из ближайшего окружения В. Черномырдина активизировалась в марте информационная волна по поводу кардинального ухудшения здоровья президента. Бурную, но бестолковую деятельность развил избирательный штаб В. Черномырдина под руководством В. Бабичева. Резко изменился и сам В. Черномырдин: он перестал себя контролировать на заседаниях правительства, на встречах с представителями деловых кругов стал вести себя как единственный хозяин в стране. В качестве доказательств приводилось заседание правительства 12 марта, мартовское же заседание «круглого стола» по инвестициям с участием 50 руководителей западных корпораций. Утверждалось, что В. Черномырдин форсировал подготовку документов по приватизации «Роснефти», фактически не скрывая своей заинтересованности по поводу победы «Газпрома» на этом аукционе.

Во время своей мартовской поездки в США премьер провел конфиденциальные переговоры с вице-

президентом А. Гором о перспективах «постельцинского периода». А. Гор недвусмысленно подтвердил точку зрения американской администрации о ставке на В. Черномырдина.

В этой интерпретации снятие В. Черномырдина весьма напоминало специальную секретную операцию, где было заранее предусмотрено все: и поездка премьерера в США, и конфиденциальная беседа с вице-президентом.

В субботу, 21 марта, премьер по возвращении из США был принят Б. Ельциным. Для президента важно было прошупать В. Черномырдина в контексте наличия у него каких-либо форс-мажорных задумок. Хотя, по рассказу премьерера, разговор был тяжелый, тем не менее каких-либо особых угроз для себя он в нем не усмотрел. Свидетельством этому является то, что ни в субботу, ни в воскресенье никто из конфиденциального окружения В. Черномырдина (Петелин, Бабичев, Гуслистый, Марков) не знал о готовившемся «черном понедельник» по разгрому премьерской команды.

Вечером 22 марта состоялось специально анонсированное выступление Б. Березовского в «Итогах». После чего он спешно покинул Россию. Вечером того же дня руководитель президентской администрации В. Юмашев позвонил С. Кириенко и под надуманным предлогом пригласил его назавтра утром в Кремль.

По мнению западных обозревателей, С. Кириенко был выбран Т. Дьяченко и В. Юмашевым исходя из вполне определенных соображений: именно он был оценен семьей как максимально управляемый человек. Даже пресс-секретарь президента С. Ястржембский был исключен из этого процесса. Таким образом было подготовлено самое «семейное» правительство в истории России XX века.

В понедельник 23 марта в восемь часов утра Б. Ельцин был в Кремле. К этому времени В. Юмашев уже проинформировал С. Ястржембского о готовившейся операции.

Б. Ельцин позвонил В. Черномырдину, который в это время собирался выезжать в Белый дом, и распорядился срочно, не заезжая в правительственную

резиденцию, прибыть в Кремль. Ничего не подозревавший премьер приехал к президенту и здесь услышал о своей отставке. Соответствующий указ был уже подписан.

К вечеру 23 марта кабинеты В. Черномырдина и руководителя его секретариата В. Петелина были опечатаны.

Премьер не понял истинных мотивов своей отставки, отсюда некоторая неадекватная реакция с его стороны, в частности, заявление о том, что он будет баллотироваться на президентских выборах 2000 года. Вторая ошибка: 28 марта он записался на прием к президенту.

Однако отставка была только первым шагом на пути замышлявшейся полной дискредитации бывшего премьера. Вторым крупным шагом, как утверждали зарубежные телеканалы, должно было стать установление контроля семьи над «Газпромом», валютные поступления которого в 1997 году составили 60 процентов бюджета страны, а в 1998 году ожидалось и вовсе 80 процентов.

Вторым по значимости событием 23 марта стала отставка вице-премьера и министра внутренних дел А. Куликова. Судя по всему, генерал тоже не сразу понял, за что его увольняли.

На Западе назвали несколько причин. Во-первых, быстрое сближение между А. Куликовым и Ю. Лужковым, которое усилилось в течение нескольких последних месяцев. Во-вторых, личные амбиции самого генерала, который якобы считал, что при определенных обстоятельствах он сам может баллотироваться на пост президента в 2000 году. Третья причина: А. Куликов так и не смог войти в доверительные отношения с Б. Ельциным. Президент якобы периодически возвращался к подозрениям, что министр внутренних дел мог стать одним из важных связующих звеньев между Ю. Лужковым и В. Черномырдиным, в результате чего мог образоваться опасный триумvirат.

С учетом данных факторов, а также в контексте концепции «тотальная опора на лично преданных лиц» Б. Ельцин снял А. Куликова с поста министра внут-

ренных дел и вице-премьера правительства. Буквально через несколько дней после выхода указа началась передача тяжелого вооружения из внутренних войск МВД в армию, состоялось назначение С. Степашина министром внутренних дел, перетряска кадров в МВД.

Причины отставки правительства В. Черномырдина, заметно поменявшей расстановку сил во власти, занимали центральное место и в тематике исследований аналитических центров России. Что для них было общим? Прежде всего, вывод о том, что политические итоги замены прежнего кабинета министров на временное правительство провальны для Кремля и компрометировали власть. В течение трех недель президент не мог добиться утверждения нового премьера, а значит, его решение от 23 марта было плохо продуманным и совершенно не просчитанным экспромтом.

Скомпрометировано правительство. Оно в одночасье исчезло в самый тяжелый экономический момент. Твердые и как бы обнадеживающие слова президента о том, что отставка кабинета «не означает смены курса нашей политики» на самом деле свидетельствовали о дальнейшем падении в пропасть. Созданная за предыдущие пять-шесть лет экономическая система по своей сути такова, что в ее рамках невозможны никакие «мощные рывки», и заведомо утопичной являлась задача преодолеть «отставание в социальной сфере».

Более того, поскольку к рулю экономики Б. Ельцин решил поставить вместо «газовика» В. Черномырдина представителя «нефтяного лобби» С. Кириенко (а нефтяники, воспользовавшись этим, немедленно пролоббировали указ о снижении налогов на добычу и экспорт нефти), то ни о каком реальном приоритете социальной политики не могло быть и речи. Такие решения способны лишь приблизить секвестр бюджета со всеми вытекавшими последствиями.

Рядом аналитиков отмечалось, что пропагандистские формулировки для президента были почерпнуты его окружением из прозвучавших в начале марта 1998 года критических высказываний, сделанных главой группы «МФК — Ренессанс», американским финансис-

том Б. Йорданом на международной конференции «Инвестиции в России и СНГ». Наскоки Б. Йордана на правительство вкупе с состоявшимся в то же самое время блиц-визитом в Россию небезызвестного финансового магната Дж. Сороса уже тогда вызвали у ряда экспертов подозрения, что крупные деловые круги России и зарубежья, заинтересованные в приватизации «Роснефти», могут предпринять попытку сговориться и, с целью ослабления стартовых позиций «Газпрома», выбить кресло из-под российского премьера. Незадолго до своей отставки В. Черномырдин подписал выгодную «Газпрому» схему приватизации «Роснефти» (75 процентов акций + одна), после чего банковское сообщество было объективно заинтересовано убрать «Газпром» из числа претендентов.

Еще одним мотивом явилось стремление вывести из игры В. Черномырдина, который политически усилился и стал претендовать на роль самостоятельной политической фигуры.

Анализируя развитие правительственного кризиса, ряд политологов обратил внимание на существенное различие между отношением политической элиты к указу президента № 281 от 23 марта 1998 года, встреченному с одобрением или пониманием в стране и за рубежом, и к ближайшим последствиям этого события — назначению на пост и. о. премьера С. Кириенко, вызвавшему неодобрение со стороны как правительственного чиновничества, так и ведущих российских политиков.

Решение Б. Ельцина действовать в духе принципа «кто был ничем, тот станет всем» элита поняла, видимо, как симптом нового поворота в политической судьбе самого президента, как признак того, что Б. Ельцин стремится все более дистанцироваться от поиска широкого согласия и опереться на маргинальные группировки, готовые верой и правдой служить прихотям президента.

Кроме того, высказывания Б. Ельцина относительно сокращения аппарата в два раза, беспричинные угрозы Думе, эксцентричное поведение во время встречи с Колем и Ж. Шираком дали повод к тому, что чиновничья и политическая Москва вновь заговорила

о состоянии здоровья президента и его все более неадекватном поведении. За этими разговорами, по мнению политологов, маячила реальная угроза фактической изоляции Кремля. Такая экспертная оценка вытекала, по-видимому, из отмечаемой в последнее время трансформации политической роли президента. Как самостоятельный политический игрок Б. Ельцин явно демонстрировал свою несостоятельность, что нашло свое выражение в постепенном сосредоточении президента на выполнении главным образом представительских функций.

Вместе с тем принятое В. Черномырдиным решение баллотироваться в 2000 году на пост президента РФ интерпретировалось большинством аналитиков как свидетельство того, что чиновничество стремилось не допустить участия Б. Ельцина в следующих президентских выборах.

По мнению экспертов, в апреле не следовало ожидать серьезного политического кризиса, если утверждение в Думе кандидатуры С. Кириенко на пост премьера, даже после согласований за «круглым столом» 7 апреля, вызовет определенные трудности. Большая часть думских фракций не была готова к досрочным выборам и потому вряд ли будет конфликтовать с президентом. Самое большее, на что могла пойти Дума, это ужесточить условия торга с президентом за утверждение кандидатуры главы кабинета.

Сценарий разрешения правительственного кризиса начал благополучно реализовываться с момента выражения президентом согласия на обсуждение вопросов формирования кабинета министров в рамках «круглого стола». Сама готовность президента к компромиссу и проведение первой такой встречи вызвали видимое облегчение среди парламентариев. Эксперты прогнозировали, что участники «круглого стола» путем согласительных процедур решат проблему персонального состава правительства и тем самым сохранят свое «политическое лицо».

Не исключалось, конечно, сохранение внешней драматичности торга. Так, и. о. спикера Госдумы В. Рыжков подчеркнул, что пятница, 10 апреля, будет полностью посвящена обсуждению программы правитель-

ства и кандидатуры С. Кириенко. Одновременно лидер фракции НДР А. Шохин выразил мнение, что кандидатура С. Кириенко в Думе с первого раза не пройдет.

Участники «круглого стола» не скрывали удовлетворения самим фактом проведения встречи, хотя разошлись, оставаясь каждый при своем мнении.

Об эффективности «круглого стола» и других ельцинских мероприятий можно было также судить по откликам, которые пошли из рядов системной оппозиции. Главный вывод: медленно, но постоянно усиливалось давление на В. Черномырдина, особенно после его заявления о намерении баллотироваться на пост президента России и недвусмысленного проявления обиды в адрес Б. Ельцина по поводу своей отставки.

Представители ряда оппозиционных партий и движений, в особенности думской фракции КПРФ, практически не скрывая, праздновали чуть ли не свою безусловную победу. Они публично предлагали кандидатуры в будущее так называемое правительство «народного доверия», даже называли своего кандидата на пост главы кабинета министров. По мнению своих же аналитиков, они совершали непреднамеренные ошибки. Например, в качестве кандидата на пост премьера был предложен В. Булгак. С точки зрения коммунистических аналитиков, тем самым какие-либо шансы этой и других фигур оказались подорваны.

Естественно, никакого правительства «народного доверия» в самом обозримом будущем не могло быть. Для Б. Ельцина крайне важно было нанести удар по потенциалу В. Черномырдина. И «согласительные» заседания, включая встречу за «круглым столом» 7 апреля, он использовал, чтобы продемонстрировать свою готовность проявлять «конструктивизм» в отношениях с оппозицией. Этот шаг выглядел тем более существенным с учетом того, что руководитель аппарата кабинета министров и доверенное лицо бывшего премьера В. Бабичев также планировал пойти на более тесное взаимодействие с коммунистами после отставки В. Черномырдина.

Другим направлением нажима на экс-премьера ста-

ло отсечение его от собственного круга властной элиты. Глава администрации В. Юмашев, например, из тактических соображений подключил к подготовке правительственной программы для С. Кириенко некоторых людей, входивших в близкое окружение В. Черномырдина.

И наконец, началась плотная работа с Р. Вяхиревым, чтобы отдалить его от В. Черномырдина. Впрочем, лидер «Газпрома» особо и не сопротивлялся.

Сам же В. Черномырдин оказался не готовым к резкой смене декораций. Почти каждый день он в штаб-квартире НДР встречался с большим количеством людей, давал пространные и не совсем убедительные интервью, демонстрируя свое «хорошее настроение».

Некоторые аналитики полагали, что поведение В. Черномырдина отличалось от замысла, родившегося в недрах семьи Б. Ельцина — с почетом отправить бывшего премьера в политическое небытие. Правительство формировал отнюдь не выходец из Нижнего Новгорода. Более того, ходили слухи, что он вообще практически был выключен из решения существенных вопросов. В этом убедились олигархи, которые в течение всех последних дней не вылезали из Белого дома.

Наблюдатели также отмечали, что финансово-промышленные группы продолжали нервничать по отношению к команде Ю. Лужкова. Это было связано с тем, что неопределенность вокруг столичного мэра сохранялась, несмотря на его многочисленные заявления об отсутствии амбиций за пределами Москвы.

Фамилия столичного мэра никогда не исчезала со страниц российской прессы. Мартовский правительственный кризис 1998 года усилил внимание к его персоне. Все наблюдатели обратили внимание, что одновременно с отставкой В. Черномырдина определенные действия — для поддержки равновесия — были приняты в отношении Ю. Лужкова. Среди них — направление его на празднование 50-летия Государства Израиль в Иерусалиме, воспринятое российской общественностью по меньшей мере неоднозначно, а также вручение знака «Заслуженный строитель РФ», осуществленное демонстративно, на фоне награждения

остальных участников торжественной церемонии высокими государственными наградами.

Одновременно произошло ослабление позиций остальных потенциальных конкурентов Б. Ельцина, включая Г. Зюганова и Г. Явлинского. Это обстоятельство привело аналитиков к выводу о том, что главной причиной правительственного кризиса явилось стремление президента укрепить свои личные позиции накануне нового избирательного цикла. Большинство действий, предпринятых Б. Ельциным, были единодушно расценены экспертами как неопровержимое доказательство того, что принципиальное решение о новом президентском сроке им скорее всего уже принято, но по понятным причинам пока не разглашается — не пришло время. Наблюдатели обратили внимание и на то, что очень многие действия Б. Ельцина — от его выступления в МИДе до дебюта в Интернете — удивительно напоминали начало избирательной кампании.

Если решение о новом сроке действительно принято, то, приходили к единому мнению политологи, все поступки президента, включая увольнение В. Черномырдина и силовое «продавливание» через Думу С. Кириенко, выглядели вполне органичными звеньями единого плана, реализация которого рассчитана на достаточно длительную перспективу. И второй вывод: правительству С. Кириенко вряд ли уготована долгая политическая судьба. Практически ни у кого не было сомнений, что выдвижение Б. Ельцина на третий срок будет сопровождаться чередой громких политических «жертвоприношений». А отсутствие у нового поколения «молодых реформаторов» серьезной опоры в деловых кругах лишит их политической самостоятельности и сделает заложниками любого изменения предвыборной конъюнктуры.

Дальнейшее развитие событий показало правоту прогнозов относительно судьбы и самого С. Кириенко, и его министров.

Уже тогда высказывались догадки: кто бы ни пришел в правительство после В. Черномырдина, поле деятельности нового кабинета будет сильно ограничено. У него будет одна нагрузка — обеспечивать защи-

ту правящего клана и служить финансовым «карманом» для президентских выборов. В таком контексте Б. Ельцину нужен был не премьер, а порученец.

Дополнительным подтверждением тому, что Б. Ельцин не намеревался передавать новому премьеру ключевые бразды правления, служил его указ, предполагавший возвращение в непосредственное подчинение президенту руководителей «силовых» ведомств, Минюста и МИДа, которые до того «замыкались» на главу правительства. Главой государства даже рассматривался вопрос о сосредоточении под его контролем всей системы управления стратегическими ядерными силами (СЯС), что предполагало изъятие пресловутых «ядерных чемоданчиков» у министра обороны и начальника Генерального штаба. Понятно, что в этом случае решение о применении СЯС принималось бы президентом единолично.

Сбросив полуофициального преемника, президент, очевидно, полагал, что заморозил ситуацию, устранив соперников, и получил передышку. Но в России существовала гласность!

Г. Явлинский в интервью радиостанции «Свобода» 29 марта подверг критике ту атмосферу во власти, которую культивировал Б. Ельцин. Он высказался категорически против участия родственников и членов семьи в качестве политических советников. Он вообще против такого способа реализации власти, который приводит к тому, что наступает глубокий моральный кризис в обществе. Это, по словам Г. Явлинского, не демократия, это не гражданское общество, это — Византия.

Сергей Филатов, бывший глава президентской администрации, не понаслышке знавший кремлевские нравы, писал в «Московских новостях»: «Когда по телеканалам и в прессе настойчиво стали убеждать, что Виктор Степанович начал успешное шествие в президенты России, мне стало ясно: скоро мы распрощаемся с Черномырдиным как с премьером. 23 марта все и рухнуло... Все это походило на результат борьбы различных околоскремлевских группировок, имевших свои наработки, ни одна из которых так и не получила желаемого завершения» («Московские новости», 1998 г., № 12).

Между тем Б. Ельцин, встретившись 27 марта с журналистами после переговоров с Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, в присутствии гостя счел нужным заявить, что уже определился по кандидатуре нового премьер-министра. Он предложит Государственной думе утвердить на этот пост С. Кириенко, который в то время являлся исполняющим обязанности председателя правительства. Соответствующее официальное письмо главы государства было направлено парламентариям.

Накануне этого события Б. Ельцин подписал закон о федеральном бюджете на 1998 год. Наблюдатели усмотрели в этом желание президента снять «бюджетный вопрос» до того, как в Думе начнется обсуждение кандидатуры на пост главы правительства. Что же касается бюджета, то многие эксперты считали его нереальным. В частности, советник президента А. Лившиц не исключал того, что, как и в 1997 году, бюджет-98 будет подвергнут секвестированию. Негативная внешняя экономическая ситуация и рост социальных долгов скорее всего приведут к увеличению дефицита федерального бюджета.

Заявляя об официальном выдвижении кандидатуры С. Кириенко на пост главы правительства, Б. Ельцин в угрожающем тоне предупредил о возможном роспуске Думы. Такой сценарий был возможен в том случае, если президент будет настаивать на выдвинутой кандидатуре, а парламентарии троекратно проголосуют против.

Это породило множество комментариев относительно дальнейшего хода событий. Между тем С. Кириенко проводил консультации с парламентскими фракциями по вопросам формирования правительства. При этом он упорно отказывался вести разговор о возможном персональном составе кабинета министров, о своей команде. Консультации сводились к выяснению позиций ведущих политических сил относительно будущего экономического курса страны. В этом плане тоже не было ясности, поскольку президент и его новый выдвиженец говорили о преемственности курса прежнего кабинета министров — среднесрочной программы, «12 главных дел», разработанных при В. Чер-

номырдине и одобренных Б. Ельциным. В то же время в ходе консультаций возникал вопрос об экономической программе претендента на пост главы правительства.

В прессе появлялось много довольно противоречивых сведений о том, кто же готовил содержательную часть выступления С. Кириенко на пленарном заседании в Думе. Назывались фамилии А. Аганбегяна, Л. Абалкина, Н. Петракова, А. Илларионова. «Коммерсантъ-дейли» (1. 04. 98) после проведенного собственного расследования утверждала, что на самом деле этой работой занималась экспертная группа под руководством Е. Ясина. В нее входили Е. Гайдар и его заместитель по Институту проблем переходного периода А. Улюкаев. Некоторые эксперты предполагали, что фамилия Е. Гайдара в качестве соавтора очередного «нового курса» российского правительства не вызовет положительных эмоций у большинства депутатов Госдумы. Сам же С. Кириенко на вопрос об авторстве программы, с которой он выступил в Думе, заявил, что писал сам, так как не привык работать с чужими текстами.

Из думских фракций о твердом намерении поддержать кандидатуру С. Кириенко заявили только депутаты от ЛДПР. Утверждение главы кабинета министров всегда является предметом торга между парламентом и президентом, Не стала исключением эта процедура и весной 1998 года. Руководители многих фракций выразили свое отрицательное отношение к высказываниям Б. Ельцина о возможном роспуске парламента в случае неутверждения кандидатуры С. Кириенко.

Фракция КПРФ, депутатские группы аграриев и «Народовластие» выступили с инициативой принять обращение парламента к президенту провести «круглый стол» по вопросу формирования правительства. В этом мероприятии, по их мнению, должен принять участие президент и ведущие политические силы. До его проведения президенту предлагалось отозвать кандидатуру С. Кириенко.

В процессе обсуждения этого вопроса в Думе 1 апреля последнее предложение было снято. Но большинством голосов обращение все-таки приняли. Президент, видимо, решил не выпускать инициативу из сво-

их рук. Как заявил 1 апреля пресс-секретарь главы государства С. Ястржембский, Б. Ельцин пригласил в свою загородную резиденцию «Русь» руководителей обеих палат парламента Г. Селезнева и Е. Строева, а также и. о. премьер-министра С. Кириенко и главу своей администрации В. Юмашева.

Итогом совещания «четверки» стало согласие президента на проведение «круглого стола» с руководителями думских фракций и представителями Совета Федерации. Это мероприятие состоялось 7 апреля.

Б. Ельцин сразу же дал понять, что не намерен обсуждать вопрос о формировании «коалиционного правительства», на чем уже давно настаивали коммунисты. Кроме того, он еще раз заявил, что на утверждение Думы будет вынесена единственная кандидатура на пост премьер-министра — С. Кириенко. Б. Ельцин заявил также, что предварительно обсуждались и другие кандидатуры — Е. Строева, Ю. Лужкова, В. Булгака, самарского губернатора Д. Аяцкова. Но по «сумме различных баллов» президента все-таки устроил именно С. Кириенко.

Как и предполагало большинство экспертов, с первого раза С. Кириенко не набрал нужного числа голосов в Думе. Не набрал и со второго. Противостояние нарастало, но Б. Ельцину все же удалось, хотя и с третьей попытки, буквально «продавить» кандидатуру своего выдвиженца.

Почему президент «зациклился» на кандидатуре С. Кириенко? Почему глава государства пошел на беспрецедентно жесткие действия в отношении парламента, отдаленно напомнившие начальный этап его противостояния в 1992—1993 годах со съездом народных депутатов и Верховным Советом? Чего он добился и что потерял?

Безусловно, своей исключительной настойчивостью он снова подтвердил бесспорное лидерство в политической элите и системе органов государственной власти. Б. Ельцин внес определенный раскол в ряды своих оппонентов из числа депутатского корпуса, большинство из которых, несмотря на громкие заявления, оказалось не готовым к «лобовому» противостоянию с исполнительной властью. Он добился

максимального обострения ситуации в лагере народно-патриотических сил: никогда за прошедшие годы проблема единства оппозиции не вставала так остро, никогда руководство КПРФ и ее думская фракция не подвергались столь интенсивному давлению и обвинениям в соглашательстве со стороны остальных политических сил.

Что потерял? Ряд недавних соратников главы государства — С. Филатов, В. Костиков и другие — не скрывали своего негативного отношения к последним событиям, усматривая в них как тенденцию общего ослабления режима, так и прогрессирующую неспособность президента в полной мере учитывать складывающуюся ситуацию. Отмечалась «ограниченность кадрового резерва» исполнительной власти и связанная с этим склонность к эксцентричным решениям, усилившаяся непредсказуемостью, а также тенденция к формированию «внеконституционных центров власти», ведущим из которых все более открыто называлась президентская семья. Говорилось даже о возможности формирования единого «антиельцинского фронта» в самой исполнительной власти, а также о том, что утверждения Думой кандидатуры С. Кириенко можно было добиться не только «лобовой атакой», но и «обходным маневром».

Политолог Л. Шевцова утверждала, что речь идет не о кризисе правительства В. Черномырдина, а о кризисе единственного в России центра власти — института президентства (*«Московские новости», 1998 г., № 12*).

По ее мнению, кризис президентства нашел отражение в неспособности этого института выполнять заданные ему функции — координатора, арбитра, толкача. Российское президентство построено как руль ручного управления. У него нет подстраховки в виде независимых институтов и самоуправления. Такая конструкция не может функционировать в давно переставшей быть монолитом реальности, где сталкиваются разнообразные интересы, которые уже нельзя координировать директивным порядком. Хаос в управлении, рост олигархии, коррупции — все это следствие ущербности самой конструкции. А безволие правительства — даже

не результат отсутствия воли у президента, а скорее естественное состояние органа, который не может иметь самостоятельности в рамках «президентской вертикали». Сложившийся режим способен воспроизводить только стагнацию, которая стала его средой обитания.

В начале 1998 года системный кризис углубился. Подтверждением стала досрочная предвыборная борьба, которая явилась отражением естественного стремления завершить период бесконечного ожидания, что стало сутью ельцинского правления. Президент перестал играть основную для властной конструкции роль арбитра. Отставка правительства и то, как это было сделано, говорит о повороте лидера к своеобразному абсолютизму.

По мнению Л. Шевцовой, тот факт, что кремлевский клан отказался от шадящего и устраивающего различные силы перехода к постельцинскому этапу через передачу части полномочий В. Черномырдину, говорит о многом. Этот шаг раскрывает намерения правящей группы и одновременно сужает для нее поле маневра. Обстоятельства отставки правительства свидетельствуют о взаимосвязанных вещах. Во-первых, «преемственность», но понимаемая весьма узко, отныне в политике центра будет доминировать над поисками стабильности и путей реформирования. Во-вторых, Кремлем взят курс на формирование семейно-корпоративной власти, что потребует особых средств ее обеспечения. Новая президентская «революция», по существу, означает попытку вернуться к ручному управлению, но в условиях, когда президент уже не может его осуществлять сам, и при неблагоприятном для Б. Ельцина балансе сил, когда даже значительная часть его сторонников хотела бы смены лидера. Отставка В. Черномырдина, игравшего роль ельцинского дублера, открывает новый этап нестабильности хотя бы потому, что прежний баланс разрушен.

Для преодоления стагнация, считает Л. Шевцова, необходимо сильное правительство, которое должно нести всю ответственность за экономический курс. Причем оно должно иметь и гарантии стабильности. Однако то, что сделал Б. Ельцин, имеет обратный

смысл: он превратил кабинет в придаток своей администрации.

По мнению Л. Шевцовой, восстановление роли лидера через сброс правительства лишь внешне может казаться проявлением силы. На самом деле предложенный публике спектакль ведет к девальвации президентства и усилению сомнений в способности Б. Ельцина адекватно реагировать на ситуацию. Вряд ли подобные методы самоутверждения помогут Б. Ельцину достойно завершить свою эпоху. Надеяться продлить ее за счет страха одних, чувства обреченности других, конформизма третьих — значит лишь признать ненадежность собственной позиции. По существу, президент сам создает для себя тупиковую ситуацию. И ему будет крайне сложно избежать финального унижения, которым всегда завершается правление лидеров, действующих по принципу «закон — это я» и считающих, что они могут обойти ловушки, которые любовно строят для других.

Наверное, все же более правы те исследователи, которые полагают, что суть событий марта — апреля 1998 года определяется совокупностью целого комплекса взаимосвязанных факторов. Среди субъективных факторов выделяют нежелание Б. Ельцина оставить власть. Правильно, есть такая слабость у нашего президента!

Но нельзя не видеть и объективных факторов, особенно такого ключевого, как возрастающая актуальность проблемы преемственности президентской власти в России. Если посмотреть на ситуацию под этим углом зрения, нетрудно заметить, что номинальными претендентами на президентство по-прежнему остаются фигуры, давно «засвеченные» на российской политической арене, — В. Черномырдин, Ю. Лужков, Г. Зюганов, Е. Строев, А. Лебедь, Г. Явлинский и другие.

Однако реальными кандидатами скорее всего выйдут первые двое, успешно аккумулировавшие наибольшее количество различных электоральных ресурсов — политических, финансово-экономических, социальных, властных, коммуникативных, региональных. Что касается остальных, включая и Г. Зюганова, то их потенциал многим специалистам представляется гораздо ниже.

Вряд ли есть сомнения в том, что Б. Ельцина ни одна из этих кандидатур — по тем или иным причинам — не устраивает. В. Черномырдина, Ю. Лужкова и Е. Строева, судя по заявлениям, сделанным в Японии, президент относит к поколению «пенсionеров». Кроме того, против них «работает» их «номенклатурное» прошлое. Г. Зюганов неприемлем для Б. Ельцина по идеологическим соображениям. А. Лебедь внушает страх своей «внесистемностью». В. Жириновский откровенно маргинален, а Г. Явлинский вряд ли сможет удержать ситуацию в стране под надежным контролем.

Поэтому, считают некоторые политологи, реальный выход из ситуации президент видит скорее всего в передаче власти «через голову» нынешнего поколения российских политиков следующему, сформировавшемуся уже в новых политических условиях. Причем если раньше — во времена Е. Гайдара, С. Шахрая и А. Чубайса — ставка на политиков «нового поколения» выглядела во многом стихийной, то сейчас, наверное, речь пойдет о четко спланированной программе действий, конечной целью которых является отстранение от власти представителей «старой» госпартноменклатуры.

Эта концепция подкреплялась следующими аргументами. Как человек, Б. Ельцин не может не проявлять озабоченность дальнейшими перспективами своей семьи, а как политик — тем местом, которое займет в истории. Следовательно, в данной ситуации особенно важен фактор преемственности: какие гарантии по каждому из указанных вопросов может предоставить главе государства тот или иной из потенциальных соискателей его кресла. Понятно, что «молодые», а точнее, «юные» реформаторы с этой точки зрения более надежны, поскольку не имеют прочных позиций в крупных финансово-промышленных и банковских группировках и не обременены перед ними какими-либо серьезными моральными или политическими обязательствами.

Красивая версия о любовном возвращении молодой правящей элиты для передачи ей власти лопнула в августе 1998 года вместе с отставкой С. Кириенко, на

«продавление» которого наверх пять месяцев назад президент затратил столько времени и усилий.

Так что же было подлинной причиной смещения В. Черномырдина и назначения «киндер-сюрприза» — нового премьера С. Кириенко? Может быть, все же победа «нефтяников» над «газовиками»? Не зря близкие в прошлом к Б. Ельцину говорили о незримых битвах в околосмоленских кланах, о замыслах которых не все, наверное, было известно и самому президенту. Вокруг проблем нефти между тем накручивались шекспировские страсти. О них и пойдет речь в следующей главе.

Глава 3

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

Нефтяной фактор Кремля. — Каспийский узел: геополитика и экономика. — США мечтают о контроле. — Как «приватизировали» море. — Его международный статус. — Конфликт стратегий. — Вытеснение России. — Дело в трубе, вернее, ее маршруте. — Только по нашей территории, иначе изоляция. — Мировой перекресток. — Планы отторжения Кавказа

Одним из последствий распада СССР стало изменение географических очертаний Российской Федерации. Она лишилась почти всех своих портов на Черном море, за исключением Новороссийска, утратила ряд стратегически важных портов на Балтике, оказалась отделенной от Европы новыми государствами, с которыми у нее складывались достаточно сложные, далеко не безоблачные отношения.

Так же непросто складывалось и кавказское направление внешней политики Российской Федерации: государства Закавказья не удовлетворялись отводимой им ролью «санитарного пояса», а зачастую становились проводниками американских, английских, иранских, турецких, ближневосточных, иных интересов и позиций. На этом фоне особенно ощутимо было противодействие экономическим и политическим интересам России со стороны западных государств на мировой арене в ближнем зарубежье. Изменение непосредственного международного окружения Российской Федерации ставило перед ней непростые задачи стратегического значения — надо было формировать новые отношения с бывшими советскими республиками в совершенно иных условиях.

Геополитические изменения на южных рубежах бывшего СССР значительно усложнили этнополитическую ситуацию в регионе Кавказа и Центральной Азии. Особое значение здесь, безусловно, имел фактор их географической близости со странами Ближнего и Среднего Востока. Наблюдалось и весьма значительное совпадение политических и экономических ин-

тересов, сходство идеологий, исторических, языковых, религиозных, культурно-этнических традиций. С падением «железного занавеса» мусульмане бывшего Советского Союза получили возможность возрождать и расширять культурные и религиозные контакты со своими единоверцами в государствах Ближнего Востока.

Государства СНГ, Ближнего и Среднего Востока в силу исторического, культурного и ментального сходства одинаково трактуют некоторые международные вопросы. Например, в обеих группах этих государств приоритет отдается коллективным правам наций, а не правам человека. Кроме того, можно отметить некоторое сходство политических систем большинства государств Ближнего Востока и СНГ, в основе которого — психологическая, политическая и идеологическая несовместимость различных социальных и политических групп, усиленная традиционным отсутствием в обществе парламентской культуры, привычной ориентации на конфликт, силу и т.д.

Вместе с тем между ныне независимыми республиками бывшего Советского Союза, его центрально-азиатским, закавказским и северокавказским регионами и государствами Ближнего Востока существуют значительные различия.

Достаточно напомнить хотя бы об обстоятельствах, предшествовавших созданию независимых государств на Ближнем Востоке и в СНГ. Широко известно о длительной национально-освободительной борьбе народов Ближнего Востока против османской, британской, французской колониальных империй. В ходе ее сформировались влиятельные массовые политические организации, популярные идеологи, харизматические лидеры, оформились идеологические течения ислама и национализма, которые оказали огромное воздействие на умонастроение и политическое поведение народных масс.

Ничего подобного не происходило в бывшем Советском Союзе, который и империей-то был весьма своеобразной. Будучи единым территориальным целым, СССР не имел метрополии в виде Русского государства, угнетавшего свою «периферию», да и сохранявшаяся зависимость государств СНГ от России но-

сит иную окраску, нежели отношения государств Ближнего и Среднего Востока со своими бывшими метрополиями. К тому же если Англия и Франция «вернулись» домой после распада своих империй, то России «уходить» после образования СНГ было некуда и потому — в силу географического и демографического факторов, значительных экономических и стратегических интересов — она не сможет дистанцироваться от своего исторического окружения. Иной вопрос, каким путем и с помощью каких средств Россия должна сохранить свое присутствие и влияние на всем постсоветском пространстве.

Конфликты на Ближнем Востоке привлекли к себе столь пристальное внимание США, стран Запада потому, что этот регион, по заявлениям политиков, входит в сферу их жизненных интересов, затрагивает их безопасность. Те же соображения определяют и подходы России к ряду конфликтов в стратегически важных для нее районах Центральной Азии и Кавказа.

Пока Россия закрывала свои границы с закавказскими соседями, Турция и Иран расширяли приграничные контакты. В 1998 году экономическое влияние России на Закавказье было сведено к минимуму. Это самоустранение — большая ошибка. Только военнополитическими средствами невозможно создать более или менее массовую социально-политическую поддержку Москвы. Было очевидно: если Россия будет игнорировать эти тенденции, интеграционные процессы приведут к созданию транспортно-экономического коридора Европа — Турция — Закавказье — Центральная Азия.

В новых международных условиях России заново приходилось выстраивать свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию в кавказском, каспийском направлении. Здесь особое, можно сказать, ключевое значение приобретал нефтяной фактор. Его значение определялось той ролью, которую он играет в обеспечении национальной безопасности Российского государства, в сохранении и укреплении влияния в Закавказье и в Каспийском бассейне.

Каспийский вопрос превратился в сложнейшую геополитическую проблему на территории бывшего СССР. Здесь переплелись интересы крупнейших госу-

дарств мира. Здесь находятся стратегически важные нефтяные месторождения и рыбные запасы. Отсюда пойдут имеющие жизненное значение для прикаспийских государств, в том числе и для России, нефтепроводы и газопроводы. В некоторых прикаспийских странах еще недавно шли войны, в некоторых еще могут вспыхнуть конфликты. Здесь столкнулись не только нефтяники и дипломаты, но и культуры, геополитические ориентации. Нефть прикаспийских государств может принести их народам не только богатство и прогресс, но и политические катаклизмы, войны и связанные с ними страдания. Статус-кво, по прогнозам экспертов, здесь сохранится не надолго. Вопрос только в том, кто изменит его и в чью пользу.

Россию может устроить только одно решение — активное политическое и экономическое присутствие на Каспии. У нее есть для этого права и возможности. Альтернативное развитие событий приведет к утрате ее политического влияния в регионе. За ним неизбежно последует экономическое вытеснение России. Сначала могут быть потеряны — и навсегда — рыбные запасы, затем неизбежны потери позиций в нефтедобыче.

Пожалуй, ничто так наглядно не демонстрировало конфликтогенные последствия развала СССР, «приватизационного» подхода к его наследию, как нескончаемые распри вокруг Каспия между бывшими союзными республиками, а после 1991 года — самостоятельными прикаспийскими государствами. Вопросы пользования Каспием, его ресурсами и пространствами изначально стали острой проблемой во взаимоотношениях новообразованных государств.

Прежде уникальное море-озеро омывало берега двух государств — СССР и Ирана. После 1991 года оно стало объектом притязаний и источником надежд на благосостояние уже пяти государств — России, Азербайджана, Туркмении, Казахстана и Ирана. Стало быть, и достижение каких-либо согласованных решений по любой из существующих вокруг Каспия проблем многократно усложняется, наталкиваясь нередко на взаимоисключающие интересы и позиции по одному и тому же вопросу. Это не значит, что сближения не происходит. Но происходит крайне медленно, в ущерб

экономическим интересам самих же прикаспийских стран.

Ситуация вокруг Каспия еще больше осложняется тем, что заботы о его судьбе и экономические интересы прикаспийских государств тесно переплетаются с интересами политическими, порой имеющими мало общего с проблемами собственно Каспийского моря. Особо интригующий характер ситуации придает чрезвычайная заинтересованность в каспийских делах Соединенных Штатов Америки, экономические структуры которой энергично вторгаются в страны региона. Более того, американские политики уже открыто заявляют о необходимости вывести из-под влияния России государства каспийского региона — членов СНГ.

Узел противоречий вокруг каспийской нефти давно перерос региональные границы, став одной из стержневых проблем современных международных отношений. Тем не менее существуют ключевые районы, положение в которых наиболее значимо для общего развития ситуации. К ним относится, прежде всего, Казахстан — главный геополитический центр Евразии и одновременно «мягкое предбрюшьё» России, — место контакта и конфликта цивилизаций, народов и рас, конфессий и культур. Именно разностороннее и эффективное воздействие на эту территорию станет залогом сохранения и укрепления российского влияния в Центральной Азии и в мире. Другой страной региона остается Азербайджан, противодействие которому рассматривается некоторыми аналитиками чуть ли не как основа российской политики на Кавказе. Объясняется это тем, что будущее российской государственности немислимо без сохранения реального влияния в регионах, которые традиционно считаются сферой жизненных интересов России. Нефть Прикаспия, при всей ее экономической значимости, не может рассматриваться сама по себе, вне главной политической задачи сегодняшнего дня — восстановления влияния России.

Главные проблемы кавказско-каспийского узла в 1996—1998 годах по-прежнему были связаны с перспективами нефтедобычи в регионе, с международными разногласиями по поводу статуса Каспия, региональными конфликтами, а также борьбой за выбор

маршрута транспортировки нефти в промышленно развитые страны.

Национальным интересам России отвечала только реализация плана транспортировки нефти в Европу по своей территории и нераспространение влияния НАТО на республики Закавказья и Казахстан. Альтернатива этому — изоляция России в ее новых границах.

Внимание к этим проблемам определялось не только сотнями миллионов долларов ежегодной прибыли за транзит нефти. С точки зрения внешней политики решение об основном маршруте транзита каспийской нефти во многом определяло будущее международных отношений в кавказском регионе, являющемся одним из самых приоритетных в российской внешней политике.

Нет ли здесь преувеличений? Действительно ли этот регион богат запасами «черного золота»? Не живем ли мы старыми советскими представлениями, когда все, что было связано с недрами родного Отечества, непременно ассоциировалось с неисчерпаемостью их дна?

Преувеличений нет. Хотя запасы углеводородов в Прикаспии оцениваются различными экспертами по-разному, все они сходятся во мнении, что на пороге третьего тысячелетия этот район реально может выйти на третье место в мире по добыче энергоресурсов — после Ближнего Востока и Сибири.

Крупнейшие региональные запасы нефти и газа сосредоточены на территории Казахстана и Азербайджана, а также на прилегающих к этим государствам территориях каспийского шельфа. Прогнозные нефтегазовые ресурсы региона оцениваются по нефти и конденсату в размере более 13 миллиардов тонн, по природному газу — более 6 триллионов кубических метров. Для сравнения: все разведанные нефтяные запасы России на начало 1997 года составляли 6,7 миллиарда тонн.

Однако стоит заметить, что технические параметры будущей каспийской нефти вызывают опасения у многих экспертов. Проекты становятся экономически уязвимыми из-за высокого процента содержания активного сероводорода, что требует дополнительного финансирования на дорогостоящие антикоррозийные

трубы при транспортировке нефти. Смолоасфальтовые вещества и парафинированность казахстанской нефти потребуют в перспективе разбавления или нагрева, а также строительства нефтеочистительного комбината.

Казахстан занимает 13-е место в мире по разведанным запасам нефти и газа. По различным оценкам, разведанные балансовые запасы нефти составляют 2,1—2,6 миллиарда тонн, газового конденсата — 0,71 миллиарда тонн, природного газа — порядка 1,7 миллиарда тонн. Большая их часть сконцентрирована в месторождениях Эмбинского и Мангышлакского бассейнов и Прикаспийского шельфа, составляя единое геологическое образование. Изыскательские работы ведутся международным консорциумом «Казахстанкаспийшельф». В его состав входят компании из США, Англии, Норвегии, Италии, Франции, Нидерландов. Общий объем инвестиций — 300 миллионов долларов. Добыча нефти предполагается с 2001 года.

Азербайджан также располагает значительными запасами энергоносителей и, следовательно, финансовыми возможностями для реализации своих политических планов. Общий объем прогнозируемых запасов углеводородов в Азербайджане составляет, по различным данным, от 2,6 до 5 миллиардов тонн. Практически все они расположены в Прикаспийской котловине и на прилегающих к ней территориях.

Руководство Азербайджана проявляет особую активность в продвижении проектов освоения каспийских нефтяных месторождений. Республика неофициально заняла роль лидера среди прикаспийских государств в формировании новой экономической политики в регионе. В настоящее время в стране разрабатывается 50 нефтегазовых месторождений, в том числе 14 морских. Наряду с этим выявлено еще 145 перспективных структур на шельфе Каспия.

Неудивительно, что каспийский шельф Азербайджана переживает настоящую экспансию со стороны западных нефтяных и финансово-промышленных гигантов, активно поддерживаемых правительствами своих стран. Их география широка — США, Англия, Италия, Франция, Турция. Десять японских компаний предложили реализовать в Азербайджане проекты

в области коммуникаций, связи, производства, строительных материалов.

Более того, официальный Токио принял решение об оказании Баку помощи «для развития экономического потенциала». С такой целевой программой Япония в отношении бывших советских республик выступила впервые. Предполагаемый объем первичных японских инвестиций в азербайджанскую экономику, если суммировать стоимость всех заявленных проектов, составил около 5 миллиардов долларов.

Между тем Каспийское море подвергается серьезным экономическим и технологическим угрозам. Их решение имеет поистине судьбоносное значение для всех прикаспийских государств. Из-за подъема уровня моря, происходящего в течение последних десятилетий, подвергаются затоплению прибрежные территории по обе стороны Каспия.

Еще в 1978—1979 годах началось неожиданное для большинства ученых повышение общего уровня воды в Каспийском море. Этот процесс приобрел особенно быстрые темпы с начала 90-х годов и с того времени продолжался по нарастающей. Уровень моря за 18 лет повысился более чем на 240 сантиметров. Наибольшей опасности затопления подвергаются берега Астраханской области, Ленкоранская зона, большая часть туркменского побережья.

Особенно катастрофически подъем моря проявил себя в Атырауской и Мангистауской областях Казахстана. Береговая зона продвинулась в направлении суши более чем на 70 километров. Только в Атырауской области затопленным оказалось более миллиона гектаров суши. Казахстан к середине 1996 года потерял территорию площадью 40 тысяч квадратных километров, семь нефтяных месторождений. Утрачено около 1400 пробуренных ранее скважин. Еще до 30 месторождений (а это около 700 действующих скважин углеводородного сырья, включая такие крупнейшие, как Тенгиз) и 800 километров трубопроводов, по которым экспортируется казахстанская нефть, находятся под прямой угрозой затопления. Высока вероятность того, что в нефтяные пласты вместе с водой попадут осадочные продукты и рентабельность скважин сведется к минимуму.

Затопление эксплуатируемых месторождений углеводородов ведет к дальнейшему загрязнению вод Каспия.

Тем же путем идет и Казахстан. Особенно наглядно пренебрежение к соблюдению экологических норм проявилось при подписании контракта с «Шевроном», когда экспертов Министерства экологии и биоресурсов на пушечный выстрел не подпустили к оценке этого соглашения. Серьезная экологическая оценка проекта не проводилась и при создании международного консорциума ККШ.

В особо опасном положении оказалась фауна Каспийского моря. Под угрозой гибели оказалось единственное в мире промысловое стадо осетровых. Продолжается мор рыбы. Сократилась добыча черной икры. Практически исчезла каспийская сельдь.

Оказавшиеся затопленными нефтяные скважины Казахстана грозят выбросом в акваторию Каспия нефти. А это, в свою очередь, серьезно угрожает уникальным запасам осетровых рыб, гнездовьям птиц, лежбищам тюленей. Требуются научно и экономически обоснованные программы действий, направленные на то, чтобы уберечь природу Каспия от негативного воздействия нефтеразработок. Однако политические баталии и нефтяной ажиотаж вокруг проблем межгосударственного раздела площади Каспия оттесняют на задний план неотложные проблемы экологии моря.

С прекращением существования СССР возникла проблема статуса Каспия. Дело в том, что Каспий — море закрытое, и потому в советские времена действовало равное и исключительное право прибрежных государств на морепользование. Только за ними, их организациями и гражданами признавалось право на осуществление судоходства, рыболовства, освоение минеральных ресурсов, ведение морских научных исследований и т.д.

Развал СССР вызвал острый вопрос: является ли сложившийся статус установленным раз и навсегда, независимо от трансформации первоначальных участников соответствующих международно-правовых актов и появления новых государств, или произошедшими геополитическими изменениями должны быть продиктованы новые подходы к статусу Каспия и использованию его ресурсов.

С юридической точки зрения постсоветские прикаспийские государства связаны существующим статусом не только в силу общих норм, устанавливающих обязанность государств подчиняться статусу пространств общего пользования, но также в силу того, что существующие акты СССР принимались от их имени и с их согласия как субъектов Советской Федерации. Согласно международному праву государства-правопреемники связаны обязательствами государства-предшественника по вопросам территории и пространств общего пользования. Здесь уместно напомнить о том, что государства, образовавшиеся на территории распавшегося СССР, в соответствующих актах обязались соблюдать международные договоры государства-предшественника. Однако не все так просто. Существуют явные различия в том, как новообразованные государства относятся к государству-предшественнику. У постсоветских режимов, возникших на территории бывшего СССР, были свои счеты к последнему, и явно избирательное отношение и к наследию, и к международным обязательствам Советского Союза.

Именно здесь возникла конфликтная ситуация, чреватая серьезными политическими осложнениями во взаимоотношениях между прикаспийскими странами.

Стремление одних государств установить свои особые права на определенные участки Каспийского моря расцениваются другими как односторонние действия, противоречащие действующему статусу Каспия. В прошлом статус моря был определен договором между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 года и советско-иранским договором о торговле, рыболовстве и судоходстве (мореплавании) 1940 года. В этой связи МИД РФ неоднократно заявлял, что «норм международного права, которые обязывали бы нас руководствоваться нормами морского права или делить Каспий на секторы, не существует». Однако проблема существует, и ее важнейшую подоплеку составляет стремление прикаспийских государств обособить «свои» ресурсные секторы без взаимного согласования и последующим приглашением для их освоения иностранных, преимущественно западных компаний в ущерб компаниям прикаспийских стран. Проблема как раз и оказывается в том, чтобы добиться согласо-

ванных подходов, основанных на взаимном уважении национальных интересов, чтобы изменение статуса Каспия проходило в упорядоченном русле.

Многие исходят из того, что Каспий следует считать открытым морским пространством, на который автоматически распространяются соответствующие статьи ООН по морскому праву 1982 года. Такова, в частности, позиция Азербайджанской Республики. Однако, как полагает российская сторона, уникальность Каспия этой Конвенцией не учитывается. Существующий статус был установлен, как уже отмечалось, на основе договоров и других международно-правовых документов двух прикаспийских государств СССР и Ирана. Он получил международное признание и обрел самостоятельное существование.

Аргументируя свою позицию, МИД РФ утверждает, что природные ресурсы Каспия являются общей собственностью прибрежных государств и поэтому лишь все они совместно могут решать вопросы, связанные с их эксплуатацией. Таким образом получается, что Россия добивается, по сути, права вето по любым каспийским проблемам. Кроме того, доказывается, что Каспийское море является закрытым не только в географическом, но и в политико-экономическом отношении, то есть любую деятельность в нем могут вести лишь прибрежные государства. В юридическом плане основу этой позиции ищут в договорах Российской империи, а затем Советского Союза с Ираном. В них действительно сформулирован особый, закрытый статус Каспия, а именно обозначены исключительные права России и Ирана на мореплавание. Ссылаясь на это, российский МИД утверждает, что участие приморских государств в эксплуатации каспийского шельфа неправомерно. Приморские же государства считают, что положения советско-иранских соглашений не обязательны для третьих стран, которые их не подписывали. И потом, в них речь не шла, да и не могла идти об использовании ресурсов морского дна.

Проблема состоит в том, насколько обязательны эти соглашения для новых прикаспийских государств, возникших после распада СССР. Действительно, они считаются правопреемниками СССР и в этом качестве

должны соблюдать все соглашения, ими заключенные. Однако этот принцип реализуется не автоматически.

В качестве аналога новые государства приводят такую параллель. Потребовались специальные решения законодательных органов Украины, Белоруссии и Казахстана о присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия. Ряд государств бывшего СССР заключили между собой особое соглашение, в котором конкретизировали свои обязательства по Договору об обычных вооруженных силах и вооружениях в Европе. Далее, и это новым прикаспийским государствам представляется самым главным, любой международно-правовой документ фиксирует определенный баланс интересов, складывавшийся в определенное время в определенной геополитической обстановке. Как только этот баланс меняется, юридические обязательства теряют свою силу либо де-юре, либо де-факто. Россия, например, в последнее время сама добивается пересмотра весьма существенных положений Договора об обычных вооруженных силах, ссылаясь на изменившуюся после распада СССР стратегическую обстановку. Поэтому новые государства Каспийского бассейна вправе задать вопрос о применимости для них тех или иных положений документов более чем полувековой давности в принципиально новой международно-политической реальности. Наконец, любой участник любого международного договора может выйти из него, если сочтет, что последний не отвечает его интересам.

Далее доказывается, что к Каспийскому морю, не имеющему каналов сообщения с другими морями, не применимы ни положения Конвенции по континентальному шельфу, ни положения Конвенции ООН по морскому праву, относящиеся к открытым морям. Это спорно. Как и то, если бы пришлось договориться, что природные ресурсы Каспия представляют собой общую собственность. В этом случае Иран или любое другое каспийское государство получило бы право диктовать России в будущем линию поведения в освоении нефтяных и иных ресурсов, например, на шельфе вблизи Астрахани.

Прикаспийские страны могут договориться, что

море является «закрытым». Но, как отмечают некоторые эксперты, при варианте статуса «закрытого моря» возможно либо принятие режима открытого моря для тех государств, которым принадлежат берега такого моря, либо соглашение всех прибрежных государств об ином, а именно — о совместной эксплуатации ресурсов системой квотирования или о разделе зон функциональной (ресурсной) ответственности. Смысл всего этого состоит в том, что юридический статус Каспия и система использования его ресурсов должны быть совместно определены прибрежными государствами.

Прикаспийские государства никак не могут выработать общую позицию по статусу моря. Иран в целом поддерживает российскую позицию и готов признать Каспий закрытым морем с соответствующим ограничением прибрежных территориальных вод. Азербайджан и Казахстан фактически требуют раздела Каспия и обретения права на контроль за обширными участками территориальных вод и шельфа. Туркмения же в последнее время изменила свою позицию. Во время встречи российского и туркменского президентов в мае 1995 года было заявлено, что их точки зрения на каспийскую проблему совпали.

Эти юридические споры, разумеется, — вторичные, производные от столкновения политических и экономических интересов соответствующих государств. В этом отношении весьма показательна точка зрения российского эксперта В. Разуваева, который, обосновывая позицию МИД РФ, прямо заявил: «Россию может устроить только одно решение — преобладание на Каспии. У нее есть для этого права и возможности. Альтернатива приведет к утрате политического влияния Москвы в регионе. Если Россия не будет пользоваться на Каспии преобладающим влиянием, здесь уже через 10—15 лет будут добывать нефть в основном нероссийские, почти исключительно западные компании» (*«Сегодня»*, 8 сентября 1995 г.).

Видимо, заключают аналитики, такого рода соображения и объясняют линию российского МИДа и, как можно предположить, влиятельных кругов в некоторых других московских ведомствах. Но проблема состоит в наличии реальных возможностей для ее осу-

ществления. Замечено, что раздраженные филиппики, раздававшиеся на Смоленской площади по поводу «контракта века», не произвели желаемого результата. Их просто проигнорировали. И это не случайно. Россия не в силах вложить в освоение прикаспийских месторождений необходимые средства ни сегодня, ни в ближайшем будущем. Следовательно, в Баку, Алма-Ате и Ашхабаде стоят перед выбором: либо, уступив давлению Москвы, отложить на неопределенное время свои нефтяные и газовые проекты, либо пренебречь мнением бывшего «старшего брата» и пойти на сотрудничество с западными корпорациями. Последнее, судя по всему, оказалось предпочтительнее, поскольку доходы от нефти и газа — единственный источник дальнейшего развития новых государств, обеспечения стабильности правящих там режимов.

В последнее время продолжалось рассмотрение Каспия в качестве внутриконтинентального моря, то есть закрытого бассейна. Предлагалась идея принятия для Каспия и нового статуса — межнационального озера. Оба варианта — известные основания для исключения из морской деятельности на Каспии прибрежных государств и их экономических структур, их возможного привлечения лишь с общего согласия прикаспийских государств. При таком подходе допускается возможность как ресурсного, так и пространственного раздела Каспия на основе статуса, принятого с участием и с согласия всех прибрежных государств (*«Нефть России»*, 1996 г., № 1, с. 30—31).

Однако формально-юридическое обоснование необходимости статуса закрытого водоема и соответственно этому обязанности прибрежных государств пользоваться пространствами и ресурсами Каспия только в «коллективистском» режиме наталкивалось на радикально изменившиеся геополитические реалии, которые, в свою очередь, требуют выработки подходов, более адекватных этим реалиям.

Речь идет, прежде всего, о стремлении новых государств к максимальному осуществлению своего экономического суверенитета, свободе проведения внешнеполитического курса, политико-экономического маневрирования, выбора партнеров. Это естественное для

молодых государств стремление усиливалось нефтяным ажиотажем, подогреваемым мощными нефтяными компаниями стран, не относящимися к прикаспийским, но проявлявшими активный интерес к ресурсам Каспийского региона.

А они не только нефтяные. Каспий с впадающими в него реками содержит мировой генофонд каспийской белуги, русского осетра, севрюги, шипа (до 90 процентов мирового улова) и является единственной в мире кладовой видового разнообразия этих древнейших на земле рыб. Следовательно, выработка согласованных позиций по освоению нефтяных месторождений Каспийского моря должна быть увязана с задачей разрешения межгосударственных противоречий и определением приоритетов в использовании различных ресурсов моря — живых и минеральных, с определением целого комплекса долговременных, основанных на современных достижениях науки природоохранных мероприятий.

Без решения экологических проблем защиты и сохранения морской среды, имея в виду ресурсный аспект и значение бассейна для экологической безопасности региона, осуществление промышленной разработки нефтегазовых месторождений Каспия было бы крайне безответственным шагом.

Угроза уничтожения моря в результате хищнического грабежа его богатств глубоко затрагивает стратегические интересы всех стран в Каспийском регионе. Здесь переплелись не только экономические и геополитические, но и военно-политические аспекты национальной безопасности.

Вызывает обеспокоенность то обстоятельство, что переговоры по Каспию, поиски взаимоприемлемых решений приобрели довольно затяжной характер, хотя участники политических дискуссий и демонстрировали понимание своей исключительной ответственности за судьбу уникального водоема. Действительно, были приложены немалые усилия для определения основных принципов и приоритетов межгосударственного сотрудничества в области использования каспийских богатств. Однако перспектива подписания генерального соглашения пяти прикаспийских государств о статусе

Каспия в 1998 году была столь же неопределенна, как и на начальном этапе обсуждения этой проблемы.

Достигнутая договоренность о главных направлениях сотрудничества вокруг Каспийского моря сама по себе отнюдь не сблизила позиции участников переговоров. С самого начала было ясно, что столкнулись две диаметрально противоположные точки зрения. Первая объединяла Россию, Иран и Туркменистан и сводилась к выработке принципов совместного владения и эксплуатации всех ресурсов Каспийского моря и коллективной ответственности прикаспийских стран за последствия этой эксплуатации. Другой точки зрения придерживался Азербайджан и занимавший близкую к нему позицию Казахстан, которые считали, что Каспий надо поделить на пять национальных секторов и предоставить их в полную суверенную собственность каждой из договаривавшихся сторон.

Азербайджан наиболее активно выступал за признание этого водоема пограничным озером с разделом Каспийского моря на пять секторов, каждый из которых должен представлять территориальные воды соответствующего государства, владеющего данной водной территорией на основе исключительного права. При реализации этого плана самые нефтеносные районы отошли бы к Азербайджану и Казахстану. После подписания Гюлистанского контракта и возникших тогда в Москве разногласий в его оценке МИДом, Минтопэнерго и российскими нефтегазовыми компаниями, участвующими в контракте, в Баку стали еще упорнее его отстаивать.

Руководство Казахстана с 1991 года придерживалось ряда определений юридического статуса Каспия, очень схожих с азербайджанским вариантом. По мнению Алма-Аты, Каспий не может быть признан ни морем, ни озером. В случае «озера» будут чрезмерно затруднены судоходство и рыболовство, поскольку это будет связано с пересечением границ суверенных государств. В случае «морья» территориальные воды (200 миль) будут перекрываться друг другом (наибольшая ширина Каспия — 435 км), что также приведет к исчезновению «открытого морья», и соответственно судоходство и рыболовство станут невозможны по тем же

причинам. Казахстанская сторона проигнорировала российские предложения о возможности введения 45-мильной зоны территориальных вод.

Исходя из таких посылок, Алма-Ата настаивала на принятии своей методики разделения Каспийского моря на экономические зоны по срединной линии, равноотстоящей от противоположных точек берегов соседних государств. В пределах данных экономических зон государства имели бы исключительное право на разработку природных ресурсов. Таким образом, ясно видно, что и Баку, и Алма-Ата хотели разделить Каспийское море на «национальные сектора». Эти государства получили бы экономические преимущества и в то же время не несли бы никакой ответственности перед соседями за последствия своей хозяйственной деятельности. Нефтяные контракты Баку и создание международной компании в Казахстане указывали на то, что в вопросе о правовом статусе Каспия эти два государства решили идти по пути раздела водоема по собственным схемам в одностороннем порядке, поставив другие прикаспийские страны перед свершившимся фактом.

Россия, Иран и Туркмения считали подобные действия противоправными и недопустимыми. Иран придерживался мнения о необходимости придания Каспийскому морю правового определения «кондоминиум» («общее владение»). В этом случае, по мнению иранской стороны, совместное владение морем, использование его ресурсов на равных для всех прикаспийских стран правах было бы основано на принципе справедливости. Отстаивая эту позицию, МИД Ирана указал на то, что в отсутствие каких-либо принципиальных взаимоприемлемых договоренностей по правовому режиму Каспия «любое одностороннее действие какой-либо из стран может быть квалифицировано как неправоное». Тегеран был обеспокоен тем, что в условиях неразделенного общего водного пространства «предугадать, что правительства Азербайджана или Казахстана посчитают за континентальный шельф или за территориальные воды, — невозможно».

Учитывая неуступчивость Азербайджана и Казахстана, главы внешнеполитических ведомств России,

Ирана и Туркмении в октябре 1996 года в Ашхабаде подписали трехсторонний меморандум о намерении учредить совместную трехстороннюю нефтяную компанию в целях разведки и разработки на дне Каспия согласованных нефтяных и газовых месторождений в прибрежных зонах трех государств. Азербайджанские СМИ оценили создание Россией, Ираном и Туркменией этой структуры как победу Баку в споре о юридическом статусе моря. Обосновывались такие утверждения тем, что Алма-Ата не присоединилась к ашхабадской «тройке», а значит, Азербайджан избежал изоляции. Азербайджанская сторона также считала, что, взяв курс на освоение собственных прибрежных участков, Россия, Иран и Туркмения косвенно признали методику Баку по разделу моря.

Однако Россия, Иран и Туркмения, ориентируясь на работу создаваемой ими компании в «секторах» трех стран, подчеркнули, что речь идет не о «национальных секторах», а о «прибрежных зонах» этих государств. Была предложена компромиссная основа для решения правовых вопросов вокруг Каспия: ограничение юрисдикции прибрежных государств в отношении разработки углеводородного сырья 45-мильной прибрежной зоной с сохранением находящейся за пределами этих участков центральной части моря для совместного освоения.

Обсуждению проблемы правового статуса Каспия была посвящена встреча министров иностранных дел прикаспийских государств в ноябре 1996 года. На этой встрече Россия пошла на некоторые уступки, предложив не только увеличить ширину прибрежной зоны Каспия до 45 миль (вместо 12), но и признать юрисдикцию прибрежных государств на те месторождения, которые уже велись или вот-вот бы начались разработки, независимо от места их расположения. Баку и Алма-Ата приняли это к сведению, и только.

Попытка в очередной раз сдвинуть с мертвой точки вопрос о статусе Каспия не удалась, и это неудивительно. Спор о правовом статусе Каспия — не более чем внешнее проявление глубинных геополитических процессов. В России нерешенность статуса Каспия с самого начала была использована как повод для сомнения

в законности подписанных в Баку нефтяных контрактов, которые давали основание для экономического присутствия на Каспии западных стран, прежде всего США. Предложения о расширении территориальных вод являлись своего рода «компромиссом без компромисса»: с одной стороны, Россия вроде бы идет на уступки, с другой — основные месторождения углеводородного сырья все равно остаются за пределами зоны юрисдикции Азербайджана.

Еще труднее было ожидать масштабных уступок от официального Баку. И не только потому, что для России статус Каспия — вопрос экономической выгоды, престижа и «сферы влияния», а для Азербайджана — вопрос выживания. Именно нефтеэкспорт стал основным средством интеграции Азербайджана в мировую экономическую и политическую систему и залогом его независимости.

Длительные и безрезультатные переговоры привели к тому, что на Каспии сложилась достаточно нетрадиционная ситуация. Все прикаспийские государства согласны с тем, что заключение нового соглашения по Каспию необходимо. Однако если в России нерешенность вопроса его правового статуса считается препятствием, например, для заключения нефтяных контрактов, то в Баку ситуацию не драматизируют и заключают новые договоры о разработке очередных месторождений углеводородного сырья.

Между тем из истории известно: подобное неустойчивое положение не может сохраняться достаточно долго. Рано или поздно вопрос статуса Каспия конечно же будет решен, причем, учитывая разные позиции сторон, это решение будет означать чье-то поражение и чью-то победу.

Ставки в этой игре слишком высоки — речь идет о контроле над регионом, который в будущем будет обеспечивать нефтью едва ли не всю Европу и Азиатский континент. А география «всемирных бензоколонок», как правило, совпадает с географией «горячих точек». Пока что на Каспии ничто не предвещает войны и между двумя блоками государств существуют лишь разногласия. Однако эти разногласия — лишь внешнее проявление глобального геополитического со-

перничества. И если из каспийской интриги не будет удалена геополитическая составляющая, отмечают аналитики, то превращение разногласий по статусу Каспия в повод для вооруженных столкновений не выглядит столь уж невероятным.

Вот уже и Г. Алиев в одностороннем порядке начал усиленно продвигать свои проекты освоения каспийских нефтяных месторождений, взяв на себя роль лидера среди прикаспийских государств в формировании новой экономической политики в регионе.

Выдвинуто множество аргументов в пользу как той, так и другой позиции. По мере осознания тупиковости ситуации становится все более очевидным, что предотвратить конфронтацию может только формулирование третьей, компромиссной, позиции, которая вернет доверие друг другу и позволит приступить к практической реализации достигнутых договоренностей.

Позиция, занимаемая Россией в «каспийском вопросе», характеризуется экспертами как сочетание государственных и экономических интересов большинства прикаспийских государств и мировой практики решения подобных вопросов. Анализ аналогичных ситуаций в других регионах планеты показывает, что отдельно взятая страна не может без конечного ущерба для себя «вырвать» свою часть из зоны жизненно важных интересов группы государств, относящихся к этой зоне. Более того, отлучение от осуществления совместной экономической и других видов деятельности в такой зоне является тяжелейшим наказанием для любого государства.

Поэтому, замечают многие специалисты, попытки отдельных прикаспийских стран самостоятельно эксплуатировать ресурсы Каспийского моря в конечном итоге обречены. Нехватка национальных ресурсов для такой эксплуатации, неизбежность диктата со стороны западных партнеров, санкции со стороны других прикаспийских стран, вступивших в правовой и экономический союз, обострение экологических проблем в прибрежных районах рано или поздно заставят такие страны присоединиться к союзу каспийских государств. Однако критическое положение в экономике, сложив-

шеся в большинстве стран СНГ, будет диктовать свою логику поведения правительствам, которые видят в каспийских ресурсах по сути единственный шанс для выхода из кризиса.

В свете этих рассуждений непримиримая позиция Азербайджана и Казахстана вполне понятна и объяснима. Россия и Иран имеют альтернативные нефтяные источники на территории своих государств и могут без большого ущерба для себя вообще отложить вопрос о начале эксплуатации каспийской нефти на несколько лет. Туркменистан больше озабочен обустройством своего уникального газового комплекса и поисками возможностей для транспортировки добытого газа. Кроме того, Туркменистан практически лишен инфраструктуры, которая позволила бы ему в ближайшее время приступить к разработке каспийской нефти. Другое дело — Казахстан и Азербайджан. Для них каспийская нефть является вожделенным средством немедленного получения иностранной валюты. Причем азербайджанская нефтяная промышленность имеет всю необходимую базу для добычи миллионов тонн каспийской нефти.

Убедить азербайджанскую сторону отказаться от претензий на исключительное право добывать и продавать нефть из так называемого азербайджанского сектора можно, только предложив соответствующую валютную компенсацию. Однако ни Россия, ни любая другая заинтересованная сторона, ни все они вместе взятые не в состоянии решить эту проблему. Следовательно, будут находиться все новые причины приемлемых предложений, одновременно делая все для закрепления за собой «своего сектора» де-факто, в том числе связывая себя долговременными обязательствами с влиятельными, включая российские, нефтяными компаниями.

В этих условиях, считают некоторые эксперты, было бы логичным не накалять обстановку, а продолжать ведение переговоров и ждать, когда негативные последствия подобного варианта дадут о себе знать и заставят Азербайджан вместе с Казахстаном вновь обратиться к идее совместных действий с остальными прикаспийскими государствами. Похоже, что именно

такой тактики начинает придерживаться российская дипломатия, все чаще заявляя о том, что обсуждающиеся вопросы сложные, что их разрешение потребует длительного времени и поэтому надо, не торопясь и ни в коем случае не поступаясь своими принципами, двигаться к намеченной цели, то есть к тому моменту, когда все пять стран заявят о своем безоговорочном согласии принять российский вариант совместного соглашения по Каспию. Официальные лица РФ уже считают допустимым приемлемый уровень экономического присутствия Запада на Каспии. Существует консенсус в Москве и о том, что нефтяные месторождения Каспия должны разрабатываться международными консорциумами. Важно только, чтобы присутствие западных компаний в регионе не приводило к усилению политического влияния соответствующих стран, к вытеснению России с занимаемых ею позиций.

Но беда в том, что если политики и дипломаты могут себе позволить не спешить, то само Каспийское море не может ждать, оно гибнет уже сегодня. Коллективные и масштабные меры по спасению этого уникального природного водоема надо принимать немедленно. Если этого не сделать, то через несколько лет самые радикальные шаги могут потерять свой смысл. Это как раз тот случай, когда примат экономической выгоды и политическая принципиальность не могут быть обоснованы перед лицом надвигающейся природной катастрофы.

Пример Аральского моря, казалось бы, раз и навсегда должен был остановить попытки решать экономические проблемы за счет экологии. Однако похоже, что в случае с Каспийским морем все может повториться вновь. Пока дипломаты будут добиваться консенсуса по всему комплексу каспийских проблем, море может превратиться в зловонный водоем, от обладания которым станут открешиваться все нынешние участники переговорного процесса.

Нельзя сказать, что политики этого не понимают. Как раз на переговорах, касающихся экологии, биоресурсов и принципов судоходства были достигнуты наиболее удовлетворительные успехи. Полностью согласованы и парафированы всеми пятью странами неко-

торые договоры, регламентирующие правила рыболовства и охраны окружающей среды. Беда в том, что ни одна из этих договоренностей не выполняется, поскольку они квалифицируются как составная часть совместного соглашения о правовом режиме Каспийского моря, подписание которого всеми участниками переговоров отодвинуто.

В этой связи логичным было бы обратиться к мировому опыту решения подобных споров, в частности, практике подписания международных договоров сначала ограниченным числом заинтересованных государств и придания им после этого открытого характера для последующего присоединения других заинтересованных участников. Как показывает мировая практика, эффективность такого рода договоров высока, а круг их участников имеет тенденцию к постоянному расширению по мере того, как первые из государств, вступившие в договорные отношения, начинают получать ощутимые выгоды от его реализации. Примерами такого рода договоров могут служить договор о нераспространении ядерного оружия, конвенции по проблемам морского судоходства, использования прибрежных шельфов, правам человека и т.д.

Применение этого принципа для решения «каспийской проблемы» позволило бы подписать ряд важнейших межправительственных соглашений, с которыми были согласны все пять прикаспийских стран. С другой стороны, согласие четырех или первоначально даже трех стран подписать ряд соглашений, с которыми не согласны остальные участники переговоров, также позволило бы приступить к практическим, хотя и ограниченным, шагам в направлении сближения непримиримых позиций.

Последним штрихом в затянувшейся на годы процедуре выработки согласованного решения о статусе Каспия был визит в начале июля 1998 года казахстанского президента в Москву, приуроченный к его дню рождения. «Маленькая хитрость» дала свои плоды — Россия и Казахстан подписали сепаратное соглашение о юридическом статусе шельфовой зоны. Таким образом была продемонстрирована поддержка точки зрения Казахстана, Азербайджана и Туркменистана по каспийской проблеме.

А для того, чтобы «успокоить» иранскую сторону, придерживающуюся иной точки зрения, в Тегеран был срочно послан заместитель министра иностранных дел России Б. Пастухов. В ходе весьма деликатной миссии российский дипломат и его визави — заместитель министра иностранных дел Ирана М. Сармади — подписали совместное заявление, в котором Москва и Тегеран выступили за равноправное использование углеводородных ресурсов Каспия всеми пятью прикаспийскими странами — Россией, Ираном, Казахстаном, Азербайджаном и Туркменистаном.

В заявлении также содержалось категорическое несогласие сторон с планами строительства трубопровода по дну Каспийского моря. Этот проект, поддерживаемый американскими компаниями, Азербайджаном и Казахстаном, по мнению Ирана и России, приведет к экологической катастрофе в регионе. Кроме того, стороны подчеркнули необходимость заключения глобального соглашения по Каспию всеми заинтересованными государствами, после подписания которого и может начаться полномасштабное освоение ресурсов моря.

Во что же на деле может превратиться игра с нефтью? По некоторым данным, «контракт века» о добыче каспийской нефти, подписанный 20 сентября 1994 года сроком на 30 лет Азербайджаном и Международным нефтяным консорциумом, в который позднее была включена российская компания «ЛУКОЙЛ», и серия последующих контрактов могут не только не дать фантастических прибылей, но и обернуться значительными геостратегическими потерями для России, стать политическим блефом тех, кто пытается обыграть ее в большой игре.

Сразу же после подписания контракта эксперты отметили, что от Каспия до Персидского залива протянулась своеобразная «дуга напряженности». Произошло неизбежное: в районе Кавказа столкнулись интересы России и США. Даже предвидя сложный ход событий, Азербайджан пошел на сделку с западными партнерами.

Россия отреагировала на это неоднозначно: МИД поставил вопрос о статусе Каспия, базируясь на двух советско-иранских договорах — 1921 и 1940 гг., в кото-

рых, однако, нет никаких указаний, как пользоваться дном этого водоема. Поэтому МИД РФ выступил инициатором подготовки специального соглашения по биоресурсам. Это мнение, с точки зрения азербайджанских аналитиков, шло вразрез с двумя уже подписанными соглашениями: «Об основах совместной деятельности Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики и акционерного общества «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» (подписана 17 сентября 1993 года Н. Алиевым и В. Алекперовым), «О создании совместного предприятия по разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики и акционерным обществом «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ» Российской Федерации» (подписана 20 ноября 1993 года от российской стороны тогдашним министром топлива и энергетики Ю. Шафраником).

С точки зрения МИД РФ, Каспийское море — это озеро, в котором любые односторонние действия неизбежно затрагивают интересы всех. По итогам встречи министров иностранных дел прикаспийских государств, состоявшейся в ноябре 1996 года в Ашхабаде, стало очевидно, что на той же позиции стоят Иран и Туркменистан. Однако Азербайджан при поддержке Казахстана настаивал на разделении Каспия на сектора. Независимые эксперты тут же назвали причину: в таком варианте Азербайджан и Казахстан получили бы самые нефтеносные участки. Самые смелые аналитики даже предположили, что спор о «кусках» мог запустить центробежные процессы в России: вслед за Чечней суверенитета — только в данном случае при куске шельфа — могли потребовать Дагестан, Калмыкия и даже Астраханская область.

По оценкам российских геологов, разведанные запасы составляют 12 миллиардов тонн условного топлива, в том числе около 7 миллиардов тонн нефти. Если прикаспийские страны договорятся о разделе Каспия как пограничного озера на сектора, то Казахстан получит доступ к 4,5 миллиардам тонн условного топлива, Азербайджан — к 4 миллиардам, Россия — к 2 миллиардам, Туркменистан — к 1,5 миллиарда тонн.

Исходя из концепции замкнутого моря, Каспий должен стать зоной кондоминиума прикаспийских государств с 12-мильной зоной территориальных вод каждого из них. В этом случае все страны получают равные права на разработку месторождений центральной части моря. В прибрежной зоне Азербайджан и Казахстан будут иметь по 1 миллиарду тонн условного топлива, Россия — 0,5 миллиарда и Туркменистан — 0,3 миллиарда. При этом каждое из названных государств получит право на разработку еще по 2,3 из 9,2 миллиардов тонн условного топлива в центральной части моря, а с учетом равноправного участия Ирана — по 1,84 миллиарда (за пограничной линией Астара — Гасан-Кули иранские шельфовые запасы оцениваются лишь в 800 миллионов тонн газа и в 100 миллионов тонн нефти).

Итак, точка зрения Кремля состоит в категорическом неприятии односторонних действий по изменению статуса Каспия и из признания основной части его акватории общей собственностью прикаспийских государств. Однако многолетние переговоры по статусу Каспия не дают результатов. Почему? У российских дипломатов три объяснения.

Главная проблема — в подписании от имени правительства России бывшим министром топлива и энергетики Ю. Шафраником межправительственного соглашения с Азербайджаном. Признав часть дна Каспия азербайджанской территорией, представитель российской стороны тем самым создал прецедент, который подрывает позицию Москвы на многосторонних переговорах.

Второе объяснение сводится к тому, что на ситуации самым негативным образом сказывается воздействие американской дипломатии. Вашингтон доказывает правительствам прикаспийских государств, что им выгодно разделить Каспий на национальные зоны и добывать нефть каждому на своей территории. К мнению американцев больше всего склонны прислушиваться в Баку и Алма-Ате.

Третья причина, которую называют российские дипломаты, состоит в том, что постсоветские элиты в прикаспийских странах еще недостаточно профессиональны и мало думают о будущем. Для них на дан-

ный момент привлекательнее всего «быстрые» нефтедоллары. Что будет потом, через несколько десятков лет, в расчет не берется.

Другим экспертам представляется, что основная причина, которая препятствует Москве достичь желаемых соглашений по Каспию, — это главным образом чисто внутренние российские факторы.

Формально Россия представлена в регионе тремя основными «действующими лицами»: федеральная власть, администрация прикаспийских субъектов Федерации (Калмыкия, Дагестан, Астраханская область) и самый активный «игрок» от мира бизнеса — «ЛУКОЙЛ». Вместо выработки единой линии шла подспудная борьба между МИДом и Минтопэнерго, на поверхности — неестественное противостояние между МИДом и «ЛУКОЙЛом».

Еще более ослабляла российские позиции на Каспии хорошо известная склонность исполнительной власти решать важнейшие вопросы путем не столько согласования точек зрения различных государственных институтов, сколько лобового столкновения или искусных, по мере возможности, маневров и интриг.

Нефтяные игры и споры вокруг судьбы Каспия шли, таким образом, не только на межгосударственном уровне. Среди разных ветвей власти российской элиты также существовало неоднозначное отношение к вопросу о выборе путей и тактики действий России в этом регионе.

Вызывали разногласия позиции о масштабе экспансии отечественных нефтяников. Оппозиционные «ЛУКОЙЛу» круги утверждали, что более жесткая политика правительства в отношении статуса Каспия и соответствующая сдержанность компании в отношении ее участия в освоении месторождений «Чираг», «Азери» и глубоководной части «Гюнешли» привели бы к тому, что присутствие компании в регионе было бы более масштабным, хотя и отсроченным по времени. Их оппоненты в свою очередь ссылались на то, что любая отсрочка вызвала бы окончательное устранение России из числа членов международного консорциума по освоению данных месторождений — Азербайджанским международным консорциумом (АМОК).

Эксперты отмечают также, что политика «ЛУКОЙ-

Ла», поддерживаемая руководителями российского правительства, не всегда вызывает одобрение со стороны представителей других российских нефтяных компаний. Так, «Роснефть» уже высказывала недовольство тем, что правительство не смогло добиться для нее 10-процентного участия в освоении месторождений «Азери», «Чираг» и глубоководной части месторождения «Гюнешли». Компания, безусловно, хотела бы, чтобы ее интересы на Каспии обеспечивались российскими официальными кругами с той же энергией, с какой это делается в отношении «ЛУКОЙЛа».

Ряд наблюдателей не отрицает того факта, что в российской государственной элите возобладали позиции прагматически ориентированных деятелей, понимающих преимущества двустороннего сотрудничества именно в тех сферах, которые приносят экономическую выгоду, особенно когда промедление работает на геополитические потери. Данная линия в российской политике представлена прежде всего топливно-энергетическим комплексом, деятельностью нефтяных компаний, и прежде всего «ЛУКОЙЛОМ» и «Транснефтью», имеющих серьезные материальные интересы в крупнейших азербайджанских проектах по каспийской нефти (в частности, «ЛУКОЙЛ», кроме участия в добыче, намерен стать крупным перевозчиком азербайджанской нефти. В Волгограде уже спущен на воду первый из десяти заказанных танкеров класса «река-море»). И хотя эти интересы не всегда совпадали с долгосрочными государственными интересами (а порой и были даже противоположны официальной политике, например, в вопросе о статусе Каспия), аналитики исходили из того, что их неучастие в упомянутых проектах в условиях активного западного внедрения и традиционной российской неразворотливости грозило бы России потерей важных геополитических интересов в этом регионе.

А теперь — о политических последствиях нефтяного передела.

Относительно интересов западных нефтяных компаний, пока вложивших в каспийский проект около 600 миллионов долларов, аналитики не без оснований предполагали, что за прямым интересом — нефтяными доходами — стоит другой. Опираясь на поддержку

своих государств и пробивая их политическое и военное присутствие в Закавказье, всячески способствуя уходу России из этого региона, они добивались для себя неограниченного контроля над Ближним и Средним Востоком, ближне- и средневосточной нефтью, запасы которой неизмеримо больше каспийских, а для Запада вообще — реальной возможности полностью «загнать в угол» непокорные Иран и Ирак.

Так что были все основания предположить, что шум вокруг нефтяного проекта был поднят не столько из-за экономических, сколько из-за политических причин. Ведь реальное решение проблемы трубопровода при неразрешенности карабахского конфликта Азербайджану не выгодно, поскольку оно могло привести к «кипрскому варианту».

В этом контексте скандал, вскрытый российским генералом Л. Рохлиным, председателем комитета Госдумы по обороне, вокруг незаконных поставок Россией оружия Армении и дальнейшая реакция на эту историю тогдашних министра обороны И. Родионова и министра по делам СНГ А. Тулеева, могли быть рассмотрены не только как внутривнутриполитическая интрига или банальное лоббирование интересов «нефтяных» фирм, а как эпизод геополитического плана глобального изменения транспортно-коммуникационного коридора Азия — Европа. В рамках этого проекта даже создание «санитарного кордона» с точками опоры Узбекистан — Азербайджан — Грузия — Турция (Украина) виделась лишь технической частью реорганизации СНГ без России.

Администрация президента Б. Клинтона и американские нефтяные компании активизировали усилия для того, чтобы положить конец вековому контролю России над громадными ресурсами нефти и газа в Каспийском регионе, который крайне важен для стратегии США по обеспечению безопасности важнейших углеводородных месторождений, расположенных вне Ближнего Востока.

В США встречали с распростертыми объятиями лидеров Азербайджана и Грузии, оказали грандиозный прием президенту богатого газом Туркменистана. Заместитель госсекретаря США С. Тэлботт участвовал в качестве посредника в споре между Арменией и Азер-

байджаном, угрожавшем безопасности трубопровода, по которому должна экспортироваться нефть на Запад, в обход России. Вице-президент А. Гор в ходе его поездки в Москву обсуждал проблемы энергетики, а первая леди США Х. Клинтон вынашивала планы посетить Центральную Азию.

Что касается нефтяных компаний, то сотни их представителей курсировали, как челноки, между США и Баку. Корпорация «Мобил» открыла свой офис в крошечном туркменском городке Небитдаг. Четыре крупные компании США подписали в Белом доме контракт, по которому в добычу азербайджанской нефти будет инвестировано 8 миллиардов долларов, а корпорация «Шеврон» планировала затратить 20 миллиардов долларов на разработку казахстанского месторождения Тенгиз, входящего в десятку крупнейших месторождений мира.

Отвечая на вопросы комиссии по поводу своих контактов с международным финансистом Р. Тамразом и его планах прокладки трубопровода для экспорта каспийской нефти, бывший консультант Совета национальной безопасности США Ш. Хеслин неожиданно представила возможность оценить политику своей страны. Администрация США, по ее словам, «старается способствовать обретению независимости богатых нефтью бывших советских республик, которые стараются избавиться от монопольного контроля России за транспортировкой «нефти из региона». По ее словам, в октябре 1995 года президент Б. Клинтон распорядился «поддержать» главу Азербайджана, который испытывал давление России в связи с желанием проложить нефтепровод вне ее прямого контроля. Комиссия сената изучила документ, подготовленный тогда же для Дональда Л. Фулера, занимавшего пост главы Национального демократического комитета и связанного с Р. Тамразом, пожертвовавшего демократам 300 тысяч долларов в расчете на то, что Белый дом поможет продвинуть его проект прокладки нефтепровода.

В Вашингтоне ощущали мощный прессинг со стороны крупнейших нефтяных компаний. Их руководители пытались убедить администрацию президента США отказаться от пророссийской политики и поддер-

жать центральноазиатские республики, попытаться продвинуть нефтяные документы. В результате этого давления поддержка администрацией независимых государств Центральной Азии и доступ Запада в этот регион интенсифицировались. Госдепартамент опубликовал отчет, в котором сказано, что цель США — «безопасно привязать» бывшие республики СССР к Западу посредством «многолинейных нефтепроводов и транспортных коридоров вне России».

Президент Б. Ельцин в одном из своих выступлений публично пожаловался на то, что США «объявили Кавказ зоной своих интересов. Интересами России пренебрегают и американцы, все шире проникающие в регион». Госдепартамент откликнулся на эти слова, поспешив заявить, что «США не разделяют точку зрения о разделе сфер влияния со стороны Соединенных Штатов или какой-либо другой страны».

Ни для кого не является тайной, что закрепление США в Каспийском регионе и на Кавказе по сути означает выталкивание оттуда России. Например, власти Туркменистана выставили на аукционе в Хьюстоне — столице нефтяной индустрии США — 11 месторождений нефти и газа на Каспии. Американские компании владеют в общей сложности 40-процентной долей в Азербайджанской международной операционной компании, начавшей экспортировать в 1998 году на Запад бакинскую нефть. Еще одно свидетельство эрозии российского влияния — приобщение Китая и Индонезии к разработке крупнейшего казахстанского месторождения. Турция, Пакистан и Китай с большим интересом присматривались к громадным запасам газа в Туркменистане и на юге Казахстана.

Для Москвы укрепление иностранного влияния в Каспийском регионе означало возникновение драматического водораздела исторического значения. Богатые ресурсами государства Центральной Азии и Кавказа составляли немалую часть царской России. Большая часть Баку была отстроена в период «большой игры», которая велась в XIX веке между Британией и Россией за контроль территории, простиравшейся от Индии до Черного моря. Именно тогда Баку стал мировым центром нефтяной индустрии.

Поэтому в России рассматривают запасы каспий-

ской нефти и газа как свои собственные. События, последовавшие после 1991 года, наносят примерно такой же удар, как если бы «индейцы вернули себе прерии в конце вестерна», — заявил глава Вашингтонского Института Центральной Азии Ф. Стар. Сужение присутствия России в той части мира, которую она считает своим «задним двором» последние 150 лет, вызывает определенное беспокойство. Когда в 1994 году официальные представители администрации и нефтяных компаний США попытались обеспечить доступ Запада в этот регион, Москва ясно дала понять, чтобы они держались подальше. По словам одного из представителей администрации, было заявлено: «Это наша зона, а не ваша, и нам решать, как она будет развиваться».

Последние годы США стремились убедить Россию, что прибыль и рост, подпитываемые стремительным развитием энергоресурсов, в грядущей глобальной экономике будут важнее, чем контроль за месторождениями. «Темпы, с которыми Россия и ее соседи интегрируются в международную экономику, будут скоро далеки от старомодных понятий о контроле», — подчеркнул представитель департамента торговли США Ж. Калтцки, координирующий вопросы энергетической и торговой политики с Россией и другими бывшими республиками Советского Союза.

«Распад Союза начался именно тогда, когда Америка сменила военный мундир на костюм делового человека», — многозначительно обмолвился один из бывших помощников Р. Рейгана. Он имел в виду, что крушение советской империи началось после того, как США сыграли на резком понижении цен на нефть на мировом рынке. Это лишило СССР одного из основных источников дохода и не позволило завершить в срок строительство газопровода в Восточную Европу. Если следовать этой аналогии, то от того, кто будет контролировать разработку каспийской нефти, во многом будет зависеть и ситуация на политической арене, в том числе и территориальная целостность Российской Федерации.

Аналитики прогнозируют: обострение конкуренции между США и Россией за контроль над Каспием еще впереди. Ключевая роль в этой «битве гигантов» отводится Азербайджану.

Значительные объемы планируемых или уже прибывших западных капиталовложений в экономику любой страны или группы стран региона, реализация разработанной стратегии нефтеэкспорта и получения прибыли, обеспечение безопасности всей цепи сотрудничества требуют от высшей администрации стран-доноров заблаговременной выработки и запуска специальной доктрины умиротворения «подшефных» стран и их политических сил, гашения в зонах «жизненных интересов» конфликтных возмущений, построения особой системы политических отношений с младшими партнерами. Именно поэтому вслед за мощным финансово-экономическим наступлением или впереди него непременно осуществляется наращивание политического, а затем, где это считается необходимым, и военно-политического присутствия Запада в интересующем его районе мира.

Эта стратегия в полной мере используется и по отношению к Азербайджану. В данном случае речь идет о внедрении в рассматриваемый регион системы безопасности, построенной на позициях атлантизма с подключением к ней Азербайджана, имеющего особые «приватные» отношения с Западом. Данная система призвана предупредить и заблокировать произвольное, без ведома западных стран инициирование политических и военных конфликтов в регионе, удерживать ситуацию под контролем.

Подтверждением этому подходу могут быть, по мнению аналитиков, и проходившие в октябре в Черном море военные учения «Си Бриз-98» с участием США, европейских стран — членов НАТО и причерноморских государств. Основными действующими силами маневров стали американские и турецкие ВМС. Символично, что учения совпали по датам с нефтяным саммитом в Анкаре, где при активном участии американцев Турция, Азербайджан, Грузия, Казахстан и Узбекистан подписали декларацию в поддержку маршрута Баку — Джейхан для транспортировки азербайджанской нефти.

Разумеется, реализация такого подхода в Закавказье стала возможна не только благодаря повсеместному ослаблению российского влияния, но и существенному снижению в последние годы военной мощи Рос-

сии, а также близости к закавказскому региону южного фланга НАТО, военных баз США в Турции и на Ближнем Востоке, доминированием США в зоне Персидского залива.

Вслед за острой конкуренцией нефтяных компаний и ряда государств в борьбе за нефтяные запасы Каспийского бассейна наступил новый этап — схватка за транспортировку нефти в промышленно развитые страны. Ключевым моментом этой борьбы стал выбор маршрутов трубопроводов.

Мало того, что запах каспийской нефти обостряет противоборство вовлеченных сторон, дележ гипотетических сокровищ может спровоцировать лобовое столкновение прикаспийских государств. При неблагоприятном развитии ситуации аналитики не исключали и вовлечения в конфликт России, для которой важны не только добыча «своей» нефти со дна моря или транспортировка «чужой» нефти через свою территорию. Каспийский регион — бесспорная сфера российской безопасности.

Специалисты сходятся во мнении, что район Каспия может со временем выйти по своей значимости для мировой добычи нефти на второе место после Ближнего Востока. Общеизвестно, как долго и какой интенсивности конфликты, включая военные, происходили на Ближнем и Среднем Востоке, пока там не установилось нынешнее не очень надежное равновесие. Нечто подобное периодическим ближневосточным взрывам может происходить и вокруг Каспия, если прибрежным государствам не удастся заранее отрегулировать основные проблемы, вызывающие расхождения между ними.

Эти расхождения трудноразрешимы, так как связаны с ожиданием «золотого дождя», который должен вывести каждого из каспийских «нефтяных владельцев» на уровень материального благополучия не ниже, чем, скажем, в Арабских Эмиратах. К тому же у лидеров и элит новых прикаспийских государств нет ни исторической традиции, ни достаточного опыта для выработки прочных компромиссов с соседями. Советы иностранных «специалистов», на которые им приходится полагаться, редко диктуются бескорыстной заботой о благе принимающей их страны.

На Ближнем Востоке США, а через них и Западная Европа смогли опереться на Израиль, играющий роль стратегического союзника Запада в деле пресечения непостоянства или обуздания строптивости арабских режимов. В Каспийском регионе на роль опоры для Западной Европы есть только один кандидат — Россия, поскольку все остальные участники соревнования сами слишком слабы и внутренне неустойчивы.

Будущее российской государственности немыслимо без сохранения ее влияния в сферах своих жизненных интересов. Нефть Прикаспия, при всей ее экономической значимости, лишь оболочка главной политической задачи — восстановления могущества России.

Если первый раунд борьбы за распоряжение каспийской нефтью официальная Москва, во всяком случае в лице МИДа, похоже, проиграла, то в вопросе маршрута транспортирования как «ранней», так и «большой» нефти у нее есть более весомые аргументы. Россия располагает сетью трубопроводов, которые могут быть включены в каспийскую транспортную сеть, что делает транспортировку через Россию существенно дешевле, чем любым иным путем. В первую очередь речь идет о нефти Тенгизского месторождения в Казахстане. Именно с тенгизской нефти и должен начаться Каспийский трубопроводный консорциум (КТК).

Первоучредителями КТК были Казахстан и Оман. В июле 1993 года Верховный Совет РФ ратифицировал соглашение о присоединении к консорциуму России. КТК создавался на паритетных началах. Все участники получали равные права в его управлении и распределении прибыли, источником которой должны были стать тарифы за перекачку нефти. Оман взял на себя обеспечение общего финансирования проекта. Казахстан предоставлял свою нефть, Россия — трубопроводы, строительные мощности и рабочих.

Претворить грандиозный проект в жизнь до конца XX столетия, как первоначально планировалось, не удалось. По новому графику работы трубопровод и терминал будут введены в строй лишь в конце 2001 года.

По мнению российских экспертов, пуск второй очереди КТК потребует более крупных затрат. Общая

стоимость проекта достигнет минимум 5 миллиардов долларов. Полностью завершить проект планируется лишь в 2014 году.

Протяженность трубопровода Тенгиз — Черное море составит 1500 километров. Он минует Чечню и другие северокавказские республики. Первая очередь КТК — от Кропоткина до черноморского терминала в Южной Озереевке недалеко от Новороссийска — встраивается в действующую российскую трубопроводную систему. Новая ветка позволит расширить общий экспорт нефти на 15 миллионов тонн, то есть российский экспорт сможет возрасти на 9—10 миллионов тонн.

Но на пути реализации проекта встала серьезная проблема финансирования. Крупные банки не желают кредитовать КТК. Иностранные банки отказываются кредитовать проект без гарантий российского правительства, а точнее — Министерства финансов.

Единственное, чем располагал КТК, — это гарантиями государственной нефтяной компании «Роснефть» по минимальной прокачке нефти по трубопроводу в объеме 9 миллионов тонн в год. Однако гарантии по прокачке мало что значат для еще не построенного трубопровода, под который никак не удавалось найти инвестора. К тому же позиции «Роснефти» как надежного гаранта были сильно ослаблены решением президента России передать крупнейшее структурное подразделение «Роснефти» — компанию «Ноябрьскнефтегаз» — новой, рожденной в недрах президентской администрации Сибирской нефтяной компании.

Фактическая финансовая несостоятельность КТК подтолкнула американский «Шеврон» к переговорам с Россией и Казахстаном о возможности участия в консорциуме. Американцы предложили изменить структуру собственников КТК, распределив поровну — по 25 процентов — голосующие акции между Россией, Казахстаном и «Шевроном».

Здесь необходимо сделать небольшой ретроспективный экскурс.

В ноябре 1994 года, как раз накануне войны в Чечне, в Лиссабоне была принята «Энергетическая хартия для России». Ее подписали Мировое энергетическое

агентство (МЭА), несколько североамериканских и западноевропейских нефтекорпораций, а также министерства энергетики почти всех стран «большой семерки», кроме Японии. В этом документе сказано, в частности, что Запад будет наращивать капиталовложения в российский нефтегазовый комплекс и объемы закупок нефти у России. Но взамен она должна гарантировать беспрепятственную поставку нефтесырья в индустриальные страны. Гарантии же эти должны распространяться и на «своевременный транзит» через Россию нефтегазопродукции, вывозимой в эти же страны из других республик СНГ. В комментариях экспертов нефтекорпораций МЭА и ОПЕК по поводу «Лиссабонской хартии» отмечалось, что под другими республиками Содружества подразумевались прежде всего Азербайджан и Казахстан. Именно в регионе между Черным и Каспийским морями — на Северном Кавказе — сосредоточена основная часть нефте- и газопроводов, соединяющих республики бывшего Советского Союза с азовско-черноморскими и дунайскими портами.

«Чеченский нарыв» требовал в контексте вышеизложенного скорейшего вскрытия. Это было необходимо еще по нескольким причинам. Прежде всего, Дж. Дудаев и его эмиссары выступали за национализацию автономиями России расположенных на их территории нефтегазоресурсов и всех объектов нефтегазового комплекса, что должно было способствовать созданию внутри России своего рода ОПЕК, состоявшей из «нефтегазовых автономий, не подчиняющихся российскому руководству».

Далее. В Грозном находился один из немногих нефтеперерабатывающих заводов бывшего Союза, оснащенный технологией глубокой переработки нефти, позволявшей вырабатывать высококачественные нефтепродукты и нефтехимические полуфабрикаты. Более того, вплоть до декабря 1994 года отпускные цены Грозненского завода на нефтепродукцию были самыми низкими в стране.

И наконец, Дж. Дудаев требовал личных переговоров с иностранными нефтекорпорациями, намеревавшимися транспортировать каспийскую нефть на экспорт.

Все это, по мнению экспертов, давало почву для размышлений об истинных мотивах, побудивших Москву после длительного терпимого отношения к режиму Дудаева вдруг прибегнуть к радикальным методам «восстановления конституционного порядка в Чечне».

Между тем уже в январе — марте 1994 года каспийские консорциумы активизировали переговоры с правительствами Грузии и Турции о возможности экспортной транспортировки каспийской нефти через эти страны к портам Средиземноморья в Турции или к портам Поти и Батуми в Грузии, а Турция, чтобы снизить шансы российского проекта и придать больший вес собственным аргументам, предприняла попытку ввести ограничения на свободный проход нефтетанкеров через проливы, контролирующие выход из Черного моря. Ссылаясь на экологические причины и огромный риск, который эти опасные перевозки якобы создавали для Стамбула — что никогда прежде не вызывало беспокойства у Анкары, — турецкое правительство потребовало пересмотра Конвенции 1936 года, принятой в Монте и определившей режим проливов Босфор и Дарданеллы.

Москва категорически отвергла это требование. Но 13 марта 1994 года произошла новая катастрофа — 444-я за 40 лет: столкнулись кипрский нефтетанкер и кипрское же грузовое судно. И Турция воспользовалась этим случаем, чтобы заявить о вступлении в силу с 1 июля 1994 года особого режима якобы с целью навести некоторый порядок в этом сумасшедшем морском движении, а при необходимости и снизить его интенсивность.

Ответная реакция Москвы не заставила себя долго ждать: сразу же после подписания 20 сентября 1994 года контракта между Азербайджаном и международным консорциумом, несмотря на участие в этом соглашении российской компании «ЛУКОЙЛ», Кремль заявил свой протест.

Именно с того времени МИД начал настаивать на юридической норме, согласно которой Каспийское море является закрытым бассейном и на него не распространяется принятое международным правом понятие территориальных вод.

В Азербайджане же официально заявляли, что рас-

смаатривают два направления транспортировки нефти: через Грузию и через Россию. Первый вице-президент Азербайджанской Международной операционной компании А. Маккафи сказал, что «предпочтительным вариантом является транспортировка нефти в турецкий порт Джейхан», что и называется в Баку «грузинским маршрутом».

Как заявила премьер-министр Турции Т. Чилер во время своего визита в Баку, Турция будет добиваться того, чтобы маршрут трубопровода по доставке нефти с шельфовых месторождений Азербайджана «Азери», «Чираг» и «Гюнешли» на мировые рынки пролегал по ее территории. По словам Т. Чилер, азербайджанская сторона поддерживает Турцию в этом вопросе. Турецкая позиция находит также понимание и у правительства США.

Однако какими бы ни были трассы прокладки по территории Турции, миновать районы расселения потенциально мятежных курдов невозможно. Фронт национального освобождения Курдистана выступил с заявлением, что не допустит строительства нефтепровода через контролируемую курдами территорию и при этом не остановится перед применением силы.

Ситуация особенно осложнялась в силу нестабильности в закавказских республиках бывшего СССР. В конфликте между Арменией и Азербайджаном официальная Анкара справедливо поддерживает Баку. Наиболее естественный путь прокладки трубопровода от каспийских месторождений в Турцию проходит как раз через территорию Азербайджана, часть которого занята армянскими войсками, так и собственно по территории Армении. Но до установления дипломатических отношений с Ереваном, обусловленных со стороны Турции полным выводом армянских войск с азербайджанской территории, Анкара не согласилась бы на прохождение ветки нефтепровода через Армению. Но даже если прокладка трассы через армянскую территорию и оказалась бы возможной, нефтепровод все равно прошел бы через те районы Турции, где расположены тайные базы боевиков Курдской рабочей партии.

Что касается Грузии, то она твердо контролировала только небольшой район, прилегавший к столице стра-

ны. Криминальный взрыв, тлеющая гражданская война и ситуация в Абхазии на фоне полного развала грузинской армии делали Грузию немногим более привлекательной для огромных иностранных инвестиций.

Возможен был обходной путь из Азербайджана через Иран. Но против него выступали западноевропейские страны и США, не желавшие терять контроль за нефтяным потоком из Каспия. Как ни парадоксально это звучит, но в отсутствие каких-либо экономических рычагов у России на тот период оказалось достаточно политических средств, чтобы блокировать попытки Турции монополизировать пути транспортировки каспийской нефти.

Визит турецкого премьера в Казахстан был фактически истолкован Кремлем как вызов России помериться силами в новой геополитической реальности. При таком толковании Москва приобретала свободу рук как в турецком Курдистане, так и в Закавказье. Учитывая мощный потенциал курдского национализма, традиционно тесно связанного как с марксизмом, так и с Россией (точнее, с СССР), у последней был шанс потопить все проекты нефтепроводов, которые могли пройти как по восточной Турции, так и в обход нее через Грузию. Правда, для этого Москве пришлось бы расстаться с изрядной долей своего демократического имиджа, приобретенного столь дорогой ценой.

Официальные представители Украины, заручившись принципиальным согласием Грузии, тоже пытались убедить азербайджанскую сторону в том, что «раннюю» и «большую» нефть Азербайджана целесообразно экспортировать на Запад через Украину. Болгария предложила свою территорию, Румыния — свою.

Поиски путей выхода каспийской нефти на мировой рынок продолжались. В сентябре американская компания «Шеврон» использовала грузинский транспортный коридор, отправив в обход России 20 тысяч тонн тенгизской нефти по железной дороге до порта Батуми. Было заявлено, что если проект будет сочтен удачным, то через Батуми ежемесячно будет перевозиться около 100 тысяч тонн казахстанской нефти. Но этот маршрут сразу же был раскритикован российским МИДом, поскольку никак не мог стать серьезной альтернативой

магистральному нефтепроводу на Новороссийск. Дело, наверное, было в другом: в случае реализации этого проекта Россия понесла бы серьезные материальные потери. Хотя, конечно, мидовцы были правы: железная дорога никак не способна заменить трубопровод. А он нуждался в реконструкции, для чего, кстати, требовалось не менее четверти миллиарда долларов, да и уязвим для воздействия со стороны Абхазии, где не прекращались боевые действия.

Дискуссии вокруг предполагаемых маршрутов нефтепроводов обнаружили острое соперничество держав за контроль над нефтью Каспийского бассейна. Ведь фактически решалась судьба энергетических ресурсов XXI века. На одном из семинаров НАТО даже обсуждалась идея размещения в районе Каспия военного контингента США — по аналогии с Персидским заливом.

Сценарий, при котором на Кавказе может появиться много мелких независимых или полунезависимых государств, не столь уж абсурден. И они уже будут ориентированы не только на Москву, но и на Тегеран, и на Анкару. Одна из основных причин отсутствия стратегического равновесия и стабильности в регионе — экономическая слабость России. Правда, эксперты успокаивали — Иран и Турция тоже не в состоянии осуществлять экономическое господство в регионе и контролировать происходящие там процессы.

В этой главе уже упоминалось о том, что военная акция против мятежного генерала Дж. Дудаева, на которого до этого смотрели сквозь пальцы, началась спустя два месяца после подписания 20 сентября 1994 года первого азербайджанского нефтяного контракта. Почти синхронно с российской армией турецкая предприняла карательный рейд в Северный Ирак, где располагались основные базы курдских сепаратистов, обе стороны таким образом «расчищали» путь для своих нефтепроводов.

Чеченский участок составляет лишь одну десятую часть нефтепровода Баку — Новороссийск общей протяженностью 1411 километров. По нему в 1997 году начала транспортироваться так называемая «ранняя», или первая, нефть с месторождений на каспийском шельфе, разрабатываемых консорциумом международных нефтяных компаний.

Это стало возможным лишь после того, как Россия с подачи генерала А. Лебеда де-факто признала самостоятельность Ичкерии, а затем на вахту финансово-экономических интересов российских олигархов сначала на Кавказе, а позже в СНГ заступил Б. Березовский. Однако на новом этапе российско-чеченских отношений возникли новые геополитические проблемы.

Власти в Грозном намеревались отказаться от посреднических услуг российской компании «Транснефть» и заключить с Азербайджанским международным консорциумом (АМОК) прямое соглашение по вопросам транспортировки через территорию Чечни азербайджанской нефти. Об этом прямо заявил президент действующей в республике нефтяной компании «ЮНКО» Хож-Ахмед Яриханов. Действительно, уже начиная с февраля 1997 года первая азербайджанская нефть стала поступать на терминалы Новороссийска.

Нестабильность в Чечне нанесла существенный ущерб интересам России в двух очень крупных нефтяных проектах в СНГ. Итогом боевых действий стало смещение маршрутов в транспортировке нефти, добываемой на месторождении Тенгиз в Казахстане и азербайджанском шельфе Каспийского моря в стороны альтернативных вариантов — в обход России. Завершение военных действий и вывод российских войск с территории Чечни на фоне явного усиления влияния продудаевских сил подчеркнули безуспешность попытки российской правящей элиты решить вопрос контроля над нефтепроводом силовыми методами, ценой колоссальных потерь.

Под предлогом предупреждения поставок оружия чеченским сепаратистам Россия закрыла границу с Азербайджаном в декабре 1994 года. До этого 70 процентов всего экспорта и импорта республики осуществлялось через Россию. Азербайджан же сумел быстро переориентировать свои транспортные потоки на Грузию. В результате дороги на Россию пусты, на Грузию забиты составами. Железная дорога, где раньше проходило 150 поездов в день, ржавеет. Зато построено 6 паромов через Каспий, строится еще 4.

Республики Центральной Азии, оценив дешевизну нового пути, начали торговать с Ираном и Турцией через Азербайджан и Грузию. Россия на одном только

транзите несет колоссальные убытки. Все более перспективным виделся маршрут трубопровода не через Чечню, а через Грузию. Дагестан, который жил в теснейшем экономическом симбиозе с Азербайджаном, оказался в еще большей блокаде, чем Баку. В итоге потери России только на торговых маршрутах за последние два года составили 6,1 миллиарда рублей.

Устройство альтернативных региональных транспортных коридоров — способ ослабления геополитических позиций России. В обозримом будущем она может столкнуться с перспективой утраты контроля над важными транспортными коммуникациями, выводящими ее на внешние рынки и пренебрежением транзита через Россию со стороны других стран.

Не исключается и одновременное формирование в Закавказье недружественной России стратегической оси Тбилиси — Баку — Анкара. Инструментом влияния Запада на эти республики может стать их огромная внешняя задолженность.

Глава 4

«КИНДЕР-СЮРПРИЗ»

Откуда растут розы. — Чей выдвиженец С. Кириенко. — Аппетиты финансовых олигархов. — Битва за «Газпром». — Продукт нового витка передела собственности. — Изобретатель уличной игры. — «Детсадовское» правительство. — Урезанные полномочия. — Первые разногласия. — Кризис правительства преодолен, кризис власти продолжается. — Президентские амбиции крепнут

Причины падения правительства В. Черномырдина и политического вознесения мало кому известного «младореформатора» С. Кириенко лежат не на поверхности, как это изображалось в легковесных СМИ. Все было гораздо глубже.

Умный молодой премьер напоминал цветок. Но ведь люди знают, из чего произрастают розы. Какая почва взрастила С. Кириенко? Чьи интересы он выражал? Или, может быть, правильнее поставить вопрос так: какая часть элиты поручила ему выразить ее интересы?

К марту 1998 года в России самыми крупными и влиятельными элитами стали газовая, нефтяная и банковская. Первые две роднило то, что они возникли на базе государственной экономики. Третья относится к частному сектору.

Газовики и в советские времена были сплочены и организованы, а потому раньше всех осознали и реализовали все преимущества «естественной монополии» при неразвитом рынке. Уже в 1990 году отрасль вышла из-под непосредственного подчинения союзного правительства, эффективно реорганизовавшись по собственной инициативе в государственный концерн «Газпром». Решающую роль в этом сыграл лично В. Черномырдин.

Ядро газовой элиты — высший менеджмент входящих в РАО «Газпром» газодобывающих объединений. Всего их восемь, крупнейшими являются «Уренгойгазпром», «Надымгазпром», «Ямбурггаз».

Газовую элиту составляли также руководители тридцати региональных предприятий газопроводного транспорта, внешнеэкономического предприятия «Газ-экспорт». Кроме того, сюда входили контролируемые «Газпромом» банки: «Мосбизнесбанк», «Империал», «Газпромбанк», «ИнтерТЭКбанк» и другие, входившие в первую сотню крупнейших российских банков. Правда, после августа 1998 года некоторые из них приказали долго жить. Впрочем, некоторые эксперты не исключают, что это тоже входило в замыслы устроителей финансового кризиса.

Западные аналитики отмечают, что газовая элита — самая иерархичная и дисциплинированная среди современных экономических элит в России. Этим она отличается, в частности, от нефтяной. Ее даже сравнивают с военной структурой. Трудно вспомнить случай, когда кто-либо из авторитетных газовиков публично высказал бы мнение, идущее вразрез с линией руководства. Поэтому их и называют «газовыми генералами».

У этой элиты было сильное преимущество, являвшееся одновременно и недостатком: она не создавала своих публичных лоббистских, профессиональных и клубных структур, поскольку не нуждалась в них. Все необходимые вопросы решались автоматически на самом высоком государственном уровне. Ясно, что ослабление позиции человека, на котором все держалось, означало ослабление всей элиты. Но кресло Виктора Степановича Черномырдина казалось таким устойчивым...

Газовая отрасль давно притягивала к себе внимание тех, кто хотел бы раздробить и разделить эту естественную монополию. На нее алчно взирали многие конкурирующие финансово-промышленные группировки. Есть сведения, что был разработан долгосрочный план лишения ее целостности. В качестве препятствия, которое не могли преодолеть хищные финансисты, выступал всего один-единственный человек. Но этого человека звали Виктором Степановичем Черномырдиным.

Нефтяную элиту, в отличие от газовой, называют «нефтяными баронами». Это группа очень значимых персон. Тридцать нефтедобывающих объединений

и двадцать восемь нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов обладают производственной и коммерческой самостоятельностью, включая внешнеэкономические связи. В отрасли несколько десятков предприятий, осуществляющих транспортировку нефти и нефтепродуктов по трубопроводам, и примерно столько же, осуществляющих оптовую торговлю нефтепродуктами внутри страны.

Представители нефтяной элиты в правительстве — министры топлива и энергетики. Именно на этот пост был выдвинут выходец из Нижнего Новгорода С. Кириенко. С мая 1997 года он занимал должность первого заместителя министра. С 1996 года руководил нефтяной компанией «НОРСИ-ОЙЛ». До этого возглавлял правление нижегородского банка «Гарантия», еще раньше — кооператив.

Наблюдатели отмечали, что переход из руководства коммерческих банков в правительственные структуры — явление привычное для России. Летом 1996 года в кабинет министров на должность первого вице-премьера приходил крупнейший негосударственный банкир В. Потанин, пребывавший там девять месяцев, а затем снова вернувшийся в родной банк, осенью того же года заместителем секретаря Совета безопасности стал видный предприниматель Б. Березовский. Подконтрольная банкам пресса ликовала и с чувством глубокого удовлетворения констатировала начало «нового качественного этапа в деятельности исполнительной власти» (*«Время»*, ОРТ, 8 октября, 1996 г.).

Банковская элита, безусловно, одна из самых влиятельных сил в России. Мероприятия Ассоциации российских банков освещались в прессе как крупные события общенационального масштаба. Велико их воздействие на «святая святых» государственной политики — кадровую. После «черного вторника» 1994 года Ассоциация публично предложила ряд своих кандидатур на посты министра финансов и председателя Центробанка. Побывали в правительственных креслах П. Авен, С. Дубинин и другие представители банковской элиты.

В 1997 году интересы финансистов и естественных монополий схлестнулись. Борьба была многотрудной, с переменным успехом. Результаты стали известны

в 1998 году: «Газпром» устоял, несговорчивый В. Черномырдин был уволен.

На смену ему пришел С. Кириенко. Вот какую «объективку» получила на него думская фракция КПРФ из Нижегородского обкома в ответ на свой запрос:

«Кириенко Сергей Владиленович родился в 1962 году в г. Сухуми.

Отец: Израитель Владилен Яковлевич, еврей, работал на кафедре философии Горьковского (Нижегородского) института инженеров водного транспорта, профессор, умер.

Женат, жена — детский врач, двое детей.

Образование высшее: Горьковский (Нижегородский) институт инженеров водного транспорта и Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР. В институте вступил в ряды КПСС.

По распределению был направлен на Горьковский завод «Красное Сормово». К производственной деятельности быстро охладел, сосредоточился на общественной работе, где сделал быструю карьеру: избирался секретарем комсомольской организации завода, членом ЦК ВЛКСМ.

Беспринципен: ради карьеры пойдет на все, отказавшись от фамилии отца и взяв фамилию матери, тем не менее поступил в институт к папе. Увидев, что КПСС теряет «руководящую и направляющую» силу, предав комсомольские идеалы, быстро сбежал в денежную сферу. Возглавил кооператив, правление социально-коммерческого банка «Гарантия». С 1996 года президент нефтяной компании «НОРСИ-ойл». С мая 1997 года первый заместитель министра топлива и энергетики РФ. Партийный билет хранит на всякий случай.

По собственным его словам, у него советская национальность.

Честолюбив, высокомерен, беззастенчив, капризен. Хотя и не глуп, но в суждениях и поступках поверхностен. Умеет вовремя, сменив должность, уйти от ответственности.

Берется за любое дело, даже если в нем ничего не понимает. Будет без конца советоваться со всеми, особенно равными себе по должности или вышестоя-

ящими, что позволяет в случае неудачи переложить вину на них.

В «Интернете» на своей страничке израильская газета «Вести» подтвердила информацию газеты «Известия» о том, что Сергей Кириенко имел израильское гражданство. «Вести» отмечают, что отделение министерства внутренних дел Израиля в городе Холон (пригород Тель-Авива) подтвердило, что соответствующее удостоверение в свое время выдавалось здесь С. Кириенко, когда он был банкиром. Однако после отказа Б. Березовского от израильского подданства С. Кириенко последовал его примеру, как и ряд других бизнесменов и политических деятелей...

С. Кириенко обвиняют в связях с американской религиозной сектой, которая считается коммерческой организацией, также известной как «Хаббард колледж». Секта считается чрезвычайно опасной, и все ее члены объединены полной лояльностью идеалам секты».

31 марта 1998 года в Государственной думе состоялась встреча С. Кириенко с депутатами фракции КПРФ. Они еще не знали, что кандидат на пост премьер-министра совсем недавно зарегистрировал патент на изобретение уличной игры, привезенной им из США, называемой в обиходе «лохотроном» — разновидности наперсточного жульничества. Премьер-наперсточник! Об этом немного позже рассказала газета «Совершенно секретно».

Но и того, что прислали из Нижнего Новгорода, хватало. По сведениям от депутатов КПРФ, выступление С. Кириенко на заседании фракции и его ответы на заданные ему вопросы носили общий характер. Они показали, что кандидат в премьеры «слабо владеет ситуацией в стране», кроме положения в топливно-энергетическом комплексе, с которым он оказался знаком достаточно хорошо.

После того как С. Кириенко покинул заседание фракции, состоялось обсуждение его кандидатуры, которое не изменило уже известной позиции КПРФ, остающейся критической и негативной по отношению к тому «гибельному для России политическому и экономическому курсу», который до того неизменно проводили в жизнь предыдущие правительства России.

Отдельные депутаты-коммунисты тем не менее отметили, что проблема утверждения кандидатуры С. Кириенко скорее заключается не в его конкретной личности, а в том, что он уже открыто декларировал приверженность прежнему правительственному курсу, который КПрФ и ее союзники публично осуждали.

Кроме того, как указывали некоторые члены фракции, президент РФ сам осложнил положение, потребовав от Госдумы утверждения С. Кириенко «в ультимативном тоне».

Левопатриотическая оппозиция, особенно КПрФ, в этих условиях не могла «терять лицо» и соглашаться на ультиматум президента. Поэтому фракция КПрФ ничего не оставалось делать, кроме как голосовать против представленной им кандидатуры.

Государственная дума по инициативе коммунистов приняла обращение к президенту с просьбой о проведении обязательных предварительных консультаций по кандидатуре главы правительства. Если компромисс не будет достигнут, фракция КПрФ, по утверждению некоторых депутатов, была готова идти на роспуск Госдумы и на новые парламентские выборы.

Результаты первого тура голосования по кандидатуре С. Кириенко с точки зрения аналитиков малоинтересны, так как негативный исход был предсказуем. Бюллетеней в пользу и. о. премьера было гораздо меньше того, на что рассчитывал Б. Ельцин, его администрация и сам С. Кириенко.

Б. Ельцин с большим опозданием и не от хорошей жизни вынужденно пошел на проведение встречи «большой четверки» и заседание «круглого стола», которые, по мнению многих политологов, не имели ничего общего с демократическими процедурами предварительных согласований и поиском компромисса. Он недвусмысленно дал понять, что не отступит ни перед вторым, ни перед третьим голосованием.

Перед вторым туром, намеченным на 17 апреля, председатель Госдумы Г. Селезнев имел встречу с Б. Ельциным и высказал общее настроение большинства депутатов, которые будут голосовать против кандидатуры С. Кириенко. Президент ответил: у него нет другого кандидата на пост премьера и если кандидатура С. Кириенко не получит одобрения в Госдуме, то он воспользуется своими конституционными правами.

Упорство Б. Ельцина победило: с большим трудом, путем различных комбинаций и компромиссов кандидатура С. Кириенко все же прошла — с третьей попытки!

Началось формирование нового кабинета. Оно проходило в русле так называемой административной реформы, объявленной Б. Ельциным в феврале 1998 года в Послании Федеральному собранию. Реформа предполагала приведение структуры и состава высшего органа исполнительной власти в соответствие с недавно принятым федеральным конституционным законом «О Правительстве РФ». В нем шла речь о существенном расширении полномочий федеральных министерств при одновременной ликвидации института первых вице-премьеров и существенном сокращении количества «обычных» вице-премьерских постов.

С. Кириенко сразу же утвердил четырехмесячный план сокращения (на 30 процентов) и реорганизации аппарата правительства. Как заявил новый премьер, план будет осуществляться поэтапно, по мере передачи компетенции в решении тех или иных организационных и технических проблем.

Политологи отмечали, что с политической точки зрения реорганизация правительства выглядела крупнейшей с весны 1997 года кадровой чисткой. Всего в состав кабинета, наряду с самим премьером и тремя его заместителями, вошли 22 федеральных министра и 11 руководителей государственных комитетов. Последние, как и руководители федеральных служб, официально в структуру правительства не входили. Два министерства и шесть госкомитетов были ликвидированы, еще три реорганизованы. Произошло перераспределение ряда функций: вместо Министерства по внешнеэкономическим связям и торговле на базе его инфраструктуры создали Министерство промышленности и торговли, к которому отошел ряд полномочий существенно ослабившегося Минэкономики; образовали Министерство науки и технологий.

Существенно изменился и кадровый состав правительства. К руководству министерств и ведомств пришли пятнадцать новичков, в том числе один вице-премьер, и руководитель аппарата правительства, восемь федеральных министров и пять руководителей государственных комитетов и федеральных служб.

Новые руководящие должности в кабинете С. Кириенко получили заместитель председателя правительства С. Христенко, ранее работавший заместителем министра финансов при А. Чубайсе и М. Задорнове; руководитель аппарата правительства Н. Хватков — очередной земляк С. Кириенко и Б. Немцова, ранее возглавлявший Борский коммерческий банк в Нижнем Новгороде. Именно этот банк выступил одним из учредителей банка «Гарантия», которым, как известно, еще год назад руководил новый глава правительства.

Министром топлива и энергетики стал С. Генералов, прежде работавший заместителем председателя правления банка «МЕНАТЕП» и старшим вице-президентом холдинга «Роспром»; министром юстиции — П. Крашенинников, бывший при С. Степашине его первым заместителем; министром сельского хозяйства и продовольствия — В. Семенов, бывший руководитель подмосковной агрофирмы «Белая дача» — главного поставщика элитной овощной продукции к руководящим кухням; министром природных ресурсов — В. Некрутенко, до того занимавший пост начальника департамента собственности и регулирования естественных монополий аппарата правительства; министром здравоохранения — О. Рутковский, прежде работавший директором Первой градской больницы в г. Москве; министром региональной и национальной политики — Е. Сапиро, возглавлявший законодательное собрание Пермской области; министром земельной политики и жилищно-коммунального хозяйства — И. Южанов, считавшийся выдвиженцем «питерской» команды А. Чубайса, имевший опыт руководства Роскомземом.

В числе новичков также депутат Государственной думы из фракции «Яблоко» О. Дмитриева, занявшая пост министра труда и социального развития; депутат Госдумы из группы «Российские регионы» В. Гоман, ставший руководителем Государственного комитета по делам Севера; заместитель С. Кириенко в Минтопэнерго С. Новиков, получивший пост руководителя Государственного комитета по государственным резервам; первый заместитель прежнего руководителя Государственного таможенного комитета А. Круглова; В. Драганов, ставший руководителем ГТК; депутат

Госдумы от фракции НДР М. Сеславинский, получивший пост руководителя Федеральной службы по телевидению и радиовещанию, и единственный «политический» назначенец, ранее возглавлявший соответствующий профильный профсоюз В. Будько, ставший руководителем Федеральной службы по регулированию естественных монополий на транспорте.

Кроме того, вновь созданное Министерство промышленности и торговли возглавил Г. Габуня, который в качестве недавнего заместителя руководителя Министерства по внешнеэкономическим связям и торговле курировал отношения с международными экономическими организациями, прежде всего Всемирной торговой организацией. Однако, в отличие от других, Г. Габуня полноценным министром сразу не стал: его назначили «исполняющим обязанности» с трехмесячным испытательным сроком.

За исключением экс-министра внутренних дел А. Куликова и сменившего его на этом посту С. Степашина, свои должности сохранили «силовики». Это свидетельствовало об особом доверии к ним президента. Правда, наблюдатели отмечали неясность с дальнейшими перспективами министра обороны И. Сергеева. Срок контракта ему был продлен только на год, что не могло не вызывать повышенную нервозность в аппарате военного ведомства.

Структура нового правительства наводила экспертов на глубокие раздумья.

На первый взгляд С. Кириенко выполнил обещание, данное им в процессе назначения, и добился существенного сокращения количества своих заместителей, что и предусматривалось новым законом «О правительстве». Для сведения: в кабинете В. Черномырдина было два первых вице-преьера и от шести до восьми «рядовых».

На самом же деле ситуация выглядела несколько иначе. Дело в том, что в новом правительстве гораздо более активную роль, чем ранее, играл специальный руководящий орган — президиум, члены которого располагали рядом дополнительных прав и полномочий. В частности, они располагали дополнительными кабинетами в Белом доме, правом самостоятельно нанимать свой секретариат, возможностью куриро-

вать сравнительно большее количество государственных комитетов и федеральных служб.

В состав президиума, наряду с премьером и его заместителями, вошли министры: науки и технологий — В. Булгак, финансов — М. Задорнов, экономики — Я. Уринсон, государственного имущества — Ф. Газизуллин.

Простые расчеты показывали, что этот список мог быть расширен за счет сохранившего ранг вице-преьера И. Рыбкина, назначенного полномочным представителем президента РФ в странах СНГ и пользовавшегося репутацией политика, близкого к Б. Березовскому. Другим кандидатом на место в президиуме называли Р. Абдулатипова, считавшегося, несмотря на недовольство со стороны руководства Чечни, одним из ведущих российских специалистов по проблемам Северного Кавказа. Имелась информация о том, что ему собирались предложить должность главы представительства федерального центра в этом регионе, причем опять-таки в прежнем статусе заместителя председателя правительства.

Помимо этого, на членство в президиуме — с учетом статуса ведомства — в перспективе мог рассчитывать и новый министр промышленности и торговли Г. Габуния, но только после того, как избавится от приставки «и. о.». Общее количество членов государственного руководства после этого достигло бы одиннадцати — как раз по числу вице-премьерских кабинетов в Белом доме.

Таким образом, новая структура кабинета во многом повторяла прежнюю, но с некоторым снижением статуса основных действующих лиц: бывшие первые заместители премьера становились обычными, а последние — членами президиума.

Российские и зарубежные эксперты обращали внимание на отсутствие в президиуме «президентских» министров. В этом видели подтверждение права их «экстерриториальности» по отношению к С. Кириенко и его аппарату, что свидетельствовало о более жестком разграничении политических и экономических функций, чем это было в правительстве В. Черномырдина.

Данное обстоятельство наводило экспертов на

мысль о том, что у Б. Ельцина были вполне определенные планы на 2000 год. Скорее всего подчиненные напрямую президенту «силовики» были призваны обеспечить политическое прикрытие возможных предвыборных маневров главы государства, а замыкавшиеся на премьера «технократы» из экономического «блока» непосредственного участия в избирательной кампании не примут, что развяжет им руки для проведения в жизнь любых непопулярных мер, которые в этом случае в меньшей степени будут связываться с Б. Ельциным и его кандидатурой.

Следующий весьма интересный вопрос — о распределении полномочий и расстановке сил в новом кабинете.

Одна из провозглашенных целей административной реформы заключалась в изменении самого подхода к формированию правительства с прежнего, отраслевого, на функциональный, при котором каждый из вице-премьеров курировал бы определенное стратегическое направление реформ. Новому премьеру, несмотря на определенное аппаратное сопротивление, «продавить» это решение в целом удалось.

В соответствии с новыми веяниями Б. Немцов, совмещавший свой пост в правительстве с руководством коллегией государственных представителей в РАО «Газпром», отвечал за работу с естественными монополиями; В. Христенко — за формирование бюджетной политики и межбюджетные отношения федерального центра и регионов; О. Сысуев, как и прежде, — за блок социальных вопросов и реформу жилищно-коммунальной сферы, а также курировал СМИ.

В этих условиях особую актуальность приобретал вопрос о том, кто из вице-премьеров сосредоточит у себя кураторство ведомствами, руководители которых были возведены в ранг членов президиума.

Аналитики, наблюдавшие за первыми шагами работы нового правительства, сразу же обнаружили признаки развернувшейся внутренней борьбы между членами кабинета за расширение своего влияния. Об этом свидетельствовал окончательный вариант распределения полномочий, который существенно отличался от первоначального, обнародованного в первой декаде

мая. Не прошло незамеченным и то, что С. Кириенко фактически дезавуировал заявление Б. Немцова по поводу полученного им поручения замещать премьера в его отсутствие. Но, как показало дальнейшее развитие событий, противостоять принятию данного решения все-таки не смог. Понятно, что здесь не обошлось без вмешательства Б. Ельцина, который дважды за несколько последних дней принимал кадровые решения вопреки мнению С. Кириенко. Ранее был случай с сохранением вице-премьерского статуса И. Рыбкину.

В самом деле, в первоначальном варианте сразу трое из четырех членов президиума правительства — М. Задорнов (Минфин), Я. Уринсон (Минэкономики) и Ф. Газизуллин (Мингосимущество) оказывались в сфере «кураторства» отнюдь не Б. Немцова, а другого заместителя — В. Христенко, а четвертый — В. Булгак (Миннауки и технологий), — минуя всех зампредов, «замыкался» непосредственно на С. Кириенко.

Правда, спустя некоторое время ситуация несколько изменилась и большинство «кураторских» полномочий у В. Христенко забрали, передав их непосредственно премьеру. В результате получилось, что, отвечая за формирование доходов бюджета, В. Христенко не имел рычагов контроля за ведомствами, которые этим занимались.

Таким образом, вслед за выводом о том, что правительство фактически поделено на «зоны ответственности» Кремля и Белого дома, аналитики сделали второй вывод: существовавшее разделение полномочий свидетельствовало о возникновении внутри кабинета серьезных разногласий, улаживать которые был вынужден лично президент. Причем сделал он это отнюдь не в пользу С. Кириенко.

По имевшейся информации, отношения между С. Кириенко и Б. Немцовым были далеко не безоблачные, как об этом сообщало большинство СМИ. Ряд источников из властных структур сообщал, что в процессе формирования кабинета новый премьер предпринял попытку уговорить Б. Ельцина «забрать» Б. Немцова в администрацию. Однако президент не согласился, и рассмотрение этого вопроса было отложено на неопределенный срок — до «первого крупного промаха» Б. Немцова.

Следующий принципиальный вопрос — об основных направлениях деятельности нового кабинета.

Становилось ясно, что в их выборе С. Кириенко также не слишком самостоятелен: все определялось президентом, который в последние недели несколько раз, включая бюджетное послание, возвращался к данной проблематике. По мнению главы государства, в центре внимания правительства должны находиться не политические, а экономические, и особенно социальные вопросы. Это объясняли тем, что приближался новый избирательный цикл, и от выполнения соответствующих обязательств в немалой степени зависела дальнейшая политическая судьба не только «партии власти», но и самого Б. Ельцина. Не было сомнений, что его политическая воля будет проводиться в жизнь достаточно настойчиво и последовательно, тем более в условиях, когда С. Кириенко в целом удалось избежать принятия на себя сколько-нибудь существенных обязательств перед различными политическими силами и финансово-промышленными группировками.

В рамках этих подходов отчетливо просматривались два основных направления.

Во-первых, борьба за максимальное сокращение бюджетных расходов. Для решения этой задачи еще в прежнем правительстве под руководством А. Чубайса была создана специальная комиссия по сокращению бюджетных обязательств. При С. Кириенко руководство этим органом перешло к Б. Немцову. Кроме того, новый премьер пытался реанимировать деятельность ВЧК. Параллельно, как и в 1997 году, правительством осуществлялся 26-процентный секвестр расходной части бюджета. Сокращение бюджетных расходов С. Кириенко проводил в сочетании с неукоснительным возвращением большинства долгов по зарплатам и пенсиям: Решения по выплатам части задолженностей шахтерам Заполярного и Дальневосточного бассейнов, а также поручение МПС изыскать внутренние резервы для обеспечения отдыха шахтерских детей — тому свидетельство.

Во-вторых, максимальное увеличение налоговых сборов и ужесточение санкций против неплательщиков. Сам С. Кириенко рассматривал ситуацию через призму сочетания «кнута и пряника»: предполагалось,

что фискальные меры должны действовать в увязке с реструктуризацией прежней задолженности и некоторым снижением налогового бремени. Решение этой проблемы было невозможно без Государственной думы. Пока парламентарии приняли Бюджетный кодекс в первом чтении.

Политическая подоплека этого очевидна. Правительство С. Кириенко упорно стремилось к устранению дублирования своих действий в сфере экономической политики. Для этого ему необходимо было одновременно решить три взаимосвязанные задачи.

С одной стороны, новый премьер был заинтересован в уменьшении зависимости правительства от Государственной думы, тем более в условиях, когда парламентарии, проигравшие весенний раунд противоборства с исполнительной властью, непременно попытаются взять реванш осенью. И лучшего повода, чем рассмотрение бюджета, не предвиделось.

С другой стороны, необходимо если не устранить, то хотя бы ограничить воздействие со стороны президентской администрации, где вопросами экономической политики занимался А. Лившиц.

С третьей стороны, С. Кириенко, несомненно, будет избегать конкуренции и внутренней борьбы в самом правительстве, которую постоянно вел его предшественник В. Черномырдин.

Таким образом, одним из главных итогов правительственного кризиса представлялось существенное перераспределение полномочий между президентскими структурами и исполнительными органами власти. Суть его в том, что политические функции власти отныне целиком и полностью были сосредоточены в президентской администрации, а кабинету министров выдан карт-бланш на осуществление хозяйственно-экономической и социальной деятельности.

Отставка правительства В. Черномырдина, успешно завершившаяся эпопея с утверждением С. Кириенко в Госдуме новым премьером, формирование кабинета министров и возможное дальнейшее развитие политической ситуации в России оставались главными темами обсуждений среди аккредитованных в Москве западных дипломатов.

Решительные действия оправившегося от болезни

президента Б. Ельцина были и оставались неожиданными для иностранных диппредставительств, что было продиктовано необходимостью регулярных конфиденциальных встреч между послами великих держав для обмена мнениями и выработки некоего общего видения событий.

Так, посол США Дж. Коллинз не сомневался, что отставка российского кабинета и все последовавшие за этим события были инициативой лично Б. Ельцина и преследовали поверхностную цель: напомнить всем, кто хозяин в доме. В то же время была и серьезнейшая подоплека: начать масштабное обновление всей системы исполнительной власти перед чередой общефедеральных предвыборных кампаний.

Западные дипломаты сходились во мнении, что Б. Ельцин в последние годы и месяцы воспринимал попытки политической конкуренции все более эмоционально. Конкретным поводом отставки В. Черномырдина, судя по всему, был его визит в США, где он выглядел уже чуть ли не без пяти минут президентом, а также неформальные встречи экс-премьера с представителями финансовой элиты, предлагавшей ему открыто и заблаговременно заявить о своих притязаниях на Кремль.

Прогнозировалось, что президент России и в дальнейшем так же жестко, в зависимости от состояния своего здоровья и возможностей политического маневра, будет обходиться с другими претендентами на высший государственный пост. Среди них на тот момент начинали все более котироваться Ю. Лужков и А. Лебедь. Однако сделать это будет непросто. Первый уже давно находился на выборном посту и пользовался беспрецедентно широкой поддержкой своего электората, а второй небезуспешно участвовал в избирательной гонке за губернаторское кресло в Красноярске.

Представители США, Великобритании, Франции, Германии высказывали в частных беседах определенное сожаление в связи с отставкой В. Черномырдина. В западных дипломатических оценках В. Черномырдину отводилась роль «узнаваемого» дублера Б. Ельцина. С ним за рубежом успели познакомиться. С. Кириенко еще предстояло пройти долгий путь,

прежде чем он не формально, а реально сможет стать фигурой номер два в государстве, которая сможет располагать доступом к «ядерной кнопке» и вести дело к досрочным президентским выборам при возникновении форс-мажорных обстоятельств.

Западные дипломаты полагали, что основным гарантом необратимости российских реформ оставался Б. Ельцин. В этой связи кандидатура главы правительства принципиального значения не имела. «Мы уже столкнулись с С. Кириенко при обсуждении проектов в нефтегазовой сфере, — заявил Дж. Коллинз, — и его позиция, при некоторой жесткости в вопросах участия российских партнеров в таких проектах, в целом нашла понимание у американских компаний».

В Вашингтоне считали, что прохождение кандидатуры С. Кириенко в Госдуме столкнулось с большими трудностями, однако, во всяком случае, он не вызвал такого отторжения парламентариев, как Б. Немцов.

Что касается идеи приближения и совмещения сроков парламентских и президентских выборов в России, то дипломаты относились к ней скептически. Один из аргументов — недавние выборы в Верховную раду на Украине, где внушительную победу одержали коммунисты и другие левые силы.

Посол США Дж. Коллинз полагал, что последние политические события могут свидетельствовать о вхождении России в новый этап развития. Первый этап, по его словам, был ознаменован обвальным переходом к стихии рыночной экономики под руководством Е. Гайдара. В ходе второго этапа правительство В. Черномырдина пыталось придать этому процессу эволюционные формы. Однако это зачастую не удавалось на фоне политических катаклизмов и подковерной борьбы российской олигархии за политическое влияние, собственность и средства массовой информации.

Увольнение В. Черномырдина, по всей видимости, знаменовало новый этап реформ, корректировку их курса. Сюда входит возврат к элементам регулируемой экономики, нормализация государственных финансов, налоговая реформа, здоровый протекционизм, новый стиль приватизации, аукционов и деятельности крупных государственных компаний, сокращение госу-

дарственного аппарата, создание среднего класса, осуществление массового жилищного строительства.

Возвращение Б. Березовского на госслужбу в качестве исполнительного секретаря СНГ и выдвижение А. Чубайса в РАО «ЕЭС России» также не прошли незамеченными в дипломатическом корпусе, аккредитованном в Москве. Эти решения рассматривались как проявление того, что глава государства, проявлявший амбиции «самодержца», мог «казнить», но может и «миловать» тех, кто сохраняет лояльность ему.

Один из наиболее известных «кремленологов», бывший помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский, анализируя политический кризис в Москве, считал, что «русская смута еще далеко не закончилась».

Система власти в современной России представлялась ему «комбинацией анархии и демократии, личной диктатуры и неразберихи, умирающей экономики, основанной на уравниловке, и нарождающегося паразитического капитализма».

Реальность, полагал З. Бжезинский, не соответствовала утопическим представлениям Б. Клинтона, продолжавшего рассматривать Россию как полноправного члена демократического сообщества, власти которого привержены таким ценностям, как законность, свобода выбора и права человека. Даже если Б. Ельцин отступает от этих норм, подвергая артобстрелу парламент или сравнивая с землей г. Грозный, «нынешняя администрация поддерживает его, потому что хозяин Кремля якобы остается демократом».

Таким же неоправданным оптимизмом, по мнению З. Бжезинского, окрашено отношение администрации Б. Клинтона к российской экономике. Считается, что она в основном приватизирована, на смену аппаратчикам пришел новый класс предпринимателей и вскоре начнется экономический рост. За последние два года западные сторонники Б. Ельцина неоднократно с уверенностью предсказывали экономическое возрождение России, но этого не происходило.

Однако «Вашингтон обращает мало внимания на то, что значительная часть тех миллиардов долларов, которые предоставлялись Москве с 1991 года, в буквальном смысле раскрадена». По подсчетам З. Бжезин-

ского, около половины западных капиталов, влитых в российскую экономику, застряло в Москве.

Новая экономическая элита паразитична. Она не инвестирует в будущее России, а «проматывает свои богатства либо вывозит капиталы на Запад».

Контраст между богатством и бедностью в России растет в материальном и психологическом смысле. Элита ностальгирует по статусу мировой сверхдержавы и претендует на «особую роль» в мире. В то же время основная масса населения озабочена повседневным существованием и «амбиции нового класса ей чужды».

3. Бжезинский рекомендовал осуществить корректировку принципов российского направления политики администрации США в сторону «большого реализма по отношению к нынешней власти».

В аналитической записке, подготовленной известным мозговым трестом США — «Фондом Карнеги», — отмечалось, что «федеральная исполнительная власть в России оказалась неготовой к осуществлению функций управления в условиях не назначаемых, а всенародно избираемых властных структур в регионах».

Одной из главных угроз национальной безопасности был региональный сепаратизм. Наиболее яркий пример — Чечня. Центр утратил инициативу в строительстве Федерации.

Отсутствие юридически закрепленной стратегии развития взаимоотношений с регионами привело к следующим последствиям.

В политической сфере. Ослабление федеративной власти. Использование местными руководителями «ситуации противостояния» в собственных политических и экономических целях.

Неспособность правительства эффективно распоряжаться конституционными полномочиями в отношениях с периферией, отсутствие долгосрочной региональной стратегии.

Несоответствие структуры исполнительной власти современным реалиям, в частности, решению государственных задач в регионах.

Расхождения между декларированными Конституцией РФ равными правами субъектов Федерации и действительным положением отдельных республик и об-

ластей. Договоры между центром и субъектами закрепляют привилегии отдельных регионов в ущерб Федерации в целом и создают угрозу государственному устройству России.

Несоответствие региональных законов федеральным, ведущее к разрушению правового пространства.

Стимулирование и использование сепаратистских настроений региональными элитами в целях прихода к власти. Усиление борьбы за власть и собственность между руководством субъектов Федерации и органами местного самоуправления.

В социально-экономической сфере. Увеличение разрыва в уровне развития регионов и объемах производства на душу населения. Обострение ситуации в наиболее отсталых республиках и областях на фоне беспорядочных мер правительства по выводу экономики из кризиса.

Отсутствие должного финансового и ресурсного обеспечения деятельности местных властей, несовершенство системы трансфертов, нарушающей принципы равноправия регионов и позволяющей бесконтрольно расходовать средства.

Нерешенность проблемы беженцев и переселенцев. Тяжелая демографическая ситуация на Севере и Дальнем Востоке.

Кризис на Северном Кавказе, вызванный недавней политикой центра в социально-политической, национально-территориальной, экономической и религиозно-этнических областях. Реальная опасность полного отделения Северо-Кавказского региона от Федерации.

Аналитики «Фонда Карнеги» видели перспективы цивилизованного развития федеративных отношений через решение следующих первоочередных юридических и практических задач.

Разработка и законодательное закрепление региональной и национальной политики государства, основанной на исторических, этнических, культурных, религиозных особенностях субъектов Федерации. Создание единого правового пространства, исключение местного законотворчества, противоречащего Конституции и законам РФ.

Четкое законодательное разграничение предметов

ведения и функций между центральной и региональными властями. Усиление государственно-правовой ответственности глав местных администраций за неукоснительное соблюдение федеральных законов.

Подготовка реальных программ урегулирования социально-политической и экономической ситуации в кризисных и предкризисных регионах. Создание материального и финансового резерва государства под их реализацию.

Четкое законодательное оформление вопросов использования силы в интересах стабилизации внутривнутриполитической обстановки.

Эксперты «Фонда Карнеги» подготовили также анализ деятельности правительства РФ и перспектив развития российской экономики до конца 1998 года.

В документе отмечалось, что правительству В. Черномырдина не удалось добиться прорыва практически ни по одному из направлений структурной перестройки экономики. Большая часть из анонсированных реформ (естественные монополии, налоги, армия, пенсионное и социальное обеспечение, коммунальные услуги) перекочевала из 1997 в 1998 год.

Несмотря на предпринятые усилия, не были погашены задолженности бюджетникам. Особо тяжелое положение сложилось в Приморском, Краснодарском и Алтайском краях, Бурятии, Хакасии, Ненецком и Корякском автономных округах, Омской и Свердловской областях, Тюмени, Волгограде. Общая задолженность по бюджетным выплатам — около 21 миллиардов денонмированных рублей.

Неудовлетворительно собирались налоги, возрастали неплатежи и распространение денежных суррогатов. Провалена программа государственных инвестиций, сократилось внешнеторговое сальдо.

Правительство оказалось неспособным выработать национальную модель экономической системы государства. Снижение уровня инфляции сочеталось с общим расстройством обращения капитала, продолжавшимся спадом реального сектора, разрушением финансов производства, платежным и инвестиционным кризисом, бегством капитала из России.

Упал уровень инвестиций. Стратегическая задача большинства зарубежных компаний в основном сво-

дилась к занятию определенных позиций на российском рынке, который рассматривался как «перспективный в будущем». Расширение реальной инвестиционной деятельности откладывалось до новых выборов президента.

Существенным препятствием на пути иностранных вложений была продолжавшаяся криминализация страны. На Западе были твердо убеждены, что оргпреступность контролировала 40 процентов российской экономики.

Не способствовали росту зарубежных инвестиций прогнозы международных рейтинговых агентств. В январе 1998 года некоторые из них объявили об ухудшении прогноза государственного рейтинга России, дав тем самым понять, что на позитивные изменения в экономической ситуации в ближайшее время рассчитывать нет оснований.

Пессимистичным был прогноз в отношении внутренних инвестиций, поскольку все свободные деньги уходили на погашение долгов бюджетникам. Главными инвесторами были не те предприятия, которые хотели бы что-то развивать в своем деле, а те, кому некуда девать полученные по бартеру «кирпичи». На различные формы неденежных расчетов приходилось более 70 процентов операций в российской экономике. Эта тенденция шла по нарастающей.

Одной из главных составляющих в реформировании и модернизации экономики должна стать эффективная финансово-кредитная система. Однако снижение стоимости кредитов невозможно без наполнения доходной части федерального бюджета, без уменьшения размера бюджетного дефицита и сокращения доли платежей по обслуживанию государственного долга. Несмотря на предпринимавшиеся президентом и правительством В. Черномырдина усилия, существенных сдвигов в этом направлении не произошло. 46 процентов доходной части бюджета 1997 года было израсходовано на обслуживание госдолга. В 1998 году на эти же цели должно было пойти более 124 миллиардов денонмированных рублей. В то же время прямое финансирование бюджета развития составляло 1,7 миллиарда рублей. Поступления от приватизации планировались в размере 8 миллиардов рублей — на 10 миллиардов меньше, чем год назад.

Эксперты «Фонда Карнеги» считали, что «Россия вошла в зону «финансовой турбулентности» и может только ожидать инвестиций, но не получать их». Делали вывод, что «надежды правительства осуществить в текущем году качественные изменения во всех отраслях хозяйственной деятельности и положить начало экономическому росту малореальны».

По мнению аналитиков из команды С. Кириенко, приведенный выше анализ, внешне объективистский, во многом имел тенденциозный, направленный характер. Преследовалась двоякая цель. С одной стороны, убедить новое правительство в невозможности вывода страны из кризиса без всесторонней опоры на Запад и в необходимости строго следовать рекомендациям МВФ, других международных финансовых организаций, крупных западных компаний и банков. С другой стороны — отпугнуть потенциальных инвесторов, воспрепятствовать проявлению ими самостоятельности, способствовать сохранению за международной финансовой элитой монопольного права определять параметры сотрудничества с Россией.

В преддверии первых ста дней, когда традиционно оценивают результаты деятельности нового правительства, в экспертизах срока пребывания у власти кабинета С. Кириенко недостатка не было. Многие аналитики задавались вопросом: есть ли у премьера шансы на успех?

Весьма расплывчатые представления о программе правительства, которую презентовал Думе премьер С. Кириенко при своем утверждении, породили разнообразные отклики специалистов и обозревателей. Заявление о продолжении, но более последовательном и жестком, прежнего курса вызвало полное неприятие левой оппозиции, что было неудивительно. Но и центристы, и даже сторонники радикальных реформ категорическим образом проводили грань между заявлениями о намерениях и реальными возможностями, которыми располагало правительство и которые, по мнению абсолютного большинства, не позволяли реализовать ни одной масштабной программы, за исключением очередной аппаратной реорганизации. Впрочем, и она вызывала недоумение непродуманностью некоторых шагов, в частности, упразднением Роскомгидромета и других.

Безрадостные комментарии вызвало и более конкретное заявление правительства о приоритетах своей экономической деятельности на ближайший период. Может быть, наиболее показательно здесь мнение О. Лациса, весьма аккуратного в формулировках. Он считал, что «весь набор обещанных мер правилен, как в учебнике. Но с этим заявлением наши лидеры напоминают штаб, разыгрывающий блестящую операцию на ящике с песком, в то время как за окном гремит настоящее сражение, в котором события разворачиваются совсем иначе. Все-таки следовало бы серьезно обсудить, сохраняются ли еще шансы на экономический рост в текущем году и нужно ли к этому стремиться. Может быть, рост возможен, но лишь ценой девальвации рубля. Может быть, рост в близком будущем невозможен ни при каких обстоятельствах. А может случиться и так, что нереалистичный курс рубля приведет к обвалу сразу со всех сторон...» («*Новые известия*», 20 мая 1998 г.).

Как в воду глядел публицист и экономист!

Нарастали волнения шахтеров, перекрывались железные дороги, падали котировки корпоративных ценных бумаг, волновался банковский мир, председатель Центробанка С. Дубинин заявлял о проблемах с национальной валютой — вот обстановка, в которой звучали оптимистические заявления высшего руководства страны типа: «Шахтерская проблема будет решена, потому что подписал об этом указ». Каким же образом, на какие средства эта и тысяча других не менее важных проблем будут решаться, если и оппозиционные, и правительственные издания в своих выводах были абсолютно солидарны: «Россия — на пороге девальвации рубля», «Судьба рубля повисла в воздухе».

Да, скорее всего кризис правительство преодолет, но какой ценой? Вводя в действие «резервы главного командования»? Достаточно несерьезными представлялись утверждения, что средства найдутся при соблюдении режима строжайшей экономии. На ком еще можно было бы сэкономить, кроме донельзя разросшейся армии чиновничества? Но чиновничество в России, да еще в тот период, не победить никакому правительству. Это совершенно утопические планы.

И опять оставались два уже испытанных пути: рост внутренних неплатежей и внешних заимствований и третий — денежная эмиссия. Однако все они, как заявляли представители правительства, были неприемлемы.

Было очевидно, что у нового кабинета нет финансовой, экономической базы для преодоления кризиса. Что же касалось политической базы, то ее правительство С. Кириенко было лишено в результате полной разочарованности политической элиты деятельностью Б. Ельцина, так и не получившей внятного объяснения отставки влиятельнейших В. Черномырдина, А. Чубайса и А. Куликова, а также сильнее всего давления президента на Госдуму, закончившегося ее поражением, а значит, и поражением крупнейших российских партий и движений, в ней представленных. Причем всех, независимо от того, кто, как и по каким мотивам голосовал.

В результате Дума стала сотрудничать с правительством и лично с С. Кириенко на гораздо более жестких условиях, нежели сотрудничала с кабинетом В. Черномырдина. Особенно это касалось крупнейшей фракции КПРФ.

В одном из интервью Г. Зюганов так объяснял лояльность своей фракции к В. Черномырдину: «Мы исходили из того, что нынешняя власть в России все-таки неоднородна, она состоит из нескольких группировок, соперничающих друг с другом. Конечно, было нерасчетливо не использовать эти противоречия между нашими политическими противниками. Взаимодействуя с В. Черномырдиным, ориентируя его на помощь обрабатывающей промышленности и сельскому хозяйству, мы поддерживали и усиливали положительные стороны существования «Газпрома» и РАО ЕЭС, которые сохраняли целостность России, хрупкую целостность нашего экономического пространства... Именно эти обстоятельства заставляли нас взаимодействовать с правительством В. Черномырдина. Теперь же, после прихода С. Кириенко, над российскими естественными монополиями нависла огромная опасность. Скоро мы станем свидетелями новых попыток уничтожения этими ставленниками международного капитала естественных монополий — последних структур,

скрепляющих российское государство. Допустить этого никак нельзя, ибо это означает распад страны» («Завтра», 14 мая, 1998 г.).

Характерный момент: все большую оппозиционность правительству проявляла даже недавняя «партия власти» — НДР. Не случайно как-то «вдруг» возникла замена ей в лице «Российского прогрессивного союза» С. Беляева, уже имевшего отделения в 67 регионах. Если С. Кириенко решил бы опереться на РПС, эта организация стала бы достаточно влиятельной, поскольку оттянула бы большую часть «власти» у НДР. И все же обозреватели считали, что прогнозировать создание не сугубо московского, а общероссийского аналога НДР у С. Кириенко не было оснований: у региональной элиты, у сенаторов была своя игра и своя политика, что тоже самым непосредственным образом было связано с их оппозиционностью (пока скрываемой) правлению федеральной власти (Б. Ельцина), а значит, и его ставленников, нежеланием участвовать в столичных «разборках».

Губернаторский «одобрямс» фигуры С. Кириенко объяснялся пониманием того, что формирование именно такого — бюрократического, «беззвездного» — правительства знаменовал собой очередной шаг в укреплении регионального начальства. Прежнее правительство, как и президентская администрация чубайсовских времен, представляло собой некую надполитическую силу, с которой приходилось считаться. Технократический кабинет С. Кириенко заведомо был предназначен для исполнения внешней политической воли. Прежде всего, конечно, президентской. Но Б. Ельцин, как известно, бывает непредсказуем, бывает и нездоров, а иной «партии власти», кроме губернаторов, в России, можно сказать, и не было.

В итоге политического кризиса власть в центре ослабла, а региональные лидеры — не каждый в отдельности, а именно как целое, как «партия» — укрепили свои позиции. Еще недавно, рассматривая перспективы выборов 2000 года, обсуждали возможности претендента от «партии власти», имея в виду преемника Б. Ельцина. Новый расклад сил позволял говорить о представителе, о возможном лидере «партии власти» уже независимо от намерений и пристрастий Бориса Николаевича («Итоги», 18.05. 1998).

Пожалуй, именно крепнувшая независимость от «намерений и пристрастий Бориса Николаевича» и была определяющим фактором во взаимоотношениях регионов с центром летом 1998 года. Обозреватели не рассматривали этот процесс только через призму событий на Северном Кавказе или через фигуру А. Лебеда. И мятежная Чечня, и неуправляемый генерал могли придать ситуации лишь дополнительную остроту.

Противостояние обуславливалось объективно: бессилием, беспомощностью центра и усилением местной элиты, которая, потеряв надежду на помощь федеральных властей, устанавливала все более тесные контакты на региональном уровне, и эти контакты не ограничивались экономической сферой.

О желании регионов оказывать гораздо большее влияние на общероссийские экономические и политические процессы свидетельствовало и заявление председателя Совета Федерации Е. Строева о том, что «время, когда Совет Федерации говорил только «да» и «нет» законам, принятым Госдумой, прошло, потому что бремя экономических проблем упало на плечи регионов». Он предложил четырем комитетам Совета Федерации разработать концептуальную программу по выходу из кризиса. Тем самым Совет Федерации впервые дал понять, что отныне не полагается только на президента и правительство и будет рассчитывать на собственные силы.

В сложившейся ситуации обозреватели считали совершенно неправомерным говорить и о политической базе правительства в лице крупного частного капитала. Заявления о «равноудаленности» С. Кириенко от всех олигархических группировок никаких практических подтверждений не получили, а отмечаемое всеми преобладание в новом кабинете людей, которых при очень пристальном внимании и большом желании можно было назвать креатурами А. Чубайса — В. Потанина, но ни в коем случае не Б. Березовского — В. Гусинского, не давало оснований рассчитывать на завершение «банковской корпоративной информационной войны», которая летом 1998 года явственно приобрела характер войны во многом антиправительственной.

Такой ее характер вроде был даже на руку прави-

тельству, поскольку было на кого свалить вину за активизацию протестных акций. В неофициальных беседах сотрудники президентской администрации констатировали, что ситуация была гораздо серьезнее, чем обычные шахтерские забастовки. Для того, чтобы люди, бастовавшие из-за отсутствия денег, не расходились, кто-то регулярно находил немалые деньги на поставку им горячего питания, а два ведущих телеканала — ОРТ и НТВ — вели непрерывную подстрекательскую работу, сознательно выступая в роли «коллективного агитатора и организатора» масс. Так, во всяком случае, утверждала газета «Русский телеграф», принадлежавшая ОНЭКСИМу.

Но, с другой стороны, вечно оппозиционный «Московский комсомолец», наоборот, видел более чем прозрачный намек в заявлении С. Дубинина о том, что тогдашняя спекулятивная атака на гособлигации происходила по той же схеме, что и в январе 1998 года, когда на российский рынок, говоря языком «новых русских», «наехал» президент банка МФК Б. Йордан и стоявшие за ним финансовые группы, в частности, тот же ОНЭКСИМ.

Все это, по мнению обозревателей, чрезвычайно «раскачивало» ситуацию, облегчало манипулирование общественным мнением, но делало ситуацию весьма трудной для прогнозирования.

Отмечалось, что «антиолигархическая» кампания, начатая Б. Немцовым при поддержке президента, не могла не затронуть интересы всех крупнейших финансово-промышленных группировок, и потому все они вряд ли испытывали большое удовлетворение от смены правительства и его намерений резко ограничить пределы влияния крупного капитала на власть.

Безусловно, могли возникнуть или быть искусственно созданы обстоятельства, когда российский бизнес вновь станет предельно лояльным к правительству, но пока на это не было даже намека. И скорее всего этого не будет и в дальнейшем, если С. Кириенко сдержит слово и будет держать, как обещал, всех олигархов на почтительном расстоянии.

Рассмотрение положения дел позволяло сделать вывод, что изменения ситуации в лучшую сторону не было и в ближайшее время не предвиделось.

У власти оставался один вариант — «улучшение сознания». Провозгласив деидеологизацию государства, а на самом деле стремясь создать предельно моноидеологизированный режим, при котором доминирующая идеология — идеология меньшинства — в государственной политике подавляет собой все иные, российская верховная власть начала пожинать плоды.

Самоидентификация социальных групп и слоев общества, более четкое осознание ими своих собственных интересов, зачастую коренным образом не совпадающих с интересами правящей верхушки, довели организационное, социальное, экономическое, правовое, национальное, религиозное, идеологическое противостояние до критической отметки.

Между собой боролись уже не две глобальные идеологии — условно, коммунистическая и демократическая, а весь их мыслимый и даже немислимый набор.

Возникали псевдоидеологии, призванные преподнести неодобряемые обществом цели и методы их осуществления в приемлемой упаковке. Носителем подобной псевдоидеологии, по мнению ряда политологов, был и С. Кириенко, во всяком случае, на начальном этапе своей деятельности. Подтверждением этой мысли было мнение Е. Гайдара, высказанное им в журнале «Новое время»: «Что...делает Кириенко? Он достаточно правильно понимает, что надо делать в экономике, и пытается упаковать это правильное понимание в те слова, которые нравятся элитам и избирателям существенно левее нас. Слова-то можно самые разные использовать. Важно, что будет делать» («Новое время», 20 мая 1998 г.).

Каждый политик, каждая группировка имели свое «правильное понимание» и стремились упаковать его в слова, которые нравились. На словах могло быть даже достигнуто общенациональное согласие и сформулирована искомая национальная идея.

На деле же — глобальное (и обоснованное) недоверие. Поэтому идеологической базой поддержки правительства могла стать только одна из множества групповых идеологий, но все другие будут «дружить против нее», что еще более расколет общество. Так произошло при освещении прессой весеннего кризиса власти и формирования правительства, в ходе обсуж-

дения его качеств и перспектив, так происходило и летом, когда кабинет работал.

При проталкивании кандидатуры С. Кириенко лишь несколько контролируемых ОНЭКСИМом печатных изданий и возглавляемое «правильно» ориентированным Н. Сванидзе Российское телевидение были лояльны в той степени, которая необходима президенту и которая могла бы решительным образом влиять на формирование мнения политически активной части общества.

Весь остальной массив СМИ либо настраивал аудиторию на негативное отношение, либо занимал позицию скептического объективизма, далекого от агитации в пользу почти никому доселе не известного нижегородского новобранца. В период формирования кабинета позиция прессы еще более поляризовалась, отражая лоббистские интересы финансово-промышленного капитала.

Эти интересы по большей части остались нереализованными, что нашло отражение на последующем этапе пропагандистской и контрпропагандистской кампании, не затухавшей в СМИ.

В целом борьбу на информационном фронте правительство и президент явно проигрывали. Рассчитывать на коренное изменение ситуации у них не было никаких оснований, поэтому последние события в сфере масс-медиа — борьба за нейтрализацию влияния Б. Березовского на ОРТ, усилившееся давление на НТВ, а главное — создание государственного медиа-монстра ВГТРК — были предопределены.

Последнее весьма знаково. Указ Б. Ельцина «О совершенствовании работы государственных электронных СМИ» превращал ВГТРК фактически в единственного и самого мощного монополиста на рынке электронных СМИ. В ее подчинение переходили все местные телерадиовещательные государственные компании и телерадиовещательные центры.

Обозреватели сходились во мнении, что начался новый и последний перед выборами 1999—2000 годов передел государственной собственности в области СМИ. Предсказывалось, что наряду с финансовым прессингом региональные телерадиокомпании отныне будут ждать прессинг и политический. Не случайно ряд

руководителей регионов уже высказали свое недовольство тем, что их мнения, как соучредителей ГТРК, не спросили.

Но и эти меры вряд ли могли помочь радикально укрепить имидж правительства и успешно пропагандировать его политику. Чтобы завоевать доверие неоднократно обманутой аудитории, нужно было достаточно продолжительное время. Такого запаса у правительства С. Кириенко могло не оказаться.

В интервью новой газете «Время» С. Кириенко признавался: «Мы часто сейчас оказываемся перед дилеммой. Поступить правильно, получив тем самым новых неприятелей и, возможно, сократив срок, отпущенный правительству. Или поступить конъюнктурно, что не принесет особой пользы делу, но позволит заигрывать с новыми союзниками, продлевая срок работы и власти. Выбор нами сделан. Если жизнь кабинета при этом окажется скоротечной — так что ж...» («Время», 20 мая 1998 г.). Такая позиция правительства, если она искренняя, не могла не вызывать уважения. Но, увы, будущее выглядело неоптимистичным. Вывод, к сожалению, был аналогичен: кризис правительства вроде бы преодолен, кризис власти продолжался.

Когда-то Е. Гайдар одной из серьезнейших проблем своего правительства назвал отсутствие у него политической базы. Но у нового правительства С. Кириенко вообще не было никакой базы, кроме поддержки президента и «семьи»: ни политической, ни социальной, ни, увы, экономической.

Каковы же были особенности расстановки основных политических сил летом 1998 года? Что изменилось в их взаимоотношениях после того, как Белый дом занял С. Кириенко? Как отнеслись к нему матерые зубры политических интриг? Смирились с нестандартным решением президента или по-прежнему плели козни?

Отставка правительства В. Черномырдина послужила отправной точкой для наиболее масштабной за последние годы перегруппировки политических сил. В стране продолжалось формирование самых различных политических альянсов, рассчитывавших на участие в избирательной кампании 2000 года.

Однако, учитывая общую неясность и нестабильность обстановки, абсолютное большинство потенциальных «наследников», особенно из «партии власти» и родственных ей структур, открыто себя не проявляло, опасаясь совершить «фальстарт» или столкнуться с необходимостью конкуренции с действовавшим главой государства.

К началу лета 1998 года в той или иной форме об участии в будущих президентских выборах объявили Г. Явлинский, В. Жириновский, С. Бабурин, В. Черномырдин и Г. Зюганов. Остальные — прежде всего Б. Ельцин, Ю. Лужков, А. Лебедь, вели себя намного осторожнее, и об их планах можно было судить только по косвенным признакам.

А. Лукашенко? Некоторые обозреватели полагали: ошибался тот, кто не считал президента Белоруссии российским политиком. По их мнению, как следовало из ряда не слишком афишировавшихся источников, А. Лукашенко имел шестой по счету рейтинг и как председатель Высшего Совета Союза Российской Федерации и Республики Беларусь пользовался исключительными возможностями для работы в российских регионах и установления прямых контактов с местным населением и властями.

Что касалось списка реальных претендентов на власть, то общеизвестно, что он был намного уже номинального и ограничивался тремя-четырьмя фигурами, к которым наряду с Б. Ельциным некоторые эксперты относили Ю. Лужкова, А. Лебеда, Г. Зюганова и В. Черномырдина.

Из всех претендентов наиболее эффективное, хотя и завуалированное наращивание предвыборных ресурсов до недавнего времени удавалось московскому мэру. Неоднократно и прилюдно отрицая свое будущее участие в президентской гонке, Ю. Лужков тем не менее всеми действиями доказывал обратное: участвовать в выборах 2000 года он скорее всего будет, но только в том случае, если получит на это «карт-бланш» от Б. Ельцина, а сам президент внятно и однозначно откажется от баллотирования.

Последняя оговорка представлялась весьма существенной. Идти в лоб, в отличие от В. Черномырдина, Ю. Лужков был не то что не готов, а не хотел. Своим

положением он дорожил и потому не был склонен к авантюрным действиям. Доказательство: в процессе формирования правительства ему был предложен пост премьера, но Ю. Лужков отказался.

Опыт майских дней 1998 года, когда мэр выступал в качестве объекта массивного политического и пропагандистского давления со стороны Кремля и СМИ на телеканалах ОРТ и НТВ, и характер его реакции на эти обстоятельства свидетельствовали: если Б. Ельцин действительно выдвинет свою кандидатуру, Ю. Лужков скорее всего не станет рисковать и сразу же заявит о его безоговорочной поддержке.

Вместе с тем, по информации источников в московской мэрии, в середине апреля Ю. Лужков имел встречу с Б. Ельциным, на которой получил президентское «добро» на свое выдвижение и в принципе согласился, что можно расценить только как серьезную ошибку. Если это так, то все неудачи последних недель мая быстро находили свое объяснение: посягательства на свой пост Б. Ельцин не прощал никому.

Схема структур политической поддержки, выстраиваемая Ю. Лужковым, производила впечатление своей масштабностью. Прежде всего, по признанию обозревателей, ему в целом удалось добиться максимального расширения своей популярности за счет удачного совмещения социальной и патриотической ниш, сочетать которые до него не удавалось никому — от бывшего Фронта национального спасения до А. Руцкого и его партии.

Ю. Лужков смог добиться максимума от начавшейся в ходе правительственного кризиса перегруппировки политических и партийных сил. Это было обусловлено рядом факторов и, прежде всего, максимальным ослаблением большинства думских фракций и групп. Жесткий президентский прессинг на С. Кириенко породил в них ряд разногласий, существенно ослабив организационное и идейно-политическое единство.

Нельзя было сбрасывать со счетов и особый статус московского мэра как единственного крупного политика федерального уровня, формально не входившего в правящую элиту и подчеркнуто от нее дистанцировавшегося. В условиях правительственного кризиса,

когда индекс доверия к федеральным структурам пошел резко вниз, Ю. Лужкову удалось существенно расширить масштабы своей политической поддержки.

Финансовая мощь московского правительства — к этому фактору более других присматривались российские регионы. Известно, что к числу потенциальных сторонников Ю. Лужкова можно было отнести руководителей Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Нижегородской, Саратовской областей, а также ряда субъектов Федерации республиканского уровня — Мордовии, Удмуртии. Неплохие отношения складывались с Татарстаном. Причем в данном случае особое значение приобретал взаимный интерес к сотрудничеству в сфере нефтяного бизнеса. НК «Татнефть», фактически являвшаяся государственной (контрольный пакет находился у правительства Татарстана), наряду с одним из гигантов российского нефтяного бизнеса — компанией «ЛУКОЙЛ» — вела переговоры о покупке 13-процентного пакета акций контролируемой московским правительством Центральной топливной компании, которую Ю. Лужков планировал вскоре превратить в вертикально интегрированную (то есть обеспечить внедрение полной технологической цепочки — добыча, переработка, сбыт).

Но главное, Ю. Лужков, похоже, нашел общий язык с наиболее влиятельным губернатором — председателем Совета Федерации Е. Строевым. Об этом свидетельствовал в том числе и партийный «расклад»: известно, что на Е. Строева ориентировалась ДПР, фактическое лидерство в которой принадлежит руководителю аналитического центра Совета Федерации С. Глазьеву.

Ко всему прочему, мэр обладал мощной информационной базой, сопоставимой со структурами федерального уровня. Московские власти создавали собственный издательский дом «Метрополис» — холдинг, в который, наряду с газетой «Метро», «Литературной газетой» и др. планировалось включить будущую новую массовую газету. Одновременно продолжали расширяться организационные и технические возможности телеканала «ТВ-Центр» и т.д.

Своеобразная экспансия Ю. Лужкова за пределы традиционно занимавшейся им части спектра была

связана и с некоторым ослаблением — в связи с отставкой В. Черномырдина — противостоящей московским властям «газпромовской» группировки. В результате этого ему в целом — хотя и не безоговорочно — удалось оказаться несколько ближе к президенту, чем его главным оппонентам. Вместе с тем именно уход прежнего премьера серьезно нарушил существовавшую до этого систему сдержек и противовесов в президентском окружении. Не случайно, что это совпало не только с вышеупомянутым охлаждением к нему Б. Ельцина, но и определенными проблемами, с которыми Ю. Лужков столкнулся в мае— июне.

Ряд СМИ необоснованно пытались привязать провал предвыборной кампании в Красноярске и Смоленске, где действовавшие губернаторы, поддержанные Ю. Лужковым, безоговорочно уступили свои места оппонентам. Тем самым была наглядно продемонстрирована ограниченность его региональных ресурсов.

Кроме того, крайне негативную роль сыграли события в Лужниках, связанные с волнениями части азербайджанской диаспоры, а также теракт со взрывом хасидской синагоги в Марьиной Роще. Стрелки ответственности за эти события федеральным властям удалось перевести на Ю. Лужкова. Соответствующим образом «помогла» ему и пресса. Напомним развернутую в большинстве федеральных СМИ кампанию по «разоблачению фашистской угрозы», в ходе которой московские власти были фактически обвинены в «протаскивании» лозунгов не только «Москва — для русских», но и «Москва — для москвичей». Особенно усердствовало в этом ОРТ, чья активность обусловлена личной неприязнью его фактического распорядителя Б. Березовского к московскому мэру.

Сюда же следует отнести и привлечение дополнительного внимания к московской «вотчине» Русского национального единства (РНЕ) — Терлецкому парку — и проблеме русского расизма, связанной с избиением цветных иностранцев. Одним из последствий этого некоторые наблюдатели считают постепенное ослабление позиций Ю. Лужкова среди левого электората, причем в обоих его частях — как в «национал-государственной», так и в радикальной.

Это, в частности, наглядно проявилось в ходе первомайского митинга 1998 года, когда многие из выступавших «припоминали» московскому мэру майские и октябрьские события 1993 года. Ранее подобного пафоса на оппозиционных митингах не звучало.

Обращали на себя внимание максимальное «раскручивание» в СМИ инцидента с провалом грунта на Б. Дмитровке, которому явно пытались придать не столько бытовое, сколько политическое звучание, а также усиленное распространение слухов о наличии у федеральных властей серьезного компромата на Ю. Лужкова и членов московского правительства.

Все это неопровержимо свидетельствовало: против Ю. Лужкова как одного из наиболее вероятных участников выборов 2000 года начали раскручивать масштабную кампанию. Наблюдатели отмечали, что ее главными инициаторами выступали президентские структуры, а также предпринимательские круги, близкие к Б. Березовскому. Ни для кого не составляло секрета, во имя чего это делалось.

Отсюда относительная неопределенность как перспектив Ю. Лужкова, так и его планов. Не исключалось, что для удовлетворения своих политических амбиций мэр вынужден будет прибегнуть к опосредованному участию в федеральной политике — путем продвижения других перспективных политиков. Говорили, например, что ставка может быть сделана на генерала А. Николаева, занимавшегося формированием «под Лужкова» депутатской группы в Государственной думе.

Другая группа обозревателей считала, что основная проблема, стоявшая перед московским мэром, — это преодоление барьера, имя которому Б. Ельцин, барьера, который в конце концов сумел преодолеть В. Черномырдин. Именно это мешало Ю. Лужкову заявить о своих президентских намерениях. «Второе рождение» А. Лебеда, возможно, поможет московскому мэру преодолеть этот психологический барьер. В создавшейся ситуации будут множиться голоса, убеждающие его в том, что только он способен остановить А. Лебеда. Кроме того, он не мог не понимать, что за фигурой А. Лебеда стоит его политический недруг Б. Березовский.

В остальном портфель ресурсов московского мэра выглядел весьма солидно. В его руках находилась реальная власть (в отличие от В. Черномырдина), у него не было недостатка в финансовых ресурсах, он относился к числу политиков-харизматиков, его рейтинг устойчиво удерживался на высоком уровне.

Второй по значимости фигурой, претендовавшей на президентский пост, выступал В. Черномырдин.

Бывший премьер, казалось бы, превосходил московского мэра по масштабности и политическому опыту, у него была своя партия и инвестируемая президентом. Однако он проигрывал в главном: на нем по-прежнему лежало клеймо «неизбираемости».

В актив В. Черномырдину можно записать то, что, утратив пост премьера, он не исчез с политической сцены, а сумел сохраниться за счет быстрого заявления о своих президентских планах. В дальнейшем он смог несколько дистанцироваться от президента, что чрезвычайно важно с точки зрения его восприятия общественным мнением. На праздновании своего юбилея он послал элите сигнал: «Когда иерархия распадается из-за непредсказуемости президента, я сохраняю стабильность».

После отставки популярность В. Черномырдина несколько выросла, и он вошел в рейтинговую группу. Еще более важно, что по отношению к нему, похоже, заработал механизм самосбывающегося прогноза, вытянувший Б. Ельцина на президентских выборах 1996 года: мало кто стал бы голосовать за В. Черномырдина, но тем не менее часть избирателей была убеждена, что именно он станет следующим президентом страны.

В смысле обновления собственного имиджа В. Черномырдин, правда, продвинулся недостаточно далеко. Еще меньший прогресс наблюдался в обновлении имиджа НДР. Психологическая акклиматизация экс-премьера затянулась. Пока он занимался преимущественно освоением старых площадок — упрочением связей с олигархами, губернаторами. Однако как публичный политик он по-настоящему так и не заявил о себе.

Аналитики приходили к выводу, что В. Черномырдин не утратил шансов на участие в будущей президентской гонке, но и нарастил их явно недостаточно.

Если он будет пытаться просто удержаться на том уровне, его популярность, и так не слишком высокая, станет неуклонно падать.

Задачи, которые предстояло решать бывшему премьеру, сложнее, чем сразу после отставки. Во время электорального плато такому политику, как В. Черномырдин, удержаться очень трудно, поскольку он не умел сам создавать информационные поводы. В период затишья и к тому же вдалеке от реальной власти он мог просто уйти в забвение.

Вокруг путей прохождения В. Черномырдина в Государственную думу от НДР возникла полемика. Руководитель депутатской фракции НДР А. Шохин полагал, что В. Черномырдину необходимо выдвигаться по одномандатному Ямало-Ненецкому избирательному округу Тюменской области — в вотчине «Газпрома». Иначе думал первый вице-спикер нижней палаты В. Рыжков, предполагавший запросить Центризбирком о возможности прохождения лидера НДР в Думу как бывшего участника федеральной части его партийного списка.

«Плюсы» и «минусы» каждого из вариантов были очевидны: второй, в отличие от первого, гарантировал успех, но не создавал продолжительного информационного повода, каковым являлась полноценная избирательная кампания. А это было очень важно для «раскрутки» В. Черномырдина в новом качестве публичного политика. Кроме того, не имевшее прецедента «автоматическое» прохождение позволяло обвинить экс-премьера в «аппаратных играх», а значит, не добавило бы ничего позитивного к его имиджу и делало уязвимым для конъюнктурных игр в Центризбиркоме и вокруг него.

Важнейшим аргументом в пользу участия В. Черномырдина в выборах оставалась необходимость консолидации НДР. Не было секретом, что внутри движения существовало по меньшей мере три группы конфликтов: между исполкомом и думской фракцией, между федеральными и региональными структурами, а также внутри самого исполкома.

Обозревателям представлялось, что ближайшие перспективы В. Черномырдина в значительной мере определяются после его прохождения в Государствен-

ную думу и занятия поста руководителя фракции НДР. Однако вскоре бывший премьер отказался баллотироваться в Думу. Что касалось его участия в избирательной кампании 2000 года, то оно, по мнению экспертов, зависело от двух взаимосвязанных факторов: скорейшего освобождения от имиджа «аппаратного» политика, а также конкурентоспособности НДР на предстоящих парламентских выборах 1999 года.

Для А. Лебеда губернаторские выборы в Красноярском крае стали вторым скоростным лифтом во власть. Его политическое возрождение произошло именно тогда, когда, казалось бы, от его бывшей популярности мало что осталось, и он неуклонно двигался все дальше по нисходящей траектории.

Впрочем, итоги красноярских выборов требовали, по мнению наблюдателей, более глубокого анализа. Известно, что А. Лебедь одержал победу в основном за счет поддержки села, где его перевес был подавляющим. Таким образом, помимо голосов протеста, А. Лебедь сумел обеспечить себе поддержку традиционалистского электората. Вопрос в том, не означало ли это, что ему удалось прорваться в нишу, в которой до него доминировали коммунисты.

Новый взлет А. Лебеда обострил конкуренцию между потенциальными кандидатами от «партии власти». Теперь все зависело от того, какие формы она примет: приведет ли она к лобовому столкновению наиболее реальных претендентов в лице Ю. Лужкова и В. Черномырдина или же осознание общей опасности побудит их выступить на президентских выборах единым фронтом — скажем, в связке: кандидат в президенты — кандидат в премьеры.

Подводя итог событиям конца весны — начала лета 1998 года, эксперты пришли к единому мнению: правительство С. Кириенко не являлось самостоятельной политической силой, а представляло собой некий сугубо технический орган, призванный не только безоговорочно выполнять волю президента, но и обслуживать его политические планы, связанные с возможным участием в избирательной кампании 2000 года.

Одним из последствий весеннего правительственного кризиса и жесткой конфронтации с Государственной думой явилось серьезное ослабление позиций

всех основных «системных» сил, включая самого Б. Ельцина. В условиях отсутствия у правящей элиты инновационных подходов к социально-политическому и экономическому развитию в стране продолжалась активная мобилизация протестных настроений, о чем свидетельствовал преимущественно политический характер требований, выдвигавшихся в ходе забастовок, пикетов, массовых голодовок и других акций гражданского неповиновения. Впервые после событий 1989—1993 годов общественная активность стала самостоятельным и влиятельным фактором политической жизни.

Целый ряд важных событий начала и середины лета 1998 года еще более рельефно продемонстрировал каркас нового этапа в политической линии Б. Ельцина, который объективно после мартовско-апрельских событий оказался в специфическом вакууме.

Президент приступил к решению двух важнейших для него задач: созданию новой модели отношений в развивавшейся кризисной ситуации с наиболее влиятельными и опасными политическими контрагентами — главами регионов и олигархами. Метод, который начал использовать Б. Ельцин, был достаточно тривиальным — одновременная демонстрация кнута и пряника.

Проблема, однако, заключалась в том, достаточно ли сам Б. Ельцин психологически был готов к использованию этого эффективного инструмента в условиях нараставших финансовых, экономических и политических угроз. Наблюдатели отмечали, например, что июньскую встречу с главами республик президент провел крайне неуверенно. Чувствовалось, что существовала взаимная напряженность. Б. Ельцин впервые на такого рода встречах читал текст по бумаге. Да и далее было видно, что он достаточно неуверен. Это было связано с тем, что президенту, наверное, тяжело было психологически отходить от своего старого имиджа «главного покровителя регионов». Основные его слова по поводу того, что он по-прежнему видит в республиканских главах свою основную опору, прозвучали для присутствовавших не очень убедительно.

Не случайно, наверное, раздосадованный встречей, он сорвался на С. Ястржембском.

В свою очередь республиканские лидеры были заметно разочарованы. То, что они услышали, их вряд ли удовлетворило.

Неудача встречи определялась и рядом других факторов. Например, ее впервые проигнорировал президент Ингушетии Р. Аушев, который остался в своей столице Назрани и общался в это время с чеченским президентом А. Масхадовым.

Другая важная встреча в июне у Б. Ельцина состоялась с олигархами.

Здесь психологический фон общения был еще более напряженным. Для президента олигархи были одновременно и врагами, и попутчиками. Врагами потому, что они — из элиты, созданной де-факто, и мыслили иначе и даже могли посягнуть на власть. В то же время олигархи были попутчиками, потому что без них в той кризисной ситуации было бы еще хуже.

Характер развития политического процесса не оставлял сомнений в том, что некоторое смягчение напряженности во взаимоотношениях между ветвями власти — временное. Следующее обострение не заставит себя ждать, предупреждали аналитики.

Глава 5

АВГУСТОВСКИЙ КРИЗИС

Белый дом в кольце джипов. — Катастрофа грянула. — Дума прерывает каникулы. — «У нас нет правительства...». — По какому сценарию? — Исчерпанность ресурсов. — На танке за зарплатой. — Стихийная девальвация рубля. — Крах государственной пирамиды. — Мнимая доходность ГКО. — Дефицит финансовых средств. — Паника на кредитном рынке. — Конфуз «юных реформаторов». — Девальвацию вызывали? — Альянс четырех. — Второе пришествие В. Черномырдина. — Дума против. — Борьба за пост премьера

Спустя почти полгода после случившегося американский журнал «Ньюсуик» поведал о многих неизвестных россиянам деталях августовской финансовой катастрофы.

«Итак, 16 августа, воскресенье, полночь. Белый дом в Москве окружен джипами — автомобилями, на которых предпочитает ездить личная охрана предпринимателей в посткоммунистической России. Джипы припаркованы неподалеку от пятачка, где в 1991 году, стоя на танке, Б. Ельцин остановил путч, спасая М. Горбачева. Но в августовскую ночь 1998 года готовился новый поворот истории. И если героический поступок Б. Ельцина в 1991 году знаменовал рассвет новой России, то события 16 августа могли означать начало ее долгих сумерек.

Внутри Белого дома собрались работодатели охранников — олигархи, дюжина самых богатых предпринимателей России. Они выбрали Б. Ельцина в 1996 году (или по крайней мере его избрали на их деньги), и они более чем были заинтересованы в правительстве Б. Ельцина. 16 августа олигархи слетелись в Белый дом потому, что знали: Россия стала банкротом, пала жертвой собственной некомпетентности и жестокого глобального экономического кризиса. А если правительство рухнет, то вскоре также могут лопнуть и банки, контролируемые олигархами.

Поэтому они неотлучно пребывали в ожидании информации от экономических мозгов России — мо-

лодого премьер-министра С. Кириенко, двух главных архитекторов перехода России от коммунизма к капитализму — А. Чубайса и Е. Гайдара — и главы Центрального банка С. Дубинина.

Как раз после полуночи появился премьер-министр. Предприниматели, некоторые в открытых сорочках и джинсах, окружили его. Их судьба и судьба нации сейчас зависела от того, что сообщит им молодой премьер. С. Кириенко спокойно объявляет о шагах правительства, которые будут сделаны в понедельник утром. Центральный банк девальвирует рубль более чем на 50 процентов; правительство также объявит дефолт на внутренний долг в 40 миллиардов долларов и для защиты нескольких частных банков России введет 90-дневный мораторий на выплаты их коммерческих долгов. Смысл был ясным: московский эксперимент с капитализмом провалился, политическое будущее неопределенно. Немедленно последовавшая затем реакция собравшихся плутократов была описана бывшим главой Центрального банка С. Дубининым как «горькое молчание».

Для России и мира последствия были мгновенными. В течение недели ушел С. Кириенко с командой реформаторов, правительство возглавил бывший опытный разведчик КГБ Е. Примаков. Финансовые рынки мира потеряли миллиарды долларов: такова была цена осознания инвесторами «порочного» перехода России к капитализму. Крушение российской экономики вызвало также глобальный финансовый кризис в мире» (*«Ньюсуик»*, 25 января 1999 г.).

Далее американский журнал приводит хронику событий, предшествовавших «Д-дню» — дню дефолта и девальвации.

«17 мая главные советники С. Кириенко обрисовали ему опасность ситуации в финансовом положении России. Месячный налоговый сбор составил около 22 миллиардов рублей. Внутренние расходы достигли 25 миллиардов рублей, а проценты по подлежащим к погашению долгам правительства увеличились до 30 миллиардов. В записке премьеру сообщалось, что единственным выходом из положения было обращение

за помощью к МВФ в поисках второго крупного займа на четыре года.

В субботу 29 мая А. Чубайс вылетел в Вашингтон за помощью. В воскресенье 30 мая в России узнали, что их призыв о займе услышан. «Мы позвонили по номеру 911, — сказал А. Чубайс, — и нам ответили».

10 июля, когда переговоры с МВФ подходили к финальной стадии, в газете, принадлежащей олигарху Б. Березовскому, появилась статья, призывавшая команду С. Кириенко подать в отставку, в пользу создания правительства национального согласия. Новое правительство, говорилось в статье, могло бы провести парламентские и президентские выборы раньше срока. А Б. Ельцин, отказавшись от третьего президентского срока, смог бы стать по существу конституционным монархом.

Т. Дьяченко, влиятельная дочь Б. Ельцина, всерьез изучила это предложение. Ведь Б. Березовский в течение долгого периода консультировал семью Б. Ельцина по финансовым вопросам, а с ухудшением здоровья президента его дочь стала задумываться о том, что пришло подходящее время заключить договор о более церемониальной роли Б. Ельцина, в обмен на гарантии физической и финансовой безопасности семьи президента.

Встревоженный заместитель премьера, Борис Немцов, будучи верным своим отношениям с Б. Ельциным, позвонил ему, чтобы убедиться, что президент в курсе происходящего. «Не вам учить президента, как держаться за власть, — ответил ему Б. Ельцин. — Я знаю, что делаю».

10 июля, в день, когда была опубликована статья в газете, Б. Ельцин встретился с ключевыми министрами и заявил: «У нас достаточно сил для того, чтобы остановить любые планы захвата власти».

13 июля МВФ одобрил пакет займов России на сумму в 22,6 миллиарда долларов. Все успокоились. А. Чубайс уехал в круиз в Ирландию. Глава Центробанка С. Дубинин направился в отпуск в Италию, Б. Березовский — на юг Франции.

Каникулы закончились для них плачевно. Российские банки подошли к смертельному порогу. Инвесто-

ры начали принимать безжалостные решения, подтачивавшие российскую государственную и финансовую машину к полному разрушению. На большой скорости за четыре часа А. Чубайс доехал до аэропорта Шэннон, где зафрахтовал самолет, на котором прилетел в Москву» («Ньюсуик», 25 января 1999 г.)

То, что конец близок, было ясно всем, кроме одного человека: самого Б. Ельцина. В пятницу 14 августа он заявил: «Никакой девальвации рубля не будет. Я говорю это твердо и ясно. Это не просто моя фантазия. Все просчитано». С. Кириенко не мог поверить в то, что услышал. «Я был ошарашен», — признался он. И понятно почему: премьер-министр не имел с прибывшим президентом ни одного существенного обмена мнениями по вопросам национальной экономики начиная с июля.

Авторы статьи иронично замечают: Б. Ельцин был прав только в одном — в том, что все было просчитано. Через неделю премьер и его команда были отправлены в отставку по причине девальвации и дефолта.

Но это только отчасти, приходит к заключению «Ньюсуик». Настоящая причина увольнения С. Кириенко — здоровье президента. К середине августа люди из президентского окружения все больше были обеспокоены тем, что если произойдет самое худшее — смерть Б. Ельцина, то С. Кириенко стал бы исполнять обязанности президента в течение трех месяцев и в конце этого срока должны быть проведены выборы.

Кремлевские политики считали С. Кириенко слишком слабым и неопытным для того, чтобы бороться с хаосом, который мог возникнуть. Неспроста, отвечая на вопрос о причине отставки С. Кириенко, один из высших чиновников ответил прямо: «здоровье президента».

Такова версия американского информированного журнала. А что думают по этому поводу отечественные эксперты?

Политическая ситуация в России развивалась в августе 1998 года на фоне углублявшегося финансово-экономического и социального кризиса.

Предпринятый кабинетом С. Кириенко 17 августа «финансовый переворот» и последовавшее за этим увеличение цен на большинство товаров значительно ус-

ложнило социально-политическую обстановку в стране. Реакция населения на падение курса рубля носила резко отрицательный характер. В ряде регионов отмечался ажиотажный спрос на свободно конвертируемую валюту.

Основная масса россиян расценила события на финансовых рынках страны как подтверждение экономической несостоятельности реформ президента и правительства. Опросы, проведенные в разных регионах России, показали: население считало, что девальвация рубля произошла в результате преднамеренных действий руководства Центробанка и группы олигархов, заинтересованных в снижении курсовой стоимости рубля.

Действия правительства и ЦБ были негативно оценены банками, оказавшимися в сложном положении в связи с ажиотажным оттоком из них вкладов населения. Ситуация в столице в те дни помнится каждому москвичу. А как происходили события в российской глубинке?

Только за 17—19 августа со вкладов Калужского филиала Сбербанка РФ жителями Калужской области было снято более 9 млн. деноминированных рублей. Сумма новых заявок составила 7 млн. По оценке Главного управления ЦБ по Калужской области, за несколько дней общая сумма остатков на корреспондентских счетах коммерческих банков области сократилась в четыре раза.

Ситуацию в регионах осложнила начавшаяся с 17 августа задержка платежей, поступавших в региональные коммерческие банки из Москвы. В результате многие из них оказались без средств на погашение взятых кредитов, выплаты вкладчикам и производства других платежей.

Все московские банки направили в свои филиалы в Центральном регионе распоряжения: продажу валюты приостановить, а выплаты вкладчикам до истечения срока их вкладов не производить.

В сложном положении оказались страховые компании и негосударственные пенсионные фонды, размещавшие основную часть резервов в ГКО.

Какова была реакция политических партий и общественных движений на обвал рубля?

Большинство из них оценили меры правительства по выходу из финансового кризиса как запоздалые, способные лишь усугубить ситуацию.

Ход и итоги внеочередного заседания Госдумы 21 августа явились, по сути, концентрированным выражением мнений ведущих партий о деятельности правительства и президента.

Удивительно, но парламентарии впервые выступили единым фронтом против высшей исполнительной власти страны. В канун выборов 1999 и 2000 годов финансовый кризис и меры кабинета С. Кириенко и Центробанка по его преодолению стали для них своего рода подарком, дающим возможность резко набрать очки в глазах избирателей.

Необычайно резкие высказывания в адрес кабинета прозвучали из уст руководства НДР, вчерашней «партии власти», поддерживавшей правительство во многих его начинаниях. Обозреватели обратили внимание на оценки, данные В. Черномырдиным: «У нас нет правительства», «Во всем виноваты правительство и Центробанк...» Любопытно, что сразу после совместного заявления правительства и Центробанка 17 августа В. Черномырдин высказывался гораздо мягче, он был против отставок в кабинете.

Глава думской фракции НДР А. Шохин: «Президента подставили...» Он же: «Идея дефолта по частным кредитам является безумной и граничит с объявлением страны банкротом...»

Лидер фракции ЛДПР В. Жириновский был, как всегда, непоследователен и эксцентричен. Еще недавно голосовавший в проправительственном ключе и лояльно настроенный по отношению к кабинету С. Кириенко, он скорректировал свою позицию и в характерном для него стиле предрек «тюрьму» С. Дубинину и А. Чубайсу.

Лидер «Яблока» заявил: «Ни в одной стране мира не догадались бы одновременно девальвировать национальную валюту и заморозить выплаты госдолга». Назвав ситуацию катастрофической, он от имени думской фракции выразил Б. Ельцину и его не справляющемуся с кризисом правительству «абсолютное недоверие».

Руководитель депутатской группы аграриев Н. Ха-

ритонов, известный своим предложением президенту почаще встречаться «без галстуков», выступил с инициативой рекомендовать Б. Ельцину самостоятельно уйти в отставку. Инициатива нашла поддержку, и вопрос об отставке президента был внесен в повестку дня одного из следующих заседаний.

Главный аргумент коммунистов — «обесценен не рубль, а Российская Федерация», ведущие естественные монополии, что позволит «разом купить всю страну одному мультимиллиардеру». В канун внеочередного заседания Думы фракция КПРФ собрала около 120 депутатских подписей за постановку вопроса о доверии правительству с целью вынесения на одном из следующих заседаний вотума недоверия кабинету С. Кириенко. Левые заявили, что на этот раз намерены идти до конца, и если бы после первого вотума президент оставил С. Кириенко в должности, на первых же заседаниях палаты в конце сентября они повторно проголосовали бы за недоверие правительству. По мнению аналитиков, более чем вероятными и последовательными их союзниками в этом вопросе стали бы аграрии, «Народовластие» и «Яблоко».

Итогом пятничного заседания Думы стало постановление, в котором президенту было предложено укрепить руководство правительства и Центробанка, а последним — улучшить свою деятельность в соответствии с депутатскими рекомендациями. Среди них: целевая эмиссия для пополнения оборотных средств предприятий, запрет свободного доступа нерезидентов на российские финансовые и фондовые рынки, разбирательство силами Генпрокуратуры с «пирамидой» ГКО и примерное наказание ее авторов, проверка Счетной палатой финансово-хозяйственной деятельности ЦБ.

В сложившейся кризисной ситуации заметно активизировал свои действия Народно-патриотический союз России (НПСР). По его инициативе 19 августа примерно 40 оппозиционных партий и движений заявили на консультативном совещании о создании широкой коалиции народно-патриотических сил. Главными действиями коалиции были объявлены мероприятия по организации и систематизации протестного движения в стране. Оппозиция заявила о намерении поддержать решение профсоюзов о проведении 7 октября

всероссийской политической стачки, которой будут предшествовать «дни единых действий в защиту интересов трудящихся».

Участники совещания призвали Госдуму и Совет Федерации незамедлительно внести в Конституцию РФ изменения, необходимые для перераспределения властных полномочий между президентом, правительством и Федеральным Собранием.

В свою очередь наблюдалась координация действий между НПСР и Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР), что само по себе было прецедентом и свидетельствовало о тактической консолидации еще недавно слишком разнородных политических сил. Так, секретарь ФНПР, лидер «политического крыла» главного профсоюзного объединения страны — «Союза труда» А. Исаев участвовал в состоявшемся 19 августа заседании руководителей партий и движений, входивших в НПСР, и проинформировал последних о ходе подготовки акции 7 октября.

Вместе с тем А. Исаев подчеркнул, что всероссийская забастовка «будет организована профсоюзами, и только профсоюзы вправе призвать трудящихся к участию в ней, а различные политические партии вправе поддержать ее или присоединиться к ней».

Тем самым ФНПР обозначила свои претензии на лидерство в протестном движении с целью гарантированного закрепления за собой соответствующей ниши в спектре влиятельных политических сил страны в канун выборов 1999 и 2000 годов, что еще раньше прогнозировалось некоторыми обозревателями.

Тактической консолидацией усилий в борьбе против исполнительной власти НПСР пытался добиться и на других фронтах. Как заявил Г. Зюганов, руководством движения проводятся консультации с «блоком А. Николаева — Ю. Лужкова и блоком А. Лебеда».

Аналитики предсказывали два сценария дальнейшего развития событий.

Заявленный валютный коридор продержится несколько месяцев и с учетом взятого отправленным в отставку кабинетом курса на спасение избранных (основные сырьевые экспортеры и крупные розничные банки) «неизбранные» — кто раньше, а кто позже — обанкротятся.

Что касается выигравших от девальвации нефтяников, газовиков и металлургов, то их положение будет полностью зависеть от мировой конъюнктуры, которая ничего хорошего не обещала. С учетом перманентного ухудшения ситуации на внутрироссийских финансовых и товарных рынках они через несколько месяцев начали бы нести такие же убытки, как и до девальвации.

В связи с наметившимися инфляционными процессами и ростом цен на продовольственные и потребительские товары, который прогнозировался со средним коэффициентом 1,5, население через эти же несколько месяцев в полной мере ощутило бы опустошение собственных кошельков. И это при том, что антикризисная программа С. Кириенко предусматривала мораторий на индексацию зарплат и пенсий с учетом инфляции, более того, отменяла ряд льгот для ветеранов.

Как следствие, прогнозировалось резкое обострение социально-политической ситуации в стране, которое совпадало по времени с уже намеченными на октябрь общенациональными акциями протеста. К населению вынуждены будут прислушаться губернаторы, перед которыми проблема формирования на базе Совета Федерации нового института верховной власти — своего рода «коллективного президента» — встанет во всей актуальности.

Согласно второму сценарию, паника среди населения в связи с финансовым кризисом приобретала неконтролируемый характер, и люди стремились бы во что бы то ни стало изъять из банков все свои вклады и немедленно конвертировать сбережения в СКВ. В этом случае государству не удалось бы спасти даже немногие избранные банки и удержать рубль в пределах заявленного валютного коридора.

Уже тогда, по расчетам экспертов, отток денег из Сбербанка мог достичь 2 млрд. рублей в неделю. С учетом того, что Сбербанком свыше 20 млрд. долларов было вложено в ГКО (замороженные правительством и Центробанком 17 августа), нарастал значительный разрыв между активами и обязательствами. При таком развитии событий к концу года Сбербанк, не имея возможности расплатиться со всеми своими

кредиторами, был бы вынужден объявить себя банкротом. Это стало бы ударом по миллионам вкладчиков со всеми вытекающими последствиями.

При всем желании исполнительной власти избежать подобного сценария резервы ЦБ были слишком малы, чтобы заткнуть все образовавшиеся в банковской сфере дыры, особенно с учетом того, что Центробанк вынужден был бы вести войну на два фронта: помимо срочного вспомоществования банкам осуществлять долларовые интервенции для поддержания курса рубля. Сюда же следовало приплюсовать провал затеи с продажей акций «Роснефти», «Газпрома», «Связьинвеста».

По второму сценарию страну ожидал скорый коллапс банковской системы и полный провал экономической политики высшей исполнительной власти. Единственным выходом здесь для правительства С. Кириенко аналитики видели зашоривание от различных альтернативных вариантов и доведение до конца жестких конфискационных мер, предусмотренных антикризисной программой, — через Думу или помимо нее. Как крайний случай — запрет на хождение доллара.

Конец, однако, здесь все равно просматривался тот же — мощный всероссийский протест населения, лимит на терпение которого был безоговорочно исчерпан.

Можно ли было в этой ситуации рассчитывать на зарубежные капиталы? Сомнительно. Россия сама оттолкнула иностранных инвесторов, объявив мораторий на возврат кредитов. Если только новым кабинетом он будет отменен... Хотя даже при этом бесконечные шарахания российских властей вряд ли добавят серьезным игрокам доверия к нашему рынку.

Тогда, может, удастся убедить МВФ гарантированно предоставить России намеченные транши? И это представлялось не слишком простым. Убедить МВФ — значило убедить США, основного пайщика фонда. А это, в свою очередь, значило убедить республиканский конгресс. Последнее казалось маловероятным в связи с известным отношением конгрессменов к российской политике Б. Клинтона, разве что ценой совсем уж унижительных для России уступок, главным

образом путем раскассирования естественных монополий, что было абсолютно неприемлемо для В. Черномырдина, особенно в августе, когда он рассчитывал получить от Думы карт-бланш на стабилизацию обстановки в стране.

С прежними монетаристами, предложенными в кабинет, В. Черномырдин был бы просто «непроходным». Очевидно, он вынужден будет поставить вопрос о формировании правительства на основе парламентского большинства. Во всяком случае, по прогнозам аналитиков, В. Черномырдин в качестве условий прихода на пост премьера выставит свою самостоятельность в проведении кадровой политики, в частности, получения карт-бланша на назначение «силовиков».

Вместе с тем В. Черномырдину будет необходим «посланец», пользующийся авторитетом в международных финансовых кругах. По мнению экспертов, в России таких политиков пятеро: А. Чубайс, Е. Гайдар, Б. Федоров, Г. Явлинский, А. Шохин. Выбор падет, полагали, на кого-то из последних трех. Предпочтительнее смотрелась кандидатура главы думской фракции НДР А. Шохина.

Как считали эксперты, президент предвосхитил прогнозировавшееся на середину осени возвращение В. Черномырдина в правительство в качестве первого лица. Собственно, эта мера была единственной, способной улучшить ситуацию для Б. Ельцина. Многие аналитики сходились во мнении, что новый приход В. Черномырдина во власть означал бы, что Б. Ельцин, здорово сдавший физически и психологически, фактически указал всем на своего преемника. Не исключался и вариант добровольной отставки президента по состоянию здоровья в случае утверждения В. Черномырдина нижней палатой и нахождения с ней новым премьером общего языка по ключевым вопросам российской внутривластной и внутриэкономической жизни.

Между тем, по мнению аналитиков, истинный, так сказать, сугубо прагматичный и приземленный смысл происшедшего заключался в том, что правительство и ЦБ находились под сильнейшим давлением финансовых олигархов, лихорадочно пытавшихся спасти свои банки. Объявление ЦБ «избранных», в частности,

Сбербанка, с фактической отмашкой от прочих банков, запрет последним снизить нормы резервирования на пять процентов, перспектива их банкротства и национализации либо продажи новым владельцам — все это заставило банкиров в ускоренном темпе пролоббировать перед президентом кандидатуру «спасителя» — В. Черномырдина. Лоббирование шло через окружение Б. Ельцина, главным образом через руководство его администрации.

В. Черномырдин потребовался также тем силам, которые были, по сути, оторваны от бюджетной «кормушки» при правительстве С. Кириенко. Они ассоциировались в глазах наблюдателей главным образом с Б. Березовским. Именно реализации сценария возвращения В. Черномырдина во власть, по мнению аналитиков, были посвящены консультации Б. Березовского и В. Черномырдина. Со вторым премьерством В. Черномырдина прогнозировалось значительное усиление роли и влияния Б. Березовского во всех государственных делах.

Однако вернемся к причинам, вызвавшим столь масштабную финансовую катастрофу.

Безусловно, крайне негативное влияние на положение дел в российской экономике в июне — июле оказали внешние факторы. Это и новая волна кризиса на мировых финансовых рынках, и необходимость выплаты коммерческим банкам страны процентов по кредитам зарубежных банков, полученных в августе 1997 года под данные Кремлем и Белым домом обещания экономического роста.

Однако, по мнению ряда экспертов, названные факторы ни в коей мере не являлись истинной причиной краха социально-экономической политики российских властей, они лишь подтолкнули, стимулировали этот крах. Итоги августа отчетливо продемонстрировали исчерпанность экономических, социальных, политических ресурсов того пути развития, которым страна шла начиная с 1991 года, показали неспособность политической системы адаптироваться к новым социальным вызовам.

Несостоятельной, по оценкам специалистов, оказалась очередная попытка российских властей, осуществленная на этот раз кабинетом С. Кириенко; преодо-

леть застарелые болезни отечественной экономики, осуществить ее структурную перестройку путем форсирования курса радикальных рыночных реформ. И дело здесь было не в нерешительности правительства «юных реформаторов», как это пытались представить российские и зарубежные аналитики либеральной ориентации, а в серьезных ограничителях социально-политического характера. Кредит доверия общества к существующей власти на седьмом году реформ казался многим полностью растроченным, что выразилось в отчетливом нежелании забастовочного движения, да и большинства населения в целом потерпеть «еще немного» ради улучшения благосостояния в неопределенном будущем.

В августе 1998 года наиболее серьезной проблемой для властей оставались протестные акции представителей социально уязвленных групп. Среди них выделялись действия горняков — блокада Сахалинской ГРЭС, Транссиба в Челябинской области и в Кузбассе, захват в заложники гендиректора шахты «Воргашорская», предупредительные пикеты ростовских угольщиков, выставленные у полотна Северо-Кавказской железной дороги, акция протеста, организованная шахтерами на Красной площади после возвращения Б. Ельцина в Москву из отпуска, пикетирование ими Дома правительства. Произошли волнения оборонщиков в Ярославле, Ульяновске, Омске, пенсионеров — в Перми. Усилилась напряженность в армии, где после демарша майора Беляева, выведшего в конце июля танк на городскую площадь в знак протеста против невыплаты денежного довольствия, начала расти тяга к «решительным действиям».

Радикализации либеральных рыночных реформ объективно препятствовало и то, что в стране за годы преобразований сложился мощный блок новой элиты, включавший часть региональных лидеров, финансовую квазиолигархию, также не заинтересованных в резком форсировании преобразований. Так и не сумев договориться с этими группами, кабинет С. Кириенко практически решил пойти по пути навязывания истеблишменту жестких и непопулярных решений, что на практике, как уже отмечалось выше, привело лишь к дезорганизации финансовой системы страны и ост-

рейшему политическому кризису. С этим, кстати, был связан и тот факт, что получение российским правительством июльского кредита от международных финансовых организаций не только не возымело позитивного социально-экономического эффекта, но и явилось одной из причин того, что июль ознаменовался самым значительным общественным кризисом за всю историю «пореформенной» России, поставившим страну на грань общенациональной катастрофы.

Из досье «Экономическая ситуация в России накануне августа-98»:

Начиная с 22 июля все российские ценные бумаги «падали», обесценившись уже на 15—20 процентов. Доходность гособлигаций на 20 процентов превышала ставку рефинансирования. Минфину пришлось не только заимствовать средства из бюджета (на 1 млрд. долл.), чтобы покрыть кассовый разрыв на аукционе 29 июля, но и отложить новые еврозаймы, размещение на 7 млрд. руб. государственных федеральных облигаций, призванных заменить ГКО.

Котировки рубля по-прежнему пробивали верхнюю границу валютного коридора, заставляя Центробанк расходовать золотовалютные запасы. 6 августа Центробанк сообщил, что в период с 24 по 31 июля золотовалютные резервы Банка России снизились на 800 млн. долл. Неделью назад они составляли 19,2 млрд. долл.

Налоги, как и прежде, не собирались. В июле удалось мобилизовать всего 12 млрд. руб., тогда как для текущего исполнения бюджета было необходимо не менее 20 млрд. руб. в месяц. Помощь Запада немного замедлила, но не остановила усиление кризиса. Все его системные причины сохранялись. Обещанные МВФ, другими инкредиторами 22,6 млрд. долл. в 1998—1999 гг. не в состоянии были укрепить рубль, экономику, обеспечить социально-политическое перемирие.

В августе долги по заработной плате достигли 11 млрд. руб., по пособиям детям и чернобыльцам — 17 млрд. руб., перед пенсионерами — до 16 млрд. руб. и до конца года, по прогнозам, должны были превысить 30 млрд. руб., что эквивалентно двухмесячной задержке выплат. Судя по опросам, к бастовавшим шахтерам готова была присоединиться почти половина (41,5 процента) российских граждан. Ситуация сложилась на-

столько угрожающая, что МВФ в качестве давления на российские власти снизил на 800 млн. долл. первый, июньский транш стабилизационного займа (4,8 млрд. долл. вместо 5,6 млрд.), обязав власти срочно сбалансировать бюджет Пенсионного фонда.

Однако вне поля зрения МВФ остался еще более взрывчатый дисбаланс. В августе 1998 года половина российского населения не имела либо лишилась всех своих накоплений. В то же время 50 процентов сбережений концентрировались в руках 2 процентов (!) граждан. Подобное наблюдалось накануне революционных взрывов и гражданских войн в Китае, России, Индии, Иране, странах Африки, которые силой приводили существовавшую политическую надстройку в соответствие со сложившейся социально-экономической реальностью.

Особенности первоначального накопления капитала в постсоветский период запрограммировали общество на катаклизмы, а экономику — на банкротство. Катастрофическое падение доходов лиц наемного труда (с 49 процентов ВВП в 1990 г. до 18—20 процентов в 1998 г.) привело к уменьшению более чем в два раза внутреннего спроса и, соответственно, внутреннего рынка. В свою очередь, это обернулось двукратным сокращением производства, резким уменьшением капиталовложений в реальный сектор экономики.

Прибыль собственников (свыше 50 процентов ВВП против 20 процентов на Западе), банковские вклады граждан (156,6 млрд. руб. по состоянию на 1 июля 1998 г.) не превращались в инвестиции, а преимущественно вкладывались в «короткие» госбумаги, конвертировались в СКВ, переводились за границу. В июле 1998 года покупка валюты, по данным Госкомстата, превысила 20 процентов всех расходов граждан — рекордный уровень за два года. Российская промышленность осталась без финансовой подпитки. В том числе зарубежной, со стороны нерезидентов, которые покинули Россию из-за слабости рынка, агрессивного налогового режима (к тому же менявшегося каждые 3—6 месяцев), нарушения прав собственников-акционеров, социально-политической нестабильности.

В результате всего перечисленного практически остановилось обновление основных фондов на российских

предприятия. При создавшемся положении дел для воспроизводства оборудования потребовалось бы, по оценкам, в топливно-энергетическом комплексе 36 лет, в агропромышленном — 50 лет, в черной металлургии — 56 лет, в легкой промышленности — 40 лет. Большая часть производственного парка простаивала, так как внутренний рынок «усох», а внешний был закрыт по причине применяемых за рубежом антидемпинговых и прочих дискриминационных мер, низкой конкурентоспособности отечественных отраслей, искусственно завышенного курса рубля, других негативных факторов. Летом 1998 года, например, в машиностроении из 100 единиц оборудования только пять использовались более чем на 50 процентов, 35 — на 30 процентов, 20 — на 10 процентов, остальные 40 процентов (почти половина!) не работали совсем. Так, в легкой промышленности коэффициент использования оборудования снизился в 5,1 раза и составил лишь 20 процентов от уровня 1990 года. В «благополучной» нефтеперерабатывающей промышленности загрузка уменьшилась до 55—60 процентов.

Реальный сектор перестал генерировать легальные доходы. В августе количество убыточных предприятий в промышленности превысило 70 процентов от общей численности, в АПК — 90 процентов. Структура оборотных средств более чем наполовину состояла из дебиторской задолженности покупателей и всего на 1—1,5 процента — из собственных ресурсов на счетах в банках. В пассивах (ресурсной базе) кредитных организаций доля предприятий и организаций сократилась до 1,5—4 процентов. Подавляющая часть (более 60 процентов) вложений приходилась на одно — шестимесячные вклады, что полностью исключало использование их в качестве инвестиций в производство.

В основной его части рабочий процесс поддерживался за счет кредитов и неплатежей. К августу 1998 года 80 процентов машиностроительных заводов стали должниками других производств. Причем у 10 процентов объем задолженности превысил сумму годового, а у 30 процентов — полугодового выпуска продукции. Поскольку ставка рефинансирования ЦБ (то есть официальная стоимость кредитов) колебалась в диапазоне 60—150 процентов, а средняя рентабельность предпри-

ятий — 1—5 процентов, то должниками они останутся на десятилетия.

Другим способом выживания оставались проедание амортизации, использование различных финансовых инструментов и схем, заменявших рубли (бартер, взаимозачеты, разнообразные долговые обязательства, СКВ). Их общий объем, как и прежде, стабильно превышал ВВП. Это заранее выносило смертный приговор любым чрезвычайным программам по мобилизации доходов в бюджет.

Правительство просто не могло собирать налоги, поскольку, по самым заниженным оценкам, две трети выпускаемой продукции вообще не участвовало в товарно-денежном обороте, а расчеты более чем на 70 процентов приходились на бартер и взаимозачеты. Столько же российских предприятий совершенно не были зависимы от рубля, рыночного ценообразования и, соответственно, были недостижимы для фискальных и прочих организаций, — шла ли речь о пополнении бюджета, Пенсионного фонда или о других государственных расходах. Власти совершенно утратили контроль в данной сфере, где стало невозможно выполнять любые требования бюджета, как и взаимные обязательства хозяйственных субъектов, которые в несколько раз превышали текущий ВВП.

Переход значительной части российских предприятий в «тень», на денежные суррогаты, бартер и взаиморасчеты в какой-то мере смягчит последствия возможной обвальной девальвации рубля. Но она обернется неизбежным банкротством для властей и банков, выступающих валютными заемщиками, гарантами операций и кредитов в СКВ.

У сырьевого капитала в августе 1998 года не оставалось средств для поддержки экономики, социально-политической стабильности в России. За шесть месяцев сократилось производство в угольной (на 0,3 процента), нефтедобывающей (на 0,4 процента), нефтеперерабатывающей (на 7,4 процента), а также в металлургической, электроэнергетической, лесной отраслях. Это уменьшило экспортную выручку, начавшую падать после снижения мировых цен на энергоресурсы, черные, цветные, редкоземельные, драгоценные металлы, лес, пиломатериалы, составляющие основу российского экс-

порта, который был и оставался совершенно незластичным. То есть его не могли укрепить вывозимые товары машиностроения, наукоемких, высокотехнологичных отраслей, которые находились на грани вымирания.

После изменения мировой конъюнктуры сырьевика уже не в состоянии были выступать опорой для системы, которую они сами создали после 1991 года, получая от нее фантастические льготы, прибыли, прямое и косвенное субсидирование через бюджет и минуя его. Когда компенсаций стало не хватать, а власти не могли дать больше из-за своих бюджетных обязательств, сырьевой капитал, по существу, предал власть. Речь идет не только об информационной войне против правительства и администрации президента, поддержке стачечных выступлений, парламентской оппозиции, но и о массовом переходе на неплатежи, взаимозачеты, денежные сурrogаты, бартер, с которых от сырьевиков в бюджет не поступало ничего. Поскольку внутренние цены, включая сырье, продукцию первого передела, в ряде случаев в 1,5—6 раз превысили мировые (так как в них закладывались все российские риски — от неоплаты до девальвации), потребители были в состоянии расплачиваться только с помощью натурального обмена.

В России все источники заимствований для правительства иссякли. В его распоряжении остался, по сути, единственный ресурс — внешние займы. Однако и их не хватит, чтобы обслуживать уже накопившийся государственный долг, выполнять обязательства перед бюджетом. Важно вспомнить, что в 1998 году доходы и расходы бюджета планировались из расчета высоких мировых цен на российские экспортные товары, доходности госбумаг не выше 25—30 процентов курса рубля в рамках валютного коридора. Реальность перечеркнула все эти и иные расчеты.

По состоянию на июль 1998 года до конца года казне требовалось истратить 180 млрд. рублей (около 30 млрд. долл.) для погашения и обслуживания всех видов госбумаг (при ожидавшихся доходах в 367 млрд. руб.). Из них на ГКО нужно было найти 25 млрд. долл. Обмен последних на валютные бонусы с погашением через семь и двадцать лет на сумму 6,4 млрд. долл. тяжелой ситуации не изменил.

Соглашение с МВФ вынудило удерживать дефицит бюджета-98 в пределах 5,8 процента ВВП. Предполагалось, что до конца декабря гособязательства будут прирастать в среднем на два млрд. долл. ежемесячно, поэтому извне приходилось привлекать не менее трех млрд. долл. за такой же период.

Начиная с июля 1998 года только на погашение и выплату процентов по ГКО расходы увеличились до 4—5 млрд. долл. в месяц, что вдвое превысило объем всех собираемых налогов. Даже внешних заимствований не хватало для поддержания курса рубля. Поступивший от МВФ в последние дни июля транш в 4,8 млрд. долл. продлил эту возможность еще на месяц — до октября. Другие поступления (11,2 млрд. долл. до конца 1998 года) были оговорены жесткими условиями по части фискальных сборов, иных антикризисных мер, которые российские власти обещали выполнить.

В действительности временные и золотовалютные ресурсы правительства не гарантировали от обвальной девальвации. В июле рост официального курса доллара, устанавливаемого Центробанком, составил 0,66 процента (в июне — 0,58, в мае — 0,49 процента). С начала года рубль обесценился на 4,9 процента, в то время как в основных направлениях денежно-кредитной политики ЦБ на 1998 год говорилось, что темпы обесценивания рубля за весь год составят 2—5 процентов. Инфляция же за это время составила 4,3 процента. Примерный паритет между этими показателями был достигнут, хотя рубль обесценивался быстрее, чем росли цены.

По уточненным оценкам, суммарный объем обязательств в рублях, то есть долговых расписок государства (денежная база, вклады до востребования, вложения в государственные, муниципальные и корпоративные бумаги), составил летом 1998 года сумму, примерно эквивалентную 200 млрд. долл. Даже если на рынок СКВ сразу поступит треть данной суммы, при новых резервах Центробанка в 18, 4 млрд. долл. российский рубль обесценится почти в три раза — до 20 руб. за доллар. А если власти получат в 1998 году все обещанные 11,2 млрд. долл., то до 15 руб. за доллар. Это приведет к адекватному росту цен на все предметы потребления и массового спроса.

И действительно, ввиду гигантского объема неплатежей в экономике, перешагнувших за 1 триллион деноминированных рублей, и неподъемного давления внутреннего и внешнего долга правительства (свыше 200 млрд. долларов), резко усилилось давление на правительство со стороны основных социальных групп, и прежде всего со стороны диаметрально противоположных по своим интересам обездоленных низов и олигархических финансово-промышленных группировок, что сузило способность правительства контролировать ситуацию в экономике.

Полученный от МВФ кредит в этих обстоятельствах не только не успокоил российское общество и не повысил его доверие к властям, но, напротив, возбудил в нем опасения, что поступивших финансовых средств не хватит на всех и что настал момент решительного натиска на правительство с целью нового перераспределения финансового пирога. Начались стихийная девальвация рубля, неуправляемый рост курса «твердых» валют. Уже в первой декаде августа доллар пробил верхнюю границу валютного коридора, что заставило Центробанк начать постепенное расширение валютного коридора, установив 10 августа официальный курс доллара на уровне 6,27—6,31 рубля, тогда как коммерческие банки под напором резкого роста спроса на валюту стали поднимать цену доллара до 7—8,5 рубля. Это поставило Центробанк перед необходимостью ускоренно расходовать золотовалютные запасы, сведя на нет эффект финансовой помощи Запада.

В июле наступил крах финансовой основы российской экономики последних лет, базировавшейся на «жизни взаимности», — государственной пирамиды ГКО и привлечения огромных внешних кредитов. Из-за постепенного «разогрева» доходности ГКО государство начало регулярно отменять торги ими и было вынуждено погашать бюджетными средствами долги по старым выпускам ГКО. В то же время, в обстановке развала реального сектора народного хозяйства государству оказалось не по силам выплачивать долги и одновременно выполнять обязательства по бюджету. В выступлении экс-премьера С. Кириенко в Государственной думе 21 августа, в ко-

тором он мотивировал принятые правительством и Центробанком решения, назывались следующие цифры: налоговые поступления в бюджет в августе составляли 22 млрд. рублей, а выплаты ГКО и ОФЗ требовали около 35 млрд. Уже за две первых недели августа держателям ГКО была выплачена сумма, близкая к месячному сбору налогов ГНС.

Одновременно с кризисом на рынке ГКО началось свертывание рынка «сельских» облигаций, симптомом чего стала отмена 7 и 10 августа аукционов по размещению этих ценных бумаг, и произошло знаменательное событие на рынке региональных займов — Минфин Якутии не мог погасить республиканские облигации на сумму около 110 млн. рублей. Этот первый «дефолт», признание банкротства, был многими финансистами воспринят как предвестие банкротства всей страны, что еще больше подогрело панические настроения у участников финансового рынка.

На рынке корпоративных облигаций устойчиво падали котировки так называемых «голубых фишек», акций российских приватизированных предприятий. «Недоверие» к властям со стороны участников фондового рынка особенно обострилось после заявления министра финансов М. Задорнова о том, что Минфин получил разрешение использовать для погашения государственного долга, а фактически для бюджетных нужд, средства из кредита МВФ, предназначенного для стабилизации рубля и пополнения золотовалютных резервов Центробанка. Большая часть финансистов пришла к выводу, что при подобной политике и следующие транши этого кредита также пойдут на решение проблем бюджета.

Негативная реакция финансового рынка на попытку проведения государством линии на ослабление социальной напряженности продемонстрировала, что поведение основных социальных групп в стране вступило в условиях кризиса в «противофазу». Имелось в виду, что ослабление протеста низов вызывает панику у верхов и, наоборот, умиротворения финансовых кругов происходит, как правило, на фоне нарастания социальных волнений низов. А это объективно поставило в тупик государственную власть, оказавшуюся между молотом социального протеста и наковальней финансо-

вого краха. Иначе говоря, попытки властей несколько притушить социальный протест низов в условиях нарастающего дефицита финансовых средств не придали системе стабильности, а стали непосредственной причиной подъема возмущения на другом полюсе — у социальных верхов, не готовых делить с государством бремя социальной политики.

Отказ от выплаты государственного долга и фактическая девальвация рубля подорвали доверие к России и ее властям как со стороны зарубежных инвесторов, так и МВФ, предоставившего в июле стабилизационный кредит на поддержание курса национальной валюты. Напор социального и финансового давления на правительство, достигший в августе апогея, и ухудшение ситуации были четко отслежены западными инвесторами задолго до официального признания российским правительством факта своего банкротства. Например, уже в конце июля — как раз перед «проверочным» визитом первого заместителя директора-распорядителя МВФ С. Фишера — агентством Фитцх ИБЦА, традиционно доброжелательно настроенным к нашей стране, был снижен кредитный рейтинг России, что послужило сигналом для инвестиционных фондов и банков с западной «пропиской» к свертыванию своей деятельности в России.

К середине месяца паника перекинулась и на межбанковский кредитный рынок, который оказался парализован из-за кризиса ликвидности (нехватки валюты) и массового недоверия партнеров друг к другу. Некоторые банки, например «Империал», перестали расплачиваться за купленную валюту и отказались возвращать межбанковские кредиты, что немедленно привело к дальнейшему снижению рейтингов ведущих российских банков и страны в целом мировыми рейтинговыми агентствами.

Попытки кабинета С. Кириенко слепо следовать рекомендациям международных финансовых институтов, усиливая налоговый пресс на обескровленную и бартеризованную экономику и интенсифицируя процесс приватизации на фоне углубляющегося инвестиционного кризиса, практических результатов, естественно, не дали. Напротив, эти действия еще более усугубили экономическую ситуацию. Так, погоня за

ускользавшими «живыми» деньгами, предпринятая под фискальным давлением правительства крупными налогоплательщиками-монополистами, такими, как РАО «Газпром» и «ЕЭС России», ведшая к отключением неплательщиков, привела к нарастанию экономического хаоса.

Например, в результате обесточивания сибирских железных дорог было остановлено движение на них. Под вопросом оказалась работа морских пунктов пропуска в Хабаровском крае. Усилилась опасность техногенных катастроф. В августе по вине энергетиков имела место крупная авария на Среднеуральском медеплавильном заводе в Свердловской области. Возникла предаварийная ситуация в Институте биофизики Сибирского отделения РАН, где исследовались болезнетворные бактерии, могущие использоваться в производстве бактериологического оружия массового поражения. Аналогичная ситуация возникла и на производственном объединении «Маяк» в Челябинской области, где от сети были отключены ядерные реакторы и возникла опасность неуправляемой цепной реакции.

Фискализация экономической жизни, принятая за основу в антикризисной программе правительства С. Кириенко, фактически привела к результатам, прямо противоположным исходной цели. По замыслам инициаторов жесткой фискальной политики, она должна была содействовать снижению социальной напряженности в обществе — за счет решения проблемы долгов перед бюджетниками и пенсионерами.

В действительности же широкомасштабные фискальные меры, к реализации которых в начале августа приступило правительство, по оценкам экспертов, могли лишь усилить напряженность, сделав ее взрывоопасной, поскольку проведение этих мер в жизнь привело бы к снижению жизненного уровня населения в среднем на 20 процентов. Соответственно, сразу же после обнародования планов правительства региональные профорганизации работников образования начали подготовку к кампании против урезания зарплаты педагогам, Федерация независимых профсоюзов России выступила с обращением к президенту отменить решение правительства об увеличении пенсионного сбора.

По мнению большинства наблюдателей, к началу осени ожидалось достижения апогея градуса общественного недовольства такими мерами, как введение налога с продаж, повышение таможенных акцизов, отмена льгот на НДС, увеличение тарифов за электричество и другие жилищно-коммунальные услуги.

Значительно осложнились в результате фискальных нововведений российского правительства отношения РФ со странами СНГ (устав этой организации не позволял в одностороннем порядке увеличивать таможенные пошлины) и со Всемирной торговой организацией (ВТО). Последнее обстоятельство являлось стратегическим просчетом, поскольку с обретением членства в ВТО Россия могла бы получить таможенные преференции и льготы на сумму до 1,5 млрд. долларов уже в 1999 году. На состоявшемся в августе в Женеве очередном раунде переговоров российской делегации с руководством ВТО вступление России в эту организацию было отложено на неопределенное время из-за решения правительства повысить таможенные пошлины на три процента на все импортные товары.

В то же время, несмотря на все усилия, фискальные ведомства, и прежде всего Госналогслужба, так и не справились с бюджетными заданиями.

Не смогло правительство похвастаться и успехами в сфере приватизации. По данным Мингосимущества (МГИ), за прошедший с начала 1998 года период в бюджет поступило лишь 16 процентов запланированных доходов от приватизации: при плане в 8 млрд. 100 млн. руб. пока был получен 1 млрд. 300 млн. После августовского дефолта стали рушиться и надежды МГИ на сформированную реализацию в сентябре — октябре приватизационных планов по продаже последних гигантов российской экономики, которые еще не полностью перешли в частные руки («Связьинвест», «ЛУКОЙЛ», «Норсиойл», «Роснефть», «Газпром»). Кризис, достигший своего апогея 13 августа, когда началось обвальное падение акций российских предприятий на фондовом рынке, после принятия правительством РФ и Центробанком 17 августа беспрецедентных решений о расширении границ валютного коридора и замораживании выплат по ГКО и ОФЗ,

привел к фактическому параличу банковской системы и краху национальной валюты.

В этих критических условиях политическая и финансовая элита страны, властные институты оказались неспособны не только к срочному и эффективному противодействию надвигающейся катастрофе, но и к консолидации перед лицом смертельной угрозы, что, в свою очередь, явилось одним из решающих факторов негативной социально-экономической и политической динамики, наблюдавшейся в конце августа. Ни резкое ослабление политических позиций президента, ни рост влияния оппозиции, вступившей в альянс с недовольными политикой Б. Ельцина и прежнего правительства олигархическими группировками, ни даже отставка кабинета С. Кириенко и назначение В. Черномырдина исполняющим обязанности премьера не ослабили острой межгрупповой борьбы внутри элиты, не привели к стабилизации власти, а, напротив, открыли очередной этап ее кризиса.

Кризис власти, по мнению многих наблюдателей, дополненный и усиленный финансово-экономическим кризисом, перерос в системный. Иллюстрацией к этому тезису могло служить само возвращение во власть В. Черномырдина, сразу же оказавшегося перед сложнейшими программными, идеологическими и кадровыми проблемами. Решение этих проблем выглядело перед специалистами практически неразрешимой задачей в условиях рухнувшего консенсуса и углублявшегося противостояния как в российском обществе, так и между Россией и Западом, требовавшим форсирования прежнего «курса реформ».

Более того, важнейшим социальным последствием решений от 17 августа стала фактическая утрата властью базы общественной поддержки. Попытки сменить точки опоры, переложив тяготы кризиса с социально неимущих слоев на богатую верхушку общества и «средний класс», не дали практических результатов. Политическая элита, отказавшись от поддержки банковской системы и намереваясь погасить росший протест низов с помощью подешевевших рублей, потеряла традиционную социальную опору, но не приобрела новой.

Таким образом, кризис показал неспособность современной российской финансово-политической элиты к сплочению даже в обстановке, когда стратегическое решение уже принято. Ценой больших усилий добившись от МВФ очередного стабилизационного кредита, но не получив рычагов управления этими средствами, отдельные группы начали активно действовать, стремясь во что бы то ни стало осуществить девальвацию. Подобная линия поведения отражала присущее всему российскому истеблишменту неумение, нежелание подчинить свои узкогрупповые интересы не только общенациональным целям, но и корпоративным, «классовым» интересам.

Кризис продемонстрировал отсутствие у ведущих политических групп такого важного, особенно в критических ситуациях, качества, как субъектность, то есть готовность к проявлению политической инициативы, умение взять на себя ответственность в решающие моменты. Эта бессубъектность, ставшая логическим следствием политико-правовой системы «суперпрезидентской» республики с ее сверхцентрализмом в принятии решений, проявилась в том, что, когда произошел обвал рубля и фактический паралич банковской системы, ведущие политики предпочли перекладывать друг на друга ответственность или просто отказываться от участия в мерах по борьбе с кризисом. Подобная линия отражала другую сторону бессубъектности: в критические моменты развития ведущие группы современной российской элиты всегда стремились прежде всего к изменению баланса сил в верхах, используя для этого ошибки и слабости своих оппонентов. Именно под знаком борьбы за передел власти и влияния, а не выработки срочных антикризисных решений прошла последняя декада августа.

И это тем более странно, если учесть, что подготовка к смене кабинета С. Кириенко началась почти за два месяца до случившегося обвала рубля.

Уже сразу после принятия международными финансовыми институтами июльского решения о предоставлении России стабилизационных кредитов в политических кругах стало формироваться понимание того, что, во-первых, этих средств хватит лишь на несколько месяцев (эксперты называли обычно срок от трех до

шести), после чего финансово-экономический кризис разразится с новой силой. И всем было ясно — правительство С. Кириенко вряд ли сможет эффективно противостоять новым волнам кризиса.

Не все это знали, но к началу августа наметилась некоторая политическая изоляция кабинета «юных реформаторов». Недовольство его деятельностью стало расти в самых различных политических группах, в том числе и тесно связанных с правящей верхушкой. Так, руководителям президентской администрации претило явное стремление премьера к излишней, по их мнению, самостоятельности. Именно С. Кириенко стал инициатором непопулярного в антикоммунистических кругах назначения видного деятеля думской фракции КПРФ Ю. Маслюкова министром промышленности и торговли, согласившись на все его жесткие условия, означавшие, по существу, резкое изменение баланса сил в правительстве.

Окружение Б. Ельцина раздражала также неспособность кабинета «продать» утверждение пакета антикризисных мер через Государственную думу (специально намеченное для этого на 19—20 августа заседание нижней палаты постоянно откладывалось), преодолеть тихий саботаж правительственных решений субъектами Федерации, снизить накал социальных конфликтов в особо кризисных регионах и отраслях экономики.

Лидеры ведущих финансовых группировок в основном были недовольны тем, что им так и не доверили роль «операторов» новых кредитов. «Олигархи», связанные с экспортоориентированными отраслями, все отчетливее склонялись к необходимости более активного лоббирования девальвации рубля, чему так активно сопротивлялось правительство. Наконец, усиленную обеспокоенность беспомощностью правительства проявляла и левая оппозиция, опасавшаяся, что это может закончиться неконтролируемым социальным взрывом.

Явно запоздалыми в этом контексте выглядели предпринятые С. Кириенко в последний период его пребывания на посту премьера усилия по «политизации» правительства и по реанимации идеи общественного согласия. Особенно упор на необходимости

активной политической работы с оппонентами и смягчения изначального холодного, «технократического» имиджа своего правительства. Об этом «прозрении» свидетельствовало выступление бывшего премьера на одном из августовских заседаний правительства по вопросу о взаимоотношениях правительства и Думы.

К числу запоздалых мер наблюдатели отнесли и ряд попыток С. Кириенко, направленных на установление благожелательных отношений с олигархическими группировками. Прежде всего имелась в виду группировка Б. Березовского, которая резко активизировала в августе не только свою политическую деятельность, но и одержала ряд побед на деловом фронте, например, заняла доминирующее положение в авиакомпании «Трансаэро».

С. Кириенко упустил также возможность расширения своего влияния на левопатриотическом фланге. Этим, наверное, объяснялась не только похвала, которой С. Кириенко удостоился у Г. Зюганова после своей поездки в Чечню, но и интерес, который проявил в отношении экс-премьера Ю. Лужков, предложивший С. Кириенко после его отставки занять место первого вице-премьера в столичном правительстве.

И наконец, отклонение С. Кириенко упреков в адрес прежнего кабинета в том, что тот работал в «пожарном режиме», тушил с помощью подачек вспышки недовольства, не имея перед собой никаких ясных стратегических перспектив. С. Кириенко запоздало отметал упреки в адрес своего правительства за чрезмерно жесткие и, по сути дела, противоправные действия фискальных органов, действия которых вызывали неприятие со стороны бизнес-сообщества.

По данным из различных источников, Б. Березовский, не скрывавший своего жесткого критического отношения к правительству С. Кириенко, получив некое самое общее согласие некоторых «олигархов» на то, чтобы прозондировать возможность совместных усилий с заинтересованными финансовыми кругами в США, направленных на проведение девальвации рубля, совершил частный визит за океан, где имел закрытые встречи со скандально знаменитым Дж. Соросом. После этого Дж. Сорос якобы вложил довольно большие средства в пропаганду идеи девальвации в россий-

ские СМИ. К тому же в этой связи некоторые аналитики считали весьма примечательным, что буквально накануне обвала российской национальной валюты во влиятельной британской газете «Файнэншл таймс» появилась статья Дж. Сороса, в которой он настоятельно рекомендовал провести девальвацию.

И тем не менее было бы наивно объяснять происшедшую в России после 17 августа финансовую катастрофу реализацией хорошо спланированного заговора. Уместнее было бы предположить, что намерения отдельных групп, заинтересованных в подешевлении российской валюты, наложились на другие неблагоприятные, неконтролируемые этими группами тенденции, в результате чего после принятия правительством и Центробанком решений возникла ситуация, в которой не было победителей, а оказались одни проигравшие.

Б. Березовскому, по мнению специалистов, скорее всего принадлежала важная политическая роль в убеждении ближайшего окружения президента пойти на девальвацию. В частности, ряд экспертов обратил внимание на то обстоятельство, что лица, формально ответственные за принятие решений, обнародованных 17 августа — А. Чубайс и С. Дубинин, — были вызваны в Москву из отпуска, когда политическое решение о введении валютного коридора и объявлении дефолта были уже сформулированы и начались активные консультации между вновь приближенным к тому времени Кремлем экс-премьером В. Черномырдиным, лидерами КПРФ и руководителями президентской администрации. В процесс взаимных консультаций в той или иной степени оказались вовлеченными представители довольно широкого спектра политических сил, что признал на одной из августовских пресс-конференций и председатель ЦК КПРФ Г. Зюганов. Целью этих контактов являлась замена обанкротившегося кабинета С. Кириенко на некое коалиционное правительство под председательством В. Черномырдина.

Интересы различных сил, включившихся в переговорный процесс, были весьма различными, что отчетливо проявилось в публичной политике уже после назначения В. Черномырдина. В этом контексте симптоматично, что активное участие ближайшего

президентского окружения было обусловлено тем, что оно осознало целесообразность отстранения от власти строптивного и неэффективного кабинета С. Кириенко, который не смог сыграть роль политического «громомотвода» при президенте. Важно было также обеспечить передачу премьерских полномочий в руки такого политика, который в случае форс-мажорных обстоятельств мог бы дать гарантии личной безопасности и обеспечения интересов Б. Ельцина и его семьи.

По оценкам ряда аналитиков, активное участие в подготовке смены кабинета верхушки президентской администрации и В. Черномырдина, которому отводилась ключевая роль, объяснялось также тем, что якобы еще ранее между президентом и экс-премьером были достигнуты договоренности о том, будто бы лидер НДР, возвратясь в кресло премьера, создаст условия для переизбрания Б. Ельцина на третий срок.

Роль связующего звена между отдельными участниками переговоров исполнял Б. Березовский. Одновременно он выполнял крайне важные идеологические функции по дискредитации правительства С. Кириенко и Центробанка в элитных кругах. Контролируемая им «Независимая газета» на протяжении всего августа вела активную кампанию против руководства Центробанка, пыталась инициировать конфликт между руководством Центробанка и Минфином путем публикации материалов — как утверждали наблюдатели, не без помощи «утечек» из президентской администрации, обвиняя Центробанк в утаивании 1,5 млрд. долларов, предназначенных госбюджету.

Наблюдатели отмечали, что, помимо ранее не раз открыто провозглашавшихся им целей — «обеспечения преемственности власти», — участие Б. Березовского в подготовке «второго пришествия» В. Черномырдина объяснялось его намерением заменить самостоятельное руководство Центробанка, посадив на место его председателя подконтрольную себе фигуру.

Трудно сказать, каково было отношение самого президента к активности столь влиятельных политических сил. Не исключено, что он не представлял реальных масштабов процесса подготовки смены кабинета. В этом плане можно предположить, что намерения его участников к концу первой декады августа

оказались под серьезной угрозой, когда в политических кругах начали циркулировать слухи о скорой возможной отставке руководителя президентской администрации В. Юмашева и замене его либо Ю. Яровым, либо С. Ястржембским.

Решения правительства и Центробанка, начавшийся после них обвал рубля побудили противников С. Кириенко и С. Дубинина перейти к более решительным действиям. Накануне экстренного заседания Думы, назначенного на 21 августа, участники нового политического блока договорились о совместных действиях в нижней палате, направленных на объявление вотума недоверия кабинету С. Кириенко. Предполагалось также, что сразу же по возвращении президента из отпуска В. Черномырдин вручит ему некий политический меморандум, доказывающий необходимость отставки правительства и формирования вместо него коалиционного кабинета. После чего Дума, не дожидаясь решения главы государства, в подкрепление серьезности намерений объявит вотум недоверия кабинету.

Аналитики располагали сведениями о том, что планировалось также привлечь на свою сторону Ю. Лужкова, предложив ему кресло спикера Совета Федерации. Отмечалось, что за два дня до думского голосования В. Черномырдин имел встречу с А. Лебедем, результатом которой стали обещания красноярского губернатора не препятствовать политически формированию нового правительства. Итоги экстренного заседания Думы, подвергнувшей кабинет С. Кириенко и ЦБ жесткой критике, продемонстрировали скоординированность действий ведущих парламентских фракций, их решимость в стремлении добиться поставленных целей.

Однако уже на следующий день, в субботу 22 августа, перспективы В. Черномырдина заметно ухудшились. Фактически негативно по поводу его возможного возвращения в Белый дом в качестве главы кабинета высказались ведущие региональные политики федерального масштаба — Ю. Лужков, Е. Строев, над кандидатурами которых на пост премьера, как потом выяснилось, также размышляли в Кремле. В свою очередь, и А. Лебедь дезавуировал итоги недавней встречи с В. Черномырдиным, своим недавним союз-

ником по ситуативно сложившемуся антикириенковскому «альянсу четырех» — Б. Березовский, А. Лебедь, М. Шаймиев, В. Черномырдин.

В любой демократической политической системе это существенно снизило бы шансы кандидата, претендующего на роль главного консолидатора элиты, получить искомый пост. Однако критики экс-премьера невольно помогли ему: критика со стороны Е. Строева и Ю. Лужкова стала свидетельством того, что В. Черномырдин находился под бдительным оком своих соперников и уравнивал их.

Вечером 23 августа было официально объявлено об отставке С. Кириенко и о назначении В. Черномырдина и. о. главы кабинета. Намерения левой думской оппозиции получить лавры ниспровергателей правительства С. Кириенко были сорваны, однако, с другой стороны, действия президента также были небезупречны. Прежде всего, назначение нового и. о. премьера было совершено с нарушением действующей Конституции и закона о правительстве. Президент, согласно юридической норме, мог назначить и. о. премьера лишь из числа членов правительства, в которое, как известно, В. Черномырдин не входил.

Пренебрежение этой нормой дало повод лидерам оппозиции заявить о том, что Б. Ельцин вновь пытается действовать вне конституционного поля, ставя под вопрос существование в стране законопорядка, что хотя и не являлось серьезным нарушением с точки зрения российской политической культуры, однако давало оппозиции возможность более обоснованно мотивировать свое отрицательное отношение к последним инициативам главы государства. А это, в свою очередь, являлось дополнительным козырем для противников Б. Ельцина в борьбе за передел власти, обострившейся после отставки кабинета С. Кириенко и возвращения в правительство В. Черномырдина.

С его приходом в Белый дом начался новый виток борьбы за передел власти.

Хотя сообщение о назначении В. Черномырдина в целом было позитивно воспринято большинством влиятельных политических групп, возвращение экс-премьера во власть состоялось в принципиально иной

обстановке, что значительно сузило ему пространство для политических маневров.

В. Черномырдин, наработавший в годы относительной стабильности опыт конструктивного взаимодействия с разными политическими силами, в период своего первого премьерства опирался на мощные позиции президента в российской политике. В августе 1998 года Б. Ельцин после неудачного опыта форсировать реформы с помощью кабинета С. Кириенко, неудачного заявления о том, что девальвации не будет, сделанного за два дня до ее объявления, уже не мог служить для премьера прежней точкой опоры. В новой ситуации премьер оказался в гораздо большей зависимости от сил, способствовавших его возвращению к власти, прежде всего от КПРФ и ее союзников.

Невозможной оказалась и привычная для В. Черномырдина политическая формула кабинета, ранее базировавшаяся на балансе сил между радикальными реформаторами, контролировавшими финансово-экономический блок, и министрами-отраслевиками, представленными выходцами из модернизированной советской хозяйственной номенклатуры. В августе 1998 года наиболее значимые фигуры из радикально-демократического лагеря оказались сильно дискредитированными и потому не имеющими шансов войти в правительство.

Б. Немцов сам подал президенту прошение об отставке и заявил о нежелании входить в новый кабинет, фактически обвинив В. Черномырдина в сговоре с олигархами, опасавшимися радикальных демократических реформ, к проведению которых готовился кабинет С. Кириенко.

Авторитет А. Чубайса пошатнулся как в глазах президента (которого он долго убеждал в том, что развитие ситуации в финансовой сфере страны не внушает беспокойства), так и в глазах международных финансовых кругов, поскольку специальный представитель президента «выбивал» у них средства на поддержание рубля, однако не смог воспрепятствовать не только девальвации, но и отказу правительства платить по внешним долгам.

Отставка А. Чубайса с поста спецпредставителя

президента по контактам с международными финансовыми организациями ослабила поддержку В. Черномырдина со стороны радикальных либералов, шедших за Е. Гайдаром и А. Чубайсом. Проведенный сторонниками «Демвыбора» России 30 августа митинг, участники которого осудили подготовку политического соглашения с думской оппозицией при активном участии В. Черномырдина, стал шагом к разрыву отношений и. о. премьера с политическими группами правоцентристского толка.

В отличие от периода первого премьерства в августе 1998 года В. Черномырдину пришлось столкнуться с ситуацией, когда влиятельные политики страны дали понять, что, с их точки зрения новое «хождение во власть» В. Черномырдина будет недолговечным. Так, Ю. Лужков дистанцировался от какого-либо участия в формировании кабинета, ограничившись высказываниями в том ключе, что раз В. Черномырдин внес значительный вклад в возникновение кризисной ситуации, то теперь он же ее и должен разрешать. Одновременно Ю. Лужков демонстративно пригласил на работу в правительство Москвы отставного премьера С. Кириенко, а столичная пресса начала острую кампанию против и. о. премьера. Г. Явлинский и возглавляемая им фракция «Яблоко», отказавшись от участия в правительстве, заявили о том, что премьер В. Черномырдин не сможет исправить положение в российской экономике.

Было очевидно, что эти политики решили взять паузу до того момента, когда стали бы более определенными перспективы формировавшегося правительства, его отношения с Думой, основными политическими силами страны, чтобы попытаться вступить в борьбу за власть в качестве соискателей в следующем туре, используя нараставшую волну кризиса в качестве трамплина. Так, 30 августа, когда стало ясно, что дал сбой механизм торга вокруг политического соглашения между президентом, Думой и и. о. премьера, Г. Явлинский выступил с программными тезисами и с заявкой на ведущую роль в формировании правительства. Это имело скорее пропагандистский смысл, рассчитанный на отдаленное будущее, которое могло наступить после того, как обострившийся кризис про-

делал бы свою очистительную работу, а не на тогдашнюю ситуацию.

Поддержка, в конечном итоге полученная от Е. Строева и А. Лебеда, носила весьма условный характер. Позиция спикера верхней палаты во многом зависела от настроений сенаторов, которые хотя и доверяли В. Черномырдину, но могли вскоре отказать ему в своей поддержке, если правительство не приступило бы к реализации эффективных мер по спасению региональных экономик.

А. Лебедь, политические возможности которого в то время были сильно ограничены тяжелым положением Красноярского края, на уровне федеральной политики вынужден был маневрировать, ориентируясь на быстро меняющуюся политическую конъюнктуру. Исходя из нее, он несколько раз менял позиции в отношении федеральной власти: то искал с ней диалога, то начинал конфликты по вопросам оздоровления финансов Красноярского края, привлечения иностранных займствований для развития его экономики. Даже после назначения В. Черномырдина премьером позиция А. Лебеда в отношении него менялась трижды — нейтралитет, негативная реакция, поддержка. К концу последней недели августа А. Лебедь вновь выступил с заявлениями, смысл которых сводился к выражению крайнего скепсиса в отношении способности В. Черномырдина изменить ход развития ситуации в стране к лучшему.

Таким образом, если в годы первого премьерства В. Черномырдин опирался на солидный фундамент доверия, но испытывал дефицит властных полномочий, то в августе он оказался в противоположной ситуации: президент наделил его значительными полномочиями, а доверие приходилось зарабатывать вновь.

Не в пользу претендента на пост главы кабинета сыграло и то, что Б. Ельцин попытался в сложившейся ситуации еще больше сузить В. Черномырдину пространство для самостоятельного политического маневрирования, воспользовавшись тем, что спикер Совета Федерации и московский мэр почти открыто выражали недовольство возвращением В. Черномырдина в правительство. Б. Ельцин, в частности, вновь взял на себя роль посредника во внутриэлитных дрыз-

гах и инициировал встречу «четверки» (В. Черномырдин, Е. Строев, Ю. Лужков и сам президент), в ходе которой, с одной стороны, он предпринял попытку развеять слухи о том, что приглашение В. Черномырдина в правительство было вынужденным, чуть ли не навязанным президенту шагом, во-вторых, попросил спикера и мэра поддержать эту кандидатуру и, в-третьих, дал понять, что он считается с амбициями и планами обоих политиков, рассматривая их в качестве устойчивых фигур на шахматной доске российской политики.

В то же самое время назначение нового премьера породило очередной виток борьбы за передел власти между президентской администрацией, правительством и Думой. Коммунисты не без оснований решили, что если Б. Ельцин перехватил у них инициативу в вопросе об отставке кабинета С. Кириенко, то формирование нового кабинета имеет все шансы пойти по привычной схеме: его состав будет определяться в Кремле и в Белом доме, без участия Думы, а программа антикризисных мер была объявлена уже после утверждения главы правительства парламентом.

Поэтому уже на следующий день после назначения В. Черномырдина и. о. премьера фракция КПрФ и ее союзники сформулировали жесткие условия его утверждения в качестве премьера: сначала достижение договоренностей между исполнительной и законодательной властью об основных параметрах курса нового кабинета, получение политических гарантий о передаче части президентских полномочий правительству и парламенту, и только после этого — утверждение главы кабинета. В противном случае лидеры левого блока заявили о готовности пойти на досрочные парламентские выборы.

Левые точно рассчитали, что наступил благоприятный момент для реализации своих политических целей: президент сильно дискредитирован в глазах общественного мнения, а и. о. премьера в условиях жесточайшего финансового кризиса испытывал большой дефицит доверия и времени. Еще более ужесточило руководство Компартии свою позицию, когда выяснилось, что надежды КПрФ и ее союзников на то, что В. Черномырдин будет играть главную роль в переговорах

с президентом об ограничении его полномочий не оправдались и когда в результате длительного торга пришлось создавать трехстороннюю согласительную комиссию из представителей двух палат Федерального Собрания и правительства, которая при участии представителей президентской администрации попыталась разработать политические и экономические принципы деятельности нового правительства и взаимодействия ветвей власти.

Разработанный комиссией проект программного заявления по экономическим вопросам был крайне критически воспринят на Западе, где новые программные положения, авторы которых явно вдохновлялись кейнсианскими представлениями о путях выхода из кризиса, послужили основанием для выводов о реальной возможности отката России от реформирования экономики. Представители МВФ, руководители ведущих стран Запада, а также мировые биржи весьма нервно отреагировали на планы изменения экономического курса. Появились высказывания высокопоставленных западных чиновников о вероятности полного прекращения финансовой и иной помощи России, не выполнявшей своих обязательств, прозвучавшие как откровенный шантаж.

В результате этого нажима разговоры о возможности изменения модели экономической политики в кулуарах власти начали затихать и сменились декларациями о неизменности проводимого курса. В выступлениях В. Черномырдина была подвергнута сомнению необходимость дедолларизации российской экономики. В СМИ весьма подробно началось муссирование заявлений западных политиков о необходимости ее еще более последовательного и радикального реформирования.

Сам Б. Ельцин в интервью программе «Зеркало» заявил, что основной задачей нового правительства он считает не поиски нового курса, а реализацию уже внесенного прежним кабинетом в Думу антикризисного пакета. Близкий к В. Черномырдину лидер фракции НДР А. Шохин начал настаивать на восстановлении статус-кво до 17 августа в отношении выплаты долгов по ГКО иностранным инвесторам и на отмене трехмесячного моратория на выплату этих долгов.

Одновременно поползли тревожные слухи о проработке в администрации президента и в окружении и.о. премьера планов по роспуску Думы, силовому подавлению оппозиции.

В то же время правительство и окружение президента с раздражением воспринимали столь интенсивный «накат» со стороны Запада.

Сомнение вызывали уже разговоры о том, что Запад сумеет обеспечить для России серьезную экономическую помощь — расчеты на это выглядели утопичными на фоне постепенного перерастания кризисных явлений на отдельных региональных рынках в мировой финансово-экономический кризис. В августе сбои на финансовых рынках начались практически во всех латиноамериканских странах и затронули рынки наиболее развитых стран — Японии, США, Великобритании. В этой ситуации разговоры зарубежных лидеров о необходимости соизмерять помощь России с ее продвижением на пути реформ выглядели в большей мере благовидным предлогом для прекращения серьезного сотрудничества в момент, когда Западу требовалась передышка для сосредоточения на собственных трудностях.

Как уже говорилось выше, итоги августа продемонстрировали исчерпанность экономических, социальных, политических ресурсов курса радикальных рыночных реформ, натолкнувшихся на серьезные ограничители социально-политического характера, на исчерпанность кредита доверия общества к политике последних семи лет, на перетягивание каната между диаметрально противоположными по своим интересам социальными группами в условиях обострения кризиса и на отсутствие единства внутри элиты и т. д.

Продолжение курса, начавшего вызывать сомнения и раскол в рядах самой элиты, было политически опасным занятием, которое могло подвести страну на грань политического взрыва. Этим, видимо, и объяснялось стремление президентской стороны сделать акцент на политическом соглашении с оппозицией с целью разделить с ней ответственность за ухудшение ситуации и за возможные колебания социально-экономического курса в течение ближайших полутора лет. В то же время президентская сторона, как стало выяс-

няться в ходе работы согласительной комиссии над политическим соглашением, отнюдь не имела намерения всерьез разделить с оппозицией вместе с ответственностью и реальную власть.

Комиссия подготовила проект политического соглашения, состоявший из четырех пунктов:

все стороны в месячный срок обязуются создать комиссии по реформе Конституции;

в течение полутора лет стороны обязуются гарантировать политическую стабильность и не принимать друг против друга враждебных действий, что, в частности, предполагает отказ Госдумы от постановки вопроса о недоверии правительству, отказ правительства от постановки перед Думой вопроса о доверии к себе и отказ президента от отзыва премьера;

обязательство Думы рассмотреть пакет антикризисных документов, которые будут представлены правительством;

обязательство главы кабинета формировать правительство с согласия депутатских объединений и фракций при сохранении за президентом права на назначение силовых министров.

Данный проект, однако, был негативно воспринят лидерами левых депутатских групп и фракций в Госдуме, а также руководством ЛДПР и «Яблока». Г. Зюганов отказался без согласия президиума ЦК КПРФ визировать проект соглашения, а после проведения заседания в телепрограмме «Итоги» выступил с резкой критикой проекта этого документа.

По мнению его критиков, согласительная комиссия подготовила документ, из содержания которого оказалась выхолощенной вся политическая конкретика и оставлены лишь благие пожелания, рассчитанные на то, чтобы, прикрывшись их риторикой, исполнительная власть получила свободу действий.

Обозреватели отмечали, что поведение Г. Зюганова и ЦК КПРФ, решивших сначала отложить обнародование своего окончательного мнения о проекте политического соглашения, было призвано скорректировать шаги оппозиции с решениями президента Б. Ельцина, с его отношением к проекту политического соглашения. После того как стало известно, что президент отказался подписывать этот документ, Г. Зюганов, по-

лучивший от руководства Компартии карт-бланш действовать по обстоятельствам, заявил и о своем полном несогласии с проектом.

В свою очередь, этот шаг лидера оппозиции дал президенту возможность новых политических маневров. У него, в частности, появился повод официально обвинить КПРФ и другие думские фракции в несговорчивости и безответственности.

Между тем аналитики старались расшифровать генезис президентского решения по девальвации рубля и возвращению во власть В. Черномырдина, ответив на сакраментальное «кому выгодно?».

Многие эксперты решение Б. Ельцина довольно единодушно трактовали как объявление о собственной смерти. В лучшем случае, мол, она воплотится в чисто номинальное царствование президента с отдачей всех рычагов управления в руки «не испорченного ни властью, ни отставкой» В. Черномырдина, в худшем — несмотря на явно декларативные, для спасения собственного лица, заявления Б. Ельцина о том, что «никуда он не уйдет», более того, никому не отдаст президентские полномочия, он все же вынужден будет под давлением влиятельных сил, а также ввиду своей беспомощности, как физической, так и психологической, уйти в отставку в надежде, что В. Черномырдин выправит положение и гарантирует безопасность Б. Ельцину и его семье.

Однако что же это за «влиятельные силы»? Оппозиция в лице коммунистов и НПСР? Как ни удивительно, этот вариант рассматривался всерьез. Ибо ситуация в России подпадала под классическую ленинскую формулу, согласно которой «верхи не могут, а низы не хотят». Не случайно представители президентского окружения зачастили на консультации к Г. Зюганову, а кремлевский проект «политического соглашения», несмотря на позу, которую старалась держать президентская сторона, в конечном итоге учел основные предложения НПСР, правда, не конкретизируя их: внесение изменений в Конституцию и федеральный закон о правительстве, самостоятельность премьера в решении кадровых вопросов, годичный мораторий на смену кабинета.

Вместе с тем, по общему мнению, не менее важно

было понять действия и резоны влиятельных сил, действовавших закулисно и озабоченных не столько положением дел в стране, сколько перспективами собственного бизнеса.

Во всяком случае, существовала версия, более или менее логично объясняющая президентские шарахания, априори дискредитировавшие Б. Ельцина как политика и руководителя огромной страны в глазах не только россиян, но и мирового сообщества. Выдвигая эту версию, ее авторы задались вопросом о причинах вопиющей непоследовательности президента.

Позиция первая. 14 августа в Новгороде Б. Ельцин заявил о том, что девальвации рубля «твердо и однозначно не будет», ибо «все просчитано и находится под контролем», а сам он не вернется в Москву и будет продолжать отдых, чтобы граждане не подумали, что «все там валится». Однако 15 августа Б. Ельцин в срочном порядке прилетел в столицу, а 16-го собрал экстренное совещание по финансовой ситуации в России, на которое вызвал из отпуска явно не ожидавших этого С. Дубинина и А. Чубайса. Почему поломались планы президента?

Позиция вторая. В интерпретации ее авторов она выглядит так. Вряд ли Б. Ельцин, в каком бы физическом состоянии он ни находился, не понимал, до какой степени он навредит своему политическому имиджу, сначала заявив — причем с нажимом — широкой публике одно, а потом сразу же, без выдержанной, маломальски соответствующей нормам приличия, паузы, приняв прямо противоположное сказанному решение. Причем решение, априори ломавшее общественное спокойствие ударом по вкладам населения и снижением минимум в полтора раза уровня жизни. Почему же он пошел на это?

Авторы этой версии логично предполагают, что кто-то в короткий промежуток времени убедил президента: ситуация в финансовой, и не только в финансовой сфере на самом деле далека от той стабильности, о которой информировали его члены правительства С. Кириенко, и грозила в самые ближайшие дни обернуться заговором против президента со стороны тех, кто страдает от вопиющего недофинансирования. Выход единственный — срочное принятие жестких фи-

нансовых решений, способных единомоментно снизить давление на бюджет и обеспечить «горячие» выплаты долгов, скажем, силовикам.

Авторы рассматриваемой версии полагали: кто-то, имевший информацию о здорово ухудшившемся (но отнюдь не самом критическом) финансовом положении и остро заинтересованный в девальвации рубля по коммерческим причинам, проник к президенту поздно вечером 14-го или утром 15 августа и убедил того в необходимости срочных и неординарных действий, подчеркнув, что это — единственный выход для Бориса Николаевича.

Совпадение возможности пройти к Б. Ельцину через В. Юмашева и Т. Дьяченко (а если не пройти, то передать через них) и острейшей заинтересованности в девальвации рубля, считают сторонники этой гипотезы, указывает на олигархов-банкиров, завязанных на нефтегазовый экспорт. Валютный коридор, выстроенный «младореформаторами» по рецепту МВФ, в купе с падением мировых цен на нефть завели их в тупик, из которого был только один выход. Они им и воспользовались.

Впрочем, это всего лишь версия. Одна из многих. Дальше события развивались так.

После вторичного отказа Государственной думы утвердить В. Черномырдина на посту премьера политическая ситуация в России развивалась по классической схеме политического кризиса верхов, сопровождавшегося неожиданными поворотами, изощренными интригами, расколами, «сбросом» ряда известных политиков и появлением на авансцене новых фигур.

В то же время борьба за пост премьера явно носила характер принципиального выбора, в зависимость от которого оказались поставлены не только внутриэлитные отношения, но и гражданский мир в стране в целом.

Главный вопрос политической борьбы вокруг судьбы правительства лежал в плоскости изменения программных установок, смены курса социально-экономической политики. Прежний курс, известный как курс либеральных реформ, ориентировался преимущественно на развитие топливно-сырьевой составляющей российской экономики. Под его воздействием в течение

периода реформ сложилось общество, существовавшее за счет экспортной выручки за нефть, газ, металлы. Доходами от их экспорта оплачивались все непроизводительные расходы, включая затраты на социальную сферу, культуру, индексирование пенсий и зарплат, функционирование жилищно-коммунальной структуры.

Первые сбои эта экономическая модель начала давать уже тогда, когда под влиянием императивов мирового рынка российское правительство было вынуждено перейти от инфляционной политики 1992—1994 гг., дававшей серьезные преимущества экспортерам, к политике «валютного коридора», воплотившей попытку установить баланс интересов между экспортерами и импортерами.

В силу неконкурентности отечественной промышленности этот баланс оказался неустойчивым и складывался не в пользу отечественного народного хозяйства. Приток импортных товаров, фактически подорвавших внутреннюю обрабатывающую промышленность, способствовал прогрессирующему сокращению налоговой базы; государство, ограничив инфляцию, перестало пользоваться таким инструментом пополнения бюджета, как «инфляционный налог».

В результате этого постепенно начал развиваться кризис бюджетно-налоговой системы. Пытаясь компенсировать потерю этих источников дохода, государство перешло к использованию механизма краткосрочных заимствований, который в условиях дальнейшего падения ВВП быстро превратился в гигантскую финансовую пирамиду ГКО, оплачивавшуюся прежде всего за счет того же экспортного дохода.

Полная нежизнеспособность, тупиковость избранного пути развития стала абсолютно очевидной после того, как в 1997 году началось падение цен на мировом рынке сырья и энергоносителей, результатом чего и стали в конечном счете решения, обнародованные 17 августа, фактически поставившие Россию в ряд государств-банкротов и обнаружившие, помимо прочего, крах отечественных банковской и финансовой систем.

Негативные тенденции, вызванные многолетним тупиковым курсом российских реформаторов, продолжали углубляться. Россия вынуждена была отложить

выплату процентов по отсроченным долгам СССР Парижскому клубу — из 700 млн. долларов, которые Россия должна была заплатить в конце августа, было выплачено лишь 300 млн. Причем задержка произошла, прежде всего, из-за кризиса банковской системы — в связи с задержками бюджетных платежей крупнейшими российскими банками.

Развал экономического базиса сложившейся в стране социально-экономической и политической конструкции поставил страну перед острой необходимостью очередной системной трансформации, которая не могла не коснуться идеологических, политических, социальных и экономических оснований постсоветского социума, сложившегося в России после 1991 года.

Возникшая в этом проблемном поле альтернатива между реставрацией прежней модели, построенной и функционировавшей в стране в 1992—1997 гг., и переходом к новой экономической стратегии, которая позволила бы реструктурировать промышленность, выйти из состояния однобокой экспортно-сырьевой ориентации и начать, наконец, развивать обрабатывающую промышленность, и стало содержанием развернувшейся в начале сентября борьбы за пост премьер-министра, за новый конституционный дизайн и за новые социальные и идеологические ориентиры развития страны.

Важное социальное содержание борьбы вокруг поста главы правительства предопределило острое столкновение позиций не только между Думой и президентской администрацией, но и внутри последней, вызвав раскол в окружении самого Б. Ельцина.

Когда стало ясно, что и. о. премьера не сможет пройти через процедуру утверждения Думой, в кремлевском окружении президента, по мнению наблюдателей, сформировалась «прочерномырдинская» группировка. Глава администрации В. Юмашев, дочь президента, его советник по имиджу Т. Дьяченко и стоявший близко к ним Б. Березовский решили всеми силами и средствами бороться за кандидатуру В. Черномырдина, не вполне, по-видимому, осознавая, что в развитии ситуации уже произошел качественный перелом, исключавший возможность отстоять этот выбор. Различные эксперты достаточно далеко расходи-

лись друг с другом в описании конкретных деталей в поведении этой группировки.

В то же время большинство аналитиков были достаточно единодушны во мнении, что главными мотивами, руководившими В. Юмашевым, Т. Дьяченко и Б. Березовским, было не только их согласие с программными установками В. Черномырдина. С одной стороны, важную роль сыграли, по-видимому, меркантильные устремления Б. Березовского, которому якобы в случае успешного «продавливания» кандидатуры В. Черномырдина было обещано место главы «Газпрома».

С другой стороны, Б. Березовский преследовал и более честолюбивые цели: во-первых, успех В. Черномырдина упрочил бы за исполнителем секретарем СНГ статус главного «кингмейкера». Во-вторых, сохранить в обозримом будущем тесный контакт с В. Черномырдиным. В-третьих, любая другая фигура выглядела бы в глазах Б. Березовского и его союзников как признание провала оказавшейся ошибочной политической стратегии лоббирования отставки кабинета С. Кириенко и попытки вернуть во власть В. Черномырдина. Эта акция преподносилась ими президенту как самое надежное и доступное решение проблемы политической стабилизации в стране.

Вместе с тем, согласно некоторым мнениям, члены «прочерномырдинской» партии не были готовы к тому, чтобы идти до конца и были напуганы решимостью президента, который будто бы после повторной неудачи своего кандидата в премьеры склонялся к роспуску Думы и настаивал, чтобы В. Черномырдин был представлен депутатам и в третий раз.

Другие наблюдатели, напротив, полагали, что Б. Ельцин сам был настроен на то, чтобы в третий раз представить Думе не В. Черномырдина, а столичного мэра Ю. Лужкова, и что эту позицию поддерживала большая группа кремлевских чиновников — бывший пресс-секретарь президента С. Ястржембский, руководитель Главного правового управления администрации президента Р. Орехов, заместители руководителя администрации М. Комиссар и Е. Савостьянов, секретарь Совета безопасности А. Кокошин.

Согласно этой кремлевской легенде Б. Березовский,

Т. Дьяченко и В. Юмашев выступили категорически против прихода Ю. Лужкова в Белый дом. Что касается самого Б. Ельцина, то ему в сложившейся ситуации было не столь важно, кто из «политических тяжеловесов» встанет во главе кабинета, лишь бы не возникло неуправляемое положение. Конечно, В. Черномырдин был не самым удобным кандидатом.

Пришлось личностные мотивы временно «забыть». В. Черномырдин был представлен на должность премьера. Но две попытки пройти через сито Госдумы оказались безуспешными.

«Жесткая линия» президентской администрации в отношении к строптивой Думе постепенно выдыхалась. Судя по некоторым сведениям, первым сдал позиции глава администрации В. Юмашев, который якобы и изложил президенту основные доводы сторонников «партии голубей», имена которых — А. Кокошин, М. Комиссар, С. Ястржембский, Е. Савостьянов — обнародовал в программе ОРТ «Время» С. Доренко.

После того как президент и его семья поняли, что роспуск Думы и возможное в силу этого силовое противостояние вполне могут привести к нежелательным результатам, было принято явно вынужденное решение перейти к «гибкой линии» и сделать ставку на компромиссного кандидата, способного найти поддержку в Думе.

В конечном итоге выбор Б. Ельцина пал на министра иностранных дел Е. Примакова, фамилия которого попала в список возможных кандидатур на пост премьера при ряде весьма интересных обстоятельств. Впервые публично его кандидатура была предложена лидером «Яблока» Г. Явлинским во время «круглого стола» в Кремле. Причем имелись сведения, что, в свою очередь, Г. Явлинский сделал этот шаг, сразу же привлекая внимание Б. Ельцина, по совету политологов, тесно сотрудничавших с определенными кругами.

Обратили на себя внимание и слухи о том, что кандидатура Е. Примакова с первых же дней после отставки правительства С. Кириенко начала активно и консолидированно разыгрываться руководством некоторых силовых ведомств.

Анализируя последствия августовского финансового кризиса, обозреватели крупнейших СМИ сходились во мнении, что линия Б. Ельцина потерпела серьезное поражение. Его курс привел к тому, что массовая социальная база его власти — новорожденный российский «средний класс» стал главной жертвой экономического кризиса, как и все остальные социальные группы российского общества. Крупный бизнес тоже отшатнулся от президента, а созданные «новыми русскими» институты рынка были разрушены. Однако говорить о том, как это делали некоторые наблюдатели, что президент и правительство бросили на произвол судьбы 6—7 миллионов человек, составлявших цвет нации, тех, кто создавал новую экономику, кто был наиболее экономически активной частью населения, бессмысленно.

Президент, как показывал непредвзятый анализ, пытался, как мог, отстоять интересы этого класса. Пойти на попятную Б. Ельцина вынудила лишь ставшая вполне реальной угроза массовых беспорядков и серьезной дестабилизации ситуации с непредсказуемыми последствиями. В то же время рядом экспертов отмечалось, что степень гипотетического «отката», который мог угрожать процессу модернизации России, во многом зависел от того, как поведут себя проигравшие и уходившие на периферию российской политики силы и их лидеры: захотят ли они пойти навстречу новой складывавшейся «левоцентристской» элите или будут всеми силами противодействовать ей в стремлении взять реванш.

Прошедший в конце сентября в Москве митинг протеста против новых правительственных назначений, организованный вождями либеральных радикалов, в ходе которого прозвучали угрозы использовать неминуемую, на взгляд либерал-радикалов, дезорганизацию экономической жизни страны по известному «болгарскому варианту»; интервью, раздаваемые в стране и за ее пределами такими политиками, как Б. Немцов и А. Чубайс, третировавшими новое, еще не сформированное правительство как «коммунистическое», показывали, что политический кризис в России будет продолжаться и противники нового кабинета будут использовать против него малейшие ошибки.

Часть вторая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТБЮРО

Глава 1

ДУБЛЕР ПРЕЗИДЕНТА

Борьба трех альтернатив. — «Политический премьер». — Мастер маневрирования. — Экономическая неопределенность. — Б. Ельцин теряет позиции. — Беспрецедентность Ю. Лужкова. — Раскол в кремлевской администрации. — Крах «суперпрезидентской» модели. — Кризис элит

Одной из характерных черт осени 1998 года стала некоторая политическая стабилизация положения в стране, достигнутая во многом благодаря маневрированию премьера Е. Примакова. В этом смысле новый глава российского кабинета министров стал «политическим премьером». Однако эта стабилизация не сопровождалась энергичными и долгосрочными мерами по борьбе с затяжным социально-экономическим и финансовым кризисом. Экономическая стратегия кабинета министров так и осталась неопределенной, что дало повод многим наблюдателям обвинять правительство в медлительности и неадекватности действий в кризисной ситуации.

Хотя кабинету Е. Примакова удалось снизить политическую напряженность, предотвратив острый конфликт между ветвями власти, угрожавший очередным витком конфликтов, правительство во многом оказалось заложником логики компромисса и консенсуса. Именно благодаря тому, что высшим принципом нового правительства стал принцип согласования, всестороннего учета разнонаправленных интересов, оно оказалось не способным к целенаправленным и скоординированным антикризисным действиям и лишь к концу октября смогло обнародовать, да и то в самом общем виде, концепцию своей экономической полити-

ки. Правительство так и не определилось с источниками финансирования государственных программ, что привело к отказу от разработки чрезвычайного бюджета страны на четвертый квартал 1998 года.

Это несоответствие между политическими успехами Е. Примакова и отсутствием акцентированных мер со стороны его кабинета проявилось к концу октября, когда выяснилось, что, хотя всероссийская акция протеста, вызывавшая серьезные опасения у истеблишмента, «выпустила пар», однако принципиально к лучшему социально-экономическая ситуация в стране не изменилась.

Какие экономические альтернативы стояли перед правительством Е. Примакова?

Новый кабинет министров мог продолжать прежнюю модель, построенную и функционировавшую в стране в 1992—1997 годах. Это было самым безопасным, поскольку за ней стояли сам президент, команды В. Черномырдина, «младореформаторов» и «олигархов». Правда, их позиции стремительно ухудшались по мере развертывания финансово-экономического кризиса.

Е. Примаков мог перейти к новой экономической стратегии, которая позволила бы реструктурировать промышленность, выйти из состояния однобокой экспортно-сырьевой ориентации и начать развивать обрабатывающую промышленность.

И наконец, третья альтернатива — временная передышка, потребность в которой ощущали представители как первого, так и второго варианта, не готовые к непосредственной реализации своих проектов и нуждавшиеся в осмыслении ситуации, перегруппировке сил, поиске союзников, в разработке стратегических и тактических планов своего дальнейшего политического поведения.

Исход борьбы этих альтернатив, развернувшейся еще в начале сентября 1998 года как борьбы за пост премьер-министра, был предопределен и позициями всех остальных субъектов политического процесса — президента, выбитого из колеи собственными неудачами в роли верховного арбитра и главного архитектора российской политической системы; оппозиции, оказавшейся также в ситуации глубокой депрессии ввиду

того, что в условиях стремительного ухудшения ситуации под вопросом оказались ее установки на парламентаризм, на постепенное вращение во власть и изменение ее изнутри; региональных элит, утративших понимание происходившего в центре и столкнувшихся с пробуксовыванием прежних механизмов взаимодействия с центром.

Выбор, павший на Е. Примакова, как на чисто компромиссную фигуру, устраивавшую всех в условиях прогрессирующего хаоса, был в этом смысле не случаен. Этот выбор отражал общую потребность российского политического класса в передышке и в собирании сил для будущих решающих баталий.

И действительно, пришедшее к власти в сентябре правительство Е. Примакова не могло опираться ни на альтернативу продолжения радикальных рыночных реформ как способа преодоления кризиса, ни на какой бы то ни было вариант мобилизационной модели развития экономики. Первые же попытки в начале октября прозондировать общественное мнение на предмет введения мобилизационных мер в сфере денежно-валютного обращения, в частности, идея запрета на хождение доллара, вызвали резкое неприятие в различных кругах истеблишмента.

В тех условиях кабинет Е. Примакова пошел по единственно возможному пути: лавируя между многочисленными группами интересов при отсутствии мощных экономических и политических инструментов целенаправленного воздействия на ситуацию, правительство попыталось осуществить только то, что реально было сделать, существенно не ущемляя эти интересы и пытаясь вместе с тем нащупать наиболее естественную, отвечающую объективно сложившимся условиям линию экономической политики.

Из арсенала мобилизационных средств правительство взяло государственную монополию на производство пищевого спирта и установило 75-процентную продажу валютной выручки для экспортеров. С другой же стороны, продолжая линию реформаторов, кабинет Е. Примакова на протяжении всей осени вел тяжелые переговоры с МВФ о предоставлении нового стабилизационного кредита, а с Парижским и Лондонским клубами кредиторов — о реструктуризации россий-

ской задолженности. В конечном счете именно эта линия на продолжение политики заимствований постепенно начала превращаться в основную, ведущую, обеспечивавшую выживание кабинета. Лавирование правительства Е. Примакова между многочисленными группами интересов стало постепенно вновь эволюционировать в направлении реформаторской альтернативы.

В то же время эта линия была далека от четкости.

В экономической политике кабинета причудливо сочетались элементы «младореформаторской» линии с элементами черномырдинской линии оперативного тушения социальной напряженности. С одной стороны, под руководством первого вице-премьера В. Гусова велась разработка жесткой концепции жилищно-коммунальной сферы — в духе установок Б. Немцова на резкое повышение коммунальных платежей, — даже рабочий состав правительственной комиссии остался прежним. А с другой стороны, возобновлялась практика «фискальной» приватизации: например, вопреки декларативным публичным рассуждениям Е. Примакова о необходимости использовать получаемые средства на развитие производства, 660 миллионов долларов, полученных за продажу 2,5 процента акций «Газпрома», предполагалось использовать на погашение долгов бюджетникам. Одновременно бюджетные средства перераспределялись из производственной в социальную сферу — на срочное тушение взрывоопасных ситуаций.

Нечеткость реформаторских установок правительственного курса можно было увидеть и в отказе кабинета от основных положений программы экономии госрасходов, утвержденной при С. Кириенко 17 июня 1998 года и отменявшей многочисленные социальные льготы. Возможно, с этой акцией был связан отмеченный аналитиками выброс на мировой рынок крупных, незапланированных международными соглашениями поставок палладия из России. Велся поиск денег на социальные нужды и в международных кредитных организациях, свидетельством чему стали переговоры с Европейским банком реконструкции и развития о крупном кредите под добычу 50 тонн российского золота.

Одновременно имели место и элементы «правизны». Ставка правительства на создание внутренних условий для увеличения экспорта делалась не в интересах населения, а в расчете на аккумуляцию валютных резервов для выплаты внешних долгов.

Нарастание кризисных тенденций в экономике и социальной сфере осенью 1998 года наблюдалось по разным векторам. Продолжался бюджетно-налоговый кризис, не снижалась острота проблемы задолженности по зарплатам и пенсиям, банковская система продолжала оставаться в коматозном состоянии, а потребительский рынок постепенно сужался.

Поэтому, хотя приход Е. Примакова на пост премьера был отмечен некоторым спадом протестных настроений населения и оппозиции, во второй половине октября по стране вновь прокатилась волна локальных забастовок.

Таким образом, определенный ресурс позитивных ожиданий, возникший в общественном мнении в связи с приходом к власти кабинета Е. Примакова, на самом деле был весьма ограничен по времени и начинал исчерпываться.

Продолжалось снижение интереса Запада к российским проблемам, что обусловило неудачный ход переговоров с МВФ на предмет предоставления России очередного транша от этой организации. Не был достигнут прогресс и на переговорах с Лондонским клубом о реструктуризации внешней задолженности России. Схемы, предложенные российским правительством, согласно которым иностранные инвесторы могли обменять задолженность отечественных банков на их контрольные пакеты акций, не вызвали энтузиазма на Западе.

Все это обостряло проблему стратегии выхода России из затяжного кризиса и создавало нервность вокруг деятельности кабинета Е. Примакова, неизбежно усиливало настроения неопределенности и напряженности в политических кругах и одновременно стимулировало активность различных групп властвовавшей элиты, направленную на значительное изменение существовавшего баланса сил.

В то же время, как справедливо отмечали многие наблюдатели, это несоответствие было заложено в са-

мой формуле урегулирования августовско-сентябрьского политического кризиса, приведшей Е. Примакова на пост председателя российского правительства. Элита тогда согласилась на утверждение этой кандидатуры как премьера, не имевшего ни собственной команды для проведения того или иного курса, ни прочных позиций в наиболее влиятельных фракциях истеблишмента; ни, что, пожалуй, самое главное, собственных политических и финансово-экономических интересов.

В таких условиях Е. Примаков был обречен действовать в духе программного оппортунизма, исходя не из целей, а из возможностей, то есть осуществлять такие меры, которые в силу ряда причин не могли вызвать серьезного сопротивления со стороны различных влиятельных групп и оказывались единственно возможными в сложившейся ситуации хрупкого политического равновесия. Подобная линия поведения в значительной мере помогла премьеру продолжить консолидацию элиты, однако в то же время и приближала неизбежность важнейшего выбора пути дальнейшего развития страны, обусловленного объективным сужением коридора экономических возможностей.

Иной отличительной тенденцией осени 1998 года в российской политике было резкое снижение влияния президента Б. Ельцина и его ближайшего окружения на внутривнутриполитические процессы. Российская политическая система вошла в период новых трансформаций, для которых характерно было назревание проблемы смены политических поколений и лидеров, значимые изменения в сознании и поведении основных политических группировок и персонифицировавших их фигур. Большинство российских политиков понимали, что сохранение статус-кво превратит российский политический класс в заложника политической нестабильности и непредсказуемости и станет главным препятствием на пути необходимых изменений в государственном устройстве и социально-экономической политике.

Это понимание, с одной стороны, способствовало постепенному перемещению центра принятия решений из Кремля в Белый дом, что лишь усиливало интерес к фигуре премьера и его деятельности, а с другой — подталкивало различные фракции и группы истебли-

шмента к ужесточению борьбы за передел сфер влияния во властных структурах. Иными словами, началась активная подготовка к новому электоральному циклу, не исключая и возможности досрочных президентских выборов.

Пересечение и взаимодействие указанных тенденций в деятельности нового российского правительства и активизации элиты, начавшей борьбу за передел власти, создавали в политических кругах атмосферу неустойчивости и усиливали ощущение неотвратимости крупных политических изменений в России в ближайшем будущем.

Очередная болезнь президента, его явная неадекватность, с особой наглядностью продемонстрированные скомканной поездкой в Узбекистан и Казахстан и последующим отказом от участия в саммитах ЕС и АТЭС, инициировали всплеск активности ведущих российских политиков, попытавшихся использовать благоприятный момент для изменения баланса сил, который и породил принявшие массовый характер самовыдвижения в качестве претендентов на высший государственный пост. Однако более внимательный анализ позволял сделать вывод, что болезнь Б. Ельцина была всего лишь катализатором процессов ослабления лидирующей роли президента в российской политике, которые наметились в ходе августовско-сентябрьского политического кризиса. В этой связи наблюдатели указывали на следующие факторы.

В октябре стало очевидно, что Б. Ельцин окончательно утратил ресурс доверия в обществе. И хотя всероссийская акция протеста 7 октября не оказала серьезного влияния на положение российской элиты, принципиальным стало то обстоятельство, что лозунг отставки Б. Ельцина явился главным лозунгом манифестантов, круг которых расширился благодаря недовольству так называемого «нового среднего класса», ставшего одной из наиболее пострадавших от кризиса групп населения, а также за счет жителей мегаполисов, молодежи и т. д.

Резкая антипрезидентская направленность общественных настроений подтверждалась также и результатами социологических опросов, проведенных ведущими исследовательскими центрами страны. Согласно

этим данным, рейтинг доверия к Б. Ельцину упал до рекордно низкой отметки за годы его президентства — около 90 процентов опрошенных не доверяли президенту, а около 75 процентов поддержали идею досрочной отставки главы государства.

Кризис стимулировал и процесс отторжения обществом основных ценностей реформаторского курса, который в глазах населения прочно ассоциировался с президентом. По данным ВЦИОМ, в октябре свыше 80 процентов опрошенных поддерживали идею восстановления госконтроля над ценами, 70 процентов респондентов высказались за ренационализацию приватизированной собственности, свыше 60 процентов граждан поддержали бы введение фиксированного курса доллара, борьбу с куплей-продажей валюты на черном рынке и т. д. Широкую поддержку на этом фоне нашла идея уменьшения объема полномочий президента — 36 процентов россиян, по данным фонда «Общественное мнение», считали, что институт президентства в его нынешней форме изжил себя, и высказывались за перераспределение его полномочий в пользу других политических институтов — региональных властей, органов местного самоуправления, Госдумы, правительства и т. д. В такой ситуации возможности осуществления Б. Ельциным инициативной политики, затрагивающей интересы широких слоев населения, фактически оказались резко суженными.

Стала отчетливо ощущаться и ослабленность института президентской администрации, ранее выполнявшего функцию основного политического инструмента, с помощью которого Б. Ельцин осуществлял воздействие на политический процесс. Это обуславливалось как сокращением кадрового ресурса администрации, так и возникшими в ее верхних эшелонах серьезными противоречиями в связи со стратегией и тактикой дальнейших действий. Не произошло притока в данный институт свежих сил. Более того, администрацию покинули ветераны команды Б. Ельцина — его три старших спичрайтера. При слабом политическом ресурсе администрация президента, превратившаяся в разветвленную структуру с громоздким аппаратом управления — руководитель имел 13 (!) заместителей, — оказалась неспособной, как в прежние

времена, создать эффективные каналы влияния на правительство.

По промелькнувшим в прессе сведениям, Е. Примаков и его ближайшее окружение заблокировали попытки близких к администрации экспертных и аналитических структур, включая и группу тесно связанного с президентской семьей Б. Березовского, организовать постоянное интеллектуальное и политическое присутствие в Белом доме. Так, руководитель президентской администрации попытался вернуть на работу в Белый дом своего влиятельного заместителя Д. Полыеву, но столкнулся с сильным сопротивлением аппарата правительства.

Потерпели неудачу и попытки очередной атаки администрации на резко усилившего свои позиции мэра Москвы Ю. Лужкова, несколько раз обозначенные первым заместителем главы администрации О. Сысуевым. В прежние времена одного критического намека из стен президентской администрации в адрес столичного мэра было достаточно для того, чтобы он снизил политическую активность. Осенью 1998 года этого не только не произошло, но и сам Ю. Лужков выступил с беспрецедентным заявлением, фактически допустив при определенных обстоятельствах досрочный уход Б. Ельцина в отставку по состоянию здоровья. О решимости Ю. Лужкова идти вплоть до полного разрыва своих отношений с президентом говорило и то, что мэр впервые публично признал: у него «сложные отношения» с семьей президента. Многие наблюдатели, в том числе и иностранные, утверждали, что президентская администрация постепенно утратила политический ресурс и начала превращаться в изолированный от других властных структур институт.

В то же время появились и признаки разлада в отношениях между ключевыми фигурами в администрации — главой этого президентского штаба В. Юмашевым и дочерью президента, его советником по имиджу Т. Дьяченко. Суть разногласий между ними, по сообщениям прессы, заключалась в различном понимании того, каким способом лучше всего гарантировать решение задачи недопущения досрочной отставки Б. Ельцина. Тот факт, что ни о каком дальнейшем участии Б. Ельцина в борьбе за очередной президент-

ский срок уже не может быть и речи, подтвердил и сам президент, со всей возможной решительностью объявивший, что он уже не претендует на участие в следующих выборах, признав тем самым, что видит в качестве своей единственной задачи простое «дотягивание» конституционного срока.

Б. Ельцин и его советник по имиджу считали, что президент должен по-прежнему активно участвовать в политической жизни страны. В этом заключалась «линия Т. Дьяченко», направленная на сохранение места в политике не только за Б. Ельциным, но и его главным «имиджмейкером», который станет не нужен, если президент начнет вести затворническую жизнь.

В то же время отмечались определенные признаки того, что другая часть президентского окружения, не столь тесно связывавшая свое положение с публичной активностью Б. Ельцина, испытывала определенные сомнения в том, что этот путь перспективен. Встретившись как-то с журналистами, глава администрации президента В. Юмашев дал ясно понять, что уже не видит нужды в прежних пропагандистских стереотипах, предполагавших поддержание мифа о несокрушимом здоровье Б. Ельцина, и склонялся к необходимости изменения прежней модели президентской власти, требовавшей концентрации основных политических решений в руках президента.

Уменьшение властных полномочий президента в пользу правительства и парламента было с этой точки зрения насущной необходимостью для того, чтобы нейтрализовать амбиции лидеров российской политической элиты и обеспечить их поддержку планам сохранения за Б. Ельциным высокого статуса при фактическом устранении его от реального участия в принятии важнейших политических решений.

Этот путь, предполагавший также инициирование длительного процесса конституционных перемен, дававшего президентской стороне широкие возможности для маневрирования и активного участия в конституционном процессе («линия В. Юмашева»), должен был, по мысли его разработчиков, сохранить за Б. Ельциным политическую инициативу и роль центра принятия решений. Данная линия, по-видимому, была рассчитана на те группы элиты, которые опасались,

что в случае досрочных президентских выборов к власти придут не устраивавшие их А. Лебедь или Ю. Лужков. Многие аналитики отмечали, что не выдерживала критики интерпретация факта разногласий в президентском окружении, которая была изложена в левооппозиционной газете «Завтра», согласно которой В. Юмашев якобы начал действия, нацеленные на отстранение Б. Ельцина от власти («Завтра», 22 октября 1998 г.).

Несмотря на то что глава президентской администрации действительно пытался избрать себе тактику индивидуального выживания, основанную на выгодной продаже своего ресурса влияния в верхах, скорее всего В. Юмашев вел речь вовсе не об уходе Б. Ельцина с поста президента, а о способе сохранить его на этом посту до 2000 года, сняв при этом с президента реальную ответственность, превратив его полномочия в чисто номинальные, символические.

Без частичной реформы президентской власти, демонтажа наиболее громоздких механизмов так называемой «суперпрезидентской» республики, делающих президента незаменимым в процессе принятия важнейших политических решений, политическая система, созданная Конституцией 1993 года, могла превратиться в мощный источник политической нестабильности, что было крайне нежелательно для большей части российской элиты, особенно в условиях системного кризиса, который переживала страна. Несмотря на то что согласно неофициальным оценкам отдельных аналитиков некоторые антипрезидентские публикации в российской печати были инициированы непосредственно В. Юмашевым, этот факт расценивался лишь в контексте борьбы за выбор наиболее адекватной линии поведения для обеспечения политического выживания Б. Ельцина в условиях резкого ослабления его позиций.

На факт серьезных разногласий в президентской администрации указывал и скандал, разгоревшийся в результате интервью О. Сысуева британской газете «Файнэншл таймс», где он намекнул, что в конце года Б. Ельцин может поделиться с премьером значительной частью полномочий, особенно в сфере оперативного управления экономикой. О. Сысуеву пришлось

дезавуировать свое заявление. А пресс-секретарь президента Д. Якушкин поведал общественности о том, что Б. Ельцин ни с кем не собирался делиться властью.

Оказались неудачными и попытки Б. Ельцина перехватить политическую инициативу, опираясь на публичные демонстрации того, что он по-прежнему контролирует важнейший властный ресурс — силовые структуры. Официальная встреча президента с руководителями этих ведомств, равно как и его индивидуальные консультации с ними не возымели былого отрезвляющего эффекта на ведущих российских политиков и ни в коей мере не ослабили усиливавшейся самостоятельности правительства и его председателя Е. Примакова. Ряд высказываний Б. Ельцина, сделанных им в ходе этих встреч, таких, как напоминание о том, что силовые структуры подчиняются ему и только ему, «а не председателю правительства», невнятная ссылка на некую «загогулину», связывавшую президента и силовиков в одно неразрывное целое, лишь усилили ощущение прогрессирующей политической неадекватности главы государства. Более того, эти встречи лишь в очередной раз продемонстрировали дальнейшее сужение опоры президента, начинавшего рассматривать охранные структуры — МВД, ФПС, ФСО и ФСБ — в качестве решающего инструмента удержания своей власти.

Рассмотренные выше тенденции и обусловили серьезный перелом в сознании большей части российского истеблишмента, который под воздействием реальных факторов впервые за годы реформ перестал рассматривать Б. Ельцина как своего безусловного лидера. По своему значению и последствиям этот перелом мог быть сравним разве что с изменениями мая 1998 года, когда в результате резкого подъема забастовочного движения Б. Ельцин утратил авторитет в массовом сознании большинства населения России.

Косвенным подтверждением осеннего перелома стали заявления не только ранее близких президенту политиков, например, Ю. Лужкова, но и высокопоставленных чиновников федеральной исполнительной власти. Выступая во Владимире, первый вице-премьер В. Густов признал необходимым реформу Конституции РФ, дающей слишком много полномочий прези-

денту и ставящей правительство в зависимость от его настроения.

Однако при этом наблюдатели отмечали, что психологически российская элита, утратив авторитет одного лидера, неизбежно, в силу восходящей еще к советским временам традиции, отчетливо «сделала запрос» на нового вождя, чьи претензии на эту роль на первых порах не обязательно должны были быть подкреплены институционально. Данный фактор практически и обусловил процесс самовыдвижения российских политиков в президенты, который в СМИ получил характеристику очередного фальстарта президентской избирательной кампании. Эта активность имела своим адресатом прежде всего различные фракции и круги истеблишмента и потому ориентировалась на ускорение процессов размежевания и консолидации в его среде. Выдвигавшиеся политические лозунги вроде лево- и правоцентристских коалиций играли роль лишь внутриэлитных идентификационных знаков и в наименьшей степени были обращены к широким общественным слоям.

Ослабление политических позиций президента и его администрации сопровождалось ростом внимания со стороны экспертных и политических кругов к фигуре премьер-министра и к деятельности правительства. Из всех возможных претендентов на роль преемника Б. Ельцина на президентском посту Е. Примаков действовал наименее откровенно и прямо, но с достаточно весомым эффектом. Он сумел добиться заметных успехов в превращении правительства в самостоятельную структуру, фактически неподотчетную президенту и его администрации, и в консолидации вокруг кабинета и его главы российской политической элиты.

Несмотря на то что Е. Примаков неоднократно публично опровергал мысль о наличии у него каких-либо президентских амбиций и о возможности своего участия в следующих президентских выборах, он тем не менее превратился в фаворита ряда СМИ, которые стали активно тиражировать данные социологических опросов, где заметным был рост его популярности как вероятного кандидата в президенты.

Ряд элитных группировок в федеральном центре и в регионах продолжали внимательно присматривать-

ся к этой фигуре и давали понять, что достаточно высоко оценивали шансы Е. Примакова в качестве возможного преемника Б. Ельцина. Так, авторитетный президент Татарии М. Шаймиев также заявил в одном из своих интервью, что считает Е. Примакова вполне реальным кандидатом в президенты РФ. Иными словами, не было лишено оснований предположение, что элита хотела увидеть в фигуре Е. Примакова лидера, который в перспективе мог стать альтернативой основным претендентам (Г. Зюганову, А. Лебедю, Ю. Лужкову и Г. Явлинскому) на пост главы государства, в отношении которых истеблишмент, по-видимому, не был способен пока прийти к консенсусу.

Преобразование Е. Примакова в одного из наиболее реальных претендентов на роль лидера российской элиты обуславливалось рядом обстоятельств.

Многими политиками Е. Примаков уже в силу своего положения воспринимался как «дублер президента», о чем высказался Г. Явлинский. Это автоматически заставляло оценивать фигуру премьера с точки зрения будущих президентских перспектив. Особенно знаковой для российских СМИ была поездка Е. Примакова в Австрию на саммит Европейского Союза, в ходе которой в российской прессе прочное место занял лозунг: «Е. Примаков — это (уже почти) Б. Ельцин сегодня». Это было с энтузиазмом воспринято рядом политиков, нашедших благодаря ему новый информационный повод «выделиться» из общей массы. Например, В. Черномырдин, который немедленно начал делать заявления о необходимости введения поста вице-президента, но, пользуясь двусмысленностью момента, не пояснил, кого — себя или Е. Примакова — он видел на этом посту.

Анализируя действия главы кабинета, наблюдатели отмечали, что он во все большей мере адаптировался к новой ситуации, складывавшейся в российской политической жизни в связи с начавшимся поиском элитой нового лидера, способного заменить Б. Ельцина.

Как уже отмечалось, в силу ряда причин председатель правительства фактически взял на вооружение тактику действий «по возможности». По-видимому, бурная реакция российских СМИ, влиятельных лоббистских групп и политических объединений в начале

октября на утечку одного из вариантов правительственной программы, предусматривавшей запрет на свободную куплю-продажу долларов и другой конвертируемой валюты, авторство которой пресса приписала первому вице-премьеру Ю. Маслюкову, оказала большое воздействие на Е. Примакова. В дальнейшем его действия рассчитывались так, чтобы не ущемлять стратегических интересов ведущих группировок элиты и проводить только те меры, которые не могли вызвать серьезного сопротивления и новых конфликтов.

Так, в целом позитивно на имидже Е. Примакова в глазах влиятельных кругов сказалось то, что кабинету удалось снять ряд серьезных коллизий, возникших в отношениях между правительством и топливно-энергетическим комплексом. В частности, кабинет отказался от идеи усиления налогового нажима на нефтяные компании, договорился с РАО «Газпром» о приемлемой для него схеме уплаты налогов в федеральный бюджет. Прежде всего речь шла о том, что в правительстве не нашли поддержки некоторые инициативы министра финансов М. Задорнова, попытавшегося добиться пересмотра льготного налогообложения, которое нефтяники получили в свое время от правительства С. Кириенко, а затем планы Минфина получить дополнительные доходы в казну путем квотирования экспорта нефти.

Глава Госналогслужбы Г. Боос утвердил для «Газпрома», кстати, владевшего крупным пакетом акций НТВ, особый режим уплаты налогов с помощью бартерных поставок. Тем самым удалось предотвратить возможный конфликт Белого дома с могущественным нефтегазовым лобби. Свою часть выгод от стремления нового правительства проводить линию на примирение интересов основных лоббистских групп — ВПК, АПК, ТЭК, финансовый сектор, экспортеры, импортеры и т.д. — получили и аграрии. Е. Примаков подписал постановление о дополнительном кредитовании аграрного сектора и списании долгов АПК. Решающую роль в этом сыграл, видимо, вице-премьер Г. Кулик, лоббировавший интересы аграриев, и Минсельхозпрод, во главе которого стоял В. Семенов, считавшийся протеем главы «СБС-Агро» А. Смоленского и исполнительного секретаря СНГ Б. Березовского,

который, по информации бывшего председателя Центробанка С. Дубинина, контролировал значительную часть капиталов того же банка.

Было объявлено и о новых правилах отбора банков-операторов фонда льготного кредитования АПК, выгодных для «СБС-Агро». Данный ход правительства, как считалось в экспертных кругах, стал знаковым не только для А. Смоленского и Б. Березовского, но и для президентского окружения, в котором последний сохранил свое влияние. В отставку был отправлен и заместитель министра сельского хозяйства Л. Холод, остро конфликтовавший с «СБС-Агро». Кроме того, аналитики высказывали мнение, что на руку группировке Б. Березовского сыграло принятое премьером решение об отмене приватизации «Роснефти» и смене руководителя этой компании.

Одновременно Е. Примаков по прямому настоянию Б. Ельцина, вероятно, инициированному близкими к президентской администрации кругами, содействовал возбуждению уголовного дела в связи с отторжением от «Роснефти» «за долги» «Пурнетегаз» — основной добывающей компании в составе «Роснефти». Кроме того, Е. Примаков сохранил относительное равновесие в своих отношениях как с группой Б. Березовского, так и с неприязненно относившейся к последнему финансово-промышленной группой В. Потанина. Ее проблемам правительство также уделило внимание. АО «Норильский комбинат» посетил первый вице-премьер Ю. Маслюков в сопровождении министра экономики и ряда других правительственных чиновников.

Выступления премьера на IX съезде Российского союза промышленников и предпринимателей, на заседании Совета Федерации 15 октября, в ходе которых он много говорил об усилении государственного регулирования экономики, о поддержке отечественного товаропроизводителя, об ужесточении госконтроля над ценами на продукцию естественных монополий и объявил принципиально неверным тезис реформаторов-либералов, что «невидимая рука рынка» все расставит по местам, также были призваны продемонстрировать намерения правительства учитывать интересы этих влиятельных элитных групп.

Некоторые шаги кабинета были направлены на удовлетворение интересов московской политико-финансовой группировки Ю. Лужкова. Так, московский «Гута-банк» получил статус уполномоченного банка Мингосимущества. Повысился статус начальника ГУВД Москвы Н. Куликова, который по указу Б. Ельцина получил должность замминистра МВД России. Наблюдатели считали, что не без поддержки Ю. Лужкова получил свою должность в федеральном правительстве в качестве советника премьера и С. Шахрай.

Росту популярности Е. Примакова в среде работников культуры и образования способствовали принятые при его непосредственном участии решения об освобождении от налогов внебюджетных фондов учреждений культуры (отмена после консультаций с видными деятелями культуры постановления за номером 1001, принятого в августе правительством С. Кириенко, о переводе внебюджетных средств из коммерческих банков в Федеральное казначейство) и о запрете отключения электричества в вузах за неуплату. Все это делало премьера фигурой, способной к компромиссу и учету различных интересов, а потому приемлемой для разных фракций истеблишмента.

Решение правительства о введении государственной монополии на производство пищевого спирта также не вызвало негативной реакции в обществе, поскольку аналогичные попытки российских властей взять под свой контроль этот один из важнейших источников пополнения государственного бюджета неоднократно принимались и ранее. Правда, они не приносили успеха.

Тактика Е. Примакова строилась таким образом, чтобы по возможности избегать мощного давления на правительство со стороны тех институтов и групп, которые по разным причинам могли бы существенно затруднить принятие и реализацию кабинетом тех или иных мер. В частности, наблюдатели обратили внимание, что правительство фактически отказалось от работы над пакетом антикризисных действий совместно с Думой, тем самым лишая этот институт возможности влиять на разработку важнейших решений.

Е. Примаков умело избегал и конфликтных ситуаций в отношениях с президентской администрацией,

одновременно твердо проводя в жизнь намеченные меры. Предложенная кабинетом министров и Центробанком РФ программа реструктуризации российской банковской системы, меры ЦБ по ограничению привлечения в экономику страны безналичного доллара существенно снизили возможность финансовой олигархии влиять на политику правительства, поскольку лидеры банковского сообщества оказались в ситуации, когда на первый план вышла проблема их выживания путем попадания в привилегированные списки банков, которым ЦБ должен был оказать необходимую поддержку.

На ту же цель — освобождение государства от влияния олигархических групп — было направлено и решение об отставке Л. Невзлина, считавшегося одним из главных лоббистов группы МЕНАТЕП-ЮКОС в структурах государственной власти, с поста заместителя генерального директора ИТАР-ТАСС. План коммерциализации в интересах привилегированных финансовых групп ИТАР-ТАСС, считающегося одним из важнейших информационных ресурсов федеральной исполнительной власти, таким образом, провалился. Иными словами, Е. Примаков фактически приступил к реализации цели, амбициозно сформулированной еще кабинетом «молодых реформаторов» А. Чубайса — Б. Немцова в 1997 году — освобождению государства от диктата корпоративных интересов различных групп элиты.

Е. Примаков не без успеха попытался также уйти и от конфликтов внутри самого кабинета министров, вероятность которых усилилась в связи с общей политической неопределенностью в стране и разнонаправленностью интересов, представленных в правительстве. В частности, когда возник конфликт между министром финансов М. Задорновым, фактически взявшим на себя функцию реализации рекомендаций МВФ, предполагавших усиление налогового пресса на нефтегазовые компании, и первым вице-премьером Ю. Маслюковым, выступившим инициатором компромисса между ТЭК и ВПК без участия финансовой олигархии, премьер отложил назначенное на 22 октября очередное заседание правительства, которое грозило обернуться серьезным выяснением отношений в Белом доме.

В роли своего рода примирителя различных интересов Е. Примаков выступил и в конфликте между Минфином и ЦБ по проблемам контроля над Гохраном и предоставления Центробанку права напрямую кредитовать госбюджет. В своих публичных выступлениях Е. Примаков неоднократно заявлял, что правительство носит непартийный характер и представляет собой команду профессионалов, подчеркнуто дистанцировался от различных корпоративных политических и экономических интересов, представленных в возглавляемом им кабинете. Премьер отверг слухи о том, что готовившуюся программу правительства нужно ассоциировать с именем Ю. Маслюкова. Пресс-служба главы правительства резко отмежевалась от высказываний В. Густова о необходимости внесения поправок в Конституцию РФ, которые ограничили бы власть президента. Все эти действия укрепили авторитет Е. Примакова в верхах и способствовали фактическому началу раскручивания его кандидатуры как одного из возможных кандидатов в президенты.

В то же время в политических кругах Москвы начали распространяться слухи о том, что «зеленый свет» на раскрутку Е. Примакова был дан непосредственно из ближайшего окружения Б. Ельцина, где посчитали, что именно премьер является наиболее приемлемой кандидатурой, которая, с одной стороны, обеспечит президенту спокойное завершение его конституционного срока, а с другой — впоследствии гарантирует реализацию интересов главы государства и его семьи после ухода в отставку. И хотя, как уже говорилось, сам Е. Примаков публично отказывался от президентских амбиций, весь ход политических событий показывал, что премьер имел неплохие шансы претендовать на роль неформального лидера российской элиты.

В этом контексте весьма симптоматичным выглядел скандал вокруг высказанного Г. Явлинским интервью одной из британских газет, где он обвинил российское правительство в коррупции. Складывалось впечатление, что определенные политические силы были заинтересованы в дискредитации некоторых влиятельных фигур в кабинете Е. Примакова, и каких именно, пояснил в дальнейшем Г. Явлинский, назвав имена Ю. Маслюкова и Г. Кулика. По-видимому, либераль-

но ориентированные политические силы стремились очистить кабинет Е. Примакова от «прокоммунистических элементов» и тем самым сделать фигуру премьера более открытой для иных политических влияний.

Это наводило на мысль, что нормальные отношения правительства Е. Примакова с основными группами российской элиты могли в самое ближайшее время прерваться. По мере уменьшения неопределенности в политике правительства было бы весьма трудно даже для опытного Е. Примакова сохранить одинаковую приемлемость для различных экономических и политических групп, имевших разнонаправленные интересы.

В частности, принятие правительством 31 октября системы мер по борьбе с кризисом, которую большинство аналитиков расценило не как экономическую программу, а как декларацию о намерениях, вызвало негативную реакцию как в правых политических кругах, так и у левой оппозиции. И те, и другие посчитали ее недостаточной с точки зрения реализации своих стратегических интересов.

Наблюдатели отметили резко возросшую осенью 1998 года активизацию Ю. Лужкова и его фактическое самовыдвижение на роль одного из потенциальных соискателей президентского кресла. В условиях «вакуума авторитетов», который возник в сознании различных групп в связи с резким ослаблением позиций Б. Ельцина, политическим фиаско В. Черномырдина, Ю. Лужков благодаря своей традиционной популярности в массах и истеблишменте превратился в одну из наиболее перспективных фигур российской политики. Поэтому его заявление, в первый раз сделанное в начале октября в Лондоне, о возможности участия в очередных президентских выборах стало мощным стимулом консолидации вокруг него значительных групп истеблишмента. Огромный интерес к участию в его команде проявили представители крупного бизнеса, медиа-элиты, эксперты и аналитики, ранее работавшие на Б. Ельцина.

В то же время в силу противоречивых обстоятельств Ю. Лужков в дальнейшем вынужден был занять двойственную позицию по одному из ключевых

вопросов современной политической жизни — собственной позиции в рамках тогдашнего политического спектра.

Наиболее перспективным для мэра Москвы в обстановке роста левооппозиционных настроений в общественном мнении являлось формирование вокруг него мощной левоцентристской коалиции, включавшей различные политические партии, профсоюзы и общественные движения, политических деятелей, ориентированных на проведение сильной и эффективной социальной политики.

Не случайно руководство Федерации независимых профсоюзов России, уже давно разделявшее политические позиции столичного мэра, в ходе всероссийской акции протеста открыто призвало ее участников поддержать Ю. Лужкова как наиболее приемлемого кандидата на пост президента. По мнению ряда экспертов, для занятия Ю. Лужковым именно этой политической ниши в начале осени 1998 года сложились благоприятные условия.

После мощнейшего финансового кризиса, нанесшего ощутимый ущерб как интересам крупного капитала, так и новому «среднему классу», лужковская модель социально ориентированной рыночной экономики превратилась в политическую формулу, способную объединить, консолидировать под эгидой столичного мэра самые разные общественные слои с подчас противоположными интересами — от сторонников продолжения рыночных преобразований из числа крупного капитала и «среднего класса» до социально уязвленных групп, которые при президентстве Ю. Лужкова, исходя из его опыта руководства Москвой, могли бы рассчитывать на серьезную государственную поддержку.

Однако данная модель консолидации не могла носить устойчивого характера. Если Ю. Лужков не предпримет соответствующих действий, то через некоторое время при дальнейшем обострении социально-экономической ситуации в стране политические ориентации ее основных социальных компонентов могли радикализироваться, а умеренный, социализированный рыночный центризм Ю. Лужкова — оказаться неустойчивым.

Ю. Лужков активно занялся строительством левоцентристского блока. Но дальнейшее продвижение мэра Москвы в левоцентристском направлении неизбежно должно было столкнуться с сопротивлением со стороны руководства КПРФ, которое само претендовало на контроль над этой частью политического спектра. В принципе, не возражая против соответствующего политического дрейфа Ю. Лужкова, лидеры КПРФ объективно не были заинтересованы в том, чтобы столичный мэр превратился в безраздельного лидера левого фланга российской политики. Именно этим обстоятельством, по-видимому, и объяснялась противоречивая реакция верхушки КПРФ на заявления Ю. Лужкова о необходимости формирования левоцентристской коалиции. Так, Г. Зюганов в целом позитивно расценил перспективы Ю. Лужкова как претендента на пост президента от левоцентристских сил, в то время как председатель Госдумы Г. Селезнев резко негативно отозвался о намерениях столичного мэра.

Скорее всего речь шла о том, что коммунисты и их союзники не прочь были создать некий альянс с Ю. Лужковым, но на их условиях. В то же время лидеры КПРФ опасались, что и подтвердил прошедший 31 октября очередной пленум ЦК КПРФ, что блок с Ю. Лужковым мог ослабить их влияние на леворадикально настроенный электорат компартии. Впрочем, по некоторым признакам, Г. Селезнев начал самостоятельную политическую игру, нацеленную на ослабление как Ю. Лужкова, так и Г. Зюганова. Наблюдатели отмечали, что активность председателя Госдумы в этом направлении получила полную поддержку и в администрации президента, а некоторые СМИ («Независимая газета») стали формировать образ Г. Селезнева как левого политика новой волны, способного привлечь на свою сторону молодежь, чего не удавалось ни Г. Зюганову, ни в меньшей мере Ю. Лужкову.

Логика будущей избирательной кампании заставляла Ю. Лужкова уходить от жесткой политической идентификации, поскольку в противном случае возникала опасность потерять на выборах либо левый, либо правый электорат. Отсюда столичный мэр вскоре после заявлений о своих левоцентристских намерениях

вынужден был сказать о стремлении создать «партию российского центризма», подчеркнув удаленность от крайностей политического спектра, в том числе и от левой идеи. Однако укрепление позиций Е. Примакова в российской политике заставило Ю. Лужкова активизироваться и внести коррективы. Так, на съезде РСПП мэр Москвы высказался за предание суду инициаторов и создателей пирамиды ГКО. Неоднократно он говорил и о необходимости пересмотра итогов приватизации. По мнению наблюдателей, в этом смысле он порою стал выглядеть более радикальным политиком, чем даже Г. Зюганов.

Таким образом к середине осени 1998 года наметилось формирование двух персонифицированных центров консолидации элиты в лице Е. Примакова и Ю. Лужкова. Между этими политиками не было принципиальных разногласий по вопросам антикризисной стратегии. Видимо, не случайно мэр Москвы, выступая на съезде РСПП, заявил о том, что наконец «мы начали говорить на одном языке». Очевидно было, что на ведущие позиции в истеблишменте выходили те его группы, которые генетически в наибольшей степени были связаны со старой советской хозяйственной номенклатурой. Эта консолидация, несмотря на угрозу срыва в реальной избирательной кампании, к которой по большому счету никто из потенциальных кандидатов осенью 1998 года не был готов, в стратегическом плане отвечала долгосрочным интересам элиты.

Только в случае прочной консолидации тогдашний истеблишмент мог провести предвыборную кампанию по заранее разработанному сценарию, как это было в 1996 году, с заранее расписанными ролями и минимизировать перспективу победы любого несистемного политика, например, А. Лебеда. На необходимость подобных действий, в частности, указывал и тот факт, что популярность красноярского губернатора в российском общественном мнении продолжала оставаться на достаточно высоком уровне, несмотря на очевидные неудачи его антикризисной политики в Красноярском крае.

Нельзя было не отметить также, что наметившаяся к середине осени 1998 года двухполюсная конфигурация российской элиты была неустойчивой.

Далеко не все группы и фракции определились со своим выбором. Многие предпочитали выжидать, понимая, что и Е. Примакову, и Ю. Лужкову еще предстоит реально противодействовать кризису как на федеральном, так и на московском уровне.

В стране имелись влиятельные политические силы, не заинтересованные оставаться в роли политических статистов при переходе страны в постельцинскую эпоху. Это отчетливо проявилось по мере дальнейшего развития событий.

Так, руководство КПРФ, стремившееся во что бы то ни стало сохранить политическую инициативу, приобретенную коммунистами в ходе августовско-сентябрьского политического кризиса, главный упор сделало на продолжение тактики, направленной на отстранение Б. Ельцина от власти и форсирование процесса конституционной реформы. Именно этому была подчинена активность коммунистов в Думе, в первую очередь в комиссии по импичменту. Руководство КПРФ попыталось использовать всероссийскую акцию протеста для того, чтобы занять лидирующие позиции в протестном движении, серьезно потеснив в этом плане ФНПР. Если бы кабинет Е. Примакова попытался воспользоваться в своей деятельности некоторыми решениями из либерального арсенала антикризисных мер, что было вполне реально, КПРФ и ее союзники резко усилили бы политическое давление на федеральную исполнительную власть.

Сложные процессы размежевания происходили и в губернаторском корпусе. Влиятельный самарский губернатор К. Титов, которого принято было считать одной из наиболее заметных фигур в команде Ю. Лужкова, занялся созданием собственного избирательного штаба для подготовки к очередным президентским выборам. Одновременно К. Титов стал одним из инициаторов учреждения новой политической партии «Союз ради будущего», к участию в которой намеревались подключиться ряд действовавших и бывших региональных лидеров. Возрастание политической активности и самостоятельности губернаторов на федеральном уровне проявилось не только в том, что на заседании 14 октября 79 членов Совета Федерации высказались за досрочную отставку президента, но и в недовольст-

ве значительной части сенаторов линией главы верхней палаты Е. Строева, который всячески сопротивлялся политизации Совета Федерации, его превращению в независимую политическую силу. Именно потому антистроевская резолюция в верхней палате получила осязаемое число сторонников.

Осенью 1998 года по-прежнему активным оставался А. Лебедь. Периодически критикуя федеральную власть, он в то же время неоднократно публично дистанцировался от федеральной политики, отрицая желание участвовать в следующих президентских выборах. Тем не менее наблюдатели отмечали, что эта линия красноярского губернатора позволяла ему вести интенсивную подготовку к президентским выборам в качестве единственного политика, выразившего протест российской провинции против всей федеральной политической элиты.

Активизировался и президент Белоруссии А. Лукашенко, наметивший целую серию поездок по российским регионам. При посещении Омска он прозрачно намекнул на целесообразность ускорения процессов создания федеративного российско-белорусского государства. Демократическая пресса расценила эти слова как расчет на возможность легального проникновения на российскую политическую сцену.

Насколько была прочна стабильность, достигнутая осенью 1998 года?

Аналитики прогнозировали: данный вопрос неизбежно встанет на повестку дня в связи с необходимостью выбора правительством того или иного варианта социально-экономической стратегии в условиях сужавшегося выбора экономических возможностей. В конце октября в прессе появились сообщения о том, что правительство намерено увеличить до трех процентов размер отчислений в Пенсионный фонд, сократить количество социальных льгот, использовать другие непопулярные антикризисные меры, которые пыталось провести еще правительство С. Кириенко. Нетрудно было предугадать, что это могло привести к тому, что влиятельные левые силы откажутся от своей нейтральной позиции в отношении кабинета Е. Примакова и перейдут к жесткой конфронтации.

Отсутствие позитивного консенсуса проявилось уже

в октябре при обсуждении в Думе законопроекта о Конституционном собрании, предложенного фракцией КПРФ. Провалились и первые попытки внести поправки в Конституцию. Вновь возникла идея выборов главы государства собранием выборщиков из числа парламентариев и представителей местных органов власти, озвученная руководителями обеих палат Федерального Собрания Е. Строевым и Г. Селезевым.

Наблюдатели считали, что еще в большей степени обострит конфликты внутри элиты и линия президентской администрации в конституционном вопросе, которая была ориентирована на то, чтобы глава государства инициировал конституционную реформу, но при этом сохранил бы без изменений свои огромные полномочия. И это в ситуации, когда большинство ведущих политических сил страны признавало необходимость серьезного пересмотра Основного закона РФ.

Примечательно, что вновь возникший в этом контексте вопрос о целесообразности введения поста вице-президента различные политические деятели интерпретировали по-разному. По оценке аналитиков, некоторые дали понять, что рассматривают этот пост как способ восхождения на высшую государственную должность. Другие расценивали введение поста вице-президента как институт стабилизации политической системы и властных структур, механизм недопущения односторонних преимуществ для наиболее вероятных кандидатов в президенты.

Это были лишь первые признаки неизбежных конфликтов, когда правительство будет вынуждено приступить к реализации конкретных действий по борьбе с кризисом в обстановке неопределенности, обусловленной неясностью вопроса о том, какие властные структуры с формально-правовой стороны будут играть роль центра принятия решений.

Мрачные прогнозы экспертов начали сбываться уже к концу 1998 года.

Социально-экономическая ситуация в стране за период пребывания Е. Примакова во главе правительства продолжала стремительно ухудшаться. Средняя величина прожиточного минимума в России в течение этого периода росла в темпе 8—10 процентов в месяц, а численность населения с доходами ниже прожиточно-

го минимума выросла до 35 процентов при безработице, охватившей свыше 12 процентов всего экономического активного населения страны. Наблюдался, невзирая на декларации главы кабинета о решимости искоренить это зло, рост общей суммы задолженности по социальным выплатам. К концу года она превышала 50 миллиардов рублей, в том числе 8 миллиардов рублей долга Минфина Пенсионному фонду, 17 миллиардов рублей долга по зарплате бюджетникам, 22 миллиарда рублей долга по детским пособиям.

Отечественные экономисты полагали, что даже при снижении размеров выплаты по долгам в два раза в случае их реструктуризации и в 1999 году сохранится глубоко депрессивная ситуация, которая будет оказывать крайне негативное влияние на политические и социальные процессы. Не следовало забывать и о том, что, стремясь получить новые кредиты на Западе для уплаты старых долгов, правительство все глубже загоняло страну в долговую трясику.

Не имея возможностей и, главное, желаний осуществить жесткий экономический выбор, премьер Е. Примаков фактически выбрал в качестве приоритета иную задачу — укрепления государства как ведущей силы, отстаивающей национальные интересы. С одной стороны, эффективная эксплуатация этой темы позволяла главе правительства рассчитывать на поддержку широких слоев населения, а с другой — создавать необходимые условия для приобретения мощных инструментов реальной власти.

Так, правительство Е. Примакова предприняло ряд действенных мер по установлению контроля над крупнейшим информационным ресурсом — общенациональным телеканалом ОРТ. Аналитики отмечали, что его предшественники — премьеры В. Черномырдин и С. Кириенко. — не имели рычагов влияния на телевидение. Е. Примаков собирался также установить плотный контроль и над крупнейшими монополиями с государственным участием, которые являлись основными «производителями» денег в российской экономике. Сосредоточение в руках премьера двух ключевых властных ресурсов — финансового и информационного — могло бы значительно укрепить его самостоятельность и открыть перед ним более широкий спектр

возможностей для проведения независимой и инициативной политики.

Тогда многие эксперты обратили внимание на то, что время, отпущенное кабинету Е. Примакова на эксперименты, подходило к концу.

24 декабря во время встречи с руководителями ведущих телеканалов президент дезавуировал любые попытки кого бы то ни было, кроме него самого, установить контроль над СМИ, чем выбил из рук Е. Примакова и информационное оружие. Еще более неприятным для Е. Примакова сюрпризом стали предостережения от любых попыток ввести цензуру в СМИ, что было аллюзией на его замечания, сделанные во время его посещения ВГТРК 8 декабря, когда премьер попенял, что телевидение слабо освещает позитивные процессы в стране. Очевидно, тем самым президент фактически дал прямое задание этим каналам вести «огонь по штабам», компрометировать всех, кто не относился к президентской команде, в том числе, возможно, и правительство.

Одновременно структуры, контролируемые президентом и, в частности, Федеральная комиссия по ценным бумагам, вновь начали муссировать вопрос о необходимости ужесточения контроля над Центробанком, что говорило о намерении президента вывести из-под контроля премьера и «финансовое оружие».

Вероятно, президент и его окружение всерьез опасались, что в условиях дальнейшего ухудшения социально-экономической ситуации и кризиса попыток продолжения курса радикально-рыночных реформ Е. Примаков, которого, по мнению некоторых аналитиков, недолюбливал Вашингтон, мог попытаться разыграть карту перехода к мобилизационной модели развития, которая потребовала бы известной автаркизации экономики и переориентации России на сотрудничество со странами Востока.

Некоторые симптомы, указывавшие на возможность такого поворота, появились, по оценкам экспертов, в ноябре — декабре. Выступая в ноябре в Белгороде, Е. Примаков прозрачно намекнул на возможность введения жестких мер по наведению порядка в стране.

Российское общественное мнение неожиданно жестко отреагировало на факт американо-британской аг-

рессии против Ирака, что можно было рассматривать как первый признак преодоления кризиса идентичности и преодоления комплекса неполноценности россиян. Это могло положить начало формированию благоприятных предпосылок для восприятия мобилизационной идеологии. Находясь в Индии, Е. Примаков выступил с инициативой создания стратегической оси Москва — Дели — Пекин, строительство которой должно было ослабить одностороннюю финансово-экономическую зависимость России от стран Запада.

Основные политические субъекты, неготовность которых осенью 1998 года к решающему этапу борьбы за власть позволила Е. Примакову встать во главе кабинета, к концу года, судя по всему, определились в своих планах, что ставило судьбу премьера в зависимость от того, с кем из них он связывал свое будущее.

Потерпев неудачу в попытках установить плотный контроль над деятельностью кабинета Е. Примакова, верхушка президентской администрации начала серию сложных политических маневров, имевших цель оставить за этим институтом роль одного из центров влияния. Кремлевские структуры с помощью части олигархов, лидеров радикально-демократических партий и СМИ попытались оказать нажим на премьера с целью заставить его отказаться от сотрудничества с левыми силами и мэром Москвы Ю. Лужковым, отправить в отставку вице-премьеров левоцентристской ориентации — Ю. Маслюкова, Г. Кулика, В. Густова и в конечном итоге добиться существенного сдвига правительства вправо.

В этом контексте сначала посредством инициатив Г. Явлинского разыгрывалась тема коррупции в правительстве, в которой лидер «Яблока» обвинил в первую очередь упомянутых выше вице-премьеров, за исключением В. Густова. Затем, искусно используя антисемитскую выходку депутата Госдумы от КПРФ генерала А. Макашова, администрация президента в тесном взаимодействии с радикально-демократическими силами и частью олигархов стала муссировать тему экстремизма в рядах Компартии. Тесно связанные с Кремлем Б. Березовский и А. Чубайс выступили с предложениями запрета КПРФ.

Однако премьер остался невосприимчивым к подо-

бному давлению и продолжил свою линию равноудаленности от политических конфликтов. Более того, в ходе процесса структуризации интересов внутри правительства премьеру удалось консолидировать его руководящий слой, четко распределив сферы компетенции вице-премьеров.

Параллельно с этими маневрами администрация президента приняла активное участие в процессах консолидации партий и движений радикально-демократического толка. Речь шла о создании правоцентристского блока, движении С. Кириенко «Новая сила». Были основания полагать, что это делалось не только в плане подготовки к очередным парламентским выборам.

Некоторые аналитики предполагали: президентскими структурами рассматривался сценарий возможной отставки кабинета Е. Примакова весной 1999 года и замены его очередным правительством «молодых реформаторов».

В том же ключе развивались отношения администрации с экс-премьером В. Черномырдиным и возглавляемым им движением НДР.

Однако и эти инициативы не принесли сколько-нибудь заметных результатов.

В президентской администрации начали нарастать центробежные тенденции. Ее отдельные руководители стали откровенно искать себе политических покровителей среди других центров влияния — например, у Ю. Лужкова. Руководитель администрации В. Юмашев и его ближайшие сотрудники приступили по существу к выработке новой модели роли президента в российской политике.

Согласно этому варианту Б. Ельцин в оставшийся до истечения его полномочий срок должен был постепенно превратиться в главу государства с преимущественно представительскими функциями и реализовывать свою роль арбитра лишь в исключительных случаях, когда возникали острые политические конфликты.

Однако возвращение Б. Ельцина в Кремль 7 декабря, когда он отправил в отставку В. Юмашева и его заместителей Ю. Ярова, М. Комиссара и Е. Савостьянова, положило конец этим маневрам. В экспертной среде до сих пор существуют различные оценки в от-

ношении того, были ли эти решения в той или иной степени согласованы с премьером или же они явились очередной попыткой президента перехватить политическую инициативу, сосредоточив в своих руках важнейший управленческий ресурс — силовой и обозначив в качестве приоритетной ту сферу деятельности, в которой только и можно рассчитывать на позитивные сдвиги — укрепление государственности, порядка и усиление борьбы с преступностью.

Сторонники первой версии указывают на то, что новый глава президентской администрации Н. Бордюжа еще по линии разведсообщества имел неплохие контакты с командой премьера Е. Примакова. Приверженцы второй точки зрения обращают внимание на то, что возвращение Б. Ельцина сопровождалось довольно жесткими заявлениями, свидетельствовавшими о нежелании президента начать процесс конституционной реформы. По их мнению, это говорило о стремлении Б. Ельцина сохранить за собой бывшие позиции в российской политике.

Конечно, учитывая низкий уровень доверия к президенту как в обществе, так и в элитах, можно было признать, что у Б. Ельцина было довольно мало шансов решить эту задачу в полном объеме. Но при наличии огромных конституционных полномочий и прежних ориентиров он вполне мог сыграть для российской политики негативную роль, активно подталкивая процессы дробления и фрагментации политической элиты, тем самым понижая уровень ее реакции на новые общественные вызовы.

Одним из наиболее вероятных вариантов дальнейшего политического поведения президента экспертам виделась попытка радикального реформирования российского политического пространства с целью сохранения своих властных полномочий в обход действующей Конституции, согласно которой, как следовало из принятого Конституционным судом РФ заключения, Б. Ельцин не мог выдвигать свою кандидатуру на третий срок. Аналитики не исключали, что Б. Ельцин решит все же испробовать уже давно проработанный вариант изменения базисных условий российской политической игры в случае форсирования интеграционного процесса с Белоруссией и создания союзного

государства с единым политическим пространством, естественно, новой Конституцией и т.д.

Судя по сообщениям российских СМИ, этот процесс в конце 1998 года действительно приобретал реальные очертания и состоявшийся в декабре переговоры Б. Ельцина с белорусским президентом А. Лукашенко уже якобы привели к подготовке текста соответствующего документа, который предполагалось утвердить через механизм всенародного референдума в обоих государствах.

Возможно, именно этими планами и объяснялись многие действия Б. Ельцина и его окружения и, в частности, заметный рост внимания с их стороны к электоральным проблемам и скептические высказывания президента на встрече с руководителями трех общероссийских телеканалов по адресу возможных претендентов на президентский пост, которые, по мнению Б. Ельцина, «бегут впереди паровоза».

Президент, по мнению наблюдателей, дал понять, что еще ничего, по сути дела, неизвестно о том, когда и какие выборы будут объявлены. Эксперты считали вполне вероятным, что в условия готовившихся договоров могут быть заложены такие положения, которые потребуют серьезного изменения российской Конституции, отсрочки президентских выборов и кардинальной модификации самого статуса института президентской власти с тем, чтобы в дальнейшем Б. Ельцин получил все-таки возможность баллотироваться на пост главы союзного государства. Аналогичные изменения могли коснуться и парламентских институтов. Российские электронные СМИ, например, озвучили информацию о том, что в готовившихся документах предусматривалось избрание населением единого союзного парламента.

Так или иначе, но вопрос о контроле за будущими избирательными кампаниями обозначился как основной в деятельности нового главы президентской администрации и одновременно секретаря Совета безопасности РФ. Н. Бордюжа провел, в частности, совещание с полномочными представителями президента в субъектах Федерации, на котором, согласно его комментариям на встрече с журналистами, подготовка к парламентским выборам и начало работы по под-

готовке к президентским выборам были названы «новыми первоочередными задачами» всей вертикали власти и поставлены в прямую связь с проблемами ее укрепления и «нормализации обстановки в стране и в конкретных регионах». В первую очередь решение этих задач, по мнению Н. Бордюжи, зависело от умения представителей президента «находить общий язык с губернаторами».

Были основания полагать, что технология решения предвыборных проблем, сформулированных в Кремле, воспроизведет технологию подготовки к президентским выборам 1996 года. В частности, речь шла о создании максимально благоприятных условий для кандидата Кремля, который в идеале должен стать консолидированным кандидатом от партии власти. Других потенциальных выдвиженцев, очевидно, ожидало «добровольно-принудительное» отсечение от участия в предвыборной кампании.

Судя по всему, важное значение отводилось спецоперациям, направленным на запугивание элиты с помощью очередной кампании по борьбе с коррупцией и преступностью, а также с экстремизмом. Такая кампания активно велась параллельно с подготовкой предшествовавших выборов в парламент и особенно во время проведения президентских выборов. Едва ли случайно и то, что во время выборов в Санкт-Петербурге особое внимание СМИ было направлено именно на освещение темы «криминала, рвущегося к власти». Президент уже объявил о своем намерении возглавить кампанию по борьбе с коррупцией, преступностью и политическим экстремизмом.

В 1995-м, а еще более в 1996 году важную роль в реализации технологии нагнетания страхов у правящей элиты сыграл, кроме Генпрокурора, глава Службы безопасности президента А. Коржаков. Приход генерал-полковника Н. Бордюжи на пост главы администрации в преддверии очередного электорального цикла вряд ли был простым совпадением.

Более того, как и тогда, началось нагнетание неопределенности в элитной среде, вызванное такими шагами Генпрокуратуры, как заявление о том, что она раскрыла основные фигуры, которые участвовали в организации вывоза фирмой «Голден-АДА» большого

количества алмазов. Однако никаких реальных действий за этим объявлением не последовало. Затем состоялось расширенное заседание коллегии Генпрокуратуры, посвященное основному виду российской экономической преступности — злоупотреблениям в использовании бюджетных денег. В ходе этого заседания Генеральный прокурор Ю. Скуратов, в частности, объявил о готовности «жестче применять уголовные репрессии» по отношению как к банкам, которые их прокручивают, так и к администрациям, использовавшим казенные средства не по назначению.

Кроме того, в ряд регионов были направлены представители Главной военной инспекции и аппарата Совета безопасности для проверки выполнения поручения президента по борьбе с политическим экстремизмом. В Кремле под эгидой Совета безопасности прошло совещание с руководителями большинства силовых ведомств — Минобороны, ФСБ, Генпрокуратуры, СВР, МЧС, Минюста, МВД, ФПС и ФСНП, где, судя по словам Н. Бордюжи, обсуждались некие «новые подходы к решению острых политических проблем».

Ряд обозревателей отметил, что, по-видимому, в отличие от периода выборов 1995—1996 годов эти «новые подходы» будут заключаться в большем акценте на проблемах борьбы с экстремизмом. Было обращено внимание на активную кампанию ряда СМИ в этом направлении. Этот «новый подход» объясняли тем, что от борьбы с экстремизмом нетрудно перейти к борьбе с оппозицией, к ее отсечению от участия в выборах. А это, как показали выборы в ряде регионов, — в Красноярском крае, Волгограде, Санкт-Петербурге — для Кремля было крайне актуальным.

Не осталось незамеченным и то, что Б. Ельцин, выступив с речью перед сотрудниками ФСБ по случаю их профессионального праздника, сделал особый акцент на проблеме экстремизма. Накануне его выступления было объявлено о перехвате на пути в Москву некоего груза оружия, след от которого, по намекам СМИ, мог завести в некие «высокие политические сферы».

Знаменательной была и встреча президента с министром внутренних дел С. Степашиным, которого не

так давно заметили в активных контактах со столичным мэром Ю. Лужковым. Президент публично дал С. Степашину понять, что в любой момент может уволить его за приписки в отчетности и сделал особый акцент на том, чтобы министр «не зазнавался» и помнил свое место.

В тот же день, вероятно, дабы С. Степашин помнил о краткости политической жизни, президент подписал указ о награждении заместителя министра внутренних дел В. Рушайло, считавшегося одним из основных претендентов на пост руководителя этого министерства, орденом «За мужество» в связи с его участием в ряде операций по освобождению заложников на Северном Кавказе.

Одновременно активизировался и Центризбирком, глава которого А. Иванченко тоже заявил о необходимости «ужесточения контроля за избирательными технологиями и ходом избирательной кампании».

Наконец, президентская команда начала новую игру с российскими СМИ. Президент воспользовался для четкого шага в этом направлении пятилетием создания Федеральной службы по теле- и радиовещанию (ФТСР), поздравив сотрудников этого учреждения и пообещав уделять особое внимание деятельности электронных СМИ. Одновременно руководство ВСТР объявило о том, что в следующем году оно намерено проводить политику ограничения выдачи лицензий на вещание, которые будут выдаваться только победителям специально организованных конкурсов.

Анализ поведения Б. Ельцина наводил на мысль, что президент уже включил основные механизмы предэлекторальной подготовки и, судя по всему, намеревался выиграть очередной политический турнир у своих соперников. Расчет Б. Ельцина, окружившего себя спеслужбистами и громко объявившего о намерении начать беспощадную борьбу с коррупцией, политическим экстремизмом, разжиганием национальной розни, заключался, очевидно, в том, чтобы вновь заставить российскую элиту замереть в напряженном, подвешенном состоянии, вынудить политиков, претендовавших на роль новых лидеров, отказаться от своих претензий.

Одной из характерных особенностей ситуации, сложившейся к концу 1998 года, стало то, что президент

впервые столкнулся с откровенным сопротивлением российской элиты его попыткам вновь взять ситуацию под свой контроль.

Сначала он получил при всеобщем одобрении российской прессы публичную пощечину от А. Солженицына, отказавшегося от ордена Андрея Первозванного. Затем в московских газетах был широко растиражирован демарш лондонской газеты «Дейли мэйл», внесший Б. Ельцина в «черный список» политиков, в вину которым вменялось нарушение прав человека. Известность получила и острая реакция столичного мэра Ю. Лужкова на преследование налоговой полицией и некими спецслужбами шоумена С. Лисовского.

Ю. Лужков прямо связал события вокруг С. Лисовского и его партнеров с переходом контроля над Федеральной службой налоговой полиции в руки Б. Ельцина, расценив эту акцию направленной не столько против рекламистов, сколько против политических соперников. Вероятно, московский мэр увидел в операции спецслужб против одного из людей, которые сотрудничали с московскими властями, опасный симптом использования президентом госструктур для сведения личных счетов. В конце декабря на учредительном съезде движения «Отечество», которое было сформировано из различных политических и общественных движений, жесткой критике подверглись итоги предшествовавшего реформаторства и были предъявлены обвинения в разрушении всего хорошего, что досталось России от советской эпохи. Ю. Лужков — лидер «Отечества» дал ясно понять, что больше не рассматривает действующего президента в качестве авторитетного лидера.

Из всего этого аналитики делали вывод, что попытка Б. Ельцина вновь вернуть себе роль центра принятия важнейших политических решений не нашла заметного сочувствия не только в широких слоях общества, но и у большинства элитных группировок, усматривавших в действиях главы государства лишь стремление к политическому самовывживанию, не имевшее стратегической перспективы. Несмотря на то что президентское окружение устами О. Сысуева на сессии Конгресса муниципальных образований России продекларировало возвращение президента к прежней

роли верховного арбитра российской политической элиты, сама элита явно продемонстрировала, что более не нуждается в подобных услугах. По мнению ряда аналитиков, этот поворот в политической истории России был вполне закономерен. Созданная Б. Ельциным модель «суперпрезидентства», «выборной монархии» оказалась в глубоком кризисе, была не способна мобилизовать общество для преодоления системного кризиса.

Вместе с тем большинство экспертов сомневались в том, что российские элиты способны были к консолидации и серьезному противостоянию с Б. Ельциным.

Решив, что он уже не сможет ни при каких обстоятельствах баллотироваться на третий президентский срок, а также реагируя на объективное приближение парламентских выборов, различные группы и фракции истеблишмента главное внимание уделили поискам новых перспективных лидеров, имевших, с их точки зрения, реальные шансы на победу на следующих президентских выборах, созданию новых альянсов и коалиций.

Разумеется, при таких установках шансы на достижение позитивного консенсуса элит оказались минимальными. Вот почему, как уже отмечалось выше, различные группировки властвовавшей элиты так легко согласились на назначение премьером Е. Примакова. Изначально предполагалось, что он станет олицетворением «негативного консенсуса», то есть фигурой, обозначающей то, чего нельзя делать, какие границы в политике нельзя переступать. Реализация подобного подхода на практике теоретически могла привести лишь к временной стабилизации политической обстановки в стране, но никоим образом не могла способствовать выработке необходимых предпосылок для проведения активной и инициативной политики.

Однако и этот «негативный консенсус» в лице премьера Е. Примакова уже в октябре перестал удовлетворять большую часть политического истеблишмента. Различные его фракции попытались перетянуть главу правительства на свою сторону с тем, чтобы резко усилить собственные позиции и ослабить позиции противников. Уже тогда в российской политике

отчетливо сформировались два центра консолидации «партии власти» — премьер Е. Примаков и мэр Москвы Ю. Лужков. Если глава правительства сам не проявлял инициативы превращения в потенциального кандидата в президенты, к чему его усиленно подталкивали те круги столичного истеблишмента, для которых в силу разных причин в этой роли Ю. Лужков был неприемлем, то мэр Москвы проявил активность, которая получила значительную поддержку.

Судя по всему, московский мэр понял, что в обстановке утраты Б. Ельциным бывшего влияния, когда даже официальное обнародование имени вероятного наследника уже ничего не решало, задержка на старте грозила одному из наиболее влиятельных российских политиков утратой инициативы.

Политическое влияние Ю. Лужкова в следующие месяцы объективно росло. Ему удалось в условиях жесткого кризиса значительно укрепить систему банков, ориентированных на правительство Москвы.

По оценкам иностранных экспертов, смесь популизма и прагматизма, которая помогла Ю. Лужкову получить почти 90 процентов голосов на выборах московского мэра в 1996 году, давала ему основания вести себя как второму по значимости национальному лидеру, формально уступавшему только президенту. В отличие от других претендентов на власть, Ю. Лужков может позволить себе действовать с позиции абсолютной силы, поскольку его нельзя ни уволить, ни сместить с занимаемого поста без грубого нарушения российской Конституции.

По оценкам экспертов, московская мэрия является вторым по значению центром силы в России — после Кремля. Она управляет огромным экономическим потенциалом. 70 процентов всех иностранных инвестиций в Россию и 80 процентов всех российских капиталов проходят через Москву. Доходы в столице в два-три раза выше средних по стране. Налоговые поступления в расчете на душу населения в семь раз выше общероссийских. С 6 процентами населения Москва производит 13 процентов российского ВВП, а учитывая, что черный рынок в Москве развит сильнее, чем где-нибудь в России, возможно, и еще больше.

Городское правительство обладает огромной соб-

ственностью, которую ему удалось получить под свой контроль, когда оно в 1992 году отказалось следовать общероссийским схемам приватизации государственности. Полученное тогда от президента разрешение на собственные схемы приватизации дало по сути московскому правительству право на владение федеральной собственностью на своей территории и распоряжение ею. Мэрия стала совладельцем акций или партнером по меньшей мере 200 крупных предприятий, начиная от автомобилестроения и кончая сферой быстрого питания. Такая ситуация вызывает тайное недовольство предпринимателей, но они вынуждены подчиняться сложившимся правилам.

По мнению западных наблюдателей, деньги на президентскую кампанию московский банковский и торговый капитал Ю. Лужкову, безусловно, выделит.

Активно и широко внедряется мнение, что провинциальная Россия ненавидит Москву за то, что она якобы вытягивает из страны все соки и заставляет остальные регионы бедствовать. Несмотря на надуманность проблемы, Ю. Лужков тщательно выстраивает систему альянсов с лидерами других регионов. Он возглавляет неформальную группу руководителей десяти наиболее богатых регионов России, которая совместно лоббирует свои интересы в федеральном правительстве. Он регулярно осуществляет получающие широкое освещение в средствах массовой информации акции помощи слаборазвитым областям страны. За последние несколько лет он более десятка раз оказывал поддержку кандидатам на различные выборные должности. Последние примеры — победы В. Яковлева на выборах губернатора Петербурга, выборы в Московскую городскую думу, победа бывшего руководителя пограничной службы А. Николаева на выборах в Госдуму и др.

На выборы Ю. Лужков выйдет с весомой платформой. Во внутривластном плане сможет указать на процветающую Москву как на пример того, чего могут добиться и другие регионы под его руководством. Он сможет обещать России то, что уже имеет Москва: крепкое сплоченное руководство сверху донизу, а также постепенные рыночные реформы.

Однако при всех ощутимых успехах Ю. Лужков

еще на первом этапе столкнулся с рядом проблем, без решения которых ему трудно было рассчитывать на роль общенационального лидера. Он так и не решился структурировать свою разношерстную политическую команду, состоявшую из различных влиятельных финансовых, административных и политических групп. По некоторым наблюдениям, он так и не смог сделать шаг в сторону превращения в харизматического лидера, оставаясь лидером отчасти бюрократическим, что в обстановке иррационализации массового сознания значительно сужало его политические и электоральные возможности.

Под давлением либеральных сил и олигархических группировок мэр Москвы пошел на фактический разрыв партнерских отношений с левыми силами, которые начали активно складываться в начале осени 1998 года. В силу ряда факторов испортились отношения мэра Москвы и с националистическим электоратом. Все это существенно снижало электоральный потенциал Ю. Лужкова как претендента на роль общенационального лидера, ставило его в жесткую зависимость от либерально настроенных избирателей.

Старалось дискредитировать его и президентское окружение. Некоторые наблюдатели отметили, что из кремлевских структур вновь начали выбрасываться различные слухи и домыслы, акцентировавшие внимание публики на неприятных для некоторых политиков, в том числе и для Ю. Лужкова, биографических моментах. После учредительного съезда движения «Отечества», организованного Ю. Лужковым, первый заместитель главы президентской администрации О. Сысуйев в своем комментарии, широко транслировавшемся по телевидению, заявил, что Ю. Лужков не имеет права на критику действий реформаторской команды, поскольку сам стоял у истоков принятия всех важнейших решений за последние годы. Факт, который тот сам-де пытался скрыть от внимания публики.

Было очевидно, что между Кремлем и мэрией начался новый виток информационной войны. Такое уже имело место в 1994—1995 годах.

Радикально-демократические политики — А. Чубайс, Б. Немцов, Е. Гайдар, С. Кириенко тоже попытались активизироваться в новой ситуации. В целях

мобилизации своих сторонников и в стремлении перехватить политическую инициативу, они использовали различные приемы из арсенала конфронтационной политики — нагнетания истерии по поводу исходившей от КПРФ угрозы фашизма. Устраивался скандал вокруг заявлений А. Макашова, своеобразно интерпретировались причины убийства Г. Старовойтовой, предрекалась грядущая экономическая катастрофа.

Поняв, что перехватить инициативу им вряд ли удастся, радикал-реформаторы сосредоточились на решении более приземленной задачи — формировании условий для того, чтобы избиратели осознали: «прокоммунистическое» правительство Е. Примакова и Ю. Лужков ведут их к катастрофе, и вновь призвали А. Чубайса и его команду ко власти. Из этого блока вышли, громко того не афишируя, С. Кириенко, успешный зарегистрировать свое собственное движение «Новая сила», и Б. Немцов, также зарегистрировавший свою «виртуальную» партию «Россия молодая». Однако собственно правоцентристский блок зарегистрироваться не успел.

Заметное стремление к укреплению своих позиций проявил и Г. Явлинский, поддержанный частью финансово-олигархических групп, в частности, «Мостом». Подчеркнуто дистанцируясь от радикальных реформаторов (скандал, раскрученный близкой к «Яблоку» «Новой газетой» вокруг антироссийских заявлений бывшего вице-премьера А. Коха) и нанося удар по близким к левой оппозиции вице-премьерам российского правительства, Г. Явлинский попытался выдвинуть себя в качестве единственной реальной альтернативы политической элите. Однако эта тактика, сопровождаемая менторски-мессианским отношением к избирателям, постоянным сползанием к примитивной риторике, не принесла лидеру «Яблока» ощутимых результатов. Особенно сильный удар по позициям «Яблока» и его лидера нанесла неудача, постигшая это движение во втором туре выборов в Санкт-Петербурге.

Серьезные проблемы возникли и в НДР, где росшие в течение всего полугодия разногласия между лидером движения В. Черномырдиным и лидером думской фракции А. Шохиним завершились выходом последнего из фракции.

В сложном положении в послеавгустовский период оказалась ведущая сила левой оппозиции — КПРФ. Не имея возможности трансформировать пассивный социальный протест населения в конструктивное массовое движение, Компартия вынуждена была прибегнуть к «меньшевистской» тактике давления на кабинет Е. Примакова. Подобная линия была продиктована, с одной стороны, стремлением не упустить политическую инициативу, завоеванную коммунистами в ходе августовско-сентябрьского политического кризиса, и добиться от правительства дальнейшего дрейфа влево, а с другой — в случае неудачи кабинета Е. Примакова — дистанцироваться от него, не понеся серьезных потерь.

Серьезно ослабляло левую оппозицию ее стремление сохранить свое хотя бы номинальное присутствие в правительстве, проявленная готовность поддержать, руководствуясь политическими мотивами, правительственный проект бюджета.

«Политический бюджет» открывал широкое пространство Б. Ельцину для маневрирования. В крайне вероятном при таком подходе к бюджету случае провала экономической политики правительства — будь то в результате слишком жесткого исполнения бюджета и начала массовых волнений, или же, что выглядело правдоподобней, по причине срыва в инфляционную пропасть — Б. Ельцин был вполне способен провести серьезные изменения в правительстве и заменить если не премьера, то левоцентристскую часть правительства, руководителей социально-экономического блока.

Президент, как и думская оппозиция, не случайно настаивал на немедленном принятии бюджета — этот ход был для него фактически беспроигрышным, ибо чем больше недостатков в бюджете, тем легче контролировать правительство и вмешиваться по своему усмотрению в работу кабинета. Комментируя законопроект очередного финансового года, заместитель руководителя главы президентской администрации А. Волошин назвал ряд направлений, по которым президент намеревался отслеживать и контролировать деятельность правительства.

Таким образом, и в левой части политического

спектра корпоративный интерес оказался выше задач выработки общенациональной стратегии выхода из кризиса. В результате этих и других маневров ведущие субъекты российской политики подтолкнули процесс иррационализации массового политического сознания, что было крайне опасным для всей политической элиты в целом. Исторический опыт показывает, что в условиях крушения традиционной системы ценностей, привычного миропонимания и мироощущения обычно происходит процесс архаизации общественного мнения, сопровождаемый усилением роли массовых бессознательных инстинктов.

Общую ситуацию в стране, сложившуюся к концу 1998 года, можно было выразить словами патриарха Алексия II в докладе на общепатриаршальном собрании Москвы, состоявшемся в Свято-Даниловом монастыре: «Мы прожили этот год в безумном мире».

И МВФ, и МБРР крайне пессимистически оценивали состояние российской экономики и предсказывали дальнейшее падение ВВП — с 6 процентов в 1998 году до 15 процентов в 1999-м, высокую инфляцию — не менее 56 процентов, рост обнищания населения и, как вероятный вариант, неспособность России выполнить свои обязательства по долгам.

Несмотря на внешне благожелательное отношение к российскому руководству, позиции которого укрепились в результате утверждения Думой в первом чтении проекта бюджета-99, международные финансовые круги не спешили с выделением реальных денег России. По общему мнению экспертных кругов, МВФ и МБРР намеревались произвести выделение средств Москве не ранее весны 1999 года.

Сопоставляя между собой оба названных обстоятельства (предвкусение экспертами МВФ и МБРР экономической катастрофы в России и нежелание оказывать помощь в наиболее трудное для России время — в середине и конце зимы, начале весны), некоторые аналитики склонялись к выводу о том, что резкое ухудшение экономической ситуации в России входило в расчеты Запада и, вероятнее всего, рассматривалось им в качестве инструмента давления на российский кабинет с целью вызвать в нем серьезные изменения в расстановке сил в пользу тех, кто имел репутацию

надежных партнеров, способных проводить в правительстве линию, приемлемую для Запада, «широко мыслящих молодых реформаторов». Именно к их возвращению в правительство, планируемому, кстати, на март 1999 года, и разрабатывалась экстренная стратегия валютных вливаний, которые должны закрепить доминирующие позиции «западников» в правительстве.

Общий курс правительства Е. Примакова между тем вызывал нараставшее ухудшение социально-экономической ситуации в стране. Достаточно сказать, что размеры принятого Думой бюджета-99 (около 20 миллиардов долларов) практически были равны сумме долга, который России необходимо было выплатить в 1999 году. Это означало: о российском бюджете можно было говорить лишь как об условном феномене.

Признаком нараставшего обнищания страны стало и то, что в конце 1998 года фискализация государственной политики приобрела фактически тотальный характер.

Б. Ельцин подписал указ о преобразовании Госналогслужбы в Министерство сборов и платежей. Госдума расширила права налоговиков почти до чрезвычайных. Новому министерству приданы функции контроля над экспортно-импортными операциями и было дано право привлекать нарушителей к ответственности за валютные преступления. То есть налоговые службы приобретали функции налоговой полиции. За Министерством сборов и платежей было закреплено также право устанавливать налоговые посты в организациях, имеющих существенные задолженности перед бюджетом.

Налоговое ведомство внесло в Думу предложение, которым фактически ликвидировались российские оффшоры. Счета физических и юридических лиц не попадали под статус коммерческой тайны. Фискальная диктатура проявила себя и в других сферах. Предельно жесткие меры применила для сбора импортных платежей Гостаможня. Повысились акцизы. Фискальным, по существу, остался и процесс приватизации. Средства, полученные от нее, направлялись не на структурную перестройку и инвестиции, а на оплату долгов бюджетников.

Несмотря на отсутствие положительных результатов в экономике, деятельность Е. Примакова в должности премьера в общественном мнении воспринималась позитивно. О нем говорили, что он подходит к решению проблем с государственных, патриотических позиций. Людям нравились в Е. Примакове его дипломатические способности и склонность к компромиссу в установлении контактов с политиками, лидерами профсоюзов, бизнесменами. С именем Е. Примакова ассоциировались надежды на восстановление хоть в какой-то мере доверия населения к исполнительной власти.

Между тем заметно росло количество материалов в СМИ, особенно находившихся под контролем олигархов, в которых главу правительства, с одной стороны, противопоставляли Б. Ельцину, обвиняя в ведении собственной игры, а с другой — подбрасывали тезис о его сближении с московским мэром Ю. Лужковым.

Было очевидно, что так долго продолжаться не может.

Глава 2

У КАЖДОГО СВОЙ КРЕМЛЬ

Проблемы нового федерализма. — Чудовищная катастрофа. — Мина замедленного действия. — Кавказ отрывают от России. — Скважина как государствообразующий признак. — О воздействии избранного президента на избранных губернаторов. — Кто запустил механизмы дезинтеграции. — Приручение несговорчивых. — А. Лебедь избегает ловушек и ставит свои. — Атаки на Ю. Лужкова продолжаются

Глубокий экономический кризис, переживаемый Россией, в последнее время все в большей степени проявлялся в сферах социально-политического и государственного управления. Очевидная неспособность федеральной власти справиться со «снежным комом» проблем порождала в различных по национальному составу и экономическому развитию регионах сепаратистские настроения. Особую остроту вопроса о государственном устройстве России придавала активность Грозного по созданию дагестанско-чеченского альянса.

На протяжении веков Россия не сокращалась, а умножалась землями. И только в наше время впервые произошла чудовищная государственно-политическая и национальная катастрофа: Советский Союз, бывший, по существу, преемником территории царской России, распался как единое многонациональное государство.

После произошедшего в 1991 году первого распада Российского государства в оставшейся от него РСФСР было объявлено о намерении построить современное федеративное государство, не формальное, каким стало представляться прежнее устройство, а на деле. Начало новому федерализму было положено предложением Б. Ельцина к автономным республикам в августе 1990 года брать себе столько суверенитета, сколько они в состоянии вынести. Тогда (еще до распада СССР) это странное заявление для главы республики, вознамерившегося построить федеративное государство, воспринималось с точки зрения ближайшей перспективы борьбы за власть с союзным руководством.

Отдаленные негативные политические последствия этого заявления или игнорировались, или просто не принимались в расчет.

В 1992 году был подписан Федеративный договор, который считается эффективным инструментом, предотвратившим угрозу распада Российской Федерации вслед за распадом СССР. Однако действительность опровергает такую точку зрения. Татарстан и Чечня отказались подписывать Федеративный договор. Это — во-первых, а во-вторых, по мнению многих специалистов, в самом этом договоре была заложена мина замедленного действия, которая таит в себе угрозу распада единого государства. Речь идет не только о существенных различиях в статусе республики и других субъектов Федерации, но и прежде всего о том, что республики в договоре были названы «суверенными» и им была дарована вся полнота государственной власти на своей территории. Республики в составе РФ стали «самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений». А «земля и ее недра» стали «достоянием (собственностью) народов», проживающих на территории республики.

Специалисты, несогласные с такой постановкой вопроса, считают: если субъекты Федерации будут обладать суверенитетом, то единого федеративного государства построить невозможно. Так что Федеративный договор можно рассматривать только лишь как временную меру, которая действительно помогла предотвратить возможный распад РФ. Но нельзя забывать о том, что договор таит в себе угрозу дальнейшего разрушения России.

С 1994 года начался новый этап в формировании российского федерализма. С субъектами Федерации органы федеральной исполнительной власти стали заключать договоры и соглашения о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий. К концу 1998 года такие договоры и соглашения были заключены с 37 субъектами Федерации. Суверенность республик в текстах договоров не подчеркивалась так явно, как в Федеральном договоре, за исключением Башкортостана. В договоре РФ и Башкортостана указывается, что «Республика Башкортостан — полноправный субъект Российской Федера-

ции»: В то же время она является «суверенным государством в составе Российской Федерации» (ст. 1). Но суверенное государство не может быть в составе другого государства, иначе первое не является государством.

В аналогичном договоре с Республикой Татарстан по форме эта республика не признается суверенным государством, но по существу таковым является, так как ее органы государственной власти самостоятельно «решают вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными, лесными и другими природными ресурсами, а также государственными предприятиями, организациями, другим движимым и недвижимым имуществом, расположенным на территории Республики Татарстан, являющимися исключительным достоянием и собственностью народа Татарстана, за исключением объектов федеральной собственности» (ст. 2, п. 6). Ими также решаются вопросы республиканского гражданства.

В целом республики в составе РФ по-прежнему обладают большими правами, чем края и области. Они в основном меньше, чем края и области, перечисляют налогов в федеральный бюджет. Так, Татарстан перечислил в 1996 году в федеральный бюджет 18,9 процента всех собранных там налогов, Башкортостан — 27 процентов, а Москва — 57,6 процента.

Ряд известных специалистов сходится во мнении, что существующая договорная система не способствует укреплению Федерации. И вот почему.

Договоры в принципе не могут заключаться между федерацией и регионом как равными субъектами международного права. Субъект Федерации должен быть соподчинен Федерации. А разграничение предметов ведения между Федерацией и субъектами Федерации должно устанавливаться федеральной конституцией, федеральными законами и дополняться, по мере необходимости, федеральными целевыми программами.

И еще. Заключенные договоры демонстрируют неравноправие субъектов Федерации и ведут к асимметричности Федерации, а такое государственное образование не может быть прочным.

Кроме того, наблюдалась тенденция роста числа

субъектов Федерации, которые предъявляли свои права на землю и другие природные ресурсы. Губернатор Саратовской области Д. Аяцков совместно с законодательным собранием приняли закон, в соответствии с которым они, вопреки Земельному кодексу РФ, самостоятельно распоряжаются землей и решают вопрос о продаже сельскохозяйственных земель в частную собственность. В 1998 году 14 регионов России намеревались обойтись с землей так же, как в Саратовской области. Федеральные власти не только не пресекли такие вольные обращения регионов с землей, но более того — поощряли их к этому. Отдавая землю и другие природные ресурсы регионам, федеральные власти тем самым теряли и власть над ними. То есть вольно или невольно разрушали федерализм.

В политических кругах продолжалась дискуссия относительно того, в каком направлении происходит становление государственности России. Обсуждался, в частности, сделанный на заседании вывод участников московского Английского клуба о том, что будущее России уже сегодня куется на уровне субъектов Федерации. Политический советник председателя Совета Федерации П. Федосов на последнем заседании клуба в своем выступлении констатировал стремительное перетекание власти в России на губернаторский этаж, хотя и происходило оно в «уродливых формах жесткого политического унитаризма наверху и самостоятельности регионов в теневой сфере». Представитель российского сената заявил, что, исходя из Конституции 1993 года, в стране в принципе невозможно сильное правительство, чему свидетельство — принципиальные отказы возглавить кабинет министров таких авторитетных региональных глав, как Ю. Лужков, Д. Аяцков и председатель Совета Федерации Е. Строев.

В целом сторонники такой точки зрения считают: происходит деградация федеральной власти. Этой болезнью поражены как государственные институты, включая «не становящегося сильнее» президента, так и оппозиция, которая не имеет принципиальной новаторской программы и деградирует вместе с властью. Губернаторы же в своих субъектах Федерации являются «точками опоры», чьего расположения добиваются столичные власти и олигархи. Отмечается, что режимы

«просвещенного авторитаризма», устанавливающиеся повсеместно по московской лужковской модели, могут неплохо работать и даже сменять лидеров на более эффективных, как это недавно произошло в Липецке и Пензе.

Несмотря на очевидные процессы дезинтеграции России, государственные чиновники продолжали утверждать о развитии федерализма. Руководитель комиссии по региональной политике кремлевской администрации, член президентского совета Л. Смирнягин на указанном заседании клуба назвал федерализацию государства, проводимую исключительно сверху, едва ли не самой успешной составной частью российских реформ. По его мнению, во многом благодаря тому, что права регионов во много раз превосходят реальные возможности ими эффективно распоряжаться, угроза распада России в 1994 году окончательно миновала, а с конца 1996 года начался обратный процесс централизации власти.

Однако специалисты утверждают: на деле авторитет центральной власти упал до предельно низкого уровня, а элиты оказались еще более разобщенными, что по определению не может способствовать утверждению федерализма. Поощрение федеральной исполнительной властью суверенизации регионов, подталкивание к ней проявлялось также и в том, что сокращалось их финансирование из федерального бюджета. В результате такой политики центра субъекты Федерации были вынуждены самостоятельно искать источники финансирования своей экономики и, таким образом, становились все более независимыми от него.

Вместе с тем говорить о «финансовой независимости» регионов, не отметив потенциальную опасность этого процесса на российской почве, означало бы лукавство. Для оценки этой угрозы можно, в частности, обратиться к проводившейся в 1998 году избирательной кампании на пост губернатора Красноярского края. Победа А. Лебеда заставляла вновь взглянуть на проблему федерализма и финансирования регионов с точки зрения национальных интересов России.

А. Лебедь неоднократно подчеркивал, что на него работают «несогласные» и «серые» деньги. Кому-то

это могло даже импонировать. Но и после победы губернатору вряд ли удастся справиться с «рукой дающей». Как не справились с этой проблемой многие другие не менее решительные «реформаторы». А это означало, что коррупция и криминал еще крепче возьмут власть в объятия.

Победа А. Лебеда в Красноярске всколыхнула предвыборную гонку к президентским выборам 2000 года. Эксперты отмечали, что среди сторонников генерала имелись силы, экономические интересы которых могли быть реализованы только в случае развертывания процессов конфедерализации России. Эти или другие подобные силы могут найти «своего кандидата» не обязательно в лице А. Лебеда и не обязательно в Сибири. Важно то, что «партия власти» в центре и на местах зашла в тупик — экономический, идеологический, нравственный. Центр все более терял рычаги управления, утверждая, как отмечалось выше, что ныне ими никто не может воспользоваться. Но это «ныне» уже в прошлом. В 1998 году продолжалось движение в противоположную от прогресса сторону, а это не предвещало ничего, кроме еще большего упадка.

Отмеченные противоречия вызывали естественный вопрос о природе государственного образования, которое было создано в результате усилий исполнительной власти России. Федерацией его не назовешь, поскольку в его состав входят регионы, обладающие суверенитетом. Нельзя назвать его и конфедерацией, так как в него входят и регионы, не обладающие суверенитетом, и таких большинство. Следовательно, Россия имела признаки как федерации, так и конфедерации и, строго говоря, не принадлежала ни к одному из определений в полной мере.

По оценкам специалистов, такое государство не могло быть названо демократическим. В современном государстве с развитыми демократическими институтами все три ветви власти — исполнительная, законодательная и судебная — обладают реальной полнотой полномочий и деятельность каждой из них контролируется другими. В России же образца 1992—1999 годов и законодательная, и судебная власть находились в зависимости от исполнительной.

Интересна в этом плане позиция Е. Примакова. На

первых порах своей деятельности в качестве главы правительства он решительно заявил: сепаратизм регионов — вот основная угроза стабильности в России и предупредил, что новый кабинет министров не допустит развала страны.

На встрече с главами регионов премьер тоже недвусмысленно дал понять, что не потерпит «удельно-княжеского» подхода во взаимоотношениях регионов с центром, а губернаторов, нарушающих Конституцию, надо отстранять от должности. Мол, проект соответствующего закона уже готов и в ближайшее время будет направлен в Госдуму.

По мнению экспертов, этот закон имел все шансы получить одобрение депутатов, а при правильно организованной кампании и пройти через Совет Федерации.

Однако вскоре Е. Примаков согласился с мнением губернаторов о необходимости определенного перераспределения полномочий от федерального центра в пользу регионов.

Из досье «Российский федерализм с точки зрения зарубежных исследовательских центров, деловых кругов и спецслужб»:

Указанные организации тщательно изучают проблемы и перспективы развития российского федерализма, разрабатывают программы по «инициированию на местах процессов государственной суверенизации», а также рекомендации правящим кругам своих государств по усилению их влияния в российских регионах. Основной упор иностранцами делается на изучение глубинных причин экономического кризиса в России, а также социально-политической и экономической ситуации в российских регионах.

По мнению иностранных экспертов, до последнего времени федеральный центр не контролировал в должной мере ситуацию в регионах, что фактически привело к политическому и экономическому отдалению субъектов Федерации от Москвы. Высказываются опасения, что в случае дальнейшего обострения социальной обстановки местные власти могут предпринять попытки экспроприировать ликвидную собственность, в том числе иностранную, и ограничить свободу действий предпринимателей.

Западные бизнесмены и специалисты считают, что новое правительство России (возглавляемое Е. Примаковым. — В. Г.) будет вынуждено пойти на рублевую эмиссию и поэтому не должно рассчитывать на серьезную помощь международных финансовых организаций. В этом контексте необходимо рассматривать последние заявления ряда зарубежных банков об их возможном уходе с региональных рынков России.

Представители Тхе Банк оф Америка в Приморском крае заявили о том, что они сокращают до минимума программы технической помощи местным банкам и их кредитования, а в случае ухудшения ситуации покинут рынок российского Дальнего Востока. Большинство инвестиционных компаний с участием западного капитала не рассматривают возможности по инвестированию средств в российские ценные бумаги на местном фондовом рынке. Кроме того, прекращают свою деятельность в регионе фирмы среднего уровня, занимавшиеся поставками дорогостоящих товаров народного потребления длительного пользования.

Представители иностранных банковских структур, принявшие решение остаться на российских рынках, намерены сделать упор не на спекуляции ценными бумагами, а на вложение финансовых средств в реальные факторы экономики, прежде всего в региональный малый и средний бизнес, развитие конкретных инфраструктур.

Серьезную озабоченность в связи с последними политическими событиями в России и финансово-экономическим кризисом выражает китайская сторона. Изменение в правительстве России послужило причиной приостановления намечавшихся на лето и осень 1998 года мероприятий по реализации плана по транспортировке в Китай газа и электроэнергии из Иркутской области, сооружению двух очередей Люньюньганской АЭС, покупке российских самолетов, в том числе нового поколения Ил-96 и Ту-204. В рамках «большой» российско-китайской межправительственной комиссии на уровне премьеров в этом году еще не приступали к работе отраслевые подкомиссии, от которых зависит реализация данных проектов.

Указанные факторы подталкивают Китай к расширению прямых контактов с российскими регионами.

С целью выработки эффективного механизма указанного взаимодействия правительство КНР, с привлечением правительств приграничных провинций, наметило меры по реализации проекта создания приграничных инфраструктур. Китайцы намерены установить благоприятные торговые и налоговые режимы, построить новые рынки по отраслям, а также объекты сферы обслуживания.

Серьезные программы предлагаются Китаем в лесной и деревообрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве и отраслях, которые обеспечили бы доступ к ресурсам приграничных российских регионов.

Инициативные предложения федерального центра о предоставлении субъектам Российской Федерации финансово-бюджетной самостоятельности и наметившееся стремление иностранных государств к прямым контактам с российскими регионами могут выступить в роли стимуляторов процесса отдаления субъектов Федерации от центральной власти. Подтверждением этому служит недавнее введение многими субъектами Федерации запрета на вывоз продовольствия и разработка ими вариантов создания собственных банковских систем в условиях финансового кризиса.

Главным регионом этнополитической нестабильности в Российской Федерации оставался Северный Кавказ. Сложность ситуации в этом регионе определялась наличием очагов межнациональной напряженности и вооруженных конфликтов; усилением внутренних противоречий между политическими, религиозными и криминальными группировками; возрастанием угрозы дестабилизации обстановки и сепаратизма, провоцируемой спецслужбами США, Турции, Ирана, Иордании и Саудовской Аравии; широким распространением и разнообразием криминальных проявлений в кредитно-финансовой системе, внешнеэкономической деятельности, при реализации государственных экономических программ.

Снова обратимся к вышеназванному досье.

Указанные явления усугубляются продолжающимся спадом производства, лавинообразностью взаимных неплатежей предприятий и, соответственно, массовыми невыплатами населению заработной платы, пенсий и пособий. Криминализация обстановки достигла такого

уровня, что стала реально угрожать национальной безопасности государства.

Организованные преступные сообщества сосредоточили в своем распоряжении значительные финансовые средства, существенная часть которых направляется на воспроизводство экономической и общеуголовной преступности, на подкуп коррумпированных должностных лиц в органах государственной власти, в том числе в силовых структурах.

Наряду с финансовыми и материальными возможностями организованные преступные формирования располагают высокопрофессиональными специалистами в области экономики, финансов, компьютерных технологий, что позволяет им применять для достижения своих целей самые современные научно-технические методы и средства.

Преступные лидеры расширяют масштабы своего участия в политической жизни, лоббируют свои интересы во властных структурах всех уровней, оказывают влияние на ход выборов депутатов, провоцируют межнациональные конфликты. Организованная преступность пытается подменить собой систему государственных органов, а коррупция создает для этого необходимые предпосылки, так как ослабляет государственные институты и их способность эффективно воздействовать на процессы в обществе и экономике.

Быстрыми темпами набирает силу тенденция к переделу сфер влияния в регионе. Отдельными группировками создаются и активно пополняются базы данных о финансовом и материальном состоянии крупных чиновников, преступных авторитетов с целью последующего проведения акций по захвату заложников и «экспроприации» их собственности.

В регионе продолжается незаконное распространение оружия, территория Северного Кавказа все активнее используется для транзита и сбыта наркотиков.

Широко разветвленные преступные формирования активно действуют как на территории России, так и за ее пределами. Ими аккумулируются значительные финансовые средства, контролируются каналы нелегального оборота оружия, наркотиков, осуществляется контрабанда «живого товара» — «рабов», проституток. Этими группировками налажены устойчивые

преступные связи в ряде стран Ближнего Востока и Европы.

Увеличиваются масштабы террористической деятельности, часто используемой для достижения политических целей. Ряд этнических преступных группировок имеет тесные связи с местными политическими и экономическими элитами. Нередко корыстные мотивы в их деятельности переплетаются с политическими, что создает основу для блокирования с экстремистскими организациями, в том числе откровенно террористической направленности.

Перечисленные факторы формируют и углубляют у населения региона чувство неверия в способность Российского государства эффективно обеспечить защиту от противоправных посягательств. Как следствие, нарастает социальная пассивность.

Серьезное дестабилизирующее влияние на ситуацию в регионе оказывает обстановка в Чеченской Республике, где обостряется борьба между различными политическими группировками. В попытках отстранения А. Масхадова от власти З. Яндарбиев и М. Удугов стремятся заручиться поддержкой ваххабитов. Президенту ЧР ставится в вину неспособность нейтрализовать активность неподконтрольных вооруженных формирований, ухудшение экономической обстановки, в республике, а также высокий уровень преступности.

Все отчетливее проявляется стремление Чечни стать центром консолидации антироссийских сил на Северном Кавказе. На различных уровнях звучат призывы и обсуждаются планы объединения Чечни и Дагестана в единое теократическое мусульманское государство вне состава Российской Федерации.

В последнее время в рамках реализации идеи формирования единого кавказского политического и экономического пространства без участия России или с ее ограниченным участием при ведущей роли независимого чеченского государства заметно активизировалась деятельность «Общественно-политического союза Кавказской конфедерации» (ОПСКК) и организации кавказской солидарности «Кавказский дом» (КД). В перспективе в деятельность ОПСКК и КД планируется вовлечь Грузию, Азербайджан, Дагестан, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию и Ингушетию.

Экономические планы ОПСКК и КД связаны с созданием «шелкового пути», единого «таможенного братства» Чечни, Грузии, Азербайджана и Армении. Цель — экономический отрыв Кавказа от России, блокирование путей транспортировки через регион нефти и газа, навязывание России и другим государствам региона односторонне выгодных ОПСКК и КД условий экономического сотрудничества.

Кроме того, Грозный готов использовать возможности ОПСКК и КД для укрепления позиций Чечни в качестве лидера Кавказского региона, а также в интересах восстановления экономики республики. Об этом свидетельствует открытие в Лондоне в ходе пребывания А. Масхадова в Великобритании с частным визитом представительства «Кавказский Дом». Роль представительства состоит в координации усилий международных структур по созданию Кавказского общего рынка и Кавказского банка, призванных аккумулировать за рубежом ресурсы для экономического восстановления Чечни.

Несмотря на мирные программные цели и декларируемые демократические принципы деятельности ОПСКК и КД, участники конференций и съездов этих организаций в своих публичных заявлениях все чаще прибегают к языку ультиматумов. С их стороны нередко звучат обвинения в адрес Москвы, правительств Северной Осетии-Алании, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, которые якобы намеренно обостряют обстановку на Северном Кавказе.

Анализ свидетельствует о том, что южнороссийский регион и республики Северного Кавказа являются объектами активных устремлений неформальных структур.

Острота «чеченской» проблемы часто используется отдельными руководителями органов власти этих территорий как предмет спекуляций для достижения корыстных целей. Они устанавливают тесные контакты с представителями чеченской диаспоры в целях организации «теневого» бизнеса и в то же время абсолютно игнорируют официальные инициативы правительственных кругов ЧР по организации легального бизнеса и экономического сотрудничества в регионе, а также активно разыгрывают «чеченскую карту» для дискредитации неугодных им коммерческих структур.

В последнее время отмечается рост интереса Чечни к Карачаево-Черкесии, где продолжается противостояние между властью и оппозицией по вопросу о сроках проведения выборов главы республики.

Эксперты считают, что реальная острота «чеченской» проблемы на фоне отсутствия четких, скоординированных шагов местных и центральных органов власти и управления требует безотлагательной выработки адекватной позиции федерального правительства и единой концепции действий федеральных структур на этом направлении.

Непростая ситуация складывается в зоне осетино-ингушского конфликта. После проведения президентских выборов в Северной Осетии-Алании и Ингушетии ситуация не претерпела существенных изменений.

Анализ имеющейся информации подтверждает правильность решения федерального центра о создании единого органа государственного управления на Северном Кавказе, а также о передаче сил и средств силовых структур региона в единое подчинение. Однако важно не только создать такой орган, но и сделать его действенным орудием проведения федеральной политики.

К концу 1998 года большинство специалистов и политиков сходились во мнении о том, что реальная угроза целостности Российской Федерации существует, она остра и во многом исходит не только из регионов, но и, как это ни парадоксально, из федерального центра.

Слабость центра и его неспособность предложить, а в отдельных случаях и навязать общие «правила игры» создавали опасное напряжение в области федеративных отношений.

Поэтому региональные лидеры проявляли возрастающую активность в поиске путей совершенствования федеративных отношений. И хотя среди руководителей субъектов не было единства в конкретных деталях развития Федерации, поле для компромиссов сохранялось. В частности, большинство региональных лидеров в той или иной степени поддерживали идею восстановления вертикали власти.

Поскольку в этом же направлении работало и правительство Е. Примакова, то, возможно, еще до президентских выборов ожидалось реальные шаги по укреп-

лению, а кое-где и восстановлению вертикали власти в том или ином компромиссном варианте.

В этой связи несомненный интерес представляют мнения о путях сохранения Федерации некоторых глав ее субъектов, тем более что они исходили не от представителей оппозиции, а от региональных лидеров, вполне лояльных существовавшей власти.

Глава Совета Федерации Е. Строев считал, что о конфедеративном устройстве России ведут разговоры те, «кто захватил трубу с нефтью и газом. Они вокруг каждой нефтяной скважины хотели бы создать свое государство». Реализация конфедеративной идеи, по его мнению, приведет к обострению межнациональных отношений. Тем не менее современное состояние федеративных отношений неудовлетворительно и требует совершенствования.

По Е. Строеву, первый фактор усиления сепаратизма — отсутствие четкой политики по укреплению федеративных отношений. Второй фактор — уход государства из сферы экономики, что способствовало изоляционизму региональных рынков, и третий — отсутствие законов, регулировавших систему федеративных отношений. «В итоге мы получили дезинтеграцию в рамках Российской Федерации и понятие федерализма свели к национальным особенностям» — таково мнение председателя верхней палаты российского парламента.

В основу отечественной модели федеративных отношений, по мнению Е. Строева, должно быть заложено признание того факта, что регионы современной России — это не регионы бывшей РСФСР, а «равноправные субъекты, которые по своему статусу могут и должны принимать свои государственные решения». Для преодоления дезинтеграционных процессов правительству и главам субъектов Федерации необходимо приступить к совершенствованию законов, регулирующих федеративные отношения, и принять законы, упорядочивающие принятие нормативных актов, касающихся разграничения полномочий между субъектами и федеральным центром.

Отсутствие таких законов приводило к заключению «примитивных договоров» и соглашений по разграничению предметов ведения и полномочий между цент-

ром и территориями. Это происходило пока вне общих для страны принципов и законодательных норм, без четкого определения ответственности сторон в случае неисполнения взятых обязательств.

В таких условиях регионы получали возможность трактовать договоры и соглашения по-своему. Подобная практика порождала ситуацию, когда каждый из 89 субъектов Федерации взаимодействовал с федеральным центром на основе собственных правил игры. В таком случае это — «уже не федерация, это — всего-навсего союз договорившихся региональных и федеральных элит».

По мнению Е. Строева, необходимо внести уточнения в Конституцию РФ, касающиеся отношений федерального центра и субъектов: «Договоры должны соответствовать действующей нормативно-правовой базе, и в первую очередь Конституции страны». Правда, глава Совета Федерации признавал, что некоторые действующие договоры все же содержат «здоровые и крепкие идеи».

«Если сегодня стоит вопрос о необходимости изменения Конституции, то эти идеи надо обобщить и на их базе готовить новую Конституцию. После чего мы ее утверждаем и живем в поле федеративного, демократического государства, но на базе Основного закона», — подчеркивал Е. Строев. В этом случае Конституция может быть «в какой-то степени эксцентричной» в силу определенных национальных особенностей республик, но она будет единой и обязательной к исполнению для всех субъектов.

Позиция Е. Строева по вопросу необходимости выработки общих правил игры способствовала одобрению Советом Федерации 18 февраля 1999 года после четырех лет согласования федерального закона «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ».

Е. Строев выступал также за принятие федеральных законов, которые позволяли бы центру вмешиваться в решения субъектов, противоречащие действующим законам и Конституции РФ. По его словам, вертикаль государственной власти настолько «размы-

та и разрушена», что федеральная власть оказалась «безвластной и неспособной» реализовать даже собственные решения. «Власть конституционно не закреплена, и она даже не в состоянии помешать самоуправству властей в регионах, где идут массовые нарушения, вплоть до неуплаты налогов, отключения электроэнергии на военных объектах стратегического назначения», — отметил он. Такая неуправляемость становится хронической болезнью государства и федеральной власти.

В этой ситуации требуется целая серия законодательных актов, направленных на укрепление вертикали власти. Принять их надо как можно быстрее. В данном случае глава верхней палаты парламента выражал позицию, к которой склонялись многие сенаторы, — о необходимости принятия конституционного закона «О федеральном вмешательстве».

Российская модель федерализма, по мнению Е. Строева, должна базироваться на бюджетном федерализме. В России центр продолжает аккумулировать значительную часть финансовых ресурсов, а потом «наделяет» ими регионы. Причем часто средства получают не особо нуждающиеся, а те, кто сумел для себя больше выбить льгот. С развитием бюджетного федерализма тесно связана необходимость «передачи части собственности (особенно малого производства), находящейся в субъектах, непосредственно регионам и местному самоуправлению», поскольку, «несмотря на уменьшение общегосударственной собственности, размеры ее и сегодня таковы, что центр ею эффективно не управляет». «Что касается крупных производств — необходимо создавать корпорации, государственные центры, подконтрольные правительству».

Похожий путь предлагается и в отношении собственности на природные ресурсы: «Правительство могло бы подготовить реестр федеральной собственности месторождений полезных ископаемых», которые имеют общенациональное значение (*«Российская Федерация сегодня»*, 1998, № 15; 1999, № 4; *«Федерализм»*, 1998, № 2; *«Парламентская газета»*, 12 октября 1998 г.; 21 января 1999 г.).

Московский мэр Ю. Лужков также остро чувствует

эту проблему. Он подчеркивал, что неурегулированность федеративных отношений в условиях permanently обостряющегося экономического кризиса усиливает тенденцию экономической и политической самоизоляции все большего числа субъектов РФ.

Ряд региональных лидеров просто вынужден принимать направленные на самоизоляцию решения, мотивируя их отсутствием иного пути спасения регионального хозяйства и социальной сферы.

Однако мэр Москвы считал, что пойти по пути установления субъектами Федерации в одностороннем порядке размеров отчислений в федеральный бюджет — вплоть до отказа от отчислений — значит обречь Россию на распад. Выход здесь один — следует оговорить четкие, определенные, ясные и выполняемые всеми взаимовыгодные правила.

Что имел в виду столичный мэр? Прежде всего следует решительно отказаться от попыток строить новую государственность на принципах только нормативного усиления центральной власти. Далее, федеративные отношения должны строиться на единстве социально-экономических и институционально-правовых начал — на основе единой фискальной политики. И наконец, в основу экономического устройства РФ нужно положить соединение прагматического подхода и добровольного, равного ограничения свободы всех субъектов Федерации во имя общих интересов, делегируя центру функции, которые ему выполнять сподручнее.

Взаимодействие центра и регионов должно осуществляться в рамках единой фискальной политики. Без нее получится «рыхлое» государство, и это еще больше усугубит опасность потери самой государственности. Проведение единой фискальной политики — это значит внедрение в практику принципов корпоративного бюджетного федерализма, что, в свою очередь, предполагает соблюдение равенства субъектов Федерации как членов единой хозяйственной корпорации.

Московский лидер предлагал ввести два показателя: налоговый потенциал и нормативную бюджетную потребность территории. Первый показатель ха-

рактизует все ресурсы, пригодные для производства товаров и услуг. Второй позволяет оценить с учетом климатических особенностей ресурсы, необходимые для поддержания развития налогового потенциала территории.

На основе этих показателей принципы корпоративного бюджетного федерализма сводились к двум условиям: к равной (в процентном отношении) загрузке налогового потенциала и равной (в процентном отношении) бюджетной обеспеченности территории.

При использовании такого принципа каждый дотационный регион стремился бы стать самодостаточным, так как в бюджетные потребности включалась бы и потребность в поддержке и развитии налогового потенциала. То есть на наращивание богатства самого региона, его производительных сил. Ему в таком случае не понадобилось бы прятать свое богатство, свой налоговый потенциал. При предлагаемом Ю. Лужковым подходе Федерация строилась бы не на национальных, а на взаимовыгодных экономических принципах (*«Федерализм», 1998, № 4; «Парламентская газета», 1998, 14 октября*).

Самарский губернатор К. Титов хотя и считает, что строительство Федерации идет не безуспешно, поскольку «есть разделение позиции по властям, есть исполнительная вертикаль власти во главе с президентом. Есть представительные органы власти, которые тоже разделены по уровням, по этажам власти: Россия — центр, субъекты Федерации, автономные округа, муниципалитеты», но все же подчеркивает, что «это лишь первые шаги».

Позиции самарского губернатора по проблемам развития федеративных отношений сводятся к следующему.

Во-первых, нет необходимости пересматривать структуру Федерации. В частности, «тезис о том, что национальные республики должны прекратить свое существование, надо вообще перестать озвучивать».

Во-вторых, «тупиковая ситуация возникла потому, что рамки возможностей субъектов Федерации стали тесными, самостоятельности практически нет. Мы никак не поймем, что на уровне высшей государственной

власти, а именно центра, Государственной думы — законы должны стать в основном рамочными, указывающими путь и направление и дающими возможность думать представительным органам в субъектах Российской Федерации».

Например, если бы Земельный кодекс был рамочный, в нем было бы записано: «Каждый субъект Федерации в соответствии с решением представительного органа власти или даже референдума определяет форму собственности на землю». Уголовный кодекс тоже должен учитывать национальные моменты.

В-третьих, необходимо решить проблему раздела собственности, поскольку в нормальном федеративном государстве «есть земли федерации, есть земли субъектов федерации, есть земли муниципалитетов» (*«Российская Федерация сегодня», 1998, № 13; «Российские регионы: путь в новое тысячелетие. Круглый стол». М., 1999*).

Губернатор Саратовской области Д. Аяцков отмечает, что для успешного преодоления кризиса «нужны изменения в государственном устройстве» посредством созыва Конституционного собрания».

В области федеративных отношений, по его мнению, необходимо преодолеть противоречие между продекларированным в Конституции равенством субъектов Федерации и практическим разделением на привилегированных и ущемленных в правах.

В последнее время губернатор Саратовской области активно выступал за то, чтобы в России «была жесткая вертикаль власти, а губернаторы были подотчетны президенту и правительству». Д. Аяцков поддержал инициативу премьер-министра Е. Примакова о внесении изменений в Конституцию по усилению вертикали власти.

Председатель правительства РФ предложил, чтобы законодательные собрания субъектов Федерации избирали глав администраций по представлению президента и освобождали по тому же представлению. Такая же схема, считал Е. Примаков, может действовать и на отрезке между губернаторами и местными органами власти. В случае реализации этой идеи Д. Аяцков не опасался «случаев произвола в отношении губернато-

ров со стороны федерального центра», поскольку видел защиту в лице представительных органов власти.

«Если законодательное собрание области признает, что глава администрации не нарушал Конституции и местных законов, а область под его руководством развивается успешно, депутаты могут направить ответное письмо президенту и объяснить в нем причины своего отказа снять губернатора с его поста». Объясняя, почему он поддерживает предложение премьер-министра, сенатор отметил также, что выборы — «это слишком дорогое удовольствие».

По мнению саратовского губернатора, «существует и другой вариант укрепления вертикали власти, при котором полномочия избранного главы администрации региона президент подтверждает своим указом. Органы местного самоуправления вовсе не надо выбирать, «а создавать на общественных началах по типу кондоминиумов».

Д. Аяцков считает, что «модель управления Саратовской областью могла бы стать моделью для построения системы управления всей Россией, скроенной сегодня по типу «германо-американских лоскутков». В Саратовской области просто немыслима ситуация, когда какой-то глава вдруг начнет говорить о своей обособленности, самостоятельности возглавляемого муниципального образования на том основании, что он избран народом. А в масштабах России — это сплошь и рядом. Потому-то мы и заложили в местном законодательстве такую норму, что избранный глава может быть освобожден от занимаемой должности за такие-то и такие-то проступки» (*«Независимая газета», 15 сентября 1998 г.*).

Губернатор Приморского края Е. Наздратенко полагает, что «сегодня уже стала реальной опасность дезинтеграции России, уже запускаются механизмы сепаратистских процессов. Один за другим субъекты Федерации заявляют о бойкотировании федеральных налогов».

Но главными виновниками дезинтеграции являются не руководители регионов, а те, кто «долго и систематично создавал благодатную почву для развала

страны, прежде всего определяя неравные права для субъектов Федерации».

Приморский губернатор выступает против заключения договоров о разграничении полномочий между центром и регионами. На фоне недействующих конституционных норм они лишь усугубляют противоречия в федеральном устройстве. На это накладывается «диспропорция в распределении бюджетных средств на душу населения в различных краях и областях и униженный подход к распределению так называемых трансфертов, когда люди становятся заложниками субъективного отношения центра к тому или иному руководителю территории».

Е. Наздратенко считает, что либеральные реформаторы актуализировали принцип «разделяй и властвуй», искусственно противопоставляя губернаторов федеральному правительству, а мэров — губернаторам.

Для обеспечения целостности Российского государства, по мнению приморского губернатора, необходимо предпринять следующие действия.

Прежде всего обеспечить государственный контроль над естественными монополиями: энергетикой, железными дорогами, нефтегазовой промышленностью. Необходимо также принять усредненные тарифы на электроэнергию по всей стране.

К числу приоритетных Е. Наздратенко относит сохранение единой финансовой системы, поэтому крайне опасным является отказ отдельных территорий перечислять федеральные налоги.

Все силовые структуры должны подчиняться центру и замыкаться на нем.

«Не может быть единого государства и без сохранения единой судебной системы, — подчеркивает приморский губернатор. — Вот почему я крайне отрицательно отношусь к идее создания судебной системы в субъектах Российской Федерации, формируемой и финансируемой местной властью самостоятельно».

Е. Наздратенко высказывался за восстановление в России института вице-президентства, наделения его функциями постоянного контакта с президентами республик РФ, губернаторами и главами администраций

краев и областей и одновременно управлением монополиями, такими, как РАО «ЕЭС», «Газпром», железнодорожный транспорт (*«Независимая газета»*, 28 октября 1998 г.; *«Труд»*, 7 октября 1998 г.; *«Российская газета»*, 3 октября 1998 г.; *«Парламентская газета»*, 9 июля 1998 г.; *«Известия»*, 25 февраля 1998 г.).

Свердловский губернатор Э. Россель придерживается точки зрения сторонников «жесткой централизованной» федерации.

Одним из реальных путей предотвращения распада страны, по его мнению, является восстановление управляемости страной, построение жесткой властной вертикали.

«Я, — отмечает он, — как губернатор сейчас практически лишен всяких рычагов влияния на органы местного самоуправления на территории области. И если, к примеру, мы принимаем важнейшую программу энергоснабжения, то она становится не обязательной для городов и поселков, а рекомендательной. То же самое и с постановлениями федерального правительства. В регионах они могут и не выполняться вовсе — никто за это не ответит. Губернатор должен иметь право снять с работы мэра областного города за невыполнение решений областного правительства. Равно как президент должен иметь такое же право по отношению к главам субъектов. Иначе страна никогда не станет управляемой».

Свердловский губернатор считает, что страна «должна вернуться к тому территориальному устройству, которое существовало в России до 1917 г.».

Проект создания Уральской республики был «образом губернского устройства России, разделенной не по национальному, а по территориальному принципу». Создание Уральской республики преследовало цель показать, что в России должно быть однотипное государственное территориальное устройство, с одинаковым названием и без признаков национальности.

Однако Э. Россель понимает, что «в сложившихся обстоятельствах такой «передел» России невозможен. Нужны терпение, постепенная, настойчивая работа, всемерное развитие экономических связей между регионами, которые в конце концов придут к пониманию

того, что губернский, территориальный принцип не только выгоден экономически, но и безусловно оправдан с точки зрения целостности нашего государства, избавления от угрозы разного рода сепаратизма».

Свердловский губернатор полагает, что прообразом таких территориальных образований будущей России уже сейчас являются региональные ассоциации (*«Парламентская газета», 17 июля 1998 г.; «Коммерсантъ», 6 мая 1998 г., 9 октября 1998 г.*)

Красноярский губернатор А. Лебедь выделяет две основные проблемы федеративных отношений.

Первая — разрушение вертикали власти в ситуации, когда отсутствие у большинства регионов и органов местного самоуправления ресурсов для исполнения своих функций делает их зависимыми от центра. «По поспешности или неразумности вертикаль власти была разрушена. Между избранным президентом и избранным губернатором зияет правовая брешь — как может воздействовать избранный президент на избранного губернатора? Отстранять, наказывать? Та же правовая брешь в настоящее время зияет между губернатором и местным самоуправлением».

Он подчеркивает: «Я понимаю так, что если я самодостаточен, то и самоуправляем. А если я на 96 процентов дотационный, каждый день бегу куда-нибудь чего-нибудь просить. Так не бывает, не должно быть. Такое самоуправление просто смешно».

Вторая проблема, по А. Лебедю, — отсутствие формально закрепленных «правил игры» на федеративном поле: «Должны быть обозначены и общие принципы разделения полномочий, а сегодня у нас полномочия делятся каким-то странным образом — это зависит от массы субъективных причин».

По мнению А. Лебеда, есть только один путь сохранения целостности России: «Центру нужно передать только те полномочия, которые никто, кроме него, выполнять не может. Остальные функции и полномочия вместе с львиной долей налогов нужно оставлять регионам».

Задача регионов — платить по договоренности налоги на выполнение этих государственных функций. Таких функций десятка полтора-два — внешняя по-

литика, оборона. Все остальные средства должны идти на обеспечение собственной жизнедеятельности регионов («Коммерсантъ», 8 июля 1998 г.; «Независимая газета», 2 июня; «Новые известия», 17 октября 1998 г.).

А теперь — о позиции национальных республик. Наиболее активны и последовательны в отстаивании своего «особого» статуса руководители Татарстана.

На совещании в Москве 26 января 1999 года по проблемам федеративных отношений президент Татарстана М. Шаймиев заявил о необходимости строго учитывать особенности национального состава субъектов Федерации и предложил создать «палату национальностей либо найти какую-то другую форму, так как без этого нельзя построить демократическое государство».

Он считает, что Федерация не может быть симметричной: «Не может, потому что есть республики, которые в Конституции РФ признаны государствами. В этих республиках есть коренные народы, которые являются государствообразующими, и не считаются с этим невозможно».

Подводя итоги развития республики в рамках Федерации, М. Шаймиев подчеркнул: «Татарстан не позволит в одностороннем порядке менять свой статус, и ни на йоту не отступит от того, что записано в договоре».

М. Шаймиев напомнил, что договор Татарстана с Россией стал документом, снявшим острейшую конфликтную ситуацию. В начале 90-х годов национальные партии требовали выхода республики из состава России, парламент «с трудом уходил от вопроса провозглашения полной независимости». Разрешить эту проблему удалось только благодаря договору, закрепившему «формулу двусторонних отношений, устраивающих и республику, и федеральный центр».

Президент Татарстана назвал нецелесообразными попытки уравнивать республики Федерации с областями и краями. В России неизбежна ассиметричная федерация как отвечающая существующему многообразию национальных регионов.

Эту ассиметричность негативно может усилить предполагаемый союз России с Белоруссией, будущее

которого М. Шаймиев оценивает как «весьма иллюзорное и неопределенное». По его мнению, «решение экономических проблем страны во многом связано с последовательной федерализацией всех структур».

Председатель Госсовета Республики Татарстан М. Мухаметшин считает, что возможность выйти из состава Федерации является неотъемлемым правом для республик, являющихся по Конституции РФ национально-государственными образованиями. «Это вытекает из права народов на самоопределение, закрепленного в международных пактах о правах человека, а также в Хельсинкском акте. О выходе из Федерации не возникнет и речи, если она будет построена путем делегирования полномочий снизу. Если же ее создавать методом нанизывания на какой-то стержень сверху, могут возникнуть условия, которые не всех устраивают».

Ф. Мухаметшин также защищает асимметричную структуру Российской Федерации: «Регионы разнятся по численности населения, природно-ресурсному, научному, экономическому потенциалам. Политические права у всех субъектов должны быть одинаковыми, но подходить к ним с одной экономической или налоговой меркой будет неправильно» (*«Известия», 12 февраля 1999 г.; «Регионы России: путь в новое тысячелетие. Круглый стол». М., 1999; «Российская Федерация сегодня», 1999, № 4; «Российская газета», 20 февраля 1999 г.*).

Лидеры Татарстана и Башкортостана активно выступали против принятия закона «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ».

Этот закон был принят Госдумой 12 февраля и одобрен 18 февраля 1999 года Советом Федерации 119 голосами «за» при 17 — против и одном воздержавшемся. С учетом их позиций срок реализации принятого закона был увеличен с полугода до трех лет.

По словам лидера Республики Башкортостан М. Рахимова, ряд руководителей регионов намерены были направить президенту РФ Б. Ельцину официальное письмо с просьбой не подписывать этот документ.

По мнению главы Башкортостана, данный закон ущемлял интересы не только республик, но и самого президента России, подвергая жесткой ревизии и пересмотру ранее подписанные им договоры и соглашения. По сути, этот закон «обрекал на пересмотр все 49 договоров с субъектами Федерации в плане их полного «клонирования» и обезличивания», считал М. Рахимов. В интересах же государства, по его словам, учитывать особенности каждого субъекта Федерации и особенно национально-территориальных образований и соблюдать уже работающие соглашения и договоры.

Одновременно президент Башкирии положительно оценил намерение губернатора Самарской области К. Титова создать избирательное объединение региональных лидеров «Голос России». Однако, по его мнению, эта инициатива «может быть реализована и подержана в Башкортостане при условии, что ни один из региональных лидеров не будет претендовать на роль ведущего». При этом все силы и координация действий должны быть направлены на продвижение в Государственную думу людей, представляющих интересы регионов, поскольку эти интересы в законодательном органе практически никем не представляются.

Таковы вкратце основные позиции, которые излагались региональными лидерами при обсуждении проблемы целостности и дезинтеграционных процессов на территории страны. Безусловно, идеи, сформулированные лидерами регионов, весомы, нестандартны и требовали углубленного изучения, интегрирования, обсуждения как во всех ветвях власти, так и среди общественности.

Не исключено, наверное, что решение вопроса — в принятии конституционного закона «О федеральном вмешательстве».

Другое направление, на котором возможно было продвижение по пути совершенствования федеративных отношений, — принятие законов, определяющих общие правила федеративных отношений. Позиции правительства и большинства руководителей субъектов по этой проблеме сближались.

Однако, по мнению специалистов, было несколько

существенных препятствий как восстановлению вертикали власти, так и закреплению общих правил игры для всех субъектов РФ.

Во-первых, позиция лидеров национальных республик, которые не согласны терять свои преимущества во взаимоотношениях с центром. Во-вторых, различия в подходах к развитию федеративных отношений между президентом и правительством. И в-третьих, многие предложения по совершенствованию Федерации требовали конституционных изменений, реализация которых вряд ли была возможна, по крайней мере до проведения общенациональных выборов.

А теперь — о современной региональной политической элите России. Эта тема приобретала актуальное звучание накануне приближавшихся парламентских и президентских выборов.

Традиционные региональные советские элиты терпели существенные изменения. В прошлое ушел номенклатурный принцип их формирования, хотя имевшиеся нововведения носили скорее эволюционный, чем революционный характер. Это было связано со значительно более медленными темпами реализации реформаторского курса на региональном, чем на федеральном уровне. В провинции, как правило, не происходило крутой ломки сформированных ранее институтов власти. Исключение составили лишь некоторые крупные индустриальные центры, мэрами которых были избраны представители демократических сил, например, Санкт-Петербург при А. Собчаке (1991—1996 гг.) или Владивосток в первый период правления В. Черепкова (1993—1994 гг.).

«Старой» элите удалось удержать основные господствующие позиции в регионах. Если на федеральном уровне факты перехода в российское правительство министров союзного кабинета можно было рассматривать как достаточно редкие исключения (В. Черномырдин, О. Сосковец, С. Хаджиев), и даже наиболее либерально настроенные министры (Н. Воронцов, В. Щербаков) не смогли занять посты в российских властных структурах, то даже в самых «радикализованных» регионах представители «старой» элиты всегда присутствовали в верхних эшелонах власти.

Исключения делались лишь для функционеров,

поддержавших в той или иной степени ГКЧП, а также для «знаковых» фигур, занимавших посты секретарей обкомов КПСС, — они стали жертвами процесса «срезания верхушки» региональной политической элиты. Значительно реже такая участь ожидала председателей облисполкомов. Они выбывали из властной элиты, если сами не становились губернаторами — иметь у себя в подчинении бывшего начальника не рискнул ни один вновь назначенный глава администрации.

«Старые» кадры благополучно руководили большинством регионов, занимая посты не только губернаторов, но и их ближайших сподвижников — вице-губернаторов, глав правительств, министров. Правда, определенная часть «старых» кадров оказалась временно оттесненной от власти после роспуска Советов в 1993—1994 годах. Однако многие из них уже вскоре сумели восстановить или почти восстановить утраченные позиции, став депутатами местных законодательных собраний, а наиболее удачливые — даже депутатами Совета Федерации. Тот же В. Густов из Ленинградской области.

Но самое сильное кадровое обновление региональной элиты произошло в 1996 году. Тогда в 32 регионах России пришли к власти новые губернаторы, а 26 «старых» подтвердили свои полномочия. В наибольшей степени процесс обновления затронул края, области и автономные округа. Власть сменилась в 24 краях и областях из 55, в пяти автономных округах из 10.

Масштабы обновления были весьма велики, поскольку каждый новый губернатор привел с собой свою команду, в большинстве регионов избрали глав местного самоуправления в районах, городах и других населенных пунктах. Одновременно по всей России прошла волна выборов в местные законодательные собрания.

Кто же они, эти новые региональные лидеры, чего они добивались, как строили свою «внутреннюю» и «внешнюю» — в отношениях с центром и соседями — политику? Интересный анализ провел на эту тему Центр политических технологий. Какая же вырисовывалась картина?

Большинство новых губернаторов пришли к власти при активной поддержке левой оппозиции и прежде

всего КПРФ. Это были не просто новые руководители, но и носители другой политической культуры в сравнении с их предшественниками, которые пострадали за свою неудачную социально-экономическую политику или элементарную бездеятельность.

Если быть точным, то 20 новых губернаторов из 32 на выборах изначально поддерживались Народно-патриотическим союзом России (НПСР). То есть две трети «новичков» шли к власти под оппозиционными лозунгами. Из этих 20 лидеров девять были членами КПРФ («красные губернаторы»), остальные относились к числу беспартийных оппозиционеров («народно-патриотические губернаторы»).

Оппозиция добилась видимых успехов в основном в Центральной России и в Центрально-Черноземном районе (В. Шершунов в Костромской области, В. Сударенков в Калужской, В. Стародубцев в Тульской, В. Любимов в Рязанской, Н. Виноградов во Владимирской, А. Руцкой в Курской, Ю. Лодкин в Брянской, И. Шабанов в Воронежской), на которые пришла почти половина ее побед. Именно в традиционной русской провинции победа чаще всего доставалась коммунистам (В. Стародубцев, В. Любимов, Н. Виноградов, Ю. Лодкин, И. Шабанов). К этому списку добавляются регионы Северного Кавказа (Краснодарский и Ставропольский края, где победили Н. Кондратенко и А. Черногоров), Поволжья (Н. Максютя в Волгоградской области), Волго-Вятского района (В. Кислицын в Марий Эл, В. Сергеенков в Кировской области), Ленинградская область (В. Густов), а также отдельные восточные регионы страны (П. Сумин в Челябинской области, О. Богомоллов в Курганской, А. Тулеев в Кемеровской, А. Белоногов в Амурской, А. Суриков в Алтайском крае, А. Боковиков в Эвенкийском автономном округе).

В трех регионах новые губернаторы пришли как представители «партии власти». Так было в Нижегородской и Иркутской областях после отставок действовавших губернаторов Б. Немцова и Ю. Ножикова. Их места в результате выборов заняли мэры областных центров И. Склярлов и Б. Говорин. Типологически близкая ситуация имела место в Агинском Бурятском автономном округе. Там первые выборы закончились

безрезультатно, во вторых выборах губернатор Б. Аюшиев участия не принимал, поскольку был назначен вице-губернатором местной «метрополии» — Читинской области. Фактическим кандидатом «партии власти» стал депутат Госдумы Б. Жамсуев, который и выиграл выборы.

В остальных девяти регионах возникли разного рода промежуточные ситуации. Если исходить из bipolarной модели выборов, то здесь можно было сказать, что победа досталась «третьей силе». В четырех регионах победители получили в конце кампании поддержку НСПР, но уже не могли считаться настоящими «народно-патриотическими» кандидатами. Еще в пяти регионах победители обыграли действовавших губернаторов, не пользуясь поддержкой НПСР.

Специфика ситуации заключалась в том, что новые губернаторы были не такие уж и «новые». Преждевременно говорить о формировании действительно новой региональной элиты, не имевшей корней в партийно-советской номенклатуре. Самым распространенным сценарием была замена одного представителя старой элиты на другого. В целом ряде регионов к власти вернулись прежние руководители.

Предметом тщательного изучения аналитиков Центра политических технологий стали отношения новых лидеров регионов с центром и отношение к ним центра.

В большинстве случаев победу одержали те, кто шел к власти под оппозиционными лозунгами, кто жестко критиковал не только действовавшую региональную власть, но и федеральный центр. В ряде случаев критика была очень резкой и радикальной. Могло даже показаться, что дело шло к серьезному конфликту между центром и регионами, к формированию сплоченной группы оппозиционных субъектов Федерации. Под влиянием предвыборных страстей высокопоставленные представители центра, прежде всего из команды А. Чубайса, не скрывали своего недовольствия по поводу победы ряда оппозиционных деятелей. Так, Ю. Лодкин был назван самым одиозным из числа победителей губернаторских выборов. Федеральные власти очень холодно отнеслись к А. Черногорову,

Е. Михайлову и другим, составив для себя группу так называемых «неприемлемых» губернаторов.

Казалось, конфликта не избежать.

Однако через некоторое время в политике федеральных властей наметились существенные сдвиги. Верх взяли трезвый расчет и здравая прагматическая оценка новой ситуации. «Красные» губернаторы стали реальностью российской политики и были признаны центром как неотъемлемая, «нормальная» часть властной вертикали. Правда, предпринята была попытка отторгнуть от «партии власти» совсем не «красного» Е. Наздратенко.

Короче, федеральные власти начали сложную игру с новыми губернаторами, подразумевавшую, с одной стороны, их инкорпорацию в сложившуюся систему власти, а с другой стороны — создание ограничителей для их деятельности. Включение новичков в «партию власти» проводилось с помощью нескольких инструментов. Основные из них — заключение договоров о разграничении полномочий и решение социально-экономических проблем регионов в ходе встреч с губернаторами президента и премьер-министра РФ.

По мнению аналитиков Центра политических технологий, федеральная власть продемонстрировала, что отнюдь не считает новых губернаторов «париями» и готова не принимать во внимание их любую оппозиционность, выпады против президента и правительства, а также отсутствие связей в столице. Периодические встречи президента с губернаторами использовались для того, чтобы показать новичкам отсутствие у федеральной власти стремления делить губернаторский корпус на «партию власти» и «оппозицию».

На первую встречу в Б. Ельциным были отобраны 10 губернаторов, из которых ровно половина относилась к числу новичков, избранных при поддержке оппозиции. Это были А. Черногоров, Н. Максюта, В. Сергеенков, Л. Горбенко и В. Муха. Власть явно демонстрировала свои намерения развивать отношения с новыми лидерами таких крупных и стратегически важных регионов, как Ставропольский край и Волгоградская область, и их членство в КПРФ не стало

препятствием. Президент встретился, причем тет-а-тет, даже с одним из самых своих радикальных критиков — бывшим членом ГКЧП В. Стародубцевым. В ходе своего визита в Санкт-Петербург Б. Ельцин встречался с губернатором Ленинградской области В. Густовым. В одном из выступлений президента на заседании Совета Федерации публичной похвалы удостоилась Владимирская область, которую возглавлял коммунист Н. Виноградов.

Еще одной формой «приема» новых губернаторов в «партию власти» стало заключение договоров о разграничении полномочий. Не секрет, что порядок подписания этих крайне важных для регионов соглашений определялся не только скоростью подготовки документов и разворотливостью регионов, сколько политической целесообразностью для центра. Аналитики делали вывод: федеральная власть сознательно шла на эксперимент с рядом новых губернаторов.

В этом убеждал прецедент Ю. Лодкина. В 1993 году брянский губернатор был в числе самых ярых противников Б. Ельцина. Тогда Ю. Лодкин, единственный губернатор-коммунист, подвергся остракизму и во время сентябрьско-октябрьских событий был уволен, невзирая на его статус всенародно избранного. Спустя несколько лет он в числе первых «красных» губернаторов получил договор о разграничении полномочий, которого ждали многие его коллеги.

Согласно выводам Центра политических технологий, новые губернаторы стали объектами «ухаживания» со стороны всех ведущих фигур российской элиты. Это «ухаживание» преследовало сразу несколько целей. Федеральный центр как единый политический институт поставил перед собой стратегическую задачу оторвать новичков от оппозиции, «приручить» их и сделать органичной частью «партии власти». Кроме того, отдельные российские лидеры начали свою игру с новыми губернаторами, преследуя личные политические цели с прицелом на будущие президентские выборы. Эта работа велась с учетом того, что «опозиционные» губернаторы скептически оценивали шансы Г. Зюганова на будущих президентских выборах и при определенных условиях способны были под-

держат кандидата «партии власти», например, В. Черномырдина, Ю. Лужкова или сохранить полный нейтралитет.

Большое внимание федеральные власти уделяли отрыву от оппозиции ее наименее устойчивых представителей. Центр поставил перед собой первостепенную задачу привлечь «независимых» и умеренно оппозиционных губернаторов. Эти региональные лидеры и сами стремились к конструктивному сотрудничеству с Кремлем. Пример А. Руцкого представлялся наблюдателям крайним и свидетельствовал скорее о политическом дилетантизме новоявленного курского губернатора. А вот более опытные политики, стоявшие на левоцентристских и центристских позициях, показали осознанное желание взаимодействовать с Кремлем и сами пошли ему навстречу.

Федеральный центр проявил особое внимание к группе «неустойчивых» губернаторов. В. Цветков и Ю. Евдокимов получили договора о разграничении полномочий, В. Густов — поддержку в реализации стратегически важных проектов портового строительства и орден Почета, Л. Горбенко в составе группы губернаторов встречался с президентом, а затем ему нанес визит российский премьер.

Лишь к А. Лебедю (брату генерала) федеральная власть отнеслась настороженно, хотя хакасский премьер сам стремился как можно быстрее встретиться с главой российского кабинета министров. Одно время были попытки дискредитировать А. Лебедея-младшего, в том числе в центральных СМИ, что заставило его выступить с резким заявлением: «Республику пытаются превратить в полигон политической борьбы». Но постепенно и он вписался в систему.

Интересным ходом «партии власти» представлялось ряду наблюдателей назначение губернатором Кемеровской области А. Тулеева. Вспоминали, что одним из первых губернаторов, назначенных Б. Ельциным еще в конце августа 1991 года, был радикальный демократ М. Кислюк. Последним ельцинским назначенцем в 1997 году стал его непримиримый противник, известный оппозиционер-харизматик А. Тулеев.

Уже после президентских выборов 1996 года, на

которых А. Тулеев снял свою кандидатуру в пользу Г. Зюганова, он продемонстрировал стремление влиться в «партию власти» и был назначен министром российского правительства, сохраняя за собой пост заместителя председателя НПСР. И вот в 1997 году федеральный центр пошел на то, чтобы назначить его губернатором в ситуации, когда победа А. Тулеева над М. Кислюком была неизбежной.

«Партия власти» не просто признала сложившуюся в Кузбассе политическую реальность и опередила события. Оппозиция могла считать это своей победой и индикатором признания своей роли в политическом процессе, но А. Тулеев был изящно превращен в «системного оппозиционера», причем Кремль оказал ему большую помощь перед выборами. Фоном политических баталий в Кузбассе была борьба за Западно-Сибирский металлургический комбинат. По мнению наблюдателей, в этой борьбе совпали интересы А. Тулеева и группы «Альфа», поддерживаемой А. Чубайсом. Не случайно в центре было раздуто «дело Коняхина» — единственного мэра, неугодного А. Тулееву, которое взял под свой контроль сам президент. Он также снял с должности своего представителя А. Малыхина, противника А. Тулеева.

События в Кемеровской области еще раз показали изменение парадигмы отношений между властью и нерадикальной частью оппозиции. Вместо противостояния речь шла о втягивании наиболее ярких и адекватных представителей оппозиции во власть и формировании системы взаимных обязательств сторон. Что нужно для уничтожения оппозиции? Необходимо дать ей кусочек власти. Федеральный центр действовал в соответствии с этой логикой.

Да и вся ситуация с новыми губернаторами свидетельствовала о том же. Оппозиция завоевала кусочек власти на выборах, и ее лидеры вошли не просто во власть, но в уже созданную систему отношений со своими правилами игры. Чтобы инкорпорировать «оппозиционных» губернаторов в систему, федеральный центр создал для них благоприятный политический фон.

Хотя было бы наивным полагать, что политика

федерального центра сводилась лишь к заигрыванию с новыми губернаторами, а политика губернаторов — к прагматизму и лояльности. Далеко не все новички пользовались вниманием и «лаской» федеральных властей. В Кремле по-прежнему достаточно холодно относились к Е. Михайлову и В. Любимову, не жалуя их особым вниманием. В центральных СМИ порой просматривались кампании по дискредитации губернаторов В. Стародубцева, А. Руцкого, Н. Кондратенко, Ю. Лодкина. Со своей стороны новые губернаторы предпочитали проводить в рамках регионов свою политику, а не «младореформаторский» курс. Однако разжигать конфликт на федеральном уровне не стали ни «федералы», ни «регионалы». Тем не менее в федеральном центре проводилась политика «сдерживания» если не всех, то хотя бы части новых губернаторов. Инструментами сдерживания стало местное самоуправление и представители президента.

В 1998—1999 годах темы развития местного самоуправления и расширения полномочий представителей президента были самыми горячими. Оба института были призваны сдерживать региональную «вольницу», необходимость их укрепления объяснялась как раз «опасностью», которую представляли всенародно избранные и не в меру самостоятельные губернаторы, прежде всего — «оппозиционные». Правда, в качестве полигона был избран Приморский край. Развитие и укрепление этих «параллельных» политических институтов действительно могло ослабить губернаторов.

Обращал на себя внимание процесс замены представителей президента, который коснулся прежде всего тех регионов, в которых сменились губернаторы. В целом ряде случаев новыми представителями президента были назначены представители проигравшей команды. В Рязанской области «оком государевым» был назначен бывший губернатор Г. Меркулов, что вызвало резкую реакцию нового губернатора В. Любимова. В Ставропольском крае проигравший выборы П. Марченко оказался представителем президента по краю и ряду республик одновременно. Уволенные вице-губернаторы заняли посты представителей президента в Челябинской области, Краснодарском крае, Волгоградской, Владимирской и Курганской областях.

Для ограничения амбиций новичков использовали и местное самоуправление — глав районных и городских администраций. Одним из инструментов непосредственной работы с местным самоуправлением стали телефонные разговоры Б. Ельцина с руководителями районов и городов, которые воспринимались губернаторами как нарушение субординации и своеобразное предупреждение. Показательно, что почти все такие звонки были сделаны в регионы с новыми губернаторами, и абонентами, «как назло», оказались мэры и районные начальники, не относившиеся к числу явных сторонников нового регионального начальства. По сведениям Центра политических технологий, президентской «милости» удостоились мэр Челябинска В. Тарасов, мэр Новороссийска В. Прохоренко, мэр Новозыбкова И. Нестеров (давний оппонент Ю. Лодкина), мэр Белогорска С. Понасова (одна из немногих сторонниц НДР в Амурской области), глава администрации Галичского района Костромской области В. Елшин.

Таким образом, никакой идиллии в отношениях Кремля и новых губернаторов не было. Был хрупкий и сложный баланс интересов, время от времени возникали конфликтные ситуации. Можно вспомнить резкие выступления Е. Наздратенко, который предложил перевести край на «региональное самофинансирование» — то есть отказаться от дотаций в обмен на отказ от платежей в центр.

Однако оппозиционность не стала доминантой в отношениях новых губернаторов с центром. Новые губернаторы стали органичной частью региональной элиты и не представляли единой конфликтующей с Москвой группировки. Противостояли они центру вместе со всей региональной элитой, когда возникала угроза ее корпоративному интересу.

Конечно, очень многое в политике центра их не удовлетворяет, и в своих регионах по мере сил и полномочий они пытаются скорректировать федеральный курс. На кремлевском уровне они не хотят быть маргиналами — хотя бы потому, что это чревато ухудшением экономической ситуации, — и настроены на сотрудничество с центром. Уместно привести заключительную фразу из открытого письма одного из самых

принципиальных «оппозиционных» губернаторов Н. Кондратенко президенту: «Прошу Вас: сделайте шаг к переменам, и я — первый, кто поддержит Вас во всех добрых начинаниях, откажусь от опостылевшей, мучительной для меня оппозиционности».

После избрания новых губернаторов рассматривалось три неблагоприятных для центра сценария их поведения: союз с Г. Зюгановым, союз с А. Лебедем и союз друг с другом. Но в 1997 году развернулось негласное соревнование за симпатии новой региональной элиты между В. Черномырдиным и Ю. Лужковым. Одновременно был потерян интерес к А. Лебедю. Но, как оказалось, преждевременно.

Имя генерала вновь стало популярным в связи с его победой на выборах губернатора Красноярского края.

Политические амбиции генерал-губернатора тревожили и президента, и ведущих лидеров, и оппозицию. Он снова стал раздражителем, поскольку представлял серьезную опасность для всех претендентов на высший государственный пост, крупного бизнеса и адептов различных идеологий.

В зависимости от собственного видения будущего страны и своих личных перспектив конкуренты представляли А. Лебеда в самых разнообразных и порой несовместимых ипостасях, нередко относили к числу его союзников и спонсоров даже тех, кто по ряду причин реально не мог быть в сводном «списке Лебеда». Но чаще его представляли как дезинтегратора Федерации и даже как будущего разрушителя России.

Отделить реальные угрозы от вымыслов и определить, что в высказываниях и планах самого А. Лебеда является действительным, а что придуманным, обусловленным необходимостью следовать избранному имиджу, порой бывает довольно сложно. Поэтому не случайно, что отношение к нему властной элиты страны и политически активных групп населения меняется столь часто и резко.

Когда же А. Лебедь стал губернатором громадного и богатейшего Красноярского края, сенаторы, политики «во власти» начали абсолютно новый отсчет «позитива» и «негатива» генерала и, исходя из этого, рассуждать о его перспективах.

Сопrotивление избранию генерала было серьез-

ным. Основу победы А. Лебеда многие эксперты видели в его открытом противостоянии — не важно, подлинном или мнимом — режиму, который создал невыносимые условия существования для огромных масс населения в российских регионах. Именно благодаря этому он переключил на себя значительную часть коммунистического и прозубовского электората. Более того, он сумел поднять и увлечь значительную часть неактивного населения, которое социологи называют «болотом».

Существовало и такое мнение: способствуя отправке его на губернаторство, Кремль как бы решил разом ряд проблем — убрал неудобного конкурента подальше и дал ему шанс свернуть себе шею в масштабах края.

Не получилось.

Тогда Б. Ельцин ввел своим указом вероятного лидера антилебедевской оппозиции — мэра Красноярска П. Пимашкова — в президентский совет по местному самоуправлению. Однако вслед за этим А. Лебедь неожиданно для многих назначил Пимашкова одним из своих заместителей, что расценивалось как перекупка губернатором лояльности не желавшей смены власти столицы региона и его контрудар по замыслам центра.

Сибирские губернаторы возлагают на А. Лебеда серьезные надежды как на таран, способный пробить стену непонимания центром потребностей регионов. О стремлении генерала-губернатора к региональному лидерству свидетельствовало и создание им общественной организации «Миротворческая миссия на Северном Кавказе», которую он сам возглавил.

Некоторые эксперты высказывали мнение, что А. Лебедею удастся достаточно быстро улучшить ситуацию в крае, поскольку он получит помощь для этого значительные суммы из-за рубежа, в чем ему окажет помощь созданная сенатором от республиканской партии Тейлором группа поддержки А. Лебеда в США.

Во всяком случае, никем не были опровергнуты сведения о его финансовой поддержке Западом.

Процесс политического самоопределения новой региональной элиты в 1998—1999 годах продолжался. Выборы в законодательное собрание Санкт-Петербур-

га, проводившиеся в конце 1998 года и названные репетицией парламентских и президентских выборов 1999—2000 годов, добавили живописные детали в портрет современных ходоков во власть.

В начале 1999 года президент Б. Ельцин подписал федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме», куда был включен ряд важных положений, явившихся отражением уроков, полученных в ходе проведения «грязной» кампании по выборам в законодательное собрание Петербурга.

Запрещается «клонирование» партий и избирательных блоков. Оплата агитационных материалов в СМИ допускается только из специальных избирательных фондов. Кандидаты, против которых выдвинуты двойники, могут брать псевдонимы. Сбор подписей необязателен: при желании можно вносить денежный залог. Кандидаты обязаны сообщать о прежних судимостях и представлять декларацию о доходах.

Несмотря на то что выборы в законодательное собрание города проходили осенью 1998 года, в мае 1999 года — спустя полгода! — депутаты никак не могли определиться с кандидатурой консолидированного председателя городского парламента.

По словам одного из претендентов на этот пост С. Миронова, причина заключалась в очень сильной политизированности избранного состава законодательного собрания, в частности, в наличии мощных и хорошо структуризованных фракций «Блок Юрия Болдырева» и «Яблока». Причем главными «виновниками» создавшегося положения он считал «болдыревцев», изначально занявших «деструктивную позицию»: их лидер категорически настаивал на том, что спикером должен быть обязательно представитель его фракции. Но когда «Центр» и «Яблоко» согласились, попросив, чтобы им был не А. Кривенченко, а уважаемый во всех фракциях парламента и имевший высокий рейтинг среди избирателей М. Толстой, «болдыревцы» потребовали право выбирать из двух названных фракций кандидатов на посты заместителей главы городского парламента. Естественно, прийти к общему знаменателю не удалось.

Решению этой проблемы не помогло также прове-

денное тайное рейтинговое голосование по кандидатам, изъявившим на то личное желание и претендовавшим на занятие руководящих постов в собрании. Наблюдатели считали, что данной процедурой преследовалась цель поумерить пыл неоправданно амбициозных депутатов, тормозивших выборы спикера.

Результаты тестирования, который пожелали пройти 20 человек, выявили четверку лидеров: М. Амосов, координатор фракции «Яблоко», — 18 голосов; В. Новоселов, координатор блока «Петербургские районы», — 18 голосов; А. Крамарев, член фракции «Петербургские районы», — 17 голосов; С. Миронов, неформальный координатор фракции «Центр», — 16 голосов.

Продвигаемый администрацией города в спикерское кресло С. Тарасов отказался от этой, по его словам, бессмысленной процедуры, а свой рейтинг считал равным 20 голосам, которые были отданы за «тарасовский пакет» на одном из заседаний парламента.

Все они, за исключением А. Крамарева, уже принимали участие в различных пакетных вариантах («пакет» — это три жестко сочлененных кандидата на посты спикера и двух его заместителей). Однако победы пакета во главе с ним тоже не приходилось ожидать хотя бы потому, что разрозненные демократы («Яблоко», сторонники С. Миронова и «Блок Юрия Болдырева») ни при каких обстоятельствах не отдадут два места в руководстве городского парламента «Петербуржским районам».

Таким образом, вопрос о новом председателе законодательного собрания Петербурга по-прежнему оставался открытым.

Согласно проведенному в мае 1999 года петербургским Независимым аналитическим центром исследованию, рейтинг популярности известных в городе политических партий накануне грядущих выборов выглядел так: «Яблоко» — 18 процентов, «Отечество» — 11, КПРФ — 9, «Правое дело» — 7, НДР — 4, ЛДПР — 3, Российская народно-республиканская партия А. Лебеда — 3 процента.

Партия московского мэра в Петербурге вышла на второе место! А как в Москве?

Одна из многочисленных в столице социологичес-

ких служб провела 3—7 апреля 1999 года опрос общественного мнения населения столицы по проблеме «Выборы-99 и политические ориентации московских избирателей». Выборка опроса в 1000 респондентов отражала все основные социально-демографические характеристики генеральной совокупности взрослого населения.

Согласно результатам исследования, в предвыборной борьбе за депутатские мандаты в 1999 году многие партии-«ветераны» столкнутся с проблемой политического разочарования и апатии значительной части своих недавних сторонников. Лишь 10 процентов московских избирателей полагали, что партия (избирательное объединение, блок), за которую они проголосовали на выборах в Государственную думу Федерального Собрания РФ 17 декабря 1995 года, оправдала их надежды.

Важным направлением предвыборной борьбы станет привлечение на свою сторону «перебежчиков» — сторонников конкурирующих партий и движений, которые разочаровались в своем выборе четырехлетней давности и вновь оказались перед необходимостью политического самоопределения. О своем явном недовольстве и разочаровании заявили избиратели, голосовавшие в 1995 году за НДР (75 процентов), КРО (66 процентов), «Яблоко» (57 процентов), «Демвыбор России» (56 процентов), «Женщины России» (37 процентов), КПРФ (37 процентов), ЛДПР (23 процента).

Задача политической переориентации «чужих» избирателей особенно актуальна для вновь созданных партий и движений и, в частности, для общероссийской политической общественной организации «Отечество».

По состоянию на апрель 1999 года московские сторонники «партии Лужкова» состояли из избирателей, голосовавших в 1995 году за НДР и составлявших в апреле 19 процентов сторонников «Отечества», КРО (10 процентов), «Яблоко» (17 процентов), «Демвыбор России» (8 процентов), Партии самоуправления трудящихся (3 процента), «Женщины России» (2 процента), КПРФ (2 процента), ЛДПР (2 процента), других партий (8 процентов).

В результате такой объединяющей позиции «Отечество» получило активную поддержку со стороны 20

процентов московских избирателей, намеренных проголосовать за эту общероссийскую организацию на предстоявших выборах в Госдуму (по партийным спискам).

Несмотря на позитивное отношение многих московских избирателей, «Отечество» пока не реализовало свой потенциал и не смогло трансформироваться в массовую политическую организацию.

В частности, 44 процента москвичей в той или иной мере положительно относились к деятельности организации «Отечество». Но лишь 1,6 процента избирателей столицы указывали, что уже вступили в «Отечество», и только 4,3 процента заявляли, что «намерены вступить». Основная же масса московских избирателей либо не желала вступать в «Отечество» (78,6 процента), либо затруднялась как-либо прогнозировать свое политическое поведение (15,5 процента).

Одна из причин политической отчужденности москвичей заключалась в том, что «Отечество» не уделяло достаточного внимания самим избирателям, не принимало эффективных мер по их информированию о своей деятельности. Так, программа, цель и задачи «Отечества» привлекали внимание лишь 7 процентов москвичей. Не притягивал избирателей и состав политиков и общественных деятелей, входивших в «Отечество». Он привлекал всего 7 процентов опрошенных. Лишь два процента москвичей привлекало то, что «Отечество» объединяло близких им по духу людей. Свыше половины московских избирателей не видели ничего привлекательного в деятельности «Отечества» (22 процента), либо затруднялись определить свое мнение (31 процент). И лишь то, что «Отечество» возглавлял мэр Ю. Лужков, привлекало значительное число избирателей (28 процентов).

Вопреки стереотипам, «Отечество» не является «партией одного лидера». Как показал сравнительный анализ, действительно, многих москвичей побуждал голосовать за «Отечество» на предстоявших выборах «фактор Лужкова». Свыше половины сторонников «Отечества» составляли избиратели, которых привлекала личность Ю. Лужкова во главе этой политической организации. Однако не менее трети (35 процентов) голосов на будущих выборах «Отечество» полу-

чит от тех, кому в большей мере нравятся программа, состав участников и психологическая общность данной организации.

Несмотря на то что деятельность Ю. Лужкова вызывала в той или иной мере позитивное отношение большинства (77 процентов) москвичей, взгляды и решения московского мэра находились в сильнейшей «зоне конфликта» с общественным мнением. Свыше половины московских избирателей (52 процента) отметили, что есть решения или взгляды Ю. Лужкова, которые настолько не совпадают с их точкой зрения, что вызывают протест.

Судя по данным опроса, процесс формирования в массовом сознании образа Ю. Лужкова носил стихийный и кустарный характер. Частые телевизионные выступления мэра вызывали у большинства москвичей «интерес» (43 процента) и одобрение (25 процентов). Однако их реальная эффективность может быть поставлена под сомнение. По оценке московских избирателей, Ю. Лужков обладает такими личными качествами и чертами характера, как деловитость, практицизм (39 процентов), оптимизм, уверенность в себе (38 процентов), сильный волевой характер (32 процента), активность (36 процентов) и другими. Однако лишь меньшинство москвичей считало, что мэр Москвы обладает такими качествами, как честность (5 процентов), бескорыстие (3 процента), человечность, доброта (10 процентов), открытость (9 процентов), надежность (12 процентов) и т.п.

Ошибки и недоработки мэрии Москвы по изучению общественного мнения и формированию необходимого социально-психологического образа московского лидера отразились и на предвыборных рейтингах Ю. Лужкова. Любопытно, что в апреле 1999 года 80 процентов московских избирателей считали правильным переизбрание Ю. Лужкова на пост мэра в 1996 году. Однако голосовать за него на предстоящих в 2000 году выборах мэра Москвы собиралось значительно меньшее число — 60 процентов московских избирателей. И лишь 14 процентов московских избирателей собиралось голосовать за него на президентских выборах 2000 года.

Заметим: этот социологический опрос проводился

в начале апреля 1999 года. А в конце месяца в авторитетной с точки зрения иностранных политологов и бизнесменов, занимающихся Россией, газете «Москоу таймс» появилась редакционная статья под названием «Москва не лучше Кремля».

В публикации говорилось, что мэр Москвы Ю. Лужков за время, прошедшее после финансового краха в России 17 августа 1998 года, играл в свою пользу на сравнениях между собственными финансовыми решениями и действиями федерального правительства.

Как заявлял мэр, Москва тщательно уходила от чрезмерного получения кредитов, в то время как монетаристы в российском правительстве сделали страну заложницей и затем объявили дефолт по своим долгам.

Сейчас, по мнению газеты, не следует делать существенных различий между Ю. Лужковым и бывшим первым вице-премьером правительства РФ А. Чубайсом. Поводом для указанного суждения послужило объявленное 27 апреля 1999 года решение московского правительства о необходимости реструктуризации ряда иностранных долгов. Конкретно указывался непроизведенный платеж столицы по синдицированному долгу западным банкам на общую сумму более 100 миллионов долларов. Еще более тяжелые последствия для Москвы станут реальностью по мере приближающихся расчетов по «евробондам».

Ю. Лужков, отмечала газета, всецело занят внутриполитическими проблемами. Он ведет дорогостоящую кампанию по выборам в Госдуму и готовится к президентской гонке. «Он покупает значительную часть своей поддержки на деньги городского правительства», — писала газета. Если Ю. Лужков потеряет репутацию «человека с деньгами для своих друзей», то пострадает его политическая судьба.

Ю. Лужкову предстоит объяснить москвичам, каким образом столица утратила рейтинг самого богатого города страны. Ответ якобы лежит не в ошибках монетаристов, а в стиле руководства самого Ю. Лужкова.

Международные рейтинговые агентства давно жаловались на то, «что миллиардами долларов московского правительства распоряжаются внебюджетные

фонды. Значительные суммы денег вкладываются не в ключевые сферы деятельности, а в рискованные коммерческие проекты, такие, как недвижимость и банковское дело».

«Это не тот вид политики, который Россия потребует от будущего президента», — сделала вывод «Москоу таймс».

Согласно оценкам, вышеизложенный материал находился в русле кампании против Ю. Лужкова. Публикации «Москоу таймс» обычно охотно подхватывались и перепевались многими зарубежными журналистами.

А теперь сопоставим материалы, заготовленные доморощенными специалистами по дискредитации Ю. Лужкова, с откликами Запада о деятельности московского мэра.

Проведенный в то же время (24 апреля 1999 года) в Ярославле первый этап съезда общественно-политической организации «Отечество» с участием ее лидера привлек к себе внимание Запада в силу того, что тот период ознаменовался беспрецедентным всплеском активности в сфере партстроительства. Ее особенностью стал общеполитический фон — противостояние Совета Федерации и президента Б. Ельцина по вопросу об отставке Генерального прокурора Ю. Скуратова. Несмотря на соперничество и позиционную борьбу, прослеживалась тенденция к консолидации региональных элит, в том числе и в деле подготовки к предстоящим парламентским и президентским выборам.

Непосредственно обращаясь к ходу и результатам первого этапа съезда «Отечества», западные наблюдатели отмечали усиление позиций Ю. Лужкова в общенациональном масштабе.

800 делегатов и более чем 200 гостей и представителей прессы стали свидетелями развернутых высказываний и решений по наиболее актуальным для страны вопросам: необходимость иметь сильное правительство, обеспечить личные свободы, предоставлять гражданам экономические возможности, проводить патриотическую политику, выработать новую линию по отношению к Западу, уменьшить бремя налогообложения, поддерживать отечественных товаропроизводителей, оказывать помощь малозащищенным слоям на-

селения, пересмотреть результаты «полукриминальной приватизации».

Делался вывод о том, что в зарождавшемся предвыборном «треугольнике («Отечество» — «Вся Россия» — «Голос России») или «четыреугольнике» (с добавлением, по предложению В. Черномырдина, НДР к более широкому блоку) фаворитом являлся Ю. Лужков.

Отмечались, правда, традиционные высказывания московского мэра о том, что он вступит в президентскую кампанию лишь в том случае, если не будет достойных кандидатов. Западные аналитики полагали, что это, равно как и сигналы о возможном выдвижении в качестве объединяющей фигуры широкого предвыборного блока Е. Примакова, представляло собой политический маневр Ю. Лужкова. Лидер «Отечества» имел собственные планы и лишь разыгрывал карты в противостоянии между президентом, правительством, Советом Федерации и Думой.

Ярославль был выбран местом проведения съезда, как считали на Западе, чтобы снять с «Отечества» клише в СМИ как о «партии Садового (московского) кольца».

Глава 3

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Санкт-Петербург — экспериментальная площадка. — Отработка новых избирательных технологий. — «Кузница кадров» политической элиты России. — Провал А. Собчака: случайность? — «Питеру не нужен мэр в кепке». — Убийство Г. Старовойтовой. — Уроки петербургских выборов. — Источники больших денег. — Неожиданные аресты

Из досье «Петербург сегодня»:

Петербург — город федерального подчинения, самостоятельный субъект РФ, второй после Москвы промышленный, транспортный, военный, научный, культурный и политический центр России. Структура промышленности за постсоветское время претерпела значительные изменения. Традиционные для города наукоемкие производства уменьшились в объемах, сократили производство, изменили номенклатуру продукции.

Наиболее крупная проблема города — высокая концентрация предприятий военно-промышленного комплекса (около 200 организаций связаны с «оборонкой») и вызванные этим проблемы структурной перестройки предприятий и осуществления конверсии, приведшие к крупномасштабному высвобождению рабочей силы.

В городе открыто несколько десятков генконсульств и торговых представительств иностранных государств. Здесь находится штаб-квартира Межпарламентской Ассамблеи СНГ.

В период начавшихся в 1985 году политических и экономических преобразований нереализованный интеллектуальный потенциал города получил невиданные прежде возможности. Ленинград горбачевской эпохи стал своего рода катализатором различных политических процессов в стране. Именно здесь впервые были публично заявлены и начали воплощаться на практике альтернативы политическому курсу руководства СССР. В результате провала партийно-хозяйственной элиты города на выборах в Верховный Совет страны 1989—1990 гг. и завоевания большинства из них сторонниками

демократических движений в городе началось формирование новых структур представительной и исполнительной власти.

С момента горбачевской перестройки Санкт-Петербург считается «оплотом демократии», а его руководители всегда входили в число наиболее значимых политиков России.

В последние годы Петербург превратился в «кузницу кадров» политической элиты России. Многие петербургские политики занимали и занимают ключевые позиции в федеральных структурах власти, являлись лидерами различных общероссийских политических партий и движений — от национал-большевистских до радикально-либеральных.

В конце 1998 года в городе действовало свыше 20 политических партий и движений, большинство которых представляли собой региональные отделения общероссийских структур. Среди них наиболее известные — «Яблоко», КПРФ, ЛДПР, «Наш дом — Россия», «Честь и Родина», «ДемРоссия», «Демократический выбор России» и другие.

Чрезвычайно важная особенность политического развития Ленинградского региона — его соседство как с «дальним», так и с «ближним» зарубежьем.

В городе действовало несколько организованных преступных группировок, которые оказывали заметное воздействие не только на экономическую ситуацию, но и политическую жизнь Петербурга. Наиболее влиятельные из них — «казанская», «мальшевская» и «тамбовская».

На фоне криминализации практически всех сфер деятельности города четко проявилась коррумпированность всех эшелонов власти.

Проходящие в Санкт-Петербурге политические процессы — отчасти репродуцируемая в других регионах России модель, что и определяло проявляемый социологами и аналитиками интерес к городу.

На 1 января 1997 года здесь проживало 4746,1 тыс. человек. Для сравнения: в 1993 году в северной столице было 4919,5 тыс. Количество мужчин за этот период сократилось с 2228,2 до 2144,3 тыс., женщин — с 2691,3 до 2601,8 тыс.

Возрастная структура населения города: трудоспо-

собного возраста в 1997 году было 59,1 процента (в 1993 году — 58,8 процента), старше трудоспособного возраста соответственно 22,7 и 21,9 процента, моложе трудоспособного возраста — 18,2 и 19,3 процента.

Характеристика электората по итогам выборов 1989—1991 гг. В целом, по оценкам социологов и аналитиков, петербургский электорат — весьма активный, с ярко выраженной протестной ориентацией. Территориально он распадается на «городской» (центральные и часть окраинных районов) и «пригородный» (пригороды в городской черте). Пригородный электорат сосредоточен в локальных территориальных общностях и значительно сориентирован на выражение местных, а не общегосударственных интересов, что сказывается на итогах голосования. На выборах народных депутатов СССР в марте 1989 года в Ленинграде были забаллотированы все партийные и советские руководители города. В то же время в 9 из 15 округов депутатами были избраны кандидаты, поддержанные протестными общественными движениями актикоммунистической ориентации. В голосовании участвовало 75 процентов избирателей.

Практически тождественными были итоги выборов народных депутатов РСФСР в марте 1990 года: в 26 из 34 округов большинство голосов получили кандидаты, поддержанные блоком «Демократические выборы-90» («ДВ-90»), и лишь в одном округе победил кандидат, напрямую поддерживавшийся официальными структурами КПСС.

На проходивших одновременно выборах в городской Совет в 400 округах кандидаты, поддержанные «ДВ-90», победили в 240, а кандидаты, поддерживавшиеся КПСС, — примерно в 50 (при этом лишь около 25 из них могли быть отнесены к номенклатурным работникам). Уровень участия в выборах снизился до 63 процентов.

По итогам голосования выявился и столь важный фактор поддержки кандидатов избирателями, как их социально-профессиональный статус. В ходе выборов 1990 года наибольшей симпатией пользовались работники правоохранительных органов, юристы, медики, журналисты, экономисты, научные работники, преподаватели, военнослужащие (перечень в порядке убыва-

ния). Данные голосования свидетельствовали, что этот фактор был не менее значим, чем политическая ориентация кандидатов.

В ходе референдумов о сохранении Союза ССР и об учреждении поста президента РСФСР 17 марта 1991 года в голосовании приняло участие свыше 64,9 процента жителей Ленинграда: «за Союз» высказалось 50,5 процента, за учреждение поста президента — 78,5 процента.

При голосовании 12 июня 1991 года (выборы президента России и мэра Ленинграда, опрос о возвращении городу наименования Санкт-Петербург) в выборах приняло участие 65,1 процента избирателей.

Симпатии петербуржцев по выборам президента РСФСР распределились следующим образом. За В. Бакатина было подано 3,4 процента голосов (по России — 3,42 процента), за Б. Ельцина — соответственно 67,23 и 57,3 процента, за В. Жириновского — 5,65 и 7,81, за А. Макашова — 5,09 и 3,74, за Н. Рыжкова — 10,59 и 16,85, за А. Тулеева — 3,99 и 6,81 процента. Против всех проголосовали 2,44 процента ленинградцев (по России — 1,92 процента).

По выборам мэра Ленинграда расклад был такой: за А. Собчака — 66 процентов, за кандидата обкома КПСС Ю. Севенарда — 26 процентов.

Приведенные данные свидетельствовали о практическом совпадении состава избирателей, голосовавших за Б. Ельцина и А. Собчака.

А теперь обратимся к результатам всероссийского референдума 25 апреля 1993 года.

На первый вопрос референдума «Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?» утвердительно ответили 72,8 процента жителей Петербурга (по России — 58,7 процента). На второй вопрос: «Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года?» сказали «да» 65,6 процента (по России — 53 процента). 37,1 процента петербуржцев (по России — 49,5 процента) дали положительный ответ на третий вопрос «Считаете ли Вы необходимыми досрочные выборы Президента Российской Федерации?» 78,9 процента горожан (67,2 процента россиян) сказали «да» на

последний вопрос референдума: «Считаете ли Вы необходимыми досрочные выборы народных депутатов Российской Федерации?»

А вот результаты референдума по проекту Конституции РФ 12 декабря 1993 года. За принятие Конституции РФ проголосовало 71,61 процента петербуржцев. Для сравнения: по России — 58, 43 процента.

Выборы в Государственную думу 12 декабря 1993 года. Результаты по общефедеральному округу: Аграрная партия России получила в Санкт-Петербурге 0,89 процента голосов (по России — 7,99 процента), избирательное объединение «Явлинский — Болдырев — Лукин» соответственно 21,2 и 7,86 процента; «Будущее России — Новые имена» — 0,61 и 1,25 процента; «Выбор России» — 26, 99 и 15,51 процента; «Гражданский союз» — 1,81 и 1,93 процента; «Демократическая партия России» — 3,98 и 5,52 процента; «Достоинство и милосердие» — 0,46 и 0,7 процента; КПРФ — 7,69 и 12,4 процента; «Кедр» — 0,5 и 0,76 процента; ЛДПР — 18,02 и 22,92 процента; ПРЕС — 3,74 и 6,73 процента; «Женщины России» — 5,04 и 8,13 процента; РДДР — 9,03 и 4,08 процента.

По восьми одномандатным округам большинство получили кандидаты, выдвинутые либо поддержанные блоком «Выбор России».

Выборы в городское собрание (1994 год). Городской парламент в составе 50 депутатов был избран в результате двух этапов выборов, состоявшихся в марте—ноябре 1994 года.

На вопрос (задавался только тем, кто собирался на выборы), может ли рассчитывать на вашу поддержку какое-либо из перечисленных ниже объединений, были получены следующие ответы: ДВР — 27 процентов, «Коммунисты Ленинграда» — 7, «Деловой Петербург» — 5, «Партия зеленых» — 4, ЛДПР — 2 процента.

В 50 округах всего было выдвинуто 816 кандидатов. В половине из них выборы (20 марта 1994 года) были признаны состоявшимися уже в первом туре. Однако затем их завершение было поставлено под вопрос: очередной замер уровня потенциальной готовности петербуржцев участвовать в предстоявших выборах показал, что 75 процентов горожан вообще о них не

знали. Явка могла составить лишь 15 процентов, а требовалось минимум 25 процентов.

Результаты второго тура выборов, состоявшегося 3 апреля в половине округов, стали полной неожиданностью для большинства политиков. Главная сенсация — это фактическое поражение избирательного блока «Демократическое единство Петербурга», который провел в финал 19 своих кандидатов (больше, чем все остальные избирательные объединения вместе взятые), но депутатские мандаты получили лишь трое.

С минимальными потерями прошел второй тур «Весь Петербург», получив четыре мандата. По одному победителю было у блоков «Наш город — наш дом» и «Единство ради прогресса». Наибольшего же успеха добился блок «Любимый город». Все пятеро кандидатов этого объединения, прошедшего второй тур, победили своих соперников. Однако для полного укомплектования парламента потребовались довыборы, которые состоялись 30 октября 1994 года.

В тот день на выборы явилось 28,6 процента избирателей. Ни один из кандидатов не набрал 50 процентов (плюс один) голосов. Состоявшееся во всех 25 округах 20 ноября повторное голосование завершило формирование городского собрания.

В результате сложной борьбы председателем законодательного собрания стал выдвинутый избирательным объединением «Любимый город» Ю. Кравцов, обещавший в своей предвыборной программе в случае избрания его депутатом добиваться установления разумных законов и строгого контроля за их исполнением. Взаимодействие различных ветвей городской власти, по его словам, должно строиться на основе строгого законодательства и стремления обеспечить петербуржцам нормальные условия жизни.

Ю. Кравцов стал членом Совета Федерации РФ, занял в этом органе довольно важный пост первого заместителя председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и правовым вопросам. Учитывая, что его членами были также А. Собчак и председатель законодательного собрания Ленинградской области В. Иванов, регион получил возможность влиять на работу комитета.

Выборы в Госдуму (декабрь 1995 года). Общее чис-

ло претендентов в депутаты Госдумы по Петербургу — 152 человека: 87 кандидатов представляли политические партии и общественные организации, 65 — независимые, 17 кандидатов — депутаты Думы прежнего созыва, 14 — депутаты законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Больше всего кандидатов выставили объединение «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз» и ЛДПР — по 7 человек, 6 — представляли «Яблоко», 6 — КРО. Меньше всего, как ни странно, выдвинул «Наш дом — Россия» — только одного кандидата.

Прибывший в Санкт-Петербург на встречу с представителями различных политических сил города в то время помощник президента РФ Г. Сатаров высказал предположение, что «не более четырех избирательных объединений сумеют преодолеть на предстоящих выборах в Госдуму пятипроцентный барьер». Наиболее вероятными кандидатами на это он назвал КПРФ, «Женщины России», «Наш дом — Россия», «Яблоко» и КРО. Ко «второму эшелону» он отнес Аграрную партию России, «Демократический выбор России», «Избирательный блок Ивана Рыбкина» и ЛДПР.

По словам Г. Сатарова, в новом составе Госдумы оппозиции не удастся образовать устойчивую коалицию, которая опиралась бы на две трети голосов депутатов, а лишь такой перевес мог позволить оппозиции оказывать решающее влияние на решение многих важнейших вопросов.

Желание участвовать в выборах выразили 55 процентов опрошенных жителей города, причем каждый второй петербуржец намеревался 17 декабря голосовать не за партию, а за человека. 30 процентов заявили, что на выборы не пойдут.

Список избирательных объединений был весьма внушительный — 43. Наиболее высокий процент голосов получили в Петербурге «Яблоко» — 16,03, КПРФ — 13,21 и «Наш дом — Россия» — 12,78. Самый низкий: «Социал-демократы» и «89» — по 0,1 и ПРЕС — 0,21 процента.

Из восьми одномандатных округов в пяти победили кандидаты, выдвинутые Санкт-Петербургской региональной партией центра — «Яблоко», еще в одном

округе победил член одноименной фракции в Госдуме первого созыва, баллотировавшийся как независимый кандидат. Кроме того, были избраны один представитель ДВР-ОД и лидер «Демократической России» Г. Старовойтова, баллотировавшаяся как независимый кандидат.

Ряд депутатов Госдумы, избранных от Петербурга, заняли в ней руководящие посты. В частности, О. Дмитриева стала председателем подкомитета по бюджету, трое депутатов стали заместителями председателей комитетов — Б. Моисеев (по регламенту и организации работы Думы), Ю. Нестеров (по информационной политике), А. Шишлов (по делам Федерации и региональной политике). Кстати, все они были выдвиженцами «Яблока».

Выборы губернатора (1996 год). Основным политическим событием 1996 года в Санкт-Петербурге стали выборы нового губернатора города, которые по указу президента были назначены на 19 мая.

Именно эти выборы наглядно продемонстрировали всю остроту и противоречия современной российской политической жизни. В этом регионе схлестнулись интересы не только политических партий, но и финансово-промышленных элит, которые к тому времени уже сформировались в России и начали вести борьбу за стратегические позиции во властных структурах.

По мнению экспертов, фигура мэра Москвы и губернатора Петербурга в первую очередь являлась своего рода компромиссом между наиболее влиятельными финансовыми и промышленными структурами. Кроме того, губернатор Санкт-Петербурга должен был «удовлетворять» Москву, то есть влиятельные московские политические круги не должны иметь ничего против кандидата, а еще лучше поддерживать его.

В Петербурге среди всех кандидатов этим требованиям соответствовали только двое — мэр А. Собчак и его заместитель В. Яковлев. А всего на пост губернатора северной столицы претендовали свыше 30 человек.

Согласно опросу, проведенному в конце апреля 1996 года одним из аналитических центров города, за А. Собчака готовы были проголосовать 30 процентов опрошенных; за Ю. Болдырева — 9, за В. Яковлева —

8, за Ю. Севенарда — 4 и за А. Беляева — 3 процента.

А. Собчак начал кампанию очень самоуверенно: его поддержали многие представители творческой интеллигенции (М. Ростропович, Э. Пьеха, А. Герман, В. Басиладзе, академики Н. Бехтерева, Д. Лихачев и многие другие), митрополит Санкт-Петербургский и ладожский Владимир, депутат Госдумы Г. Старовойтова, руководители ряда субъектов РФ (Республики Саха, Башкирии, Калмыкии, Татарии и Тувы), региональные отделения нескольких партий, среди которых были «Демократический выбор России», «Христианско-демократический союз», «Партия экономической стабильности» и «Христианская партия». В этих же целях в Петербург специально приезжал А. Чубайс.

Казалось, все для А. Собчака складывалось удачно. Однако его подвела свойственная ему демонстративная независимость, и он совершил серьезную ошибку: мэр проигнорировал призыв В. Черномырдина, собиравшего региональную элиту в избирательный блок «Наш дом — Россия», и во главе петербургского отделения поставил своего заместителя В. Путина, что вызвало недовольство премьера. Спихнувшись, А. Собчак, оставив в Санкт-Петербурге руководителя местной организации НДР, сам поехал на его учредительный съезд в Москву, но было слишком поздно — в «партию» В. Черномырдина его не приняли. Единственное, что он сумел сделать, — это делегировать туда свою жену Л. Нарусову.

Существенно повлияло на ситуацию и опубликованная в российских СМИ аналитическая записка Службы безопасности президента РФ, возглавляемая в то время А. Коржаковым. В ней, в частности, говорилось, что А. Собчак занял «неоднозначную позицию в отношении Б. Ельцина»: в начале года он «неоднократно публично выступал с довольно резкой критикой в адрес президента, а после его указа о проведении выборов губернатора города стал заявлять о поддержке Б. Ельцина в его борьбе за пост президента». Такие колебания, по мнению авторов документа, не находили понимания у многих избирателей Санкт-Петербурга и вызвали негативное отношение к обеим фигурам.

В записке особо подчеркивалась возможная роль другого кандидата на пост губернатора — В. Яковлева, который «является твердым сторонником Б. Ельцина» и который в состоянии отобрать часть голосов у кандидата от коммунистов Ю. Севенарда (его избрание было нежелательным для московского руководства). В записке рекомендовалось оказать В. Яковлеву необходимую помощь «в целях поддержки избирательной кампании Б. Ельцина».

Уже в ходе избирательной кампании А. Собчак совершил еще одну, и, похоже, фатальную, ошибку — он построил свою концепцию на противопоставлении Санкт-Петербурга Москве и критике московского руководства.

«Питеру не нужен мэр в кепке», — заявил А. Собчак, имея в виду Ю. Лужкова, одного из самых сильных и влиятельных мэров России. Это заставило последнего вмешаться в избирательную кампанию в Петербурге, естественно, не на стороне А. Собчака: за несколько дней до выборов глава московского правительства написал письмо В. Яковлеву, в котором заявил о своей поддержке и предложил сотрудничество. Это письмо немедленно было опубликовано в городских газетах и весьма существенно повлияло на рейтинг В. Яковлева.

Глава петербургского отделения «Яблока» И. Артемьев снял свою кандидатуру в пользу В. Яковлева, за что был подвергнут публичной резкой критике со стороны председателя политсовета петербургского отделения ДВР В. Сычева.

Итоги первого тура, в котором приняло участие 49 процентов избирателей, оказались неожиданными: А. Собчак получил 29,2 процента голосов, В. Яковлев — 21,8 процента, третье место занял Ю. Болдырев (с отставанием примерно в 4 процента голосов). На команду мэра произвело сильное впечатление, что он обошел своего главного соперника всего лишь на 7495 голосов, тогда как услужливые социологи пророчили ему трехкратный отрыв.

Несмотря на полученную «пощечину», А. Собчак сохранял внешний оптимизм, говорил о поздравлении его президентом России с победой в первом туре и о выходе во второй тур «со спокойным настроени-

ем», так на «на Западе ему также никто не предрекает поражения».

Вместе с тем, когда председатель горисполкома А. Гарусов высказал мнение, что «расклад голосов» по ряду избирательных участков (в крупном рабочем Невском районе Петербурга первый вице-мэр набрал 26,8 процента голосов, а глава города — 24,8 процента) говорил о том, что второй тур выборов может принести неожиданные результаты.

Проведенный «Интерфаксом» за неделю до второго тура выборов (были назначены на 2 июня) опрос показал, что за А. Собчака намерены были проголосовать 32 процента респондентов, за В. Яковлева — 26 процентов.

Пять процентов опрошенных заявили, что проголосуют против обеих кандидатур, а еще десять процентов горожан вообще не намеревались принимать участие в голосовании.

Другой (независимый) опрос показал, что 52,6 процента горожан хотели голосовать за В. Яковлева, 42,67 процентов — за А. Собчака.

Перед вторым туром В. Яковлев сделал акцент на том, что в случае своей победы он готов сформировать в городе коалиционное правительство, в которое «могут войти представители всех партий и движений при одном условии — если они являются профессионалами в своей области».

Образовавшаяся коалиция кандидатов (И. Артемьев, В. Щербаков, А. Беляев и А. Беляков) решила поддержать В. Яковлева. Ю. Болдырев воздержался от прямых призывов к петербуржцам голосовать за В. Яковлева, заявив, что «люди сами разберутся, но его избиратели никогда не проголосуют за Собчака».

В то же время неожиданно командой мэра была развернута на удивление неудачная пропагандистская кампания против В. Яковлева. А. Собчак, ранее постоянно хваставшийся, что «не сказал бы ни одного недоброго слова о своих соперниках», вдруг сделал ставку на грубый компромат главного противника.

В городе начала циркулировать информация, что В. Яковлев поддерживал контакты с руководителями крупнейших в городе «тамбовской» и «малышевской» криминальной группировок.

Телевидение Петербурга неустанно повторяло, что В. Яковлев — человек «прокоммунистически настроенный», «с кругозором прораба», «метла» и т.д. Сам А. Собчак заявил: городу всерьез угрожает возврат к коммунистическому прошлому, а его поражение будет означать проигрыш демократических сил.

Газеты заявляли о непомерных финансовых расходах В. Яковлева на избирательную кампанию. А. Собчак сказал, что эти деньги поступили от московских структур, которые хотели посадить в кресло губернатора Петербурга своего человека, который будет делать то, что ему прикажет Москва.

Согласно прогнозам Санкт-Петербургского Центра изучения и прогнозирования социальных процессов, опубликованным 29 мая 1996 года, во втором туре А. Собчак должен был получить 49 процентов, а его соперник В. Яковлев — 37,9 процента голосов.

Наблюдатели отмечали, что кампания В. Яковлева, которая была «раскручена» всего за полтора месяца, делалась на достаточно хорошем профессиональном уровне. Для ее ведения были привлечены многие известные имиджмейкеры, в частности, А. Измайлов, занимавшийся рекламой в Промстройбанке Петербурга, политический психолог В. Большаков. Пресс-секретарем В. Яковлева, отвечавшим в значительной степени за «идеологию», стал председатель Союза журналистов Петербурга И. Сидоров. Агитационную кампанию разработал, спланировал и провел глава одного из московских рекламных агентств А. Кошмаров, позже получивший пост советника губернатора.

Во втором туре выборов явка избирателей оказалась всего на пять процентов ниже и составила 44,2 процента. В итоге В. Яковлев набрал 47,5 процента голосов, А. Собчак — 45,8 процента.

Прежде всего победа В. Яковлева была обусловлена тем, что он шел на выборы, обещая стать «питерским Лужковым» — в первую очередь не политиком, а хозяйственником. Поэтому не случайно нового петербургского губернатора с победой первым поздравил мэр Москвы и выразил свою готовность вместе с ним осуществить ряд общих проектов, в числе которых — строительство скоростной автомагистрали Москва — Петербург и реконструкция пятиэтажек.

Фактически А. Собчака подвела излишняя самоуверенность в своей незыблемости, его публичный имидж политика с «мировым именем», который в своих масштабных замыслах подчас отрывался от реальной почвы и которого привыкли видеть в звездном окружении, а не там, где протекала жизнь рядовых горожан.

Практически такие же мысли по поводу поражения А. Собчака высказал и Ю. Лужков. Он, в частности, отметил: «Руководителю города нужно заниматься делом, а не болтовней, нужно быть в городе, а не мотаться по разным странам, нужно заниматься даже самыми неприятными, трудными проблемами города, его хозяйства, а не фантазировать, строя воздушные замки, олицетворяя только внешнюю сторону власти. Власть должна служить городу и выполнять требования горожан. Петербург давно уже соскучился по всему, что сегодня можно было бы делать даже в наших труднейших условиях».

По мнению директора Независимого аналитического центра Петербурга Ю. Крижанской, «Собчак проиграл только потому, что сторонники экс-мэра были настолько уверены в его победе, что просто не пошли на выборы».

Отмечалась и слабая работа социологических центров, которые в стремлении подыграть мэру публиковали столь благоприятные для А. Собчака, но далекие от истины рейтинги, что он в эйфории приведенных цифр практически махнул рукой на многие нюансы и тактику проводимой предвыборной кампании.

Какие минусы он продемонстрировал? Категорически выступал против участия центра в решении проблем города, особенно против Москвы. Ориентация только на Запад. Предпочитал западные инвестиции, препятствовал усилению городских банков, категорически возражал против работы в регионе московских банков. Стремился подмять область под себя, враждовал с ее губернатором, объявил бойкот областной сельхозпродукции. Опирался только на узкий слой творческой интеллигенции. Рассорился с демократами. Негативно относился к законодательному собранию города. Рассорился с военными и спецслужбами. Погряз в финансовых и квартирных аферах, что стало достоянием гласности. Нажил себе врагов в лице жур-

налистов, фактически установив цензуру. Получил имидж интеллигента, участника всех торжеств и презентаций. Имел окружение из числа «демократов». Не сумел подобрать предвыборную команду. Жена была активным политиком.

На этом фоне привлекательно выглядели плюсы В. Яковлева. В своей предвыборной кампании он опирался на московские власти, в том числе и на Ю. Лужкова. Был противником западной экспансии в городе. Отдавал приоритет городским банковским структурам и привлечению инвестиций российских банков, не отрицая, впрочем, ограниченных западных инвестиций. Выступал за деловые отношения с областью, одним из первых подписал с ней соглашение. Имел имидж хозяйственника, пекшегося о нуждах города. Опирался на широкие слои населения и различные социальные группы. Выдвижению и победе его на выборах способствовали в том числе и демократы. Призывал все ветви власти города к сотрудничеству. Сделал упор на поддержку со стороны военных и сотрудников спецслужб. Сумел сохранить лицо и опровергнуть все фальшивки, сфабрикованные в его адрес командой соперников. Выступал сторонником свободной прессы. Имел имидж Лужкова — всегда с народом. Выступал за коалицию со всеми политическими силами. Подобрал активную предвыборную команду. Пообещал, что жена политикой заниматься не будет.

По оценке экспертов, избирательная кампания обошлась от 1,5 до 2 миллионов долларов, хотя ранее учрежденный избирательный фонд не должен был превышать 30 тысяч минимальных размеров заработной платы в РФ — около 40 тысяч долларов.

Ставка, сделанная «Яблоком» на В. Яковлева, оправдалась, и партия получила реальную возможность влиять на его кадровую политику.

Еще в ходе кампании председатель политсовета РПЦ И. Артемьев согласовал с В. Яковлевым перечень постов в городской администрации, которые в случае победы последнего получают представители «Яблока». На уровне первого лица (председателя) — это финансовый комитет (его председателем стал И. Артемьев), на уровне заместителей — комитет по

внешним связям (Ленков), комитет по управлению государственным имуществом (Володькин), комитет по экономике и промышленной политике (Чумак), комитет по культуре (Басов), комитет по молодежной политике (Резник).

Выборы президента РФ (1996 год). Проведенный исследовательской фирмой СНИЦ общегородской репрезентативный опрос петербуржцев накануне выборов главы Российского государства дал такие результаты.

Вопрос № 1: «Кого из следующих кандидатов вы хотели бы видеть на посту президента: Ельцина, Зюганова, Жириновского, Лебеда, Явлинского, Святослава Федорова или кого-то другого?» За Б. Ельцина проголосовали бы 17 процентов жителей города, за Г. Явлинского — 16, за С. Федорова — 13, за А. Лебеда — 9, за Г. Зюганова — 5, за В. Жириновского — 3 процента. Из числа других названных респондентами кандидатур В. Черномырдин, Е. Гайдар и Б. Федоров получили бы по 2 процента голосов.

Вопрос № 2: «Если придется выбирать нового президента только из двух кандидатов: Ельцина и Зюганова, то кого из них вы бы поддержали?» Ответы: Б. Ельцина — 42 процента, Г. Зюганова — 19, никого — 22 процента.

Обращало на себя внимание резкое отличие картины электоральных предпочтений петербуржцев в отношении президентских выборов от той, которая наблюдалась на выборах в Думу. Это касалось прежде всего рейтинга Г. Зюганова как представителя КПРФ, которая заняла 17 декабря в Санкт-Петербурге второе место — 13,2 процента. То же можно было отнести к рейтингу Б. Ельцина, если условно считать его представителем партии власти — НДР, которая заняла на выборах в Думу третье место — 12,8 процента. Рейтинг С. Федорова оказался значительно выше рейтинга его партии — пятое место, 6,5 процента. В отличие от этих претендентов, рейтинг Г. Явлинского в точности соответствовал рейтингу «Яблока» — первое место на выборах в Думу, 16 процентов, что свидетельствовало о четкой идентификации этого кандидата с возглавляемым им политическим движением.

13 июня Санкт-Петербург посетил с кратковремен-

ным предвыборным визитом Б. Ельцин, хотя его приезд ожидали в мае. Как позже выяснилось, президент хотел знать результаты выборов губернатора Петербурга. Везде, где побывал глава государства, он давал понять, что хорошо осведомлен о наболевших проблемах города, и обещал оказать помощь в их решении.

Уже в конце июня на имя губернатора Санкт-Петербурга и председателя законодательного собрания и полномочного представителя президента РФ в Санкт-Петербурге поступила письменная информация от руководителя администрации президента РФ Н. Егорова о ходе выполнения поручений Б. Ельцина по итогам его поездки в Петербург. Сообщалось, что под личный контроль президента взят ход строительства атомного ледокола «50 лет Победы». Приняты меры по срочному погашению задолженности за выполненные работы. К 1 июля правительство должно было проработать вопрос освобождения от таможенных платежей ввоза медицинского оборудования для реконструкции лечебно-профилактических учреждений Петербурга. Рассматривался вопрос о сохранении федерального статуса ГТРК «Петербург — 5-й канал» с обеспечением соответствующего финансирования. В соответствии с запросом общественности города на ближайшее время было запланировано рассмотрение вопроса о придании государственной киностудии «Ленфильм» статуса особо ценного объекта национального достояния.

Первый тур (16 июня). К середине дня явка избирателей была невысокой (к 16 часам — 25 процентов), поэтому штаб Б. Ельцина обратился к бывшему мэру А. Собчаку с просьбой выступить по телевидению и призвать горожан на избирательные участки. Такое выступление состоялось, и действительно, от 18 до 22 часов явка увеличилась с 44,7 до 62,25 процента (от общего числа 3 632 609 человек). Впрочем, кроме обращения А. Собчака, здесь сыграло роль и то, что распоряжением губернатора во второй половине дня воскресенья был обеспечен бесплатный проезд на пригородных поездах в направлении Санкт-Петербурга, чтобы побудить людей вернуться со своих дачных участков.

Голоса в первом туре распределились следующим

образом. За Б. Ельцина в Петербурге подали свои голоса 49,9 процента населения (по России — 35,2 процента); за Г. Явлинского соответственно 15,16 и 7,33; за Г. Зюганова — 14,96 и 31,96; за А. Лебеда — 14,04 и 14,49; за В. Жириновского — 2,15 и 5,69; за С. Федорова — 1,11 и 0,92; за М. Горбачева — 0,77 и 0,51; за М. Шакума — 0,29 и 0,36; за Ю. Власова — 0,28 и 0,2; за В. Брынцалова — 0,18 и 0,16 процента.

Если сравнивать результаты президентских выборов с парламентскими выборами 1995 года в городе, то можно отметить, что за Г. Зюганова проголосовали на 33962 избирателя больше, чем за КПРФ в декабре 1995 года. Однако этот прирост был меньше, чем количество голосов, отданных в декабре за блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз» (85055).

За Г. Явлинского проголосовали на 14775 избирателей меньше, чем за «Яблоко» в декабре. Отмечалось, что этот отток голосов (несомненно, главным образом в пользу Б. Ельцина) не был столь велик, если учесть массивную пропаганду против Г. Явлинского и замалчивание его позиции в городских и федеральных СМИ. В сознание избирателей усиленно внедрялась идея об отсутствии у него шансов выйти во второй тур, из чего якобы следовало, что голосование за него означало увеличение шансов Г. Зюганова или В. Жириновского.

Коммунисты и штаб Б. Ельцина выставили самое большое количество наблюдателей на избирательных участках в первом туре — около 3 тысяч. Примерно в два раза их было меньше от Г. Явлинского и М. Горбачева, еще меньше — от А. Лебеда.

На конференции регионального отделения «Яблока», которая проходила после первого тура президентских выборов, было принято решение голосовать во втором туре выборов президента РФ «против всех». В заявлении политсовета РПЦ говорилось, что партия не считает возможным поддерживать кандидатуру Б. Ельцина, исходя исключительно из страха перед коммунистами. Навязываемый обществу выбор «меньшего из двух зол» безнравственен, а поддержка президента будет означать фактическое одобрение всех совершенных им за последние годы злоупотреблений

властью, начиная от расстрела парламента и нарушения присяги и заканчивая небывалым ростом коррупции и войной в Чечне, унесшей десятки тысяч человеческих жизней. Эта позиция возобладала и на состоявшемся 21—22 июня съезде федерального «Яблока».

Представители Конгресса русских общин во главе с председателем исполкома Д. Рогозиным провели 26 июня встречи с представителями городских и областных органов власти, деловых и научных кругов, целью которых было убедить избирателей в необходимости поддержать альянс генерала А. Лебеда и Б. Ельцина.

Координационный совет христианских общественно-политических организаций Петербурга и Ленинградской области распространил заявление, в котором выражалась уверенность в том, что «петербуржцы вновь сделают правильный выбор и во втором туре президентских выборов проголосуют за Б. Ельцина». Авторы заявления предостерегли сторонников демократических реформ от самоуспокоенности и подчеркнули, что «именно выбор демократически настроенных петербуржцев должен перекрыть голоса части избирателей российской глубинки, где многие еще верят обещаниям коммунистического будущего». В документе также говорилось: чем нагляднее будет поражение коммунистов, тем слабее станет их влияние на жизнь страны в дальнейшем.

В промежутке между первым и вторым турами голосования агитация была направлена главным образом на разъяснение необходимости участия в выборах. Все отмечали невиданный результат — явка избирателей во втором туре была выше на три процента, чем в первом.

Второй тур (3 июля). Голосовали 62,25 процента избирателей. За Б. Ельцина в Петербурге подали голоса 73,86 процента (по России — 53,74 процента), за Г. Зюганова соответственно 21,09 и 40,25 процента.

Серьезных нарушений в ходе голосования не было. В день выборов 3 июля в Петроградском районе на улицах отмечалось распространение листовок с призывом голосовать за Г. Зюганова, хотя представители его петербургского штаба назвали это провокацией.

Интересны показатели, характеризующие полити-

ческие ориентации избирателей Петербурга на федеральных выборах. В 1991 году за коммунистов голосовали 19,99 процента жителей (по России — 28 процентов), за национал-патриотов — 5,74 процента (по России — 7,98 процента), за центристов — 3,45 процента (по России — 3,5 процента), за демократов — 68,33 процента (по России — 58,56 процента). В 1993 году за коммунистов соответственно 8,58 и 21,29 процента, за национал-патриотов — 18,02 и 23,93 процента, за центристов — 16,18 и 26,13 процента, за демократов — 57,22 и 28,66 процента.

В 1995 году за коммунистов в Петербурге проголосовали 18,39 процента избирателей (по России — 32,84 процента), за национал-патриотов соответственно 13,4 и 21,06 процента, за центристов — 23,41 и 22,64 процента, за демократов — 42,05 и 20,63 процента. В 1996 году (16 июня) за коммунистов 15 и 32,49 процента, за национал-патриотов — 16,5 и 20,7 процента, за центристов — 51,06 и 36,84 процента, за демократов — 16,33 и 8,39 процента. Во втором туре президентских выборов (3 июля) эти показатели были следующими: за коммунистов проголосовали 21,16 и 40,31 процента избирателей, за национал-патриотов — (данные отсутствуют), за центристов — 74,1 и 53,82 процента, за демократов — (данные отсутствуют).

После завершения президентской кампании город жил в ожидании «разбора полетов» новым губернатором. Однако паника оказалась преждевременной: примерно треть «собчаковского» правительства вошла в кабинет В. Яковлева, а чиновников низшего ранга смена власти вообще не коснулась. Сохранили свои посты редакторы газет, публиковавшие о нем «разгромные» статьи во время выборов.

Главнейшей проблемой для В. Яковлева стала финансовая. Новый председатель Комитета финансов И. Артемьев пришел к выводу, что в течение трех месяцев необходимо срочно найти около трех триллионов рублей, или треть бюджета города: чтобы остаться на второй срок, А. Собчак и его команда перед выборами стремились создать «временный социально-экономический рай». Необходимые средства брали в долг, в основном на рынке ГКО, под 120—200 процентов годовых и на суперкороткие сроки. В ре-

зультате долг Петербурга с января по май 1996 года вырос вдвое — до 2,46 триллиона рублей и составил около 70 процентов от доходов города, собранных к моменту смены власти.

Благодаря усилиям «непрофессионала» И. Артемьева, которому долго пеняли на его биологическое образование, властям удалось выправить финансовую ситуацию. Это позволило городу бесперебойно платить (и даже повышать) зарплату, исполнять свои обязательства, прекратить рост долга, иметь бездефицитный бюджет, получить высокий кредитный рейтинг на Западе. Немало было сделано администрацией в области строительства и возрождения промышленности.

Вместе с тем В. Яковлеву не удалось избежать страсти А. Собчака к «проектам века» (самый яркий из них — строительство высокоскоростной магистрали), которая и городу, и экс-мэру обошлась достаточно дорого. К чему приведет она нового губернатора, не было ясно и в 1999 году. Некоторые эксперты предполагали, что это строительство скажется и на будущем В. Яковлева.

До начала 1998 года В. Яковлев и его команда вполне конструктивно взаимодействовала с законодательной властью. Ситуация резко изменилась с принятием депутатами законодательного собрания устава Петербурга, абсолютно неприемлемого для губернатора, так как он серьезно ограничивал полномочия главы города. После того как обычно весьма осторожный спикер парламента Ю. Кравцов категорически отказался идти навстречу пожеланиям В. Яковлева и проголосовал предложения последнего как поправки к принятому закону, губернатор начал кампанию по его смещению с поста председателя законодательного собрания и после двух месяцев борьбы добился своей цели. Естественно, после этого В. Яковлев категорически не хотел видеть среди депутатов нового законодательного собрания ни Ю. Кравцова, ни тех, кто его поддерживал.

Выборы законодательного собрания Петербурга (декабрь 1998 года). На 50 депутатских мандатов было зарегистрировано 588 кандидатов, в избирательный бюллетень включено 577 кандидатов. Аналитики изначально прогнозировали двухтуровую кампанию.

Максимальное число кандидатов зарегистрировали избирательное объединение «Яблоко» (30 кандидатов), блок «Коммунисты Ленинграда» (29), блок «Согласие» (20), РОС (10), Конгресс русских общин (8) и ЛДПР (7). «Блок Юрия Болдырева» официально кандидатов не выдвигал, но 25 кандидатов, выдвинутых группами избирателей, указали свою принадлежность к этому блоку, и эта информация была включена в избирательный бюллетень.

Минимальное число кандидатов в избирательных округах — 4, максимальное — 26.

Первый тур (6 декабря 1998 года). Его канун был ознаменован рядом акций, ранее не свойственных для подобного рода кампаний.

Во-первых, горизбирком впервые за всю историю петербургских выборов принял решение отдельно провести в округе № 41 подсчет голосов, поданных в ходе досрочного голосования, где было допущено особенно много всякого рода нарушений избирательного закона (этим «грешили» и в 17-м, 30-м, 39-м, 40-м округах). Главный из них — прямой торг голосами избирателей, среди которых выделялись военные учреждения (например, в пригородном Пушкине курсанты всех четырех расположенных здесь училищ в «централизованном порядке» проголосовали досрочно).

Во-вторых, 4 декабря городской суд по инициативе горизбиркома рассмотрел иски о снятии с регистрации кандидатов в депутаты Д. Кокко и О. Нехаева (оба — 9-й округ) за заключение с избирателями так называемых «договоров на агитацию». Федеральный судья Т. Гунько отказала в удовлетворении претензий ввиду того, что, по ее мнению, подобные договоры не противоречили ни Конституции РФ, ни федеральному закону о гарантиях выборов.

Таким образом, горсуд фактически признал законным осуществляемый в различных формах подкуп избирателей.

Вместе с тем прокуратура впервые в России возбудила два уголовных дела по ст. 141, ч. 2, пункт «а» УК РФ («Воспрепятствование осуществлению гражданином своих избирательных прав или работе избирательных комиссий, соединенное с подкупом, обманом и применением насилия») против баллотировавшихся

в 9-м округе экс-спикера законодательного собрания, члена Совета Федерации Ю. Кравцова, которому вменялась в вину организация медицинского центра, где обслуживались избиратели и велась предвыборная агитация, и того же О. Нехаева.

Оба в первом туре с треском провалились. Эксперты полагали, что на политической карьере Ю. Кравцова можно было поставить крест.

В-третьих, еще два кандидата в депутаты законодательного собрания — глава холдинга «Любимый город» А. Мошкалов и заместитель директора ООО «Лига» С. Ниров были арестованы по обвинению в совершении противоправных действий.

В целом первый тур (6 декабря 1998 года) прошел весьма спокойно, хотя без инцидентов не обошлось. Были анонимные звонки в милицию по поводу якобы заложенных взрывных устройств в трех избирательных участках, однако эта информация оказалась ложной.

На одном из участков были задержаны люди, предлагавшие за 50 рублей проголосовать за названного ими кандидата. На другом видели «Мерседес», пассажиры которого за аналогичные действия давали по 100 рублей, однако при появлении милиции (выборы обслуживали около 5 тысяч сотрудников) машина скрылась.

Кроме того, поступали заявления о запрещенной агитации в день выборов. Впрочем, по мнению сотрудников горизбиркома, нарушения носили незначительный характер и на итоги голосования не повлияли.

По словам председателя горизбиркома А. Гарусова, новые избирательные технологии, с помощью которых предполагалось ввести электорат в заблуждение, не имели успеха. Среди преодолевших первый тур 6 декабря не было ни одного «двойника». Осталось «за бортом» большинство претендентов, практиковавших подкуп избирателей, предлагавших, по данным горизбиркома, от 15 до 560 рублей за голос, а также продуктовые наборы, бесплатные консультации врача и юриста и прочие подачки.

Главной сенсацией кампании стала небывалая для города явка избирателей: в голосовании приняли участие более 1,5 миллиона человек, что составляло 40,56 процента зарегистрированных избирателей. Этот фе-

номен эксперты напрямую связывали с призывом демократических сил не допустить к власти криминальные группировки, что стало особо актуальным после убийства депутата Госдумы Г. Старовойтовой.

Из 50 округов в первом туре одержали победу шесть депутатов законодательного собрания прежнего созыва — М. Мамосов (председатель политсовета петербургского «Яблока»), С. Миронов, В. Новоселов, К. Серов, О. Нилов и Н. Ананов (все «независимые»).

Среди 88 кандидатов, продолжавших борьбу в 44 округах 20 декабря во втором туре, оказались представители следующих объединений: 23 выдвиженца из 30 объединения «Яблоко», 18 из 24 «Блока Юрия Болдырева», 10 — из блока «Коммунисты Ленинграда» (6 — члены КПРФ и 4 — РКРП), 4 — из блока «Согласие», 1 — из РОС С. Бабурина (Ю. Шутов).

Также по одному представителю провели во второй тур КРО, движения «Региональный союз» и «Объединение граждан за справедливость». Остальные были «независимыми» кандидатами.

Предполагалось, что основная борьба во втором туре будет проходить между «Яблоком» и «Блоком Юрия Болдырева», хотя напрямую их представители должны были столкнуться всего лишь в пяти округах. При этом практически все специалисты отдавали предпочтение «явлинцам» (до 16 мандатов), исходя из вышедшего во второй тур их количества и закрепившейся за Петербургом репутации «яблочного» города. Предполагалось, что «Блок Болдырева» мог рассчитывать на 9—10 мест в законодательном собрании, «Согласие» — на один-два мандата. Шансы блока «Коммунисты Ленинграда» оценивались как незначительные.

Второй тур (20 декабря). Его канун был ознаменован активным участием в кампании шестерых депутатов городского парламента прежнего созыва, получивших новые мандаты в первом туре.

С подачи В. Новоселова, В. Серова и О. Нилова 12 декабря был озвучен на ТВ и затем растиражирован в печатных СМИ «Единый петербургский список» кандидатов, в котором большинство составили «независимые». В него также «вошли» почти все коммунисты и по несколько представителей «Яблока» и «Блока Юрия Болдырева». Вместе с тем в список не был

включен ни один кандидат от блока «Согласие — объединенные демократы». Туда также не попали «борцы» с уставом города, проявившие особую непримиримость к губернатору.

По словам авторов списка, главным критерием при его составлении служила «способность кандидата к конструктивной и созидательной работе, готовность нести персональную ответственность перед избирателями, пребывание в ладах с законом».

Список сразу и откровенно поддержал В. Яковлев, сказав, что на втором этапе выборов он не может умалчивать о своем мнении потому, что хотел бы работать с конструктивным парламентом, который «нужен не только ему лично — это необходимо жителям города», и что нельзя, чтобы депутаты голосовали «по решению политсовета партии».

В противовес «Петербургскому списку» 16 декабря вторая тройка избранных в первом туре депутатов (М. Амосов, С. Миронов, Н. Ананов), а также председатель местного отделения «Яблока» А. Шишлов и лидер блока «Согласие» В. Сычев представили «Единый гражданский список», в который были включены все «яблочники» (23) и все представители «Согласия» (4), «болдыревцы» (10), а остальные — «независимые». В «Гражданском списке» не нашлось места только коммунистам.

Оставшиеся до второго тура дни проходили под знаком «войны» создателей двух списков. Депутат Н. Ананов счел «списочный бум» продолжением деятельности избирательных технологов, проколовшихся на «кандидатах-двойниках» и «партии-двойнике», а появление «губернаторского списка» он расценил как стремление властей внести разногласия в «Антикриминальный фронт».

Помимо прямой поддержки В. Яковлевым «Петербургского списка», за что, кстати, он получил замечание (правда, устное) от горизбиркома, его кандидатов активно раскручивали подконтрольные губернатору электронные и печатные СМИ. Особое внимание этому уделила телерадиокомпания «Петербург». Примечательно, что по представлению А. Кошмарова ведущим программы стал его приятель А. Вечер (до того на ТВ не работал), который получил

доступ на канал с санкции вице-губернатора А. Потехина, курировавшего СМИ.

На этом же канале был прокручен «документальный» триллер «Заговор», в котором раскрывались «коварные планы демократов по захвату власти» в Петербурге. В фильме было задействовано интервью с Ю. Болдыревым, который позже заявил, что не разделяет политических воззрений авторов триллера и не знал об использовании интервью именно в этой передаче. Кроме этого, всю неделю перед вторым туром с экрана звучал призыв к жителям города дать отпор «экспансии Москвы и всеми силами бороться с «московским уклоном».

В «перетягивании каната» между создателями двух списков равную удаленность от них, по крайней мере внешне, сохранял Ю. Болдырев. Он демонстрировал стойкую убежденность в правоте положений программы блока, решительно обличал администрацию и достаточно доказательно обвинял «Яблоко» в сложившейся в городе неблагоприятной социально-экономической и криминогенной ситуации.

В итоге в законодательное собрание нового созыва первоначально попали 16 «болдыревцев», 8 «яблочников» (среди них — единственная женщина-депутат), 2 коммуниста, по одному представителю от ДВР, РОС и Регионального союза, остальные — «независимые».

Только 26 депутатов сохранили свои мандаты (некоторые из них имели опыт работы еще в Ленсовете и Петросовете).

Сокрушительное поражение потерпели парламентские партии «Наш дом — Россия» (было 5 депутатов, выдвигалось 10) и ЛДПР (выдвигалось 7), не получившие ни одного мандата.

Партия Г. Старовойтовой — «ДемРоссия» (избирательный блок «Северная столица») не смогла провести ни одного кандидата (выдвигалось 9) даже во второй тур.

«Коммунисты Ленинграда» (КПРФ и РКРП) потеряли 3 места из 5 (выдвигалось 24).

Оказалось несостоятельным организованное в канун выборов масштабное «движение директоров» — «Промышленность Петербурга»: с его помощью в за-

конодательное собрание попал лишь один человек (выдвигалось 42).

За стенами городского парламента остались движение А. Лебеда «Честь и Родина» (выставляло 40 кандидатов), КРО (8) и другие.

Среди проигравших (как и в 1994 году) оказалось немало «звезд» городской политики, среди которых — С. Беляев (его стали считать «чужаком», «варягом», да еще «приватизатором»), генерал милиции А. Пониделко, адвокат Ю. Новолодский, которого, по оценкам наблюдателей, подвела, видимо, страсть к публичной риторике.

Особо следует сказать о «Демвыборе России» (Е. Гайдар — А. Чубайс), который традиционно имел в городе вполне сопоставимый с «Яблоком» рейтинг, но через блок «Согласие» смог получить лишь один «чистый» мандат (выдвигалось 20) из-за очевидных просчетов.

Еще до выборов «Согласие» и «Яблоко» договорились не пересекаться в некоторых округах. Как результат, представители первого блока вышли во второй тур только там, где не было «яблочников». Тем не менее они конкурировали по десяти округам, что привело к потере «Согласием» десяти кандидатов, а у «Яблока» после первого тура в этих округах «отсеялось» два человека.

Кроме того, злую шутку с питерскими гайдаровцами сыграло их стремление предстать в качестве лидеров «демократической коалиции», в результате чего за эмблемой «Согласия» потерялся сам «Демократический выбор России».

По мнению независимых экспертов, «немалые деньги», которыми располагало «Согласие», были потрачены на дорогостоящую, но малосодержательную рекламу по ТВ и оформление рекламных тумб по всему городу, что невольно напоминало очевидные для всех издержки кампании А. Собчака.

И еще. Раз за разом появлявшаяся заставка на экранах ТВ с текстом: «Убита Галина Старовойтова. Избирательный блок «Согласие — объединенные демократы» на время траура прекращает свою рекламную деятельность» была представлена противниками

блока как циничная акция, из-за чего его представители недосчитались многих голосов.

По оценке социологов, на «Согласии» отрицательно сказалась также рациональность его электората. Как показал анализ, в ряде округов потенциальные избиратели блока, преследуя цель не пропустить коммунистов или криминал, голосовали за кандидатов от «Яблока» или «Блока Юрия Болдырева», считая непроходными выдвиженцев «Согласия».

По мнению наблюдателей, результат «Согласия» говорил о том, что радикальные либералы перестали пользоваться поддержкой даже в демократическом Петербурге.

Кроме того, состоявшиеся выборы высветили и ряд других, не менее важных для будущих избирательных кампаний, моментов.

Прежде всего, выборы в Петербурге показали довольно низкую эффективность от вложенных в кампанию значительных средств: большинство депутатов составили кандидаты от уже раскрученных брэндов.

По понятным причинам точно подсчитать затраты на выборную кампанию практически невозможно. Вместе с тем, основываясь только на ценах официальных прайс-листов издательских фирм, телекомпаний и типографий, эксперты считали, что затраты предвыборных блоков и объединений исчислялись миллионами долларов.

Однако наибольший интерес с точки зрения будущих выборов 1999 и 2000 годов представляли не столько объемы израсходованных средств, сколько источники поступления больших денег на петербургскую кампанию. Но это, как говорится, деликатная тема, и доказать здесь что-либо практически невозможно.

Выборы показали непопулярность крайних сил. Это относилось как к крайне левым — коммунистам, так и к крайне правым — демократам гайдаровского толка. Под удар попало и «Яблоко», которое в городе многие считали «партией власти». В контексте сложившейся ситуации широкая поддержка «болдыревцев» могла рассматриваться как особая форма протестного голосования.

Петербургские выборы показали также, что прак-

тически все организованные политические силы имели скудный кадровый потенциал. Не случайно из 50 избранных 26 уже были депутатами.

Стала очевидной неспособность демократов объединиться между собой своевременно, что было следствием амбициозности и веры в собственную самостоятельность их активистов.

«Яблоко» почти всюду побеждало коммунистов, но проигрывало «Блоку Болдырева», который, в свою очередь, в основном побеждал кандидатов из «губернаторского списка».

А теперь о том, как основные фигуранты питерской кампании отреагировали на ее исход.

В. Яковлев выразил удовлетворение исходом голосования 20 декабря. По его словам, «убедительная победа» кандидатов из «Петербургского списка», поддержанного главой города, показала, что у его жителей «есть доверие к губернатору, есть доверие к власти».

Главный «виновник» сенсации Ю. Болдырев был более сдержанным. Он отметил, что прошедшие от его блока депутаты должны решить три задачи: провести ключевые законы по декриминализации власти, «заштопать карман, сделать так, чтобы он не был дырявым», заставить власть работать в интересах горожан.

Выдвиженцы Г. Явлинского проиграли не только «болдыревцам» во всех округах противостояния, но в ряде случаев и «независимым», над которыми имели, казалось бы, недостижимое преимущество.

По словам лидера «Яблока», восемь депутатских мандатов вместо прежних трех — «это хороший и ожидавшийся результат». Вряд ли с этим можно было согласиться, если вспомнить царившую среди «яблочников» эйфорию в связи с выходом во второй тур 23 их представителей: тогда выражалась уверенность в том, что объединение одержит убедительную победу и в законодательном собрании будет диктовать свои правила игры. Эта уверенность привела к самоуспокоенности избирателей блока, которые, видимо, решили, что победа уже выиграна, и поэтому часть из них не пришла к урнам.

Эксперты считали, что уменьшение явки (во втором туре — 31,8 процента, тогда как в первом — 40,5 процента) произошло в основном за счет сокращения «яблочного» электората. В результате примерно двум третям выдвиженцев «Яблока» не хватило для избрания по несколько десятков голосов.

Весьма отрицательно сказались на результатах, по словам Г. Явлинского, и «резкая антияблочная кампания» самого Ю. Болдырева. Тем не менее присутствие в законодательном собрании представителей бывшего соратника лидер «Яблока» считал «не худшим вариантом», хотя создание блока с ним вряд ли было возможно.

Функционеры ДВР посчитали, что одной из главных причин неудачи было использование московских имиджмейкерских фирм: они, дескать, руководили всей дорогостоящей кампанией «Согласия» в Петербурге, и именно по их предложениям основные финансовые средства были направлены на «раскрутку» лейбла блока, его имиджа, а не конкретных кандидатов в депутаты. По словам руководителя местного отделения ДВР В. Сычева, на московских специалистов не следовало опираться потому, что, как потом выяснилось, «у них были свои параллельные задачи».

Кроме того, «гайдаровцы» выдвинули претензии к спонсорам своей кампании, которые для подстраховки поддержали в одном и том же округе политических противников ДВР.

Е. Гайдар озвучил новую тактику ДВР на выборах в Госдуму России, основные положения которой сводились к выступлению в составе коалиции «Правое дело», публичности партии (призыв к своим единомышленникам перенять опыт «заклятых» друзей-демократов — «Яблока», однако без их популизма), концентрации усилий в работе по округам и широкой агитации. По словам Е. Гайдара, на местное отделение ДВР он возлагал большие надежды, считая, что неудача демократов в Петербурге — неудача в целом по России.

В законодательном собрании первоначально было образовано пять депутатских фракций: «Центр», «Петербургские районы», «Народовластие», «Яблоко» и самая многочисленная — «Блок Юрия Болдырева».

Однако уже на втором заседании парламента 13 января 1999 года от нее откололось четыре человека и вместе с К. Серовым (ранее он был включен в «Петербургские районы») создали шестую фракцию под названием «Промышленная». Последовавшее за этим ее присоединение к коалиции «Петербургские районы» — «Народовластие», имевшей вместе только 18 голосов, существенно изменили расстановку сил в городском парламенте в борьбе за пост его спикера.

В законодательном собрании расстановка сил была такой: 27 мандатов имела демократическая оппозиция (фракция «Блок Юрия Болдырева» — 12 депутатов, «Яблоко» — 8, «Центр» — 5, двое независимых), 23 мандата — сторонники губернатора (фракция «Петербургские районы» — 12 депутатов, «Промышленная» — 5, «Народовластие» — 5, один независимый).

Пикантность ситуации, складывавшейся вокруг избрания спикера городского парламента, заключалась в том, что представители этих двух основных групп депутатов располагали «блокирующим пакетом» голосов, поэтому протолкнуть своего человека на этот пост без взаимовыгодных договоренностей с коллегами ни одна из них не могла.

Эксперты считали, что в подобной ситуации компромиссной фигурой мог стать не принадлежавший ни к каким партиям и блокам С. Миронов. Он обладал самым устойчивым рейтингом, до избрания спикера именно ему депутаты доверили распоряжаться финансами городского парламента. В его пользу также говорили незапятнанная репутация и умение договариваться с губернатором, не поступаясь интересами представительной власти, а также вовремя занятая им ниша демократа-центриста.

Как отмечали местные аналитики, большинство петербуржцев не интересовала развернувшаяся в законодательном собрании «подковерная» борьба за распределение портфелей. Проведенный опрос показал, что 52 процента жителей города считали: деятельность нового парламента ничуть не улучшит их жизнь, так как целью депутатов было обеспечение собственных интересов (27 процентов), интересов финансово-промышленных групп (21 процент), администрации (20 процентов), политических партий (15 процентов) и криминальных структур (11 процентов).

Одно из центральных мест в политической жизни Петербурга занимало противостояние между группировкой «прогубернаторских» сил и «Яблоком», начавшееся еще в период выборов ввиду массивного «наката» команды В. Яковлева на бывших стратегических союзников.

Однако, объявив «яблочникам» войну, власти получили действительно серьезного противника, с которым при иных обстоятельствах можно было бы договориться. Но люди Г. Явлинского, не связанные обязательствами с исполнительной властью, создали губернатору немало проблем.

Уходя в отставку с поста первого вице-губернатора, председателя комитета финансов, И. Артемьев и председатель местного отделения «Яблока» А. Шишлов обвинили В. Яковлева в связях с криминалом и финансовых нарушениях. По словам бывшего вице-губернатора, «кроме правительства, городом управляют и теневые структуры, губернатор открыто поддерживает людей с криминальным прошлым» и ведет опасную финансовую политику.

Учитывая, что председателем политсовета местного отделения «Яблока» на состоявшейся 22 февраля 1999 года XXIII конференции был избран И. Артемьев, следовало ожидать, что наступление соратников Г. Явлинского на губернатора будет только усиливаться.

Подоплеку этого противостояния специалисты усматривали в практически начатой всеми политическими силами Петербурга подготовке к выборам в Госдуму России, а еще более того — к предстоящим в середине 2000 года выборам губернатора Петербурга, а может быть, и единого субъекта федерации — города и области.

Еще одним событием, которое могло иметь далеко идущие политические последствия, аналитики считали арест 16 февраля 1999 года депутата законодательного собрания, избранного по «губернаторскому списку», Ю. Шутова, которому прокуратура Санкт-Петербурга официально предъявила обвинение «в организации банды, руководстве ею, организации ряда умышленных убийств, совершенных организованной группой с особой жестокостью и общеопасным способом». Среди жертв банды назван предприниматель Д. Фи-

липпов, чиновник городской администрации Е. Агарев, юрист И. Дубовик, бизнесмен Н. Болотовский, а также еще трое граждан.

Политическая подоплека усматривалась здесь в том, что этот арест усиливал тезис противников В. Яковлева о его связях с криминальными кругами. Кроме того, он наносил удар и по позициям вице-спикера Госдумы, лидера РОС С. Бабурина, чьим помощником на общественных началах являлся один из арестованных — Ю. Шутов.

Аналитики делали вывод о том, что политические симпатии петербургского электората претерпели серьезные изменения. Несмотря на то что в городе много жителей пожилого возраста, позиции коммунистов здесь заметно ослабли. Пожалуй, еще в более худшей ситуации оказались радикальные демократы.

Последние выборы и дальнейшее развитие событий показывало, что доверие петербуржцев к В. Яковлеву, который являлся для них олицетворением федеральной власти, за последнее время существенно снизилось. Финансовая нестабильность в стране и продолжавшееся падение уровня жизни людей, разгул преступности и безнаказанной коррупции среди чиновников всех уровней объективно вело к увеличению числа граждан, готовых голосовать за смену центральной власти уже на выборах в Госдуму 1999 года.

Глава 4

ПЫЛАЮЩИЕ БАЛКАНЫ

Подготовка операции. — Особенности военной кампании против Югославии. — В ожидании наземных боев. — Ситуация обостряется. — С Россией не считаются. — «О нас просто вытирают ноги». — Премьер Е. Примаков поворачивает самолет. — Е. Гайдар, Б. Немцов и Б. Федоров идут на войну. — США: новый миропорядок. — Гегемонизм Вашингтона. — Будет ли НАТО бомбить Москву, если в Чечне снова возникнет конфликт. — Союз России, Белоруссии и Югославии: это всерьез?

15 января 1999 года в косовской деревне Рачак были убиты почти четыре десятка гражданских лиц, и эта бойня резко изменила политическую ситуацию. Реконструкция процесса принятия решений в Вашингтоне и Брюсселе показала, что бойня в Рачаке трансформировала балканскую политику Запада значительно сильнее, чем это обычно бывает вследствие единичных событий. Зверства, обнаруженные на следующий день, «убедили» администрацию США, а затем и ее союзников по НАТО, что шестилетние усилия, направленные на сдерживание этнического конфликта в Косове, были обречены на провал. В последующие две недели они отказались от курса на сдерживание и пошли по более амбициозному курсу: радикально решить проблему Косове вместо того, чтобы сохранить ее в состоянии сдерживания.

В течение последующих двух дней Б. Клинтон согласовывал план с премьер-министром Британии Т. Блэром, и к концу января жребий был брошен в пользу первой войны для НАТО и самого значительного конфликта в Европе со времен Второй мировой войны.

Союзники приняли несколько решений, содержащих план решительного применения военной силы, которая, как указывалось в «Оценке национальных разведывательных данных» за ноябрь 1998 года (официальная оценка положения правительства США), рассматривалась как единственный для Запада способ сдвинуть с места С. Милошевича. Более поздние вы-

борочные разведывательные оценки очень сильно различались в своих прогнозах относительно вероятной реакции С. Милошевича на давление со стороны Запада.

«Он может предположить, что сможет выдержать ограниченное нападение и что союзники не поддержат длительной кампании», — говорилось в ежедневном бюллетене «Нэшнл интеллиженс дейли» («*National Intelligence Daily*», 27 января 1999 г.), распространенном ЦРУ среди политологов. Но в бюллетене за 6 февраля содержался прогноз о том, что С. Милошевич мог бы «согласиться с размещением крупных миротворческих наземных сил НАТО в Косове только в том случае, если для спасения его престижа будет разработана формула, которая позволит ему изобразить это как средство сохранения Косова в рамках Сербии». («*National Intelligence Daily*», 6 февраля 1999 г.).

Еще в одном бюллетене, изданном в марте, говорилось, что «Милошевич будет стремиться сделать только такие уступки, которые позволят ему избежать бомбардировок НАТО». Ограничения, связанные с НАТО и внутренней политикой, давили на Б. Клинтона, толкая его одновременно в двух противоположных направлениях — повышать ставки интервенции, но в то же время ограничивать имеющиеся средства. Четыре главных европейских партнера Вашингтона — Великобритания, Франция, Германия и Италия — не желали применять силу в связи с Косовом без наличия плана всеобъемлющего урегулирования, но они исключали то, что один американский чиновник охарактеризовал как «единственное надежное средство для достижения этой цели, а именно наличие наземных войск, готовых к вторжению».

Согласно официальному правительственному отчету, накануне начала бомбардировок Б. Клинтон говорил Т. Блэру: «Если мы предпримем военные действия без какого-либо политического плана, то у нас будут проблемы». Б. Клинтон знал, что, по мнению его союзников по НАТО, албанские партизаны так же увлеклись насилием, как и Белград. Он сказал Т. Блэру: «Надо будет сказать ОАК: «Слушайте, если вы хотите, чтобы мы сделали для вас что-то еще, вы также должны нам помочь». Они, вероятно, так же часто на-

рушали соглашение о прекращении огня, как и С. Милошевич, хотя его нарушения являются более вопиющими». Т. Блэр согласился: «Одна из опасностей состоит в том, что мы вдарим по Милошевичу и обнаружим, что ОАК наезжает на людей, которые не согласны с ней».

Госсекретарь М. Олбрайт провела последнюю неделю января, организуя пусковой механизм для осуществления угрозы в адрес Югославии со стороны НАТО. Сидя за столом с шампанским и черной икрой, в обитом красным бархатом фойе президентской ложи в московском Большом театре, М. Олбрайт в антракте между действиями оперы «Травиата» пыталась найти какую-нибудь точку зрения с российским министром иностранных дел И. Ивановым. Не согласится ли министр, спросила она, с тем, что ультиматум Белграду мог бы склонить Милошевича к сделке? И. Иванов выразил понимание, но не согласие.

Затем М. Олбрайт позвонила министрам иностранных дел Великобритании, Франции, Германии и Италии — остальным членам Контактной группы — и сказала, что она не согласится на проведение следующего заседания, если только они заранее не примут идею ультиматума С. Милошевичу. 30 января министры стран НАТО одобрили второй «приказ об активизации» в целях подготовки к войне. Этот приказ в отличие от приказа от 13 октября 1998 года не предусматривал паузы между бомбардировкой 50 объектов в ходе первой фазы и последующими бомбардировками. 1 февраля Б. Клинтон встретился со своими советниками по внешней политике, и жребий был брошен.

При этом М. Олбрайт попросила директора управления планирования политики госдепартамента США М. Гальперина и других рассмотреть непринятые сценарии, которые еще не были полностью учтены. Они возвратились с меморандумом на пяти страницах, озаглавленным «Сюрпризы». Среди этих опасений: албанцы могут отказаться от соглашения и начать военные действия; С. Милошевич будет сочетать фальшивое мирное наступление с продолжением военных операций в небольших масштабах; НАТО в конечном счете не пойдет на начало воздушных операций; Россия ока-

жет более активное сопротивление этим планам, возможно, вплоть до оказания военной помощи Белграду.

Самым неприятным сюрпризом, сказал один чиновник, связанный с составлением меморандума, оказалось то, что на самом деле и произошло, а именно широкое наступление сербов, которое было вызвано началом бомбардировок НАТО. Администрация могла бы «подвергнуться критике» по поводу того, что она вызвала страдания, которые стремилась предотвратить. Единственный ответ, сказал этот чиновник, состоял в том, чтобы «попытаться получить военные ресурсы», необходимые для того, чтобы победить в войне, причем «чем скорее, тем лучше».

«Раз начав боевые действия, надо добиваться подавляющего и быстрого военного успеха, иначе это обернется дипломатической катастрофой». Так писал молодой армейский капитан У. Кларк в своей дипломной работе в 1975 году, когда он учился в военном колледже. В 1999 году Верховный главнокомандующий Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе генерал У. Кларк вел совсем иную войну, нежели ту, которую он сам пропагандировал четверть века назад. Это война контрастов, война, в которой использовалась огневая мощь самого сильного в истории военного блока вместо тактики выжженной земли. Это война, в которой дважды выверялись все цели нападения и в которой тем не менее гражданское население в ужасе бежало из своей страны, спасаясь в равной мере как от ярости сербов, так и от НАТО.

Эскалация боевых действий вынуждала Пентагон призывать все новых и новых резервистов. Однако если это и казалось такой преобладающей силой, какую капитан У. Кларк имел в виду в 1975 году, будучи под впечатлениями своего ранения во Вьетнаме и награждения медалью «Серебряная звезда» за доблесть, то в 1999 году генерал У. Кларк ошибался. Операция в Югославии полностью контролировалась политиками — от выбора целей до степени интенсивности действий, — и это делало задачу генерала У. Кларка гораздо более сложной, чем он это мог себе представить в 1975 году.

Невысокая эффективность сербских ПВО сбила

НАТО с толку. Пентагон предполагал: это свидетельствовало о том, что союзникам удалось ослабить сербскую противовоздушную оборону с помощью налетов и создания компьютерных помех для радарных установок через микроволновые передатчики. Однако, как заявил один из специалистов Пентагона, тактика сербов напоминала ту, которая применялась ими во Второй мировой войне. Тогда немцы направили в Сербию армию в 700 тысяч человек, но она не смогла уничтожить сербских партизан, несмотря на четырехлетние ожесточенные бои.

В 1999 году сербы использовали свою систему ПВО почти так же, как в свое время использовали партизан для отвлечения внимания и сил противника. Они не пытались нанести ВВС НАТО большие потери, а скорее старались снизить эффективность бомбежек. Такая тактика срабатывала.

Пилоты НАТО редко летали на высоте ниже 10 тысяч футов из опасения быть сбитыми. Чем это грозило, можно было видеть на примере бомбежки колонны албанских беженцев. Колонну, растянувшуюся почти на три мили, летчик принял с высоты 15 тысяч футов за военный конвой, и его бомба с лазерным наведением уничтожила трактор с прицепом, перевозивший беженцев. Белград заявил, что погибло 75 человек. Если бы сербская система ПВО была выведена из строя, пилот смог бы приблизиться к цели и увидеть, что это гражданское население. Он не нанес бы удара и не вызвал бы такого всеобщего возмущения. Другой пилот самолета Ф-16 из 565-й эскадрильи истребителей в Авиане заметил, что они ни в коем случае не хотят помогать С. Милошевичу подобными ошибками. Однако перемещение сербских войск с албанскими беженцами было, по его словам, частью стратегии С. Милошевича.

Сербские военные передвигались вдоль таких дорог, либо на очень небольшом расстоянии от них. Американские пилоты избегали этих дорог там, где это было возможно, и пересекали их при необходимости под прямым углом. Сербские танки и другое вооружение в деревнях, зная, что стремление НАТО избежать потерь среди гражданского населения поможет сохранить в целостности это вооружение. «Мы знаем,

где они находятся, однако проблема состоит в том, что они размещаются в деревнях либо в колоннах вместе с гражданскими лицами», — объяснил один из пилотов. Сербь рассредоточивали свои бронетанковые силы таким образом, что их танки действовали в одиночку или парами, лишая НАТО крупных целей.

В этой войне впервые 90 процентов сброшенных бомб были так называемыми «умными» бомбами, направляемыми на цели пилотами или с помощью спутников. Во время войны в Персидском заливе высокоточные управляемые бомбы составляли всего восемь процентов. С помощью такого оружия действительно был достигнут триумфальный успех в сентябре 1995 года. Тогда высокоточное оружие, составившее уже 70 процентов всех сброшенных бомб, помогло за две недели заставить боснийских сербов сесть за стол переговоров.

Американские пилоты, выполнявшие более 80 процентов всех вылетов, сбрасывали обычно бомбы лазерного наведения. Бомбы летят по направленному пилотом лазерному лучу. Однако в тех случаях, когда лазерный луч прерывался облаками, туманом или когда видимость пилота ограничивалась погодными условиями, бомба стоимостью 50 тысяч долларов сбивалась с курса. Погода была главным союзником С. Милошевича, когда в течение первых двадцати дней войны было всего семь дней хорошей погоды. Впервые американские боевые самолеты могли бомбить независимо от погодных условий и направлять их на цели, используя глобальную спутниковую систему наведения, а не полагаться на зрение пилота. Применяемые при этом авиабомбы обходились намного дешевле, чем дорогостоящие крылатые ракеты, утверждали специалисты.

Однако воздушная война истощает запасы высокоточного оружия. Число крылатых ракет стоимостью по полтора миллиона долларов, которыми обладали американские ВВС, сократилось до 90, а на пополнение их запаса требовалось время. До начала войны на вооружении бомбардировщиков В-2 находилось менее 1000 бомб спутникового наведения, и это вынудило ВВС в срочном порядке осуществить их дополнительные поставки. Война высветила специфичные приори-

теты Пентагона: он расходовал около 350 миллиардов долларов на осуществление трех новых программ создания ультрасовременных боевых самолетов, но не имел достаточно боеприпасов для обеспечения текущих нужд своих бомбардировщиков.

Ряд ключевых военных проблем зависел от способности С. Милошевича уцелеть без того, что уничтожала НАТО. Например, планы Пентагона оставить Югославию без нефти имели смысл только в том случае, если сербские вооруженные силы нуждались в топливе для обеспечения своего выживания и не имели достаточно запасов. «Мы уничтожили все их крупные нефтехранилища и нефтеперерабатывающие предприятия, однако у них есть целая сеть мелких хранилищ, — заявлял французский офицер. — Мы думали, что запасов их бензина хватит всего лишь на один месяц, а сейчас оказывается, что они обладают гораздо большими возможностями».

К тому же распыленные атаки против сербской сети командного управления оказались не столь эффективными, как это планировали стратеги Пентагона. После войны в Персидском заливе американские ВВС обнаружили, что система командования Ирака не рухнула, несмотря на 500 нанесенных ударов, и что эта система оказалась более разветвленной и более способной восстановиться, чем думал Пентагон.

Публично генерал У. Кларк заявлял, что удовлетворен тем, как развивались события, будучи уверенным в том, что НАТО ослабляло боеспособность С. Милошевича. Однако эта кампания нарушила многие из основных правил. Догма находила свое подтверждение не в тезисах генерала У. Кларка, а в большей части всего стратегического мышления после Вьетнама. По мере того как кампания продолжала разворачиваться, требуя все больше людей и снаряжения НАТО, генерал мог припомнить и другие слова из своей дипломной работы 1975 года: «Опора на воздушные и морские силы вряд ли может оказаться полностью удовлетворительной».

Заранее убежденная в том, что Соединенным Штатам придется предложить отправку своих наземных войск для содействия выполнению мирного соглашения, М. Олбрайт посчитала нужным ограничить это

предложение таким образом, что, по мнению некоторых разработчиков политики, оно стало неприемлемым.

«Мы исходили из предположения: нужно было найти пути для сведения к минимуму участие американских войск и подчеркивать «обстановку вседозволенности», чтобы иметь какую-нибудь надежду добиться согласия Пентагона, президента и конгресса», — сказал один советник, участвовавший в разработке плана М. Олбрайт. Исходя из аналогичной логики, президент Б. Клинтон, опасавшийся острых споров в конгрессе США и со стороны союзников, заявил после начала бомбардировок Югославии: «Я не намерен посылать наши войска в Косово для ведения войны».

Заверения относительно наземных войск и явные трудности, с которыми столкнулся альянс при осуществлении трехэтапного плана военных действий в воздухе, убедили не только С. Милошевича, но и большинство американского разведывательного сообщества в том, что НАТО не продержится вместе даже такой срок, который она уже продержалась. Один разработчик политики добавил: «Наше собственное разведывательное сообщество, вероятно, полагало, как, по-видимому, предполагал и сам Милошевич, что мы побомбим денька три, как это было в Ираке, а затем прекратим бомбардировки независимо от того, добьемся мы выполнения задачи или нет».

Б. Клинтон и его советники уверяли, что они были уверены в правильности своих действий. На вопрос о том, как он может называть успешной войну, приведшую к катастрофе с беженцами, заместитель государственного секретаря С. Тэлботт ответил в ходе одного интервью: «Очень просто. Они вернутся домой. Они пойдут обратно в Косово, которое должно быть безопасным, надежным и самоуправляющимся. Таков наш ответ». Однако на самом деле американское руководство оказалось перед непростым выбором: попытка решить вопрос без участия наземных сил явно столкнулась с серьезными трудностями.

Когда Балканы восемь лет назад стали сталкиваться к войне, умудренный опытом министр иностранных дел Люксембурга Жак Поос объявил: «Это — час Европы, а не час американцев», имея в виду, что европей-

цы могли бы сами разрешить свои проблемы. Последовавшие затем бедствия — войны в добивавшихся независимости югославских республиках: Словении, Хорватии, Боснии и Герцоговине показали опрометчивость его предсказания. А то, что происходило весной 1999 года в небе над Югославией, как раз показывало, до какой степени Западная Европа оставалась младшим военным партнером. «То, что мы делаем в Косове, пожалуй, лишь подтверждает, что Европа не может воевать без американцев, — заявил официальный представитель одной из европейских стран при штаб-квартире НАТО в Брюсселе. — Европейцы могут вести миротворческие операции, но не войну».

В то же время европейцев, в частности, раздражали некоторые из уроков, извлеченные на Балканах. Воздушная война против Югославии «подчеркнула целый ряд возможностей, в которых Европа слишком зависима от помощи Соединенных Штатов», — заявил министр обороны Великобритании Дж. Робертсон. «Если Европа всерьез думает над тем, чтобы взять на себя большее бремя в будущих конфликтах, подобных нынешнему, то она должна повысить свои способности», — сказал министр.

Мало кто ожидал какого-то быстрого решения на сей счет. Ярлык «Военная кампания НАТО», приклеенный к операции союзных сил, фактически маскировал ее огромную асимметричность. Согласно источникам НАТО, примерно из одной тысячи самолетов, задействованных или требовавшихся для нанесения ударов с воздуха по армии и полиции Югославии, около 700 — американские. Операцией командовал генерал американской армии У. Кларк. И вооруженные силы Соединенных Штатов, как заявляли военные аналитики, внесли в операцию такой вклад, с которым никто другой состязаться был не в состоянии: стратегические бомбардировщики В-1, истребители «Стелс» F-11А и два вида штурмовой авиации — самолеты А-10 и вертолеты «Апач».

«Одно дело рассудком понимать, что европейцы зависимы от американцев; другое дело — видеть это. А сейчас мы видим это», — заявил в газетном интервью Фр. Деусс, специалист по европейским делам в Льежском университете. Аналитик в вопросах оборо-

ны из Института политических исследований в Лондоне Дж. Шарп предсказала, что несоответствие в способностях, которые обнажил конфликт в Косове, заставит европейские страны — члены НАТО делать больше в будущем. В частности, она думала, что это придаст силы инициативе, предпринятой двумя европейскими ядерными державами — Францией и Англией, с целью обозначить военную роль для Европейского Союза.

Наблюдатели отмечали: события в Косове могли подтолкнуть западноевропейских политиков к выводу, что надо изменить одну аномалию — тот факт, что после четырех с лишним десятилетий процесса европейской интеграции военные операции и военные отрасли промышленности все еще ревниво считались исключительно национальной прерогативой. «Страны ЕС (11 из которых являются членами НАТО) все вместе расходуют на оборону чуть более 60 процентов военного бюджета Соединенных Штатов», — заявил Фр. Эйсбур, президент Центра по проблемам политики в области безопасности. Фр. Эйсбур предсказал, что после того, как конфликт в Косове закончится, дело большей координации в масштабе Европы в том, что касается планирования обороны и расходов, получит «весьма существенный толчок».

Таким образом, после двух месяцев ведения военной кампании, главной целью которой было спасение жизней и домов этнических албанцев в Косове, она резко ускорила и истребление, и ограбление этих же албанцев. И хотя разработчики политики рассматривали возможность того, что бомбардировки спровоцируют сербские силы на более жесткое насилие на территории, они явно недооценили способности С. Милошевича. Разработчики политики предполагали, что сербский лидер попытается ликвидировать повстанческую Освободительную армию Косова, но они не предвидели того, что из 1,6 миллиона этнических албанцев две трети останутся бездомными, а тысячи погибнут.

Что в это время происходило в России?

Основной тенденцией политической ситуации в Москве весной 1999 года было продолжение острой борьбы в верхах между правительством Е. Примакова,

опиравшимся на парламентское большинство, и коалицией, сплотившейся вокруг президента Б. Ельцина. В апреле стало ясно — президент готовится к решающей схватке.

Суть этой борьбы, несмотря на весь антураж в виде «дела Ю. Скуратова», борьбы с коррупцией, проблемы импичмента, состоял в том, каким путем Россия будет развиваться в ближайшей перспективе: состоится ли «коммунистический реванш», или она будет продвигаться по пути «капиталистических» реформ.

Эта борьба получила новые очертания в связи с началом агрессии НАТО против Югославии. Данный фактор оказал огромное влияние на общественное настроение в России, заметно активизировал идущие в ней политические процессы.

Агрессия Североатлантического альянса против Югославии наглядно продемонстрировала необходимость очередной переоценки ценностей, поставила под вопрос идеологические обоснования политики последних лет, которая привела к тому, что с Россией перестали считаться как с субъектом системы международных отношений.

США и их союзники проигнорировали все жесты, предпринятые российским руководством, чтобы предотвратить военное вмешательство Запада в СРЮ, не пожелав ни внять призывам российского президента к правящим кругам Запада вернуться за стол переговоров, ни отложить военную операцию в Югославии хотя бы на время предполагавшегося визита Е. Примакова в США.

Проигнорировали в НАТО и угрозы со стороны России, власти которой уже в первый день после начала военной операции заговорили о возможности реализации РФ крайних мер, способных привести к новому противостоянию с Западом, — оказание военной-технической помощи СРЮ и размещение тактического ядерного оружия на территории Белоруссии.

Не восприняли на Западе всерьез и попытку российского премьера сыграть миротворческую роль в отношениях между Североатлантическим альянсом и Белградом. По словам председателя думского комитета по международным делам В. Лукина, «о нас просто вытирают ноги».

В крайне сложное положение развитие нового балканского кризиса поставило правые, либеральные силы, поддерживавшие президента. Их лидеры были напуганы тем, что на фоне бессильной и нищей России действия военной машины НАТО и непреклонность, с которой ее использовали в СРЮ без санкций ООН, ставили под вопрос дальнейшее существование в стране либерального реформаторства, ориентированного на Запад.

Неожиданно резко негативная реакция российского общественного мнения на агрессию продемонстрировала, что процесс формирования у населения России стойких антиамериканских настроений заметно усилился. Как был вынужден признать один из лидеров радикально-реформаторского блока «Правое дело» Б. Федоров, если операция НАТО продлится еще несколько недель, то 99 процентов населения России будет настроено против Запада.

В стране фактически складывалась принципиально новая идеологическая ситуация, характеризовавшаяся ростом антиамериканизма, значительным повышением уровня «оборонного сознания», смотревшего на мир сквозь призму «образа врага», а также группового и национального коллективизма. Эта тенденция проявила себя в волне прошедших по России протестных акций против политики США и НАТО, которая вывела на улицы не только сторонников левых и националистических партий, но и молодежь, студентов, представителей других слоев населения, подчас далеких от политики и не симпатизировавших оппозиции.

Антиамериканские и антизападные настроения способствовали дальнейшему размыванию и без того слабых позиций либерализма в массовом сознании, ухудшали электоральные позиции правых партий и движений. Поэтому они пытались активно адаптироваться к новой ситуации. В силу этого политическая жизнь в стране претерпела достаточно существенные изменения, в частности, начал быстро меняться идеологический контекст политического процесса.

Поведение всех более или менее крупных политических партий и движений правого толка отражало изменение массового сознания. Ни одно избира-

тельное объединение, у которого были серьезные намерения участвовать в избирательных кампаниях 1999—2000 гг., не солидаризировалось с действиями НАТО.

Даже лидеры правоцентристских и праволиберальных движений — НДР (В. Черномырдин), «Яблоко» (Г. Явлинский) и другие, в той или иной форме обнаружившие свою зависимость от политических и финансовых кругов США, не стали открыто защищать американскую агрессию на Балканах. Угроза потери влияния заставила их осудить агрессию НАТО.

На съезде движения «Правое дело» Е. Гайдар признал сербскую авантюру «крупнейшей ошибкой НАТО за все время существования этого блока». Принятое на этом съезде, с подачи президентского окружения, решение группы радикал-либералов взять на себя миротворческую миссию, было отчаянной попыткой перехватить инициативу у правительства и доказать общественному мнению и истеблишменту свою жизнеспособность. По некоторым данным, группа Е. Гаидара, Б. Федорова и Б. Немцова представляла себя в этой поездке как «будущее правительство России».

Взглянем на балканскую проблему с геополитической точки зрения.

Из досье «НАТО и Россия. Геополитический аспект»:

Натовская агрессия против Югославии — один из этапов западной экспансии против в недавнем прошлом Советского Союза, а сегодня России. Покорение Сербии, ее уничтожение как государства, способного проводить самостоятельную политику, открывает для США, Германии и некоторых других западных стран прямой путь к новым европейским территориям и прежде всего к России.

Плацдармы для начала вынашиваемых акций против Российского государства и некоторых других стран прошли серьезную степень подготовки. На западе — это Болгария, Молдавия, Украина и в значительной мере Румыния. На юге также сложилась опасная для Москвы ситуация. Серьезное проникновение уже произошло в некоторые бывшие советские республики Сред-

ней Азии. На востоке страны налицо опасная степень открытости просторов для США, Китая и Японии. В этой связи излишне говорить о Венгрии, Чехии и Польше, ставших членами НАТО, а также трех прибалтийских странах, стремление которых к Западу и Западу в эти страны вряд ли у кого-либо может вызывать сомнения, что эти страны будут использованы против России в полной мере.

Находит не только подтверждение, но и воплощение в жизнь неоднократно в течение многих лет подтвержденная информация об экспансионистских устремлениях прежде всего США, их западных и восточных союзников по отношению к Советскому Союзу.

США в своих официальных доктринах, касающихся национальной безопасности, открыто провозгласили свое лидерство в мире и обеспечение его любыми средствами, в том числе и силовыми. Откровенный цинизм провозглашения этой роли Вашингтона не должен поражать умы многочисленных мнимых, сбитых с толку или тем более сознательно вставших на эту позицию «миротворцев». Такова правда, и любой деятель — государственный, патриот, который имеет или будет иметь отношение к большой политике, не должен заблуждаться на этот счет, а ясно осознавать тяжелую реальность сегодняшнего и завтрашнего мира. Демонстрация политики с позиции силы приобрела не какой-то словесный характер, а вполне очевидные для всех очертания и содержание.

В чем причины и каковы мотивы подобного американского взгляда на проблемы миропорядка?

Соединенные Штаты добились такого уровня своего общего развития, в том числе производственного, когда в рамках одного лишь своего государства замкнуться уже не могут. В национальных границах они задохнутся, должны будут сбавить темпы своего экономического развития, доллар превратится в необеспеченную товарами и военной силой валюту. Антиамериканские настроения в этой ситуации вспыхнули бы серьезными очагами противостояния во многих точках земного шара, что сегодня и, видимо, по крайней мере в первой половине будущего века не устраивало бы и США, а также, надо полагать, те страны, которые органически

уже сориентировались на Вашингтон. В этих условиях американские правящие круги сочли необходимым обеспечивать свои позиции не только политическими средствами, но и военной мощью.

США в весьма малой степени использовали природные богатства своей страны, такие, как нефть, газ, уголь, руды разных металлов. Стратегия США заключается в том, чтобы сберечь собственные полезные ископаемые на будущее в качестве резерва на случай, если обстоятельства заставят их искать возможности внутри страны. Отсюда твердая линия Америки на использование богатств в других частях света. Но мир оказался уже поделенным, и после развала Советского Союза случилось так, что достигаемыми для американских appetитов оказались постсоветские и прежде всего российские просторы, несметные богатства которых могли бы обеспечить удовлетворение потребностей США на ближайшие 50—80 лет. Шанс такой, по мысли американских стратегов, представился, и Вашингтон ухватился за него.

Правда, США пока смущают все возрастающие возможности Китая и, в меньшей мере, устремления Японии. Однако дележ восточной части России с выяснением отношений в треугольнике США—Китай—Япония можно было бы отодвинуть на срок, исчисляемый не одним десятком лет. Что, впрочем, прагматичную Америку вполне устраивает.

На каких же направлениях и в какой парадигме могут находить свое воплощение устремления США в отношении постсоветского пространства в самом ближайшем, обозримом будущем?

Этих направлений несколько.

Это — Украина и прежде всего Крым, где социальная среда легко может воспламениться (крымские татары, украинцы, русские). Ударной силой может стать Турция. Последняя быстро найдет союзников.

Это — Молдавия, которая за помощь в решении приднестровской проблемы может решиться на далеко идущие отношения с НАТО, даже не входя формально в этот блок.

Это — Грузия, которая в тисках тяжелого экономического кризиса и в поисках выхода из него может

пойти на полную сдачу своей самостоятельности Североатлантическому блоку.

В связи с югославской проблемой следует обратить внимание на один весьма серьезный, талящий в себе большую опасность аспект ситуации в Европе в целом. Дело в том, что в Европе в потенциале кроется возможность многочисленных территориальных конфликтов на базе межэтнических, межгосударственных, исторических, экономических противоречий, которые до поры до времени в рамках послевоенного устройства не проявляются, но которые можно легко разжечь, если кто-то сильно пожелает этого. Из всего числа европейских стран только три-четыре государства разрешили свои пограничные вопросы, другие же пока смирились со своим административно-территориальным делением, официально не затрагивают «шероховатостей» в этом вопросе. Но это только до поры до времени.

В качестве примера можно указать на Англию, которая никак не решит с Ирландией проблему Ольстера. Германия не забыла, что когда-то ей принадлежали Эльзас и Лотарингия, сегодня находящиеся в составе Франции. Между Германией и Чехией проблема Судет. Италия с трудом отстояла ныне принадлежащий ей район Триеста, весьма спорный в ее отношениях со Словенией. Венгрия, как считают ее граждане, после двух мировых войн оказалась в положении «государства-огрызка», части территории которого с компактно проживающим венгерским населением находятся во всех соседних с нею странах. На Балканах ни одно государство не воспринимает как окончательный вариант границы друг с другом. Есть такие проблемы и у прибалтийских стран, не говоря уже о Польше, с пребыванием в составе которой части Восточной Пруссии и Силезии, земель по рекам Одер и Нейсе сегодня могучая Германия никогда не согласится.

И конечно, Россия, Белоруссия, Украина, Молдавия не могут не отдавать себе отчета в том, что территориальные вопросы у них, если следовать этой «логике», не решены ни с одним соседним европейским государством.

Вашингтон в борьбе за мировое господство держит это в резерве и немедленно использует, затеет кон-

фликт на нужном ему направлении, если Европа вдруг в чем-то будет мешать Америке. В этом плане попытка отделить Косово с преимущественно албанским населением от Сербии — основательная обкатка этой модели.

Перечень направлений неблагоприятного для России развития событий можно было бы продолжить, но недавний и нынешний опыт не может не наводить на мысль о возможности разворота событий по крайне тяжелому для России варианту. Опыт развала Советского Союза показал, что решение глобальной задачи через подрыв центра оказывается куда более предпочтительным, чем достижение главной цели на путях дальнего подхода. Поэтому США, вполне естественно, могут попытаться решить проблему российского пространства не окольным путем, а изнутри. Все действия американцев и, к сожалению, НАТО, вся имеющаяся на этот счет информация, прямая и косвенная, говорит о том, что прорабатывается и готовится именно этот вариант и он может произойти быстрее, чем можно это представить.

В самой России одни понимают складывающуюся ситуацию, но разъяснить ее общественности не имеют возможности. Другие находятся в плену заблуждений и не отдают себе отчета в том, что ожидает их в ближайшем будущем.

Вряд ли большинство политиков, не говоря уже о широких слоях общественности, задаются вопросом о том, в каком состоянии находится мир или значительная его часть на рубеже тысячелетий. С удовлетворением отмечают окончание «холодной войны», но мало кто говорит о том, что она во все большей мере перерастает в «горячую». Когда была «холодная война» и мир был двухполюсным, населению планеты напрямую не угрожала мировая война, потому что существовала система сдержек. Сейчас же международная обстановка обрела новое опасное качество, которое характеризуется настолько высокой степенью и широкими масштабами военных конфликтов, когда нетрудно обосновать, что мы скатились к начальному периоду третьей мировой войны. В этих условиях человечество вряд ли проживет так же мирно следующие полвека,

как это удалось сделать в первые пятьдесят лет после Второй мировой войны.

И опять Россия оказалась в эпицентре надвигающейся угрозы очередной мировой войны в результате тех трагических перемен, которые произошли с советским государством.

Был ли выход из создавшегося положения? Бесспорно, был. Первый шаг к нему можно было сделать лишь через правильное осознание идеи смертельной опасности для государства, что должно было быть отражено в новой концепции национальной безопасности России.

Этот документ 7 мая 1998 года обнародовал на заседании Совета безопасности России Б. Ельцин. Несколько ранее он отметил, что разработка новой доктрины «шла с пробуксовкой», а качественное преобразование армии нередко откладывалось. Он заявлял также, что Россия намерена свести до минимума последствия расширения НАТО и станет укреплять сотрудничество со своими соседями, особенно с Китаем и Белоруссией.

Эти высказывания президента и, безусловно, сама доктрина вызвали пристальное внимание и различные оценки политологов. Независимые эксперты связывали появление новой концепции национальной безопасности России с попыткой Кремля показать, прежде всего всей общественности, что российское руководство со всей серьезностью относилось к расширению НАТО на восток и слова Е. Примакова о пересмотре Россией своих стратегических ориентиров не расходились с делом. В числе других причин — ситуация на Северном Кавказе в связи с окончанием чеченской войны, а также продолжавшее оставаться нестабильным состояние экономики России.

Необходимость принятия новой доктрины, по мнению Фонда Карнеги, объяснялась возникновением ситуации, когда народ чувствовал опасность своему существованию. Россия как бы отступала, находилась в очень сложной ситуации, и поэтому появилась необходимость сформулировать, в чем состояли угрозы для нее и как она могла противостоять этим угрозам. Именно поэтому российская элита путем создания не-

коей концепции пыталась защитить свои интересы и обезопасить саму себя. Вместе с тем Фонд Карнеги отмечал, что «эта необходимость осознается лишь той небольшой частью элиты, которая имеет непосредственное отношение к проблемам национальной безопасности. Подавляющая же часть людей не задумывается о стратегических интересах».

Многие западные эксперты и политологи обращали внимание на то, что в новой доктрине национальной безопасности России экономические кризисы и общественные потрясения определялись как большая угроза, нежели военная агрессия. В оценках подчеркивалось, что если следовать новой концепции, то главная угроза для России исходила не извне, а изнутри страны — от социальной нестабильности общества и экономических проблем. В самой концепции определенно сказано, что главным приоритетом национальной безопасности России было «укрепление социальной стабильности» в обществе. При этом в комментариях вплетался тезис о том, что НАТО не рассматривалось российским руководством как источник военной опасности.

В то же время бывший помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский рекомендовал администрации Б. Клинтона изменить тактику, чтобы не загонять российские власти «в угол» и обозначить публично, что Россия в будущем (неопределенном) может быть принята в НАТО.

Ряд политологов отмечал конъюнктурный характер новой российской доктрины. В частности, А. Гарин, военный эксперт, преподаватель Института стратегических исследований в немецком городе Гармиш-Партенкирхен, утверждал, что у «Б. Ельцина есть проблема: как «продать» патриотам внутри страны нормальную и разумную мысль, что НАТО никому не угрожает, как «продать» свою политику и сказать, что он не роняет лицо страны». По его мнению, в условиях развала армии, глубокого расстройтва экономики и отсутствия национальной идеи появление новой концепции было призвано компенсировать чувство национальной ущербности и депрессивное состояние общества. Акцент, сделанный на необходимости восста-

новления Россией статуса великой державы, был направлен на преодоление смятенных чувств у миллионов россиян после распада Советского Союза.

В этом контексте заявления российских государственных деятелей относительно активизации отношений с Китаем и Белоруссией как ответ на расширение НАТО воспринимался западными экспертами весьма скептически. Большинство из них сходились во мнении, что то же объединение России с Белоруссией, в какой бы форме оно ни происходило, ничем не угрожает НАТО. А развитие отношений с Китаем рассматривать подобным образом было бы большим преувеличением. Многим на Западе представлялось, что противоречия между Россией и Китаем — потенциальные, возможные — намного больше и серьезнее, чем между Россией и США.

Все политологи и эксперты без исключения обратили внимание на ядерный аспект доктрины, согласно которой «Россия оставляет за собой право на применение всех имеющихся в ее распоряжении средств, включая ядерное оружие, если возникнет угроза самому существованию Российской Федерации как независимого суверенного государства, если возникнет угроза безопасности нашего народа». Такая позиция, по мнению сотрудника Вашингтонского института Брукингса Брюса Блэйера, стала подтверждением того, что «Россия в вопросе защиты своей территории более полагается на ядерное оружие, чем на свои обычные вооруженные силы, которые не в состоянии обеспечить защиту страны».

Многие западные специалисты указывали на отсутствие конкретных деталей принятой Советом безопасности РФ доктрины, что не позволяло точно сказать, какая судьба уготована ей в будущем. Однако в прогнозах преобладали негативные оценки. Высказывалось мнение о том, что «в реальной жизни подобная концепция национальных интересов столкнется с интересами определенных групп в обществе — финансовых, политических, региональных. Частные интересы разорвут ее».

Трудно было не согласиться с нелестными оценками западных политологов и экспертов относительно

слабостей и пробелов новой концепции национальной безопасности России. Приходилось констатировать, что новая доктрина писалась в отрыве от реального состояния экономики и интересов российского общества в целом. И не могла стать «стратегической основой для стабильного планирования российской государственной политики», как об этом заявил, в частности, С. Быховский, президент Молодежного Атлантического Клуба — российской общественной организации прозападной ориентации. Открытым оставался вопрос о том, способна ли была новая концепция обеспечить обществу и отдельным гражданам безопасность не только в военной области, но и в области экологии, экономики, продовольствия.

Одним из наиболее важных моментов в этой сфере был процесс, связанный с сокращением стратегических наступательных вооружений. В частности, вызывало серьезную озабоченность положение дел с выполнением американцами Договора СНВ-1 и прежде всего их стремление увеличить потенциал для быстрого наращивания возможностей своих стратегических сил при выходе из Договора СНВ-1 «в случае необходимости».

С этой целью США отказались в рабочих документах от термина «ликвидация» в отношении МБР «МХ» и подменили его понятием «исключение из зачета», что позволяло им, якобы правомерно, уничтожать только одну (первую) ступень из трех, тогда как Договором было предусмотрено уничтожение всех ступеней ракеты. Между тем на предприятии «Тиокол», которое выпускало первые ступени этой МБР, было налажено производство ступени ракеты-носителя «Кастор-120», предназначенной, по утверждениям американцев, для мирных космических пусков. Однако это изделие, по мнению специалистов, могло быть использовано в качестве первой ступени МБР «МХ».

Кроме того, Вашингтон отказывался от признания неправомочности практики испытания БРПЛ «Трайдент Д-5» с числом операций разведения боеголовок, превышающих число заявленных по Договору боезарядов на этой ракете, что было его прямым нарушением. Для обхода положений Договора на полигонах

США проводились пуски с атомных подводных лодок Великобритании баллистических ракет «Трайидент Д-5» американского производства. По утверждению представителей США, ввиду того, что Договор СНВ-1 не распространялся на британские стратегические силы, при проведении подобных испытаний не было необходимости в соблюдении положений Договора. Однако поскольку эти испытания обеспечивались американским персоналом, их результаты могли быть использованы в интересах совершенствования ракетной техники США.

Большую озабоченность также вызывало проводившееся американцами на своих авиабазах переоборудование бомбардировщиков В-1В для ядерных крылатых ракет воздушного базирования большой дальности. Нельзя было исключать того, что США таким образом стремились обеспечить себе возможность быстрого наращивания количества ядерных зарядов в авиационной компоненте своих стратегических вооружений.

Указанные действия американской стороны не столько «размывали» конкретные требования Договора СНВ-1, но и закладывали основу для обхода Соединенными Штатами условий Договора СНВ-2, реализация которого базировалась на результатах выполнения Договора СНВ-1.

Эти нарушения требований Договора СНВ-1 были не случайными, что подтверждалось неоднократными отказами от их обсуждения представителями США на сессиях совместной комиссии по соблюдению и инспекциям по Договору СНВ-1.

Важным, особенно в контексте российско-американских отношений, был вопрос ратификации Договора СНВ-2. Новым моментом в этом вопросе стало то, что после встречи в сентябре 1997 года министра иностранных дел России и госсекретаря США неотъемлемой частью Договора стал Протокол о продлении сроков сокращений. В этой связи Договор СНВ-2 не мог считаться ратифицированным американской стороной.

Следующей актуальной разоруженческой проблемой стало ускорение разработки Договора СНВ-3

и придание этому процессу более высокого официального статуса. Целесообразно было добиваться отказа представителей США от увязки начала ведения полноценных переговоров по СНВ-3 с ратификацией Договора СНВ-2.

Обострялись проблемы, связанные с Договором по ПРО, что было связано с продвижением американских программ «национальной» ПРО. Администрации Б. Клинтона удавалось сдерживать возраставший нажим республиканцев в конгрессе США в пользу развертывания национальной ПРО в сроки, определяемые ее технологической готовностью. Однако нельзя было исключать того, что по мере приближения президентских выборов позиция администрации США по вопросу сохранения Договора по ПРО будет размываться. Учитывая крайне ограниченный объем средств, выделявшихся на развитие и поддержание боеготовности российских Вооруженных сил, а также то, что выход США из Договора привел бы к необходимости дорогостоящей модернизации российских стратегических вооружений, возможный выход США из Договора по ПРО представлял значимую угрозу для безопасности России.

Критически важное значение для России приобретала тема адаптации ДОВСЕ (Договора об обычных вооруженных силах в Европе). На этом направлении сложилась тупиковая ситуация, причиной которой стала линия США и их союзников по НАТО, направленная на достижение односторонних преимуществ за счет ущемления интересов России. Представители НАТО на переговорах стремились заблокировать большинство российских предложений, направленных на поиск взаимоприемлемых развязок. Вместе с тем как странам НАТО, так и России было бы невыгодно допустить срыв переговоров и неприятие решений по адаптации ДОВСЕ, что было способно поставить под вопрос жизнеспособность как самого Договора, так и основополагающего акта Россия — НАТО.

На стабильность и безопасность в мире большое влияние оказывала позиция России по проблемам нераспространения оружия массового поражения и средств его доставки. Российская Федерация была чле-

ном всех значимых органов контроля в данной области. Несмотря на это, Запад продолжал свою дискриминационную политику в сфере обмена высокими технологиями, что, в свою очередь, было способно отрицательно сказаться на судьбе Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и разработке международной конвенции о прекращении производства расщепляющихся материалов ядерного оружия.

По-новому воспринималось в мире и «обновление» НАТО.

С марта 1999 года Североатлантический альянс стал «Союзом 19-ти». На юбилейном саммите НАТО 23 апреля в Вашингтоне было объявлено о переходе к новой концепции глобальной стратегии, принципиально менявшей роль и цели НАТО, и подтверждена приверженность блока «политике открытых дверей».

Курс на дальнейшее расширение альянса в восточном направлении и реализация ее новой глобальной стратегии — события, по своим последствиям далеко выходящие за блоковые рамки. В ближайший исторический период они, безусловно, будут во многом определять дальнейший ход не только европейской, но и мировой истории.

Наглядной иллюстрацией к планам НАТО по дальнейшему расширению на восток и переходу на новую стратегию явилась агрессия блока против суверенной Югославии. Эта акция убедительно показывала, к чему ведет Европу и весь мир «обновленный» НАТО, писал автор этой книги в *«Независимой газете»* (*«Независимая газета»*, 15 апреля 1999 г.).

Конечно, речь тогда не шла о том, что альянс вынашивал агрессивные планы по силовому захвату российских территорий. Однако выдвижение НАТО на восток несло для России комплекс угроз — в военной, социальной, политической сферах. Эти угрозы носили долговременный и нарастающий характер.

Военная сфера. Блок НАТО и в прежнем составе обладал совокупным военным потенциалом, несопоставимым с потенциалом любого другого государства или союза государств. А с принятием новых членов этот огромный потенциал получил солидную добавку.

Но при оценке потенциальных угроз в военной сфере приходилось учитывать не только количественное увеличение.

В состав Объединенных вооруженных сил НАТО влились одни из лучших армий Европы. Вооруженные силы Польши, Чехии, Венгрии были прекрасно обучены и вооружены, хорошо знали российский театр военных действий, его стратегию и тактику, сильные и слабые стороны.

Расширение зоны ответственности НАТО на 650—750 км на восток и использование развитой аэродромной сети государств Центрально-Восточной Европы поставили под угрозу поражения даже обычными высокоточными авиационными средствами объекты в европейской части России — до рубежа как минимум Смоленск—Брянск—Курск. А с использованием управляемых ракет «воздух-земля» большой дальности этот рубеж достигает Предуралья. Учитывая современную стратегию США и НАТО, в которой основной ударной силой была авиация и крылатые ракеты, эта угроза являлась наиболее весомой.

Возможность развертывания воинских контингентов блока НАТО на территории стран — новых членов альянса в непосредственной близости у границ России и других стран СНГ усилили угрозу безопасности России. Обязательства, которые будут приняты натовскими странами в рамках так называемой адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе, не снимали этих опасений. Подготовленная и хорошо освоенная инфраструктура новых территорий, особенно при ее соответствующем развитии, позволит значительно сократить сроки развертывания дополнительных военных сил НАТО в непосредственной близости от границ России.

Такие термины в обязательствах Североатлантического альянса, как «временное размещение», «существенные» силы и т. п., призваны лишь затуманить существо дела. Эти «обязательства» легко обойти, формально ничуть их не нарушая. Вот только несколько таких способов, частично уже реализуемых НАТО.

Создание интернациональных воинских формирований на двусторонней или многосторонней основе. Пример — германско-датско-польский корпус.

- Заблаговременное создание военной инфраструктуры, складских запасов вооружений и техники, материальных средств, позволяющее в короткие сроки развернуть значительные воинские контингенты.

Многочисленные длительные воинские учения с переброской войск, что вообще характерно для натовских учений.

Освоение оперативной территории войсками и штабами, предназначенными для развертывания на данной территории.

Создание системы управления и контроля за воздушным пространством, которая развертывается и переоснащается на территории новых членов (и кандидатов!) по натовским стандартам и на основе натовской техники, а также систем разведки, связи и др.

Приходилось учитывать и угрозу, связанную с ядерным оружием. В НАТО заявили, что не намерены размещать на территории стран — новых членов альянса ядерное оружие. Никакого контроля за их выполнением не предусмотрено. Основными средствами доставки ядерного оружия на Европейском театре являются самолеты тактической авиации. Сами же ядерные боеприпасы могут быть доставлены в нужный район буквально в считанные часы.

Включение в состав натовских ВМС польского (а в перспективе, возможно, румынского и болгарского) военных флотов значительно усилило их мощь. ВМС НАТО получили существенные стратегические преимущества, освоив выгодные военно-морские базы этих стран на Балтийском и Черном морях. Россия как военно-морская держава может потерять свое значение на Балтике и Черноморье. Дополнительные тревожные для России нюансы на акватории Черноморско-Азовского бассейна внес ратифицированный договор с Украиной.

В перспективе общая военная ситуация для России может только ухудшиться. Особую угрозу представит прием в НАТО стран Балтии. Россия как военно-морская держава будет фактически вытеснена с Балтийского моря. Значительно увеличивается и протяженность сухопутной границы Россия — НАТО.

Важно напомнить: для оценки угроз национальной безопасности России важны не намерения, а возможности.

Военно-техническая сфера. Россия вытесняется с традиционно ориентированных для нее рынков сбыта вооружений и военной техники, несет невосполнимый урон от разрыва военно-технического сотрудничества со странами бывшего Варшавского договора.

Положение России на рынке вооружений — при активном взаимодействии блока НАТО и расширении на восток — будет только ухудшаться.

Москва уже теряет рынки на территории бывшего СССР. Речь не только о Прибалтике. Это — Кавказ, Украина и Молдавия, государства Центральной Азии. Россия всеми правдами и неправдами выталкивается из этих стран, неся здесь не только прямые, но и косвенные потери. Ведь в странах Варшавского договора, не говоря уже о республиках СССР, была широко развита кооперация в производстве военной техники и вооружений, в военно-научных и военно-технических исследованиях. Теперь все это, или почти все, разрушено и, похоже, восстановлению не подлежит.

И наоборот, принятие новых членов значительно усилит военно-промышленный комплекс НАТО. Польша, Венгрия, бывшая Чехословакия обладали развитыми национальными ВПК, которые способны производить любую военную технику, в том числе и обладающую ударными возможностями.

Социальная сфера. Офицеры «новообращенных» членов НАТО или стран — претендентов на это звание, которые учились в СССР или России, были либо уволены из вооруженных сил, либо в лучшем случае дослуживали свои сроки без всякой перспективы по службе. Пройдет лет десять, и у российских границ будут развернуты совершенно чуждые россиянам армии, воспитанные в духе если не враждебности, то большой настороженности и стойкой неприязни к России, оснащенные западной техникой, подготовленные по натовским стандартам и владеющие уже не русским, а английским языком.

Уже в 1998—1999 годах в странах — бывших членах Варшавского договора по сравнению с другими странами Европы были наиболее сильны антироссийские настроения. Искусственно раздувались они и в некоторых странах СНГ, руководство которых пыталось переориентироваться на Запад.

Политическая сфера. Здесь расширение Североат-

лантического альянса грозит России фактической изоляцией. Мощный натовский клан способен будет заблокировать любые решения, принимаемые на общеевропейских и других международных форумах, которые сочтет невыгодными для себя. И, наоборот, проталкивать свои позиции, пренебрегая интересами России.

Для стран, вступивших в НАТО, есть и еще один политический аспект, о котором политики новых «атлантистов» предпочитают не говорить. Это частичная утрата этими странами своего суверенитета. Помимо своего желания они могут быть втянуты в многочисленные конфликты во имя чуждых целей и интересов, будут вынуждены посылать своих солдат далеко за пределы национальных границ, поддерживать непопулярные, а порою и противоречащие национальным интересам решения блока и т.д. Очень показателен в этом отношении югославский кризис.

Снижается роль ОБСЕ, авторитетной общеевропейской организации, много сделавшей для укрепления общеевропейской стабильности и безопасности, для объединения континента. Фактически сведены на нет функции Совета Безопасности ООН, авторитет и влияние генсека ООН.

Наконец, расширение НАТО, по сути, делит страны континента на «чистых» и «нечистых», вновь грозя появлением разделительных линий, в уничтожение которых был внесен большой вклад всеми европейскими странами и не последний — Россией.

Особо негативное влияние на безопасность РФ окажет возможное расширение НАТО за счет некоторых государств СНГ, стремящихся стать членами блока.

Наиболее откровенно по этому поводу высказался секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины В. Горбулин на конференции в Лондоне, посвященной 50-летию блока. По его мнению, для государств, «находящихся на стыке геополитических интересов», быть нейтральными просто невозможно. Украина должна получить от Вашингтона «четкий сигнал». Таким сигналом, по мнению В. Горбулина, может стать либо решение альянса о кандидатах второй волны, либо принятие специальной программы по подготовке к вступлению в НАТО желающих стран. Фак-

тически Киев официально объявил о переходе к новому этапу в своей внешней политике, основным содержанием которого должно стать вступление в НАТО и интеграция в другие евроструктуры. После заключения договора с Россией, которым сняты территориальные претензии, дорога Украине в Североатлантический блок открыта. Мало сомнений в том, что она там рано или поздно окажется. З. Бжезинский считает, что это может произойти примерно в 2010 году. Тем более что стремление властей Украины полностью совпадает с долгосрочными интересами США и НАТО в отношении России и других государств на постсоветском пространстве.

Новая концепция. В альянсе, разумеется, понимают, что мировая ситуация, как и ситуация на Европейском континенте, настолько изменилась, что необходима совершенно новая блоковая идеология, которая оправдывала бы беспрецедентную территориальную и, можно сказать, политическую экспансию НАТО, наращивание его военного потенциала. Поэтому блок вынужден был срочно сменить свою идеологию и стратегическую концепцию. Их разработка — задача номер один. Судя по сообщениям, такая концепция весной 1999 года была уже готова. Она содержала ряд принципиально новых моментов.

Во-первых, отказ от понятия стратегического баланса, что раньше, по словам генсека НАТО Х. Соланы, было «ядром блоковой философии». Изменились и многие важные приоритеты блоковой стратегии, например, оборона стран-участниц. Разумеется, такая задача для блока оставалась, хотя при отсутствии сопоставимого по силам противника она теряла актуальность.

Во-вторых, предполагается новая формулировка предполагаемых угроз, на которые альянс должен ориентироваться и, соответственно, вести подготовку своих вооруженных сил. К ним отнесены: локальные конфликты, международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения и средств их доставки и др. В последнее время к ним добавилась также проблема компьютерного срыва при наступлении 2000 года.

Эти опасности действительно являются превалиру-

ющими в общем спектре угроз. Однако касаются они не только и не столько стран НАТО, но и других стран и в принципе носят глобальный характер. Военная сила, разворачиваемая блоком для нейтрализации этих угроз, — неадекватно огромная и никак не соответствует этим угрозам ни по величине, ни по структуре, ни по дислокации.

Характерно, что все эти угрозы многие натовские политики и аналитики относят к России как к их основному источнику. Вполне откровенно и цинично высказалась по этому поводу М. Олбрайт: «Управлять последствиями распада Советской империи — вот задача НАТО!» На примере Югославии видно, как будет осуществляться это «управление».

Югославия — своего рода полигон по отработке возможных действий Североатлантического альянса на территории бывшего СССР и нынешней России. В частности, в Косове США и их союзники пытались силовыми методами навязать суверенному федеративному государству форму взаимоотношений с его субъектами. А по существу, проводился курс на силовое отторжение части югославской территории.

В-третьих, новая концепция блока предполагает существенное расширение территориального фактора. Впредь блок намерен действовать за пределами территории стран-участниц, что противоречит сути Вашингтонского договора 1949 года. Собственно, прецеденты для этого уже были созданы — бывшая СФРЮ, теперь Косово.

В-четвертых, блок намерен применять военную силу для наведения порядка на чужих территориях без санкции ООН. Тем самым нивелируется роль этой уважаемой международной организации. Разумеется, в изменившейся ситуации ООН требует серьезного реформирования, однако это отнюдь не означает снижения ее роли — совсем наоборот.

Такое намерение НАТО очень опасно для глобальной стабильности. Его реализация может серьезно подорвать всю существующую систему обеспечения международного мира.

Принципиальное изменение стратегической концепции блока и курс на его расширение в восточном направлении ставит под угрозу сложившуюся систему

контроля над вооружениями, подрывает многие важнейшие международные договоры.

Можно назвать и еще один, все нагляднее проявляющийся нюанс в связи с «обновлением» НАТО. Это возросший гегемонизм Вашингтона в общей системе миропорядка и глобальной стабильности. Расширение блока на восток только усиливает эту тенденцию.

Взаимоотношения Россия — НАТО. Происходящие в стане Североатлантического блока события могут иметь очень важные последствия для взаимоотношений Россия — НАТО.

Россия пошла на подписание «Основополагающего акта о взаимоотношениях» исходя из того, что в тот период не было альтернативы мирному сотрудничеству, а также чтобы минимизировать последствия по крайней мере первой волны расширения блока. Однако дальнейшее расширение НАТО, отдельные положения его стратегии на XXI столетие, новые тенденции в политике альянса, по существу, подрывают основу этого важного документа.

В целом можно сказать, что эра противоборства двух общественно-экономических систем, эра «холодной войны» сменилась эрой «доминирования НАТО», эрой — как бы ни открещивались от этого некоторые союзники США — однополюсного мира, где главным критерием для принятия решений глобального или регионального характера становятся в основном национальные интересы США. Пассивная политика сдерживания меняется на активную, наступательную политику.

В целом расширение НАТО — процесс, который не ограничивается кандидатами «первой волны», — несет явную долгосрочную и комплексную угрозу безопасности России. Не укрепляет он вопреки заверениям натовских политиков и общеевропейскую безопасность и стабильность. Это наглядно показала агрессия НАТО против Югославии, негативные последствия которой не только для Европы, но и для всего мира, включая страны НАТО, еще долго будут сказываться — даже в том случае, если войну удалось бы остановить в самом начале.

События на Балканах всколыхнули политическую жизнь в России.

14 апреля в Госдуме состоялась встреча лидера фракции КПРФ Г. Зюганова с послом Франции в России Юбером Коллен де Вердьером по инициативе последнего. Посол пожелал встретиться с лидером коммунистов и на следующий день был им принят.

Ю. Вердьер не ссылался на указания из Парижа, но по ходу встречи было видно, что он ведет беседу в соответствии с инструкциями, данными ему, судя по всему, не только МИД Франции. К такому выводу аналитики пришли, учитывая значимость и новизну высказываний посла по сравнению с позицией НАТО в войне с Югославией. Он подчеркнул, что главная цель его встречи с Г. Зюгановым — поделиться некоторыми впечатлениями по югославской проблеме и сложившейся в связи с ней ситуацией не только в балканском регионе.

Французский посол заметил, что Париж (тут можно было понимать какой угодно уровень) «с пониманием относится к обоснованной позиции России в связи с военным конфликтом между НАТО и Югославией». Обращало на себя внимание, что ни одна страна, входившая в блок НАТО, не заявляла о своем понимании позиции России в югославском конфликте и тем более не отмечала ее обоснованности. Посол заметил также, что Франция предпочитает военному конфликту мирное урегулирование, не поддерживает идею разрастания конфликта и начало его следующего этапа — задействования натовских войск в Косове и вообще на территории Югославии.

На это последовало замечание Г. Зюганова о том, что в случае начала наземной операции НАТО в Югославии на территории последней впервые, спустя более чем 50 лет после окончания Второй мировой войны, будут действовать немецкие танки. А ведь против немцев югославы воевали вместе с Францией как союзники по антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны. На это замечание Г. Зюганова французский посол сказал, что нельзя допустить этого.

В словах посла, в его поведении чувствовались озабоченность и желание найти какое-то политическое решение проблемы, дабы покончить с военным конфликтом и избежать более тяжелых последствий. Он не говорил о том, что конкретно следовало бы пред-

принять в этом направлении, однако можно было однозначно понять, что позиция Франции отличалась от позиций других членов НАТО и, прежде всего, Вашингтона по этой проблеме.

На следующий день, 15 апреля, этот вывод нашел свое подтверждение, когда Госдуму посетил английский посол и встретился с Г. Зюгановым. В ходе беседы он изложил официальную линию НАТО, обвинив во всем Белград. Посол Англии заявил, что силы НАТО будут продолжать военную акцию до тех пор, пока Белград не примет условия политического урегулирования косовской проблемы, выработанные в Рамбуйе.

Вскоре после начала военной акции НАТО против Югославии послы США, Англии и Франции в Москве заметно активизировали свою деятельность в Госдуме. Их часто можно было видеть в кабинетах основных парламентских фракций, влиятельных депутатов.

Неожиданную версию высказали некоторые представители деловых кругов СРЮ. По их мнению, агрессия НАТО против Югославии — это хорошо спланированный «сговор» США с президентом С. Милошевичем, направленный не только на окончательное разрушение этой страны, но и имевший своей целью втянуть Россию в военный конфликт.

Как полагают югославские бизнесмены, С. Милошевич, являющийся проводником американской политики на Балканах, все равно подпишет устраивающий американцев план по урегулированию конфликта в Косове и согласится на ввод в этот край войск НАТО, так как в сложившейся обстановке для него важно «сохранить власть и политическое лицо перед югославским народом». По их словам, американцы располагают компрометирующими данными на югославского президента и имеют возможность оказывать на него давление. Бизнесмены отмечают, что в Югославии нет здоровой оппозиции С. Милошевичу, а Социалистическая партия, возглавляемая самим президентом, и руководимое его женой Югославское либеральное движение являются марионеточными.

В КНР осуждение военных действий НАТО в Югославии приобрело широкомасштабный характер. По данным социологического опроса, проведенного среди

студентов пекинских вузов, практически 100 процентов опрошенных выступили с резким осуждением действий НАТО и США. Однако, по мнению начальника управления стратегического анализа Главного разведывательного управления Генштаба НОАК генерала Чжана Хайяня, Китай, несмотря на дипломатическую поддержку Белграда, не намерен был предпринимать шаги по оказанию практической помощи югославам, в том числе гуманитарной, из-за натовской блокады с моря и разрушений взлетно-посадочных полос аэродромов на территории Югославии. Возможность использования аэродромов других европейских государств в качестве транзитных пунктов для переброски гуманитарных грузов в Пекине не рассматривалась.

Многие японские бизнесмены выражали крайне негативное отношение к военному вмешательству НАТО в Югославию. По мнению представителей корпорации «Мицуи» и «Эксимбанка», любая страна, в том числе и островная Япония, может страдать от действий радикально настроенных сепаратистов и ее неотъемлемым правом является защита целостности своей территории вплоть до ведения вооруженной борьбы. Однако в силу географической удаленности от зоны конфликта и острых экономических проблем события на Балканах не вызывали сколько-нибудь заметной обеспокоенности в Японии. Информация о конфликте в местных СМИ подавалась очень скупой, без комментариев и оценок происходившего, представляя собой только констатацию фактов, выбираемых из сообщений мировых информационных агентств.

По сообщениям прессы, перед началом боевых действий под прикрытием миссии ОБСЕ в Косове страны-участники НАТО занимались сбором информации, необходимой для последующего вторжения на территорию Косова и нанесения ракетно-бомбовых ударов по Югославии. Практически 80 процентов личного состава муниципального координационного центра миссии в г. Араховце составляли действующие военные из Великобритании, Германии, Италии, многие из которых были командированы частями НАТО, находившимися в соседней Македонии. Ключевые позиции в координационном центре занимали представители

Великобритании, многие из которых являлись сотрудниками спецслужб. Задолго до окончания переговоров в Рамбуйе в помещении миссии была вывешена карта, на которой были обозначены зоны ответственности Великобритании, США, Германии, Италии и Франции в Косове после планировавшегося вторжения войск НАТО. Оценка общей обстановки в крае была явно необъективной и односторонней. В ежедневных отчетах, составлявшихся версификаторами, в основном содержались сведения о местах дислокации, количестве, вооружении и передвижении сербских полицейских и войсковых подразделений.

По мнению немецких журналистов, «стремление Запада к партнерскому сотрудничеству с Россией напоминает дырявую крышу над прочным фундаментом глубокого недоверия. В действительности Запад не считает Россию партнером и соответственно обращается с ней. На Балканах же Россия, как сказал недавно один американский дипломат, в лучшем случае бесполезна.

Если же Москва в знак протеста против действий НАТО прекратит свою активность на Балканах, то она утратит еще один инструмент своего влияния. Это-то и произошло, когда она перестала участвовать в миссии ОБСЕ в Косове. В этом случае Россия в долгосрочной перспективе будет играть второстепенную роль в мире».

Немецкие аналитики отмечали, что «уже сегодня ясно — в один прекрасный день на восстановление Югославии после войны понадобятся деньги. И деньги эти будут не американскими, а европейскими, в частности, немецкими. Не является секретом также и то, в какую страну потекут потоки беженцев из Косова, — в Германию, а не во Францию или Великобританию. И для какого из европейских государств особенно важно поддерживать хорошие отношения с Москвой, также прекрасно известно. Конечно, для Германии.

Германия стремится к тому, чтобы Россия оставалась включенной в европейские структуры не только в силу экономических и политических интересов. От Брандта до Коля немецкие канцлеры последовательно работали над достижением и укреплением мира с бывшим врагом.

Если германская внешняя политика по-прежнему преследует эту цель, то следует признать, что в последние дни было допущено немало ошибок».

Арабские политики были уверены в том, что «истинной целью действий НАТО в Югославии является изменение политико-географической структуры Балкан. Согласно этой цели, должна быть уничтожена военная мощь сербов, а Косово и Черногория должны отделиться от Югославии.

Подобное преобразование может стать серьезным и прямым ударом по России — традиционному союзнику сербов — и помочь осуществлению господства Америки и НАТО на Балканах, в конечном счете приблизив Америку к границам Азии через Восточную Европу и став тем самым причиной нарушения равновесия сил в Европе.

В целом, как представляется, мировая общественность укрепляется во мнении, что Америка, проводя посредством НАТО агрессию против Югославии, намеревается обезвредить военную машину, оставшуюся от объединенной Югославии, и заменить влияние России в этом регионе на свое влияние. Надо сказать, что в этих планах Соединенных Штатов судьба мусульман-беженцев не имеет особой важности».

На этом фоне интерес представляет опубликованная в газете «Нью-Йорк таймс» статья Джэка Мэтлока («Нью-Йорк таймс», 26 апреля 1999 г.), бывшего посла США в СССР и Чехословакии, профессора Института современных исследований в Принстоне. Дж. Мэтлок утверждал: безопасность и стабильность в мире невозможны без России. НАТО усиливает бомбардировки Сербии под возгласы одобрения со стороны значительной части западной политической и интеллектуальной элиты. Бомбардировки сплотили сербов вокруг диктатора Слободана Милошевича, который использует воздушные удары как прикрытие и повод для массового изгнания, казней и захвата заложников.

Пока бомбардировки НАТО продолжаются, насилие в отношении косовских албанцев наверняка будет продолжаться. Оружие, используемому против них, непросто противостоять с воздуха. Война в воздухе явно осложняет положение дел на земле — на самом

деле осложняет значительно, поэтому усиливается стремление использовать сухопутные войска. Если бы они были способны осуществить интервенцию с момента начала бомбардировок, это могло бы стать одновременно как сдерживающим фактором для Милошевича, так и реальной защитой для косоваров, если бы это сдерживание не удалось. Но это не было сделано, и пройдет еще много недель, прежде чем войска будут развернуты, даже если правительства стран НАТО решат сегодня пойти на политический риск и направить их. К тому времени, когда могут быть собраны несколько сот тысяч солдат для вторжения, Косово, возможно, будет освобождено от албанцев, кроме тех, кто вынужден был бы стать живым щитом для сербских войск на пересеченной местности. Администрация Клинтона, похоже, не желает признать очевидное: бомбардировки НАТО превратились в абсолютный кошмар именно для тех, кого они призваны были защищать.

Пока что единственными выигравшими оказались Милошевич и его соратники, поддержка которых в Сербии, некогда шаткая, ныне крепка как никогда. Изменится ли что-нибудь, если бомбардировки будут продолжаться и дальше? Возможно. Но не надо на это рассчитывать, призывал бывший посол в Москве. Пока Милошевич может выступать как последний барьер на пути к утрате священной земли Косова, как сербский патриот, на которого напали более могущественные западные агрессоры, немногие сербы рискнут выступить против него. Любой успех в мирной стратегии основан на возможности раскола между сербским народом и Милошевичем.

По мнению Дж. Мэтлока, война против Сербии в целом имела противоположный эффект. Негативная реакция России на атаки НАТО была предсказуема. В конце концов в ходе дебатов по расширению НАТО мы заверяли Россию, что бояться нечего. НАТО, говорили мы, — это чисто оборонительный альянс, конституционно неспособный предпринять наступательные военные действия. Ранее мы дали понять Михаилу Горбачеву, что границы НАТО не будут расширяться на восток, если Германии будет позволено объединиться и остаться в НАТО.

Теперь русские задают вопрос: кто следующий? Будут ли бомбить Москву, если в Чечне вновь вспыхнет война? Высказывания тех российских политиков, которые безответственно заявляют о военной поддержке Сербии или о союзе Сербии, Белоруссии и России, могут быть отмечены как безрассудный бред. Это вызвано ощущением униженности и слабости, это безответственная риторика политиков, которым нужны проблемы на предстоящих выборах, чтобы отвлечь внимание общественности от их неспособности выполнить предвыборные обещания.

Тем не менее, продолжал Дж. Мэтлок, хотя такие заявления могут и не иметь практического эффекта для военных операций на Балканах, эмоции, которые они вызывают, осложняют и отдаляют создание демократических институтов и осуществление экономических реформ в России. Это также увеличивает сопротивление России идее дальнейшего ядерного разоружения. Официальная политика России, отличающаяся от эмоциональной риторики, ныне отравляющей воздух, на самом деле умеренная и ответственная. Россия хотела присоединиться к остальным в дипломатических усилиях по сдерживанию этнических чисток в Косове, но твердо придерживалась трех позиций.

Во-первых, угроза бомбардировок вряд ли заставит С. Милошевича принять соглашение в Рамбуйе. Во-вторых, эти бомбардировки не решат проблему Косова, но усугубят ее. В-третьих, нельзя предпринимать военных действий против суверенной страны без санкции ООН. Первые два пункта оказались абсолютно верными. Третий, по мысли Дж. Мэтлока, должен заставить серьезно задуматься Соединенные Штаты и их союзников по НАТО. Хотят ли они дать и другим военным альянсам право по их усмотрению вмешиваться за пределами их границ? Сделать это было бы крайне неразумно. Но если мы не хотим этого, восклицает бывший американский посол, то как мы можем ожидать, что страны, не входящие в НАТО, признают ее в качестве прокурора, судьи, присяжного и полицейского Европы? В этом ли состоит цель? Все было бы иначе, конечно, если бы Совет Безопасности ООН или Генеральная Ассамблея обратились к НАТО с просьбой претворить в жизнь принятое ими решение.

А. Собчак и Ю. Болдырев — делегаты XXVIII съезда КПСС. 1990 г

Экс-мэр Петербурга
А. Собчак

Л. Нарусова — супруга
А. Собчака в зале заседа-
ний Государственной ду-
мы РФ

И. о. Генерального прокурора России А. Ильющенко после выхода из
Лефортовского следственного изолятора, где он пробыл два года,
с женой Татьяной

С. Степашин еще министр, да и Ю. Скуратов — Генеральный прокурор

И прокуроры умеют смеяться

Полковник В. Жириновский рядом с маршалом И. Сергеевым

В. Жириновский — непревзойденный мастер эпатажа

Известный политик и думский деятель С. Бабурин — отец четырех сыновей

А. Лебедь всегда знает, как надо

«Легендарный» мэр Владивостока В. Черепков

Губернатор Приморского края Е. Наздратенко умеет управлять даже современным танком Т-80

А ну, что там пишут про олигархов?

Бывший директор Федеральной пограничной службы генерал армии А. Николаев стал депутатом и известным политиком

Лидер «Яблока» Г. Явлинский

Секретарь Совета безопасности РФ А. Кокошин

Министр обороны И. Сергеев стал первым маршалом Российской Федерации

В. Густов — первый вице-премьер правительства Е. Примакова, умеет управлять и трактором

М. Задорнов, Г. Селезнев, Е. Строев

Вице-премьер правительства России В. Булгак

Первый заместитель госсекретаря США С. Тэлботт, министр иностранных дел России И. Иванов (в центре) и помощник госсекретаря США Р. Холбрук в Москве

Первый заместитель премьера правительства Москвы В. Ресин (в центре) курирует столичный строительный комплекс

С. Степашин в преддверии своего «звездного» часа. Первый слева — секретарь Совета безопасности и руководитель президентской администрации Н. Бордюжа

Директор Федеральной пограничной службы России генерал-полковник Н. Бордюжа. Вскоре он станет секретарем Совета безопасности РФ и одновременно руководителем президентской администрации. Правда, не надолго, как и все кремлевские чиновники

Секретарь Совета безопасности
и одновременно директор Феде-
ральной службы безопасности
России В. Путин

Г. Зюганов выступает на митинге оппозиции у стен Белого дома
в Москве

Б. Ельцин, Е. Строев и С. Кириенко

Опять не утвердили...
Кандидат на пост пре-
мьер-министра С. Кириен-
ко покидает думскую
трибуну

«Весенне-летний» (1998 г.) премьер-министр РФ С. Кириенко и первый заместитель главы администрации президента О. Сысуюев

Вице-премьер В. Матвиенко и первый вице-премьер Ю. Маслюков

В отличие от некоторых своих предшественников премьер-министр Е. Примаков умел слушать...

...И искренне улыбаться

Соединенные Штаты должны обрести мудрость и волю вывести альянс из трагической трясины, которая нас ждет, если альянс будет продолжать нынешний курс войны против Сербии — к такому заключению пришел Дж. Мэтлок. По его мнению, нет другого пути для восстановления стабильности на Балканах, кроме как в сотрудничестве с Россией.

Здравомыслящих политиков в США немало, в чем автор этой книги еще раз убедился, участвуя как член российского Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) в очередной встрече, проходившей в Москве 29—30 мая 1999 года, между СВОП и Аспенской стратегической группой (АСГ). Последняя принадлежит к числу наиболее влиятельных «мозговых трестов» США, принимающих участие в формировании американской внешней политики.

О влиятельности АСГ говорит уже сам ее состав: бывший специальный помощник президента США по вопросам политики в отношении Европы и СССР, руководитель делегации США на переговорах по ОБСЕ Р. Блэквилл; заместитель госсекретаря США по разведке и исследованиям Т. Габи, занимавший этот пост до 1997 года; бывший заместитель министра обороны по вопросам ядерной безопасности Э. Картер; бывший председатель комитета сената по делам вооруженных сил С. Нанн; сенатор Лугар и другие.

Российский Совет по внешней и оборонной политике и Аспенская стратегическая группа имеют совместную программу «Российско-американский диалог», в рамках которой проведено уже шесть встреч. В ходе их возникали вопросы о прорабатывавшихся в США сценариях развития международной обстановки и двухсторонних российско-американских отношений.

В плане балканской проблемы интерес представляла проходившая 21—22 ноября 1998 года встреча между СВОП и АСГ, на которой затрагивалась обстановка вокруг Косова. Эта тема звучала в выступлениях четырех американцев.

Наиболее откровенно по Косово высказался тогда Б. Блэквилл: «Безусловно, российское руководство очень обеспокоено риском нанесения удара натовскими силами по целям в Косове. Я уже не говорю об ударах по объектам в Сербии или Югославии. Россий-

ская позиция состоит в том, что она будет сотрудничать с НАТО в качестве партнера в том случае, если Югославия будет осуществлять политику этнических чисток или если Фронт освобождения Косова будет все-таки настаивать на выходе из состава Югославии. То есть вопрос независимости, если он будет поставлен резко, станет камнем преткновения в отношениях между Российской Федерацией и НАТО».

Таким образом, о возможных ударах НАТО по Югославии было известно за полгода. Не было ясно только, когда конкретно произойдет эта неприкрытая агрессия.

Американские участники выделяли югославскую проблему, наряду с отношениями с Ираном, Ираком, Северной Кореей, как одну самых трудных, выдвигавшихся на передний план американской внешней политики. Подчеркивалось, что Б. Клинтон, испытывавший внутривнутриполитические затруднения, до завершения своего президентского срока будет действовать особенно напористо именно на международной арене, включая Сербию и Косово. Характерно высказывание Б. Блэквилла о том, что «Б. Клинтон озабочен тем, каким он останется в истории», и что он «не видит места России во внешнеполитической повестке дня администрации США».

Э. Картер заявлял о Югославии в следующем контексте: «Россия не собирается присоединяться к остальному миру, к системе, как ее понимают в США. Россия будет искать свою роль как противовес. Другая тенденция в России или еще один выбор — это самоизоляция. И эта тенденция, если судить по Косово, может стать камнем преткновения в международных делах».

Иными словами, если выступать против войны вопреки воле и решению США, рискуешь оказаться «изгоем» на мировой арене.

Несмотря на то что конкретно о балканском кризисе, который на тот момент еще не приобрел последующей остроты и характера крупного международного конфликта, на встрече СВОП-АСГ говорилось относительно мало, тональность выступлений американцев не оставляла сомнений в том, что интересы России и США войдут в острое противоречие.

На саммите, посвященном 50-летию НАТО, подчеркивалось, что сотрудничество с Россией остается существенным фактором обеспечения мира и стабильности в Евроатлантическом регионе. Признавалось также, что Россия играла важную роль и в поиске разрешения конфликта в Косове.

Однако фактически нулевой результат миротворческих усилий, предпринятых российскими властями, включая вояжи спецпредставителя президента РФ по Балканам В. Черномырдина, показал, что России в урегулировании косовского конфликта отводилась незавидная роль.

По замыслам американских политиков и их европейских союзников, Россия была призвана оказать дополнительное давление на С. Милошевича, чтобы склонить его на безусловное принятие натовских условий прекращения агрессии, а также принять участие в «международных военных силах», которые предполагалось разместить в Косове. Управление этими силами должно было осуществлять военное командование альянса. Тем самым альянс не только бы одержал победу над С. Милошевичем, но и в очередной раз унизил бы Россию.

США никогда не допустили бы, чтобы Россия самостоятельно добилась каких-либо успехов в установлении мира на Балканах. Это не входило в планы Вашингтона. Скорее наоборот. Одна из целей этой акции — показать России ее истинное место в «натоцентристской» системе международных отношений и ограничить ее влияние на Балканах. Ради этого США и их партнеры готовы были пойти даже на разрушение ООН или по крайней мере на коренное реформирование этой организации — ведь Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН могла играть определяющую роль в мировой политике.

Какие выводы делали аналитики по итогам саммита и военных действий НАТО в Юго-Восточной Европе?

Главный из них — независимо от исхода вооруженного конфликта, а точнее, безнаказанного «воздушно-го расстрела» Югославии, мир уже никогда не будет таким, каким он был в течение короткого времени после завершения «холодной войны». НАТО и лидер

этой организации — США выдвигались на первые роли в мировой политике.

Одной из подспудных целей операции НАТО в Югославии было продемонстрировать России ее роль и место как в общеевропейских делах, так и в глобальной политике, убедить ее не проявлять в дальнейшем излишних, по мнению США и НАТО, амбиций, а послушно занять свое место в натовском строю. России в урегулировании конфликта отводилась в лучшем случае роль дополнительного рычага воздействия на руководство Югославии и удобного канала передачи требований НАТО. Процесс падения влияния и авторитета России, в том числе на территории бывшего СССР, будет продолжаться — и не без содействия США и НАТО.

И наконец, война в Югославии активно использовалась НАТО для того, чтобы окончательно подорвать и без того хиревшее год от года СНГ, добиться вывода из сферы влияния России бывших республик СССР, привести Россию или к полному подчинению натовской международной политике, или, в случае сопротивления, к международной изоляции и созданию условий для дальнейшего распада.

Глава 5

ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА

Две фазы внутриэлитного кризиса. — Отечество в кавычках и без. — Дело Ю. Скуратова. — Правовая сторона вопроса. — Политическая подоплека. — Хроника конфликта. — Сенаторы не поддерживают президента. — Кремль снова заигрывает с губернаторами. — Очередная попытка приближения Ю. Лужкова. — Контрмеры против импичмента. — Народ безмолвствует

За период после начала югославского конфликта внутриэлитный кризис прошел две фазы.

На первой из них разыгрывалась карта «крутого виража», осуществленного премьером во время несостоявшегося визита в США. Этот раунд закончился в пользу Е. Примакова, сумевшего выпутаться из сложной ситуации и получить серьезную поддержку как внутри страны, так и за рубежом. Второй этап ознаменовался заметным ухудшением позиций премьера после провала его миротворческой миссии на фоне обострения искусственно вызванной борьбы между «голубями» и «ястребами», вновь поставившей под сомнение возможность получения траншей МВФ.

Большое значение имели контакты президентского окружения и президента со столичным мэром Ю. Лужковым, положившие начало едва видимым контурам сближения с ним президента. Линия Б. Ельцина на это сближение означала попытку создать противовесы усилению влияния Е. Примакова с целью расколоть неформальный антипрезидентский фронт ведущих российских политиков, который сформировался в ходе борьбы вокруг несостоявшейся отставки генпрокурора Ю. Скуратова.

Кроме того, встреча Б. Ельцина с Ю. Лужковым, как считали наблюдатели, преследовала цель дать премьеру понять, что он не является незаменимым, и сломить его сопротивление, противопоставить Ю. Лужкова премьеру. Якобы именно с подачи Кремля Ю. Лужков выступил с критикой экономической поли-

тики правительства, обвинив кабинет в невнимании к делам реального сектора экономики, что поставило премьера в сложное положение.

Появились даже предположения, что Ю. Лужкову были сделаны какие-то далеко идущие предложения. Подобные догадки фактически подтвердились после того, как мэр накануне своего визита во Францию был принят самим президентом, и особенно после сообщений о том, что в Париже мэра принимали с особыми почестями. Это дало основания для разговоров не только о том, что на главу «Отечества» Б. Ельцин возложил функции эmissара, но и о том, что Ю. Лужкову мог быть предложен пост премьер-министра. Не исключалось, что «президентские» почести, оказанные Ж. Шираком Ю. Лужкову во время его поездки в Париж, были не случайны.

Наблюдатели считали, что мэр Москвы оказался, однако, не вполне готов к конфронтации с Е. Примаковым. По некоторым предположениям, мэр получил информацию, что, толкая одной рукой его к конфликту с Е. Примаковым, президентское окружение предпринимало одновременно шаги, направленные на политическую дискредитацию самого Ю. Лужкова. По мнению некоторых экспертов, состоявшиеся в ряде крупных городов в апреле 1999 года выступления РНЕ под преимущественно антилужковскими лозунгами объяснялись наличием «социального заказа».

Поэтому в своих публичных высказываниях, сделанных в Париже, Ю. Лужков не проявил большой лояльности к президенту. В частности, он не скрывал, что сохранялось враждебное отношение к нему в окружении Б. Ельцина, а сам президент неприязненно относился к созданному Ю. Лужковым движению «Отечество». Кроме того, Ю. Лужков вновь публично подтвердил, что он отнюдь не отказался от своего мнения — президенту следовало бы подумать о добровольной отставке в связи с состоянием здоровья. Таким образом, можно было прийти к заключению, что, по сути дела, встреча президента с Ю. Лужковым не привела к установлению прочных отношений между ними.

Прощупал Б. Ельцин и настроения своей «старой гвардии» — так называемых «демократов первой вол-

ны», убедившись при этом в том, что серьезной помощи от них ожидать не приходилось. В то же время эта встреча могла иметь серьезные последствия в более отдаленной перспективе. Б. Ельцин, выпустив из своих рук контроль за важным постом председателя Центризбиркома, стремился компенсировать эту неудачу, создав собственный противовес ЦИК.

На встрече с «отцами демократии» президент обсудил идею создания пропрезидентского движения «За честные выборы». Организационным стержнем подобного движения, с помощью которого Кремль рассчитывал взять избирательный процесс под свой контроль, виделись структуры представителей президента.

Не исключалось, что роль этого движения могла заключаться в провоцировании тяжб в тех округах, где в ходе выборов были бы получены результаты, не устраивавшие Кремль, и добиваться признания таких выборов незаконными.

По мнению большинства наблюдателей, напряженность в отношениях между двумя руководителями достигла пика, когда стало известно, что Е. Примаков публично подтвердил: при попытке президента вмешаться в дела правительства и снять с постов Ю. Маслюкова или Г. Кулика, сам Е. Примаков не намерен оставаться в правительстве.

Именно тогда КПРФ и НПСР выпустили обращения, в которых предупредили о подготовке Кремля к государственному перевороту. Консолидация левопатриотического лагеря вокруг правительства и резкая активизация этого сегмента российской политики явилась одним из наиболее значимых факторов, приведших к временной стабилизации ситуации вокруг Е. Примакова.

После того как успешно для премьера прошло чрезвычайное заседание Думы, принявшей именно тот вариант заявления, который был нужен Е. Примакову для гибкого лавирования между жесткой и взвешенной линиями в подходах к решению конфликта между НАТО и Белградом, а в Москву прибыл директор-распорядитель МВФ М. Камдессю для переговоров по поводу кредита на рефинансирование долга России

Фонду, процесс начал развиваться в совершенно ином, не предусмотренном в Кремле направлении.

Угроза разрыва с Западом перестала быть актуальной, а вероятность достижения нового соглашения с МВФ, наоборот, стала вполне реальной. На этом раунде переговоров с МВФ впервые все основные функции главного «переговорщика» были возложены на министра финансов М. Задорнова, а Ю. Маслюков осуществлял лишь «общее руководство», выполняя чисто церемониальные функции. Это также способствовало результативному ходу переговоров. Успех Е. Примакова в ведении переговорного процесса с МВФ выразился в том, что 29 марта были достигнуты принципиальные договоренности о предоставлении России очередного кредита и об одобрении МВФ экономической программы правительства.

Е. Примаков показал М. Камдессю и как послушна премьеру Дума, добившись от нижней палаты пересмотра закона о снижении НДС. Это произвело на директора-распорядителя впечатление. Кроме того, Е. Примаков и Ю. Маслюков осуществили смелый и хорошо просчитанный маневр в финансово-экономической сфере, касавшийся естественных монополий. Речь, в частности, шла о том, что в правительственную программу, одобренную МВФ, было вписано обещание — газотранспортная сеть «Газпрома» будет выделена в отдельную госкомпанию, что сделает на порядок прозрачнее финансовые потоки «Газпрома», а также обязательство увеличить на 1 млрд. рублей налог, взимаемый с «Газпрома», и намерение прекратить с июля 1999 года практику взаимозачетов между «Газпромом» и РАО «ЕЭС России».

Попытки Р. Вяхирева и А. Чубайса «уломать» М. Камдессю и сохранить статус-кво успехом не увенчались. Эти маневры «коммунистов», сделавших то, о чем МВФ тщетно просил «реформаторов», угрожали последним еще больше сузить ко времени выборов их финансовую базу. Этим, вероятно, и объяснялась резкая активизация сил, связанных газпромовской и «энергетической» группировками, их солидарная поддержка действий президента и острые атаки на союзников премьера, а также игра на создание «ловушек» для самого Е. Примакова.

В то же время стало известно, что вопрос о сумме кредита не был решен, а это означало, что МВФ решил проследить, каким будет поведение России в ближайшем будущем, определяющим фактором которого оставалась борьба вокруг Югославии. Такая пауза явно соответствовала интересам США.

Тем не менее успешные переговоры с МВФ сыграли значительную роль в укреплении позиций Е. Примакова. Проводившаяся им линия в отношении югославского конфликта — замораживание программ сотрудничества с НАТО при сохранении возможности для дальнейших контактов с Западом — не только соответствовала ожиданиям западных кредиторов, но и вызвала доверие у правящих кругов в ряде европейских стран, стимулировав их обращение к РФ как стране, способной сыграть своими новыми мирными инициативами ключевую роль в прекращении конфликта, позволить НАТО сохранить лицо и не допустить превращения войны в Югославии в затяжной конфликт.

Достигнутые премьером результаты, как и предшествующие действия Е. Примакова (отпор, данный проправительственными политическими силами попыткам Б. Березовского и либерально ориентированными СМИ отправить правительство Е. Примакова, или хотя бы его левую часть, в отставку), не привели, однако, к окончательному улаживанию политической ситуации вокруг кабинета министров.

Главным препятствием для политической стабилизации оставался президент, перекрывавший все попытки начать коррекцию властных механизмов. Воспринимая все политические процессы, идущие в стране, с позиции удержания власти хотя бы до 2000 года, президент и его окружение рассматривали правительство Е. Примакова, которое имело источник легитимности не в президенте, а в Думе, отнюдь не как объективное свидетельство полного краха своей собственной стратегии.

Для Б. Ельцина, постоянно пытавшегося вновь обрести всю полноту власти, это правительство представлялось досадной помехой. На его устранение он вновь и вновь бросал имевшиеся в его распоряжении политические ресурсы. Не обращая при этом внимания

на то, что острое политическое противостояние в российских верхах, ознаменовавшее конец февраля — первую половину марта, привело к дестабилизации самого окружения президента. Это сделало очевидным тот факт, что ресурсы для мощного наступления у президента выглядели достаточно ограниченными.

Тем не менее большинство аналитиков были уверены, что атаки президентского окружения на Е. Примакова будут продолжаться. Для фронтального наступления на премьера Б. Ельцин выжидал, когда в стране сформируется критическая ситуация.

Ставка на дестабилизацию прослеживалась и через СМИ, контролируемые Б. Березовским. Перешедший на ОРТ известный своими публицистическими статьями на экономические темы М. Леонтьев, когда МВФ пошел на уступки и М. Камdessus в ходе визита в Москву объявил о выделении средств на рефинансирование российского долга, обвинил Фонд в «прямом пособничестве коммунизму», в желании оставить Россию навеки в коммунистическом рабстве.

Выделение МВФ средств России явно расстроило планы, которые президентская сторона связывала с наступлением ситуации финансового коллапса, когда «красное» правительство было бы вынуждено перейти к инфляционной экономической политике.

Следующий ход президента, поручившего премьеру проведение миротворческой миссии в югославском конфликте, как будто бы был шагом навстречу радужным ожиданиям Запада. Но это поручение было расценено наблюдателями как очередная попытка осложнить положение премьера и ослабить его.

Кремль одновременно инициировал выход на авансцену группы переговорщиков из числа лидеров правоцентристского «Правого дела», которая опередила Е. Примакова и, по некоторым оценкам, попыталась дезавуировать его миссию, дав понять Западу, что ни в коем случае нельзя идти на уступки премьеру, не пользуясь ему доверием президента.

Вместе с тем ряд российских политиков и военных, нередко относимых к кремлевской креатуре (командующий Дальневосточным военным округом В. Чечеватов, начальник Генштаба А. Квашнин, курский губернатор А. Руцкой, А. Лебедь, лидер ЛДПР В. Жиринов-

ский), начали требовать от правительства проведения максимально жесткой линии.

По-видимому, «ястребиная» риторика не прошла незамеченной на Западе и также содействовала провалу усилий Е. Примакова по урегулированию косовской проблемы, так как сделала очевидным то обстоятельство, что премьер был не способен полностью контролировать ситуацию в стране и ослабила к нему доверие.

Срыв его миротворческой миссии был тем самым фактически предопределен, а по его имиджу политика, которому удается решать самые сложные проблемы, был нанесен прицельный удар, причем не только в России, но и за ее пределами. Более того, НАТО выразило свое раздражение «челночной дипломатией» Е. Примакова тем, что приступило после его визитов к эскалации конфликта, заявив о начале ракетно-бомбовых ударов по центру югославской столицы.

Возникла и угроза срыва договоренностей с МВФ. Видя, что Москва движется в сторону конфронтации (решение российских властей направить в Адриатическое море группу своих военных кораблей, проведение нескольких больших военных маневров, постановление Совета Федерации, рекомендовавшее правительству приступить к оказанию военно-технической помощи Югославии), республиканцы в сенате США потребовали заморозить финансовую помощь России.

В этом случае правительство РФ не сумело бы удержать инфляцию, чего и ожидала команда Б. Ельцина, чтобы вновь начать массированную атаку на кабинет Е. Примакова.

Наблюдатели считали, что именно «переговорная» деятельность группы Е. Гайдара, а также доморощенных «ястребов» вызвала жесткое заявление главы российского МИДа И. Иванова о том, что в стране формируется «пятая колонна», готовая предать национальные интересы России.

Это заявление близкого к Е. Примакову высокопоставленного политика, по мнению наблюдателей, показало раздражение команды премьера неудачами, постигшими ее на поле миротворчества. По всей вероятности, принимая поручение президента, Е. Примаков рассчитывал, что ему удастся конвертировать свое

моральное превосходство над лидерами стран Запада, которое премьер имел в глазах большинства россиян, в солидный внутриполитический капитал. Однако явные признаки нервозности, проявляемые людьми Е. Примакова, могли вызвать новый виток конфронтации внутри российской элиты и дать очередной повод либеральным СМИ представить его команду в облике «охотников за ведьмами».

Кроме того, бросалось в глаза и то, что пока президент посылал Е. Примакова с различными поручениями, которые таили в себе более или менее завуалированные ловушки, сам глава государства активно действовал в кулуарном политическом пространстве, укрепляя собственные позиции и ослабляя связи и отношения в противодействовавшей ему коалиции.

По-видимому, к подобным действиям и было приурочено составленное в жестко либеральном духе послание президента. В этом документе, объявлявшем недопустимыми какие бы то ни было поправки к действующей Конституции, президент, сделав вынужденный жест вежливости в сторону Е. Примакова, тем не менее поставил основной акцент на поддержке либерального курса. Причинами разразившейся 17 августа 1998 года финансовой катастрофы были названы непоследовательность и отсутствие адекватной политической поддержки рыночных реформ.

Послание президента было рассчитано на то, чтобы удовлетворить как отечественный, так и крупный западный капитал. Запад в значительной мере был удовлетворен либеральной риторикой, высказанной президентом готовностью не допустить коммунистического реванша.

Это вполне могло искупить в глазах Запада и некоторое переигрывание президентом — Верховным главнокомандующим — своей роли защитника национальных интересов, что в значительной мере находило объяснение в борьбе, которую Б. Ельцин вел с премьером и поддерживавшими его силами. Если бы Запад и в самом деле перекрыл финансовый кислород излишне воинственной, но слабой России, то едва ли какие-нибудь претензии были бы предъявлены лично прези-

денту, а вот ответ за инфляционный взрыв пришлось бы держать премьеру.

На усиление поддержки президента его основными «клиентами» из числа представителей российской олигархии сыграли и ожесточенные нападки, которым президент подвергся со стороны лидера левой думской оппозиции Г. Зюганова, который, правда, так и не решился устроить вместе со своими единомышленниками обструкцию, обещанную заранее. В то же время в СМИ, контролируемых олигархическими группировками, близкими к президенту, это послание было расценено как обещание Б. Ельцина вернуть руль экономики вновь в руки тех сил, которые его потеряли осенью 1998 года.

Упор в послании президента, направленный на необходимость продолжения либеральных реформ, шел вразрез с усилившимися в стране антилиберальными умонастроениями и не только продемонстрировал, что президент и стоявшие за ним круги уверены в своих силах, но и означал, что Б. Ельцин был намерен и далее проводить политику противодействия правительству Е. Примакова и прилагать усилия для изменения его кадрового состава.

Подобные усилия выглядели весьма логичными в контексте политических задач, намеченных президентом в его послании, где под мотивом проведения «честных выборов» Б. Ельцин, по сути дела, предложил очередной вариант строительства «управляемой демократии». Для реализации этого замысла крайне было важно, чтобы контроль за финансовыми потоками перешел в руки представителей «новых и свежих сил», «патриотически настроенных профессионалов», которые, по мысли Б. Ельцина, должны прийти в новую «Думу XXI века». Поэтому были все основания ожидать, что в ближайшее время борьба президента и его союзников против правительства ужесточится.

Готовясь к этому новому этапу, президент начал явно переигрывать премьера в борьбе за «силовые» структуры. Заметно дистанцировались от премьера руководители ФСБ и МВД В. Путин и С. Степашин, которые начали играть самую заметную роль во вспыхнувшем с новой силой «деле Генпрокурора».

Директор ФСБ В. Путин явно решил стать ближе к президенту. При его назначении на должность секретаря Совета безопасности (по совместительству) решающим фактором стало решение президента усилить свою опору за счет не только группы Б. Березовского, к которой принадлежал недавно назначенный руководитель администрации А. Волошин, но и за счет соперничавшей группировки А. Чубайса. Примечательно, что президент остановил свой выбор на В. Путине именно тогда, когда в миротворческий процесс активно включилась при участии А. Чубайса миссия Е. Гайдара — Б. Немцова — Б. Федорова. Это «совпадение» означало, что начатая президентом игра с близкими А. Чубайсу политиками носила осознанный, целенаправленный характер.

Новым подтверждением того, что президент, в преддверии намеченного на середину апреля обсуждения в Госдуме вопроса об импичменте президента, держал в уме и «силовой» вариант, стали его решения по кадровым вопросам. Был отправлен в отставку командующий внутренними войсками П. Маслов, на его место назначен имевший репутацию «ястреба» В. Овчинников. Был подписан указ об отстранении ряда руководителей ФСБ — Соболева, Дедюхина, Пушкаренко, а также подготовлен список на увольнение многих генералов ФСБ. Поговаривали, что подготовлен указ и об отставке министра обороны.

Все это говорило о том, что, будучи опытным политическим игроком, Б. Ельцин решил воспользоваться для подготовки к решительному сражению своими стратегическими преимуществами и создать себе мощные тылы.

Аналитики предполагали в качестве возможного следующий сценарий развития событий: Госдума начинает процедуру импичмента — президент распускает Думу и отправляет в отставку правительство — коммунисты провоцируют беспорядки в стране — президент запрещает КПРФ и другие партии, вводит чрезвычайное положение и формирует либеральное правительство — Запад оказывает ему финансовую помощь. Первый этап мог быть и несколько иным: президент

отправляет в отставку правительство под любым предлогом — далее все по плану.

Окружение Б. Ельцина занималось главным образом отслеживанием тех политиков и государственных деятелей, которые спешили сбросить со счетов президента. Их относили к числу «скрытых оппозиционеров». В такое положение еще осенью 1998 года попал Генеральный прокурор страны Ю. Скуратов.

В то время у правительства Е. Примакова оставался последний козырь в борьбе с яростными критиками курса кабинета министров — демонстрация общественному мнению борьбы с коррупцией.

Белый дом, уставший от упреков в растерянности и беспомощности, потребовал от Генпрокуратуры активизировать следственные действия в отношении ряда лиц, занимавших высокие должности до утверждения премьер-министром Е. Примакова (*«Версия», 29 марта 1999 г.*).

Заявление Ю. Скуратова, сделанное 10 ноября 1998 года, подтвердило слухи о том, что деньги последнего транша МВФ на сумму 4,8 миллиарда долларов были большей частью разворованы. Стали известны иностранные банки и счета, на которые были «сброшены» деньги. Не исключалось появление к концу 1998 года доказательной базы в отношении С. Дубинина и других представителей бывшего руководства Центробанка и Минфина. По сообщениям прессы, неуютно чувствовали себя С. Кириенко и А. Чубайс.

В неофициальном порядке представители МВФ говорили: если Россия сама не назовет финансовых махинаторов и их лоббистов, то Запад вынужден будет предать огласке имена и конкретные факты расхищения не только указанного, но и предыдущих траншей.

Затем, в январе 1999 года, последовало письмо Ю. Скуратова на имя президента Б. Ельцина «О мерах по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации». Вот некоторые выдержки из него.

«Финансовый крах созданного рынка государственных ценных бумаг (далее — ГКО-ОФЗ. — В. Г.) был заложен изначально. Эмиссия и продажа ГКО-ОФЗ осуществлялись по следующей схеме: Минфин России эмитировал государственные ценные бумаги, а Банк

России по его поручению продавал их на аукционе. Прибыль от продажи шла частично в госбюджет, а также на погашение доходов держателям ГКО.

Все операции Банка России на открытом рынке государственных ценных бумаг осуществлялись за счет необъявленной эмиссии денежных средств, что увеличивало инфляционные процессы, снижало покупательную способность национальной валюты. Они не имели своей целью в 1998 г. поддержание стабильности рынка ГКО-ОФЗ. Так, за период с 03. 08. 98 по 14. 08. 98 портфель государственных ценных бумаг Банка России уменьшился с 68,2 до 59,7 млрд. руб., т. е. на 8,5 млрд. руб., а его аффилированных банков: Сбербанк — с 69,1 до 55,9 млрд. руб., т. е. на 13,2 млрд. руб.; Внешторгбанк — с 2 до 1,6 млрд. руб., т. е. на 0,4 млрд. руб. Всего рыночный портфель Банка России и его аффилированных банков уменьшился на 22,1 млрд. руб. Такое резкое уменьшение портфеля ГКО-ОФЗ в течение 10 дней не способствовало стабильности рынка государственных ценных бумаг.

Правовая оценка действий должностных лиц Минфина и Банка России на рынке ГКО-ОФЗ будет дана в рамках возбужденного прокуратурой уголовного дела.

Анализ расходования Банком России валютных средств со счета, на который поступили выделенные МВФ средства стабилизационного кредита, показал, что с этого счета с 23. 07. 98 по 17. 08. 98 продано 4,4 млрд. долларов США, в том числе 3,9 млрд. руб. — российским и иностранным банкам, минуя торги на межбанковской валютной бирже, 471 млн. долларов направлены на валютные интервенции на ММВБ, а 100 млн. долларов — на другие биржи. Всего Банк России продал в этот период на межбанковском рынке 4, 576 млрд. долларов США. Самые активные приобретатели валюты у Банка России оказались в наиболее выигрышном положении после падения курса рубля.

Следует отметить, что большая часть средств транша в страну не поступила. Так, 3,9 млрд. долларов США были перечислены Банком России со своего счета в американском банке на корреспондентские счета отечественных банков в иностранных банках, а часть

этих средств продана иностранным банкам. Курс рубля по отношению к доллару формируется на межбанковской бирже, куда была направлена лишь незначительная часть средств на валютные интервенции.

На фоне затянувшегося финансового кризиса решение Правительства России и Банка России от 17. 08. 98 является вынужденной мерой, что, однако, противоречит гражданскому законодательству в части выполнения своих обязательств по долгам. Более того, постановление Правительства России о дефолте не обсуждалось на заседании Правительства. В аппаратах Правительства России и Минфина России отсутствуют какие-либо документы, свидетельствующие о их проработке, согласовании. Не обсуждались эти решения и в Банке России. Документы подготовлены узкой группой лиц (Дубинин С. К., Кириенко С. В., Чубайс А. Б., Задорнов М. М., Гайдар Е. Т.).

Доходит до того, что валютными резервами страны управляют коммерческие фирмы. Банком России 15. 07. 93 заключено соглашение с иностранной компанией «Фимако» (Джерси-Нормандские острова). По этому соглашению, действующему до сих пор, Банк России передает в доверительное управление средства валютного резерва. Всего за период с 1993 по 1998 г. на счетах компании побывало 37 млрд. долларов США, 9,9 млрд. немецких марок, 11, 9 млрд. французских франков, 86 млн. английских фунтов стерлингов. В нарушение действующего законодательства в эти годы активно осуществлялись операции по передаче в доверительное управление компании «Фимако» средств валютного резерва Российской Федерации, резервной кредитной линии МВФ и векселей Министерства финансов Российской Федерации. Генеральной прокуратурой России предложено Банку России расторгнуть с названной компанией соглашение об управлении инвестициями, вывести из ее управления средства валютного резерва. В настоящее время рассматривается вопрос о принятии по данному факту правового решения в порядке ст. 109 УПК РФ.

В ходе проверки установлено, что в нарушение Закона Российской Федерации «О валютном регулировании и валютном контроле» Банк России ненадлежа-

ще выполнял возложенные на него функции органа валютных операций, которые были осуществлены задолго до обращения за получением таких разрешений. Банк России лишь в 1998 г. незаконно легализовал валютные операции по вывозу из страны около 30 млн. долларов США. В отношении должностных лиц, выдавших такие разрешения, Генеральной прокуратурой России 18.11.98 возбуждено уголовное дело».

Были возможны два варианта действий администрации Кремля: возглавить поход против коррупционеров, тем самым «оседлав» проблему и взяв ее под контроль, или «приструнить строптивного прокурора». Увы, был выбран худший вариант.

Таким образом, непосредственной причиной действий против Ю. Скуратова стали меры Генпрокуратуры по возвращению незаконно вывезенных из страны средств.

Сигналом для власть имущих, судя по всему, стали начавшиеся 20 января 1999 года обыски в работавшей на Б. Березовского охранной фирме «Атолл».

Из досье «Портрет Ю. Скуратова на фоне Кремля»:

Национальность — русский. Семейное положение — женат, имеет взрослых сына и дочь.

Публикации и авторские работы — опубликовал свыше 90 научных трудов. Доктор юридических наук, профессор.

Жизненный путь — отслужил рядовым в Советской Армии. После окончания аспирантуры работал преподавателем в Свердловском юридическом институте. Был деканом судебно-прокурорского факультета.

В 1977 г. защитил кандидатскую, а в 1987 г. — докторскую диссертацию, посвященную конституционным проблемам самоуправления.

В 1989 г. перешел на работу в аппарат ЦК КПСС.

С 1991 по 1992 гг. работал старшим консультантом министра безопасности РФ В. Баранникова.

В 1993 г. возглавил научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре, вошел в состав коллегии Генпрокуратуры.

24 октября 1995 г. утвержден Советом Федерации

в должности Генерального прокурора Российской Федерации.

Был избран членом Совета по судебной-правовой реформе Совета Федерации и назначен членом Совета по судебной реформе при президенте РФ.

3 ноября 1995 г. Ю. Скуратов принял посла США Т. Пикеринга по его просьбе и имел с ним продолжительную беседу. Встреча была инициирована американской стороной в связи с предложениями о сотрудничестве, выдвинутыми генеральным прокурором США.

Политические взгляды, позиция.

Сразу после своего назначения, на встрече с председателем правительства В. Черномырдиным Ю. Скуратов рассказал о своем плане работы в должности Генерального прокурора. В качестве своего первого шага он назвал оздоровление морально-психологической атмосферы в органах прокурорского надзора. В качестве второго — усиление правозащитного потенциала прокуратуры, активизацию ее функций по борьбе с преступностью путем усиления надзора за органами дознания, а также за оперативно-розыскной деятельностью. Третьим шагом, как полагал Ю. Скуратов, должно быть принятие мер для усиления кадров прокуратуры.

Хобби, увлечения, вкусы, стиль, имидж.

Имеет первый разряд по шахматам. Играл в сборной республики среди школьников, затем — за сборную Свердловского юридического института. Также увлекается футболом и бадминтоном. Самым большим своим увлечением называет рыбалку — каждый год ездит в отпуск на озеро Байкал.

Сторонние оценки, характеристики.

Председатель думского комитета по безопасности В. Илюхин поддерживал при избрании кандидатуру Ю. Скуратова на должность Генерального прокурора. В. Илюхин заявил тогда: «Несмотря на то что я редко поддерживаю какое-либо начинание президента РФ, однако в этом случае кандидатура Ю. Скуратова для меня абсолютно приемлема». По его словам, это человек, «не замешанный в каких-либо московских интрижках». «Мне импонирует в этом человеке его большая интеллигентность. Я бы мог сказать, что это теоретически вполне грамотный и зрелый юрист и ученый.

Он в течение почти пяти лет возглавляет Институт прокуратуры Союза по проблемам прокурорского надзора за соблюдением законности и правопорядка».

Уверенность в том, что многие уголовные дела могут быть раскрыты после назначения Ю. Скуратова на должность Генерального прокурора, высказывал заместитель председателя межреспубликанской коллегии адвокатов Ю. Сорокин.

Хронология событий, изложенная, в частности, «Парламентской газетой» (22 апреля 1999 г.), выглядела следующим образом.

1 февраля 1999 года Ю. Скуратов направил Б. Ельцину письмо с просьбой освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья. Накануне Ю. Скуратов встречался с главой администрации президента Н. Бордюжей, который сказал ему о наличии компрометирующей Генпрокурора видеозаписи и настоятельно попросил «добровольно» уйти в отставку.

2 февраля Ю. Скуратов был помещен в Центральную клиническую больницу. В тот же день президент направил в Совет Федерации письмо с предложением освободить Ю. Скуратова от должности Генпрокурора «по состоянию здоровья». Сенаторы отказались рассматривать отставку Ю. Скуратова в его отсутствие.

22 февраля Ю. Скуратов выписался из ЦКБ и ушел в отпуск.

9 марта он появился в Генпрокуратуре.

16 марта видеокассета с компроматом на Ю. Скуратова появилась в Совете безопасности и в Госдуме.

Первый пик кульминации — голосование в Совете Федерации 17 марта 1999 года.

Принятое тогда подавляющим большинством голосов (142 из 151) решение Совета Федерации отклонить отставку Генерального прокурора Ю. Скуратова «по состоянию здоровья» стало временной развязкой интриги, закрученной окружением Б. Ельцина вокруг этой фигуры, и одновременно послужило прелюдией к новому, куда более крупному витку политического скандала.

То, что запутанная ситуация вокруг Ю. Скуратова не имела ничего общего с его самочувствием, было

хорошо известно. В этом смысле решение Совета Федерации лишь подтвердило, что весь вопрос с отставкой Генерального прокурора был больше политическим, чем юридическим.

Неожиданным стало даже не поведение на заседании Совета Федерации самого Ю. Скуратова. Его считали неконфронтационным человеком, который якобы смирился с отставкой ради личного благополучия под угрозой публичной компрометации и был готов принять на выбор сделанные ему конфиденциально предложения о трудоустройстве. Гораздо более сенсационной и значительной оказалась степень единодушия сенаторов, которые, по существу, предприняли коллективный демарш и «дали отбор» Б. Ельцину и его ближайшему окружению.

Это свидетельствовало о том, что Ю. Скуратов заранее знал о зреющем открытом вызове большинства членов Совета Федерации президенту, что и помогло ему преодолеть нерешительность и рассказать о давлении высокопоставленных лиц на него лично и Генпрокуратуру в целом.

Хотя конкретных имен Ю. Скуратов не назвал, что было предусмотрительным проявлением осторожности с его стороны, ряд фактов финансовых злоупотреблений олигархов и высокопоставленных должностных лиц были известны Федеральному собранию и ранее из материалов Счетной палаты и Генеральной прокуратуры, а также думской Комиссии по борьбе с коррупцией. В числе фигурантов расследуемых дел и проверяемых сведений к тому времени находились, в частности, В. Черномырдин, Е. Гайдар, А. Чубайс, Б. Федоров, С. Кириенко, П. Авен, А. Кох, А. Вавилов, С. Дубинин, С. Алексашенко, Б. Березовский.

Однако в кулуарах Федерального собрания высказывалось мнение, что Ю. Скуратов окончательно попал в немилость Кремля тогда, когда ход расследований опасно близко подвел его к финансовым делам ближайшего окружения президента и его семьи. Катализатором нажима на Генпрокурора и применения к нему методов шантажа послужил Б. Березовский.

Федеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте еще в конце февраля 1999 года лично предупре-

дила председателя Госдумы Г. Селезнева и министра внутренних дел С. Степашина о надуманности причин прошения Ю. Скуратова об отставке, заявив, что он «единственный человек из России, с которым нам удалось найти общий язык».

Ее позиция отражала мнение влиятельных финансовых и политических кругов на Западе, которые устали от вкладывания огромных финансовых средств в «черную дыру», через которую деньги не получали целевого использования в России, а возвращались за рубеж и оседали на частных банковских счетах российских предпринимателей и коррумпированных госслужащих высокого ранга.

Толчком к добровольно-принудительному отрешению от должности Ю. Скуратова президентом в начале февраля 1999 года стали сведения о том, что швейцарские правоохранительные органы в ответ на обращение Генпрокурора России активизировали расследование сомнительных финансовых операций с участием российских граждан. Особенно взбудоражило Кремль сообщение о личном участии Карлы дель Понте, что было беспрецедентно для практики федерального прокурора, в проведении в январе обыска в швейцарской компании «Мабетекс», с которой поддерживало тесные отношения и осуществило ряд крупных сделок возглавляемое П. Бородиным управление делами администрации президента.

В результате голосования 17 марта в Совете Федерации по Ю. Скуратову произошло то, чего даже нельзя было предположить.

Премьер Е. Примаков получил в ряды борцов против коррумпированного президентского окружения мощную фигуру Ю. Скуратова. На стороне премьера оказался и Совет Федерации, вставший в некую оппозицию мнению президента. И наконец, в один строй с премьером невольно попал защищавший позиции Ю. Скуратова мэр Москвы.

Е. Примаков дипломатично не мог принять столь щедрого политического подарка и поехал в ЦКБ. После этого последовала кампания в том духе, что здоровье и самочувствие президента гораздо лучше, чем у премьера.

Аналитики Совета Федерации и правительства констатировали наступление если не фактического импичмента президента, то уж как минимум глубокой его изоляции после событий 17 марта в сенате. Было очевидно: если ситуация будет продолжаться в русле последних событий, то в мае президент мог получить импичмент де-юре. Его конфронтация с губернаторами могла вызвать новую волну их самостоятельности и выявить новые точки неконформизма по отношению к центру.

Реальной угрозой престижу власти президента могла стать реализация Ю. Скуратовым обещания, прозвучавшего в стенах Совета Федерации, о том, что у него в руках будут документы из Швейцарии с перечнем фамилий, сумм и номеров счетов ряда высокопоставленных российских чиновников. На самом деле, как сообщал, в частности, «Московский комсомолец» (*«Московский комсомолец», 18 марта 1999 г.*), Ю. Скуратов уже располагал необходимыми документами и застраховал себя на случай возможных поползновений власти.

На канале «Вести» был показан фрагмент скандальной видеозаписи.

Рано утром 18 марта Ю. Скуратов заявил телеканалу НТВ, что это дело рук тех, кого не устраивал ход следствия по делу швейцарской фирмы «Мабетекс». Сразу после этого Генпрокурор был принят президентом. В ходе встречи Ю. Скуратов написал повторное прошение об отставке. После встречи Б. Ельцин распорядился создать межведомственную комиссию во главе с Бордюжей по проверке достоверности информации о проступках, порочащих честь и достоинство прокурорского работника.

Однако уже 19 марта Н. Бордюжа был отправлен в отставку. Вместо него был назначен А. Волошин.

Генпрокуратура по заявлению Ю. Скуратова возбудила уголовное дело по ст. 294 и 137 УК РФ (воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования и нарушение неприкосновенности частной жизни).

23 марта в Москву приехала федеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте.

В ночь на 2 апреля заместитель прокурора Москвы В. Росинский после вызова в Кремль возбудил против Ю. Скуратова уголовное дело по ст. 285 ч. 1 (злоупотребление служебными полномочиями).

В тот же день президент отстранил Генпрокурора от должности на период расследования уголовного дела и попросил Совет Федерации повторно рассмотреть вопрос об отставке Ю. Скуратова.

2 апреля Ю. Лужков выступил с критикой «указа о временном отстранении Генерального прокурора», заявив, что «надо дать ему возможность довести до конца расследования по коррупции в высших эшелонах власти, вернуть в страну наворованные деньги».

5 апреля уголовное дело в отношении Ю. Скуратова было принято к производству Главной военной прокуратурой. В тот же день появилось повторное письмо Ю. Скуратова с просьбой об отставке, написанное, по его словам, раньше.

Однако уже 6 апреля Генпрокурор заявил, что «он готов работать и дальше, если Совет Федерации его поддержит».

7 апреля Ю. Скуратов выступил в Госдуме по просьбе нижней палаты парламента. Он вновь не назвал никаких имен коррупционеров, кроме фамилий Б. Березовского и А. Смоленского, против которых днем раньше были выданы санкции на арест. Решение по Б. Березовскому вскоре было отменено.

Ситуация вокруг Ю. Скуратова продолжала обостряться.

9 апреля президент активно и публично включился в проработку вопроса с Советом Федерации об отставке Ю. Скуратова. Он встретился с главами республик в составе Российской Федерации, заявив, что «стыд и срам иметь такого Генпрокурора».

13 апреля главный военный прокурор Ю. Демин подтвердил законность возбуждения уголовного дела против Ю. Скуратова. Информированные источники отмечали, что Ю. Демин и Ю. Скуратов были близки в то время, когда оба они в 1992 году являлись консультантами министра безопасности В. Баранникова.

16 апреля Госдума признала неправомочным возбуждение уголовного дела в отношении Ю. Скуратова.

Накануне повторного голосования в Совете Федерации распространялась информация о том, что в деле было заключение старшего помощника главного военного прокурора генерал-майора юстиции Ю. Баграева о том, что дело Ю. Скуратова возбуждено «по недостаточным материалам».

20 апреля президент опять встретился с большой группой членов Совета Федерации. И тут кремлевские аналитики сделали серьезное упущение, обойдя вниманием руководителей законодательных собраний, причем демонстративно. Как выяснилось впоследствии, руководители парламентов республик, краев и областей не упустили из поля зрения этот шаг, что впоследствии и отразилось на голосовании.

А. Волошин 20 апреля также провел ряд встреч с сенаторами, однако переломить ход ситуации ему не удалось.

21 апреля Совет Федерации заслушал Ю. Скуратова на закрытом заседании. Среди политиков было широко распространено мнение, подхваченное в СМИ, о том, что участвовавшие в заседании Е. Строев и Е. Примаков вели себя недостаточно активно с точки зрения защиты «чести мундира» президента, а А. Волошин не был воспринят сенаторами как достаточно солидный собеседник.

Ю. Скуратов в своем выступлении, стенограмма которого была опубликована в газете «Сегодня» («Сегодня», 22 апреля 1999 г.), акцентировал внимание на том, что ведется последовательная работа по возвращению незаконно вывезенной из страны валюты и борьба с коррупцией. Среди фигурантов, в отношении которых велись активные следственные действия, им были названы, в частности, зарегистрированная в оффшорной зоне компания «ФИМАКО», через которую проходили нарушения в Центробанке; компания «Мабетекс» (Швейцария), в отношениях с которой «грубые нарушения при реализации контрактов» допустило управление делами президента («только в одном швейцарском городе Лугано существуют счета нескольких десятков нынешних и бывших российских чиновников, так или иначе связанных с фирмой «Мабетекс», заявил Ю. Скуратов); фирма «Андава» (Швейцария), использовавшаяся «Аэрофлотом» для оставле-

ния средств за рубежом (в этой связи были конкретно упомянуты Б. Березовский и бывший заместитель гендиректора «Аэрофлота» Н. Глушков); президент банка «СБС-Агро» А. Смоленский, объявленный в розыск; руководитель рекламного агентства «Премьер-ТВ» С. Лисовский, против которого было возбуждено уголовное дело; компания «Голден-АДА» (США), следствие по которой закончено.

Был упомянут А. Чубайс, относительно нарушений при назначении которого председателем правления РАО «ЕЭС России» было внесено представление в правительство. Других имен бывших чиновников Генпрокурором не называлось, поскольку «приводить сейчас эти сведения из незавершенных следствием уголовных дел и материалов проверок — это убийственно для страны, это выгодно лишь политиканам» (*«Сегодня»*, 22 апреля 1999 г.)

Ю. Скуратов подчеркивал, что никаких особых действий в последнее время он лично не совершал: информация и документы, накопленные в ходе предшествовавшей работы, должны реализовываться в форме конкретных уголовных дел, с конкретными фигурантами.

Им было указано, что прокуратура должна действовать как независимый институт правоохранительной системы. Шантаж в отношении Генпрокурора недопустим. Отстранение от должности произошло с грубейшими отступлениями от правовых норм. Переход в неправовое поле в угоду политическим амбициям, подчеркнул Ю. Скуратов, представлял реальную угрозу для всех, в том числе, кстати, и для президента.

Результат известен: лишь 61 член Совета Федерации проголосовал за отставку Ю. Скуратова, в то время как 79 человек было против.

Обратимся к правовой стороне вопроса.

В связи с появлением 2 апреля указа Б. Ельцина № 415 об отстранении Ю. Скуратова от должности Генерального прокурора РФ на период расследования возбужденного в отношении него уголовного дела правовое управление аппарата Государственной думы вынесло 6 апреля заключение, в котором констатировались грубые нарушения законности.

По мнению парламентских юристов, они сводились к следующему:

уголовное дело в отношении Ю. Скуратова было возбуждено срочно вызванным в Кремль в неурочное время — два часа ночи неправомочным лицом (заместитель прокурора г. Москвы В. Росинский, без согласования с прокурором города С. Герасимовым) по материалам, представленным ФСБ, которая производила проверку и оперативно-розыскные мероприятия без возбуждения уголовного дела и судебного решения;

вопрос об отстранении от должности Генпрокурора может быть решен только Советом Федерации по представлению президента.

В последующем поступили разъяснения со стороны главной военной прокуратуры о том, что уголовное дело, принятое ею в производство, было возбуждено на законных основаниях.

На этом правовая «возня» вокруг Ю. Скуратова не прекратилась. Е. Строев обещал сенаторам предоставить в распоряжение все материалы по «делу» Генпрокурора.

Военная прокуратура раздиралась противоречиями. Начальник отдела надзора ГВП генерал-майор юстиции Ю. Баграев, вынесший 8 апреля заключение о необоснованности возбуждения уголовного дела против Ю. Скуратова, был сначала поощрен 22 апреля «за примерное исполнение служебного долга в организации предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному в отношении Ю. Скуратова» («Сегодня», 24 апреля 1999 г.), а сразу после этого был отстранен от надзора. Дело передали заместителю Ю. Демину по следствию Ю. Яковлеву.

Ю. Демин вынужден был признать впоследствии, что зампрокурора Москвы В. Росинский допустил в постановлении о возбуждении уголовного дела против Ю. Скуратова «стилистически неграмотные и юридически некорректные формулировки» («Сегодня», 24 апреля 1999 г.).

Многие полагали, что прокурорские работники, видевшие для себя перспективы работы и после ухода Б. Ельцина, не намерены были бросать прямой вызов ему и ближайшему президентскому окружению, однако встали на путь защиты своих корпоративных интересов («Московский комсомолец», 22 апреля 1999 г.).

28 апреля в Совете Федерации состоялось первое заседание рабочей группы спецкомиссии по проблемам борьбы с коррупцией, возглавляемой вице-спикером О. Королевым. По поручению верхней палаты группа начала разбираться с материалами против Ю. Скуратова и ближайших членов президентского окружения. В ее составе были сенаторы, входившие в комитеты верхней палаты парламента по законодательству и безопасности.

После Первомайских праздников состоялось еще одно заседание, на которое приглашались, в частности, Ю. Скуратов и и. о. Генпрокурора Ю. Чайка. Администрация президента и ФСБ были представлены заместителями их руководителей А. Логиновым и Н. Патрушевым.

Между тем распоряжением Ю. Чайки на другой участок работы был переведен зам. Генерального прокурора — начальник следственного управления Генпрокуратуры М. Катышев, в чьих руках сосредоточивался основной объем информации по проводимым расследованиям в рамках дел о коррупции. Средства массовой информации не исключали здесь и политической подоплеку с учетом того, что М. Катышев входил в команду Ю. Скуратова и поддерживал отношения с главой думского комитета по безопасности В. Илюхиным. Именно М. Катышев подвергался, в частности, ранее наиболее резким нападкам со стороны Б. Березовского после возбуждения уголовных дел против него и его окружения.

Эксперты обращали внимание и на то, что голосование в Совете Федерации показало возможность формирования общего антиельцинского фронта. В условиях, когда левопатриотическая оппозиция могла рассчитывать в Совете Федерации всего на 40 с небольшим голосов, тот факт, что против отставки Ю. Скуратова высказалось 79 членов верхней палаты, означало, по мнению названных экспертов, что среди них оказались и сторонники Ю. Лужкова, и сторонники Е. Примакова.

Неудачам президентской стороны способствовали и ее явные промахи в правовом поле, а эмоциональное восприятие проблемы сослужило плохую службу советникам президента. Как явная ошибка расценива-

лось и отстранение надзирающего военного прокурора генерала Ю. Баграева, который дал заключение о незаконности возбуждения уголовного дела против Ю. Скуратова.

По мнению экспертов, целесообразно было бы направить материалы по Ю. Скуратову в Совет Федерации с просьбой внимательно их изучить и решить вопрос о возможности его временного отстранения от должности. Подписание же президентского указа завело всю проблему в юридический тупик. Неудачными к тому же оказались и выступления в Совете Федерации представителей президентской стороны.

Очередная неудача президентской команды в деле Ю. Скуратова, по оценке думских экспертов левого толка, означала лишь дальнейшую дискредитацию президентской власти и необходимость для нее срочного поиска компромисса.

Возможный выход они видели в назначении на должность Генпрокурора Г. Пономарева (что предлагали и Е. Примаков, и сам Ю. Скуратов) и согласии президента с созданием Советом Федерации специальной комиссии по расследованию случаев коррупции, о которых говорил Ю. Скуратов, параллельно с его собственным делом. Любое другое решение, например, какие-то санкции против ряда членов Совета Федерации, а тем более силовые варианты, по их мнению, были губельны для президентской власти.

В то же время они считали, что в случае назначения Генпрокурором человека Ю. Лужкова и начала работы специальной комиссии по наблюдению за расследованием президент не получил бы никакой гарантии, что Г. Пономарев не станет продолжать прежнюю скуратовскую линию «на компрометацию ближайшего окружения президента». Таким образом подобный компромисс вряд ли устроил бы президента.

Левые эксперты выражали уверенность: дальнейшие попытки Б. Ельцина настоять на своем, что следовало из первых же заявлений президентских советников сразу после объявления итогов голосования в Совете Федерации, приведут только к ухудшению ситуации.

Между тем и. о. Генпрокурора России Ю. Чайка 6 мая отказал в жалобе, которую направил начальник

отдела по надзору Главной военной прокуратуры генерал-майор юстиции Ю. Баграев в связи с уголовным делом в отношении Ю. Скуратова. В ответном письме Ю. Чайка сообщил, что для прекращения дела против Ю. Скуратова нет оснований.

7 мая газета «Новые известия» сообщила, что в Москву из федеральной прокуратуры Швейцарии прибыли три специальных уведомления, адресованные высокопоставленным российским чиновникам (фамилии не раскрывались). В уведомлениях говорилось о том, что Берн намеревался передать в Москву сведения, интересовавшие Генпрокуратуру РФ в связи с расследованием дела «Мабетекс». Говорилось также о том, что в случае несогласия чиновники могут подать протест в швейцарский суд. По данным газеты, эти чиновники немедленно обратились в суд с ходатайством не передавать в Москву указанные материалы.

14 мая Московский суд приступил к рассмотрению жалобы Генпрокурора о незаконности возбуждения против него уголовного дела, а 17 мая удовлетворил ее. В тот же день Главная военная прокуратура опротестовала решение судьи, повторив свой протест от 25 мая.

26 мая консульская служба МИД РФ аннулировала выданный Ю. Скуратову общегражданский загранпаспорт, объявив его недействительным. Тем самым Ю. Скуратова не пустили в Швейцарию на ежегодную международную конференцию в Лугано по борьбе с коррупцией. Помощник главы думского комитета по безопасности Е. Чубанов заявил, что истинные виновники — «стоящие за сотрудниками ФСБ лица, опасющиеся встреч Ю. Скуратова с Карлой дель Понте».

Тем не менее противникам Ю. Скуратова удалось далеко не все. По сообщениям прессы, в Швейцарии работали два следователя по особо важным делам Генпрокуратуры РФ — Г. Чуглазов, расследовавший дело «Мабетекс», и Н. Волков, ведший дело «Аэрофлота». И именно после их возвращения многие ожидали в России новых скандалов («Новые известия», 29 мая 1999 г.).

31 мая МИД России выдал Ю. Скуратову общегражданский загранпаспорт. А фирма «Мабетекс» официально потребовала от Карлы дель Понте не-

медленно приостановить любую помощь российской стороне по расследованию дела о злоупотреблениях в управлении делами президента РФ (*«КоммерсантЪ-дейли», 1 июня 1999 г.*).

Главная военная прокуратура продлила еще на два месяца следствие по уголовному делу Ю. Скуратова в связи с истечением 2 июня предусмотренного законом двухмесячного срока расследования уголовных дел.

2 июня уголовное дело в отношении Ю. Скуратова поступило в Верховный суд, который должен был рассмотреть его в течение месяца.

8 июня Ю. Скуратов заявил, что считает проблематичным свое возвращение на пост Генпрокурора (*«Известия», 9 июня 1999 г.*). В тот же день по каналам «Интерфакса» сообщили, что глава Национального резервного банка А. Лебедев собирается подать на Ю. Скуратова в суд.

Временная комиссия Совета Федерации по изучению проблем борьбы с коррупцией провела три заседания, чтобы найти компромисс между Кремлем и Ю. Скуратовым. 9 мая комиссия подготовила два обращения: к Б. Ельцину и в Конституционный суд. В первом документе предлагалось как можно скорее «провести согласительные процедуры», так как прокурор «не находится в правовом поле» (*«Независимая газета», 10 июня 1999 г.*)

Во втором — решить, кто вправе отстранить Генпрокурора.

10 июня стало известно, что на последнем заседании комиссии Совета Федерации по коррупции Ю. Скуратов представил новые данные, которые побудили сенаторов выйти к президенту с предложением о внесении поправок в закон о прокуратуре — фактически поставить Генпрокурора под надзор сената. Кроме того, временная сенатская комиссия по коррупции хотела стать постоянной. Более того, якобы готовился проект об усилении ее за счет Совета безопасности (*«Сегодня», 10 июня 1999 г.*).

В ожидании развязки этого дела, конца которому не было видно, аналитикам ничего не оставалось делать, кроме как давать оценки и прогнозы.

Большинство обозревателей сходилось во мнении:

с учетом того, что Ю. Скуратов дал задний ход и опроверг «добровольность» своего прошения от 1 февраля и последующих реляций об отставке, в неприглядном свете выглядела позиция Б. Ельцина, подписавшего соответствующие документы. Были основания упрекать окружение президента по меньшей мере в попустительстве коррупции на государственном уровне, если не в прямой причастности к ней.

Многие аналитики предполагали: не было гарантий принятия Советом Федерации решения об отставке Ю. Скуратова. Администрация президента и лично Б. Ельцин получили серьезнейший удар, который свидетельствовал о нарушении равновесия в балансе различных ветвей в целом. Общество убедилось — президент не всесилен («Итоги», 1999, 13 и 27. 04).

На позицию сенаторов не могли не повлиять публично излагавшиеся еще до заседаний мнения таких личностей, как Ю. Лужков, М. Шаймиев, Д. Аяцков, Р. Аушев об отсутствии оснований для отставки Ю. Скуратова. Попытки Е. Строева после его встреч с Б. Ельциным превратить заслушивания Генпрокурора 17 марта и 21 апреля в формальную процедуру утверждения его отставки оказались безуспешными.

Однако было ясно, что Б. Ельцин таких обид не прощает. В то же время, даже при своей импульсивности и непредсказуемости, на конфронтацию с Советом Федерации и большинством лидеров он вряд ли пошел бы, а если бы и решился на нее, то президентских властных ресурсов оказалось бы недостаточно.

Президент «отыгрывался» на правительстве, которое, по его мнению, занимало пассивную позицию в вопросе об отнесенной на 13—15 мая процедуре импичмента в Госдуме и «деле Ю. Скуратова». Назначение первым вице-премьером С. Степашина было призвано продемонстрировать намерение президента лично контролировать силовые структуры и оказывать через них большее внимание на остальные ветви власти.

Прогнозировалось, что тема коррупции в высших эшелонах власти с причастностью к ней ближайшего окружения Б. Ельцина будет проходить рефреном в начинавшейся 13 мая процедуре импичмента президента.

Существовала версия и о том, что президент под

предлогом нерешенной проблемы Ю. Скуратова и вившей темы импичмента пойдет на резкие шаги, связанные с роспуском правительства, разгоном Думы и запретом Компартии. Данная вероятность не исключалась, но правы оказались те наблюдатели, которые не считали ее предрешенным вопросом.

Характерные для рассматриваемого периода нарастание напряженности в верхних эшелонах власти и угроза выхода ведущих субъектов РФ за пределы конституционного поля в определенной мере сузили пространство для компромиссов, которое в течение нескольких месяцев служило основой хрупкой политической стабильности властных структур.

Многие аналитики подобное развитие ситуации считали вполне закономерным, поскольку стабилизация постепенно приводила к сокращению политического влияния Б. Ельцина и поддерживавших его групп (либеральный истеблишмент, часть финансовой олигархии), перетеканию реальной власти из Кремля и со Старой площади в правительство и Федеральное собрание. КПРФ и ее союзники, стремясь закрепить в своих руках политическую инициативу, поспешили усилить давление на президента, пытаясь с помощью угрозы импичмента не только обезопасить Госдуму от превентивных ударов Б. Ельцина, но и добиться решающих успехов в борьбе за дальнейшее изменение баланса сил в свою пользу.

Такая тенденция стала вызывать откровенную озлобленность президентской команды, которая настоятельно рекомендовала Б. Ельцину предпринять адекватные контрмеры с тем, чтобы не выпустить из своих рук удерживаемую почти десятилетие реальную власть. Как отмечал профессор политологии С. Черняховский, «...за эти 10 лет он многократно выигрывал схватки за власть, менял свое окружение, проваливал собственные начинания и обещал подъем «еще через полгода». Не было сделано ничего, что улучшало бы положение вещей... Правление Бориса Ельцина напоминает хозяйничанье барина-самодура, разорившего имение, уморившего людей и скот, не знающего, как выпутаться из долгов и меняющего управляющих, вала на них вину за свое банкротство...» (*«Независимая газета», 13 мая 1999 г.*).

Заметная активизация оправившегося в апреле после очередной болезни Б. Ельцина послужила сигналом к консолидации группировавшихся вокруг него сил, которые увидели в этом, возможно, один из последних шансов переломить ход борьбы в свою пользу и сохранить за главой государства лидирующие позиции в политике. Надежды на это особо усилились после того, как в своем Послании Федеральному собранию Б. Ельцин обнародовал дальнейшую стратегию на реорганизацию правительства, обосновав свое желание изменить его состав приближением выборов и необходимостью продолжения либеральных социально-экономических реформ.

Для решения поставленных задач Кремль предпринял ряд шагов.

Прежде всего была осуществлена серия мер по ограничению возможностей как правительства, так и Госдумы проводить самостоятельную и инициативную политику. Из пропрезидентских кругов стала целенаправленно «выбрасываться» информация о вероятности использования жестких мер против оппонентов Б. Ельцина, среди которых, в частности, такие, как досрочный роспуск Госдумы и запрет КПРФ.

Президент прозрачно намекнул на вероятность отставки премьера в обозримой перспективе, и хотя Е. Примаков отпарировал угрозу — в телеобращении 10 апреля сказал, что за кресло не держится, — ему одновременно пришлось публично высказаться за отставку Ю. Скуратова с поста Генерального прокурора.

Вслед за этим начали активно муссироваться слухи о том, что Б. Ельцин поставил Е. Примакову ультиматум: если поддерживавшая его Госдума проголосует за импичмент, то в правительстве произойдет большая кадровая чистка с отставкой представителей левых сил (Ю. Маслюков, В. Густов, Г. Кулик), да и самого премьера президент не будет удерживать.

Кроме того, президентская команда предприняла ряд мер, направленных на «размягчение» и раскол сложившейся в марте антиельцинской коалиции.

Б. Ельцин и руководитель администрации президента А. Волошин в преддверии очередного рассмотрения отставки Ю. Скуратова провели ряд встреч

с президентами национальных республик в составе РФ и губернаторами, в ходе которых Кремль заявил о намерении пойти на дальнейшее изменение баланса властных полномочий в пользу регионов.

В частности, было обещано разрешить самостоятельный выход субъектов Федерации на рынок внешних заимствований через выпуск региональных ценных бумаг, а также вопреки утвержденному Налоговому кодексу перераспределить в пользу регионов значительную часть налоговых поступлений.

Особое значение в этой акции Кремль придавал сближению с Ю. Лужковым, которого президентские структуры рассматривали в тот момент в качестве инструмента сдерживания Е. Примакова. По некоторым сведениям, на состоявшейся в начале апреля встрече президент предлагал московскому мэру пост премьерера. На оказание политической поддержки лидеру «Отечества» были направлены основные силы президентской администрации в лице А. Волошина и О. Сысуева.

Однако, как и предполагали наблюдатели, Ю. Лужков, понимая, что при сохранении традиционного вмешательства самого президента и его приближенных в практическую деятельность правительства премьерство окажется недолговечным, отклонил предложение. Вместе с тем он заметно усилил критику Госдумы, в том числе и за затею с импичментом, что объективно сыграло на руку Кремлю, стремившемуся создать вокруг нижней палаты обстановку политической изоляции.

И наконец, в руководстве силовых структур были осуществлены кадровые перестановки, позволившие Б. Ельцину усилить свое влияние. Близкий к президенту директор ФСБ В. Путин был по совместительству назначен секретарем Совета безопасности. Продлен контракт с министром обороны И. Сергеевым, с подачи которого президент заменил командующего стратегически важным Московским военным округом Л. Кузнецова. Президенту удалось заручиться поддержкой своих планов со стороны министра внутренних дел С. Степашина.

Одновременно руководители МВД и ФСБ получили карт-бланш на внутренние кадровые перестановки,

в результате которых на ключевых постах в их ведомствах оказались лично преданные им люди. В частности, заместитель С. Степашина по кадрам В. Федоров сменил генерал-полковника юстиции И. Кожевникова на посту начальника Следственного комитета МВД. В свою очередь, на место В. Федорова был назначен близкий человек С. Степашина, начальник Главного управления кадров МВД А. Черненко.

В. Путин убрал из ФСБ ряд выдвинутых бывшего директора Службы Н. Ковалева — первого заместителя В. Соболева, сделав его заместителем секретаря Совета безопасности, а также начальника управления экономической контрразведки А. Пушкаренко, имевшего тесные отношения с Генпрокуратурой.

Проведенная перегруппировка сил в МВД и ФСБ, являвшихся ключевыми ведомствами в деле сохранения за главой государства властных полномочий, подтвердили предположения тех аналитиков, которые полагали, что президентская сторона готовилась к решительному изменению баланса сил.

Б. Ельцин резко расширил свое участие во внешней политике, прежде всего в урегулировании балканского кризиса, рассматривая этот фактор как мощный инструмент для изменения внутривосточной ситуации в свою пользу.

Левое большинство Госдумы, обеспечив принятое постановление в ответ на обращение президента и Союзной скупщины СРЮ с просьбой принять Югославию в Союз России и Белоруссии, стремилось поддержать позицию Думы — и тогда, как следствие, охлаждение отношений с либеральным истеблишментом внутри России и правящими кругами Запада либо занять более приемлемую для НАТО позицию, что неизбежно привело бы к росту политической изоляции президента внутри страны.

Несмотря на это, его возможности для контригры на поле югославского кризиса оказались более широкими по двум обстоятельствам. Во-первых, общественное мнение России настороженно отнеслось к идее вхождения СРЮ в российско-белорусский Союз, опасаясь, что в этом случае риск непосредственного вступления РФ в военный конфликт на Балканах резко усилится. Во-вторых, такую же точку зрения высказала

и большая часть политического истеблишмента России, включая ведущих политиков — Е. Примакова и Ю. Лужкова.

Чтобы не быть отодвинутым противниками от балканского урегулирования, Б. Ельцин назначил В. Черномырдина своим специальным представителем. Одновременно, как посчитали эксперты, президент решил ряд не связанных напрямую с балканским кризисом задач. В частности, Б. Ельцин создал очередной противовес влиянию Е. Примакова и его правительства на одном из важнейших направлений государственной политики.

В этой связи в политических кругах Москвы было расхожим мнение о том, что в будущем президентская администрация в целях ограничения влияния правительства намерена шире использовать институт спецпредставителей, распространив его на другие сферы политики. В этом качестве предполагалось задействовать в основном отставных политиков, ранее занимавших высокие посты в исполнительной власти. В частности, называлось имя С. Кириенко.

Наблюдатели отметили и тот факт, что назначение В. Черномырдина состоялось сразу после попытки Б. Ельцина приблизить к себе Ю. Лужкова. Поэтому они не исключали, что, согласно тактике сдержек и противовесов, экс-премьер должен был играть эту роль в отношении столичного мэра.

Было очевидно, что успех Б. Ельцина в борьбе с Думой и оппонентами из Совета Федерации во многом зависел от экстренных финансовых вливаний Запада, способных стабилизировать ситуацию и успокоить элиту. Эти вливания связывали с позицией России в отношении агрессии НАТО в Югославии, что и подводило к предположениям о возможных теневых аспектах деятельности спецпредставителя президента.

Главной задачей В. Черномырдина при подобных намерениях российской власти становилось не столько урегулирование кризиса на Балканах вообще, сколько урегулирование на выгодных для Запада условиях. Этим объяснялись и некоторые казавшиеся на первый взгляд не вполне понятными эпизоды переговорного процесса — длительные телефонные разговоры Б. Ельцина с Б. Клинтонем, поездки спецпредстави-

теля по странам ближнего зарубежья, его переговоры с вице-президентом США А. Гором, визит в Москву первого заместителя госсекретаря США С. Тэлботта и его встреча с не имеющими отношения к Балканам лицами, например, с А. Волошиным.

По мнению некоторых западных политологов, США считали важным для себя предпринять все возможное для того, чтобы Б. Ельцин сохранил свою власть в России именно тогда — в период завершения войны против Югославии. Об этом свидетельствовали и появлявшиеся в американской печати материалы, призывавшие участников альянса по достоинству оценить усилия Б. Ельцина, который являлся гарантом того, что Россия не дистанцируется от Запада в ближайшей перспективе.

Резкое усиление активности Б. Ельцина ослабило его оппонентов и существенно снизило шансы левого большинства Госдумы набрать 15 апреля необходимые 300 голосов для объявления президенту импичмента.

Осознавая сложность ситуации, руководство левой оппозиции главный упор сделало на развитии политических аспектов импичмента. Лидеры КПрФ понимали, что юридически эта процедура закончится тупиком уже на стадии Верховного суда. В конечном итоге это усилит риск неконституционных действий со стороны любого из активных участников конфликта, что в условиях консолидации пропрезидентских сил чревато тяжелыми для Думы и КПрФ последствиями.

Поэтому главным для левых стало воссоздание пошатнувшейся мартовской антипрезидентской коалиции, формирование через скандал с Генпрокурором такого морально-политического климата в стране, при котором сохранение Б. Ельцина на посту стало бы неприемлемым для большей части истеблишмента. В этом случае главным оружием левых было консолидированное требование элит к президенту досрочно уйти в отставку. Не случайно на протяжении всех весенних месяцев 1999 года Г. Зюганов постоянно «советовал» президенту оставить занимаемый пост по собственному желанию.

Однако, не получив поддержки со стороны влиятельных групп элиты в вопросе об импичменте, ком-

мунисты вынуждены были лавировать и под предлогом неясности процедурных аспектов голосования перенести рассмотрение этого вопроса на 13 мая. При этом они явно стремились перевести эту проблему в разряд пропагандистских с целью мобилизации своего электората и дискредитации других фракций в Думе как пособников «антинародного режима».

В противостоянии с ним важная роль отводилась майским выступлениям, широкое участие населения в которых могло бы стать едва ли не решающим аргументом за отставку Б. Ельцина, как об этом неоднократно заявлял Г. Зюганов. Однако приходилось констатировать, что, несмотря на все старания, противникам президента не удалось преодолеть политическую апатию и мобилизовать массы недовольных режимом Б. Ельцина людей.

При сделанной левыми заявке на 100 тысяч человек, по оценкам независимых экспертов, реально в первомайском шествии в Москве участвовало примерно 14,5 тысяч, а в демонстрации и митингах 9 мая — около 20 тысяч человек.

Недостаточно высокую массовость первомайских акций, которые должны были продемонстрировать размах антиельцинских настроений, лидеры оппозиции восприняли с большой досадой. Ее усилило то обстоятельство, что коммунисты, без сомнения стремившиеся по числу манифестантов превзойти формировавшийся «лужковский» фланг российского партстроительства — «Отечества», не смогли добиться и этой цели.

В столице «Отечеству» удалось, опираясь на профсоюзы и административные структуры, собрать достаточно внушительную колонну численностью около 25 тысяч человек.

Проведенные оппозицией 1 и 9 мая митинги и демонстрации показали, что ей так и не удалось существенно расширить свое влияние на общество и консолидировать вокруг себя значительные социальные силы. Более того, проведенные накануне праздников опросы общественного мнения зарегистрировали значительное падение авторитета КПРФ, что, наверное, и выразилось в недостаточно высокой массовости майских акций протеста.

Впрочем, определенным достижением оппозиции, как полагали наблюдатели, было заметное омоложение рядов демонстрантов — в акциях «красных» приняло участие больше, чем когда-либо прежде, учащейся молодежи, главным образом студентов.

В то же время, по наблюдениям обозревателей, власти тоже не сидели сложа руки и постарались снизить численность участников первомайских акций. Для этого в подконтрольных СМИ акцент был сделан на пропаганде ценностей семейного быта, здорового отдыха, а также на устрашении. 29—30 апреля основные электронные СМИ в своих новостных программах акцентировали внимание на переходе милиции на режим повышенной готовности.

Усилившиеся опасения по поводу возможных провокационных действий Кремля во время демонстраций оппозиции с целью инициировать беспорядки с далеко идущими последствиями наверняка повлияли на снижение численности участников майских акций протеста против режима Б. Ельцина.

С другой стороны, власти, видимо, сами опасались возбудить развитие событий по острому сценарию. В отличие от прошлых лет во время оппозиционных шествий в мае 1999 года не наблюдалось значительного скопления вокруг них силовых подразделений и, как отметили сами организаторы протестных мероприятий, в их ходе не было зафиксировано сколько-нибудь серьезных инцидентов.

Не нашли значительного отклика ни в СМИ, ни в действиях правоохранительных структур анонимные демонстративно-террористические акции, направленные на нагнетание напряженности, — взрыв в гостинице «Интурист», размещение муляжей взрывных устройств у Кремлевской стены, взрывы неподалеку от синагог в Москве вечером 1 мая и т. п. Ответственности за них никто на себя не взял, хотя определенные круги попытались использовать некоторые «теракты» для дискредитации оппозиции. В частности, известный своим радикализмом исполнительный вице-президент Российского еврейского конгресса А. Осовцов в телеэфире приписал их авторство «коммунистам и нацистам», которые своими разнузданными речами «подогрели террористов». Вслед за ним С. Степашин пообещал

щал усилить борьбу с «экстремистскими националистическими организациями», которые впоследствии больше не проявились.

Заметное успокоение внесли заявления министра юстиции, отметившего, что специально направленные им наблюдатели на мероприятия левых сил «не зафиксировали серьезных антиконституционных нарушений со стороны оппозиции».

Некоторые эксперты считали, что майские торжества 1999 года были менее политизированы СМИ, чем в прежние времена. В значительной степени этот феномен они объясняли тем, что в праздниках впервые в качестве лидера движения «Отечество» принимал участие имеющий конкретные достижения Ю. Лужков, «заслуженно претендующий на роль лидера всей российской политической элиты на переходе в постельцинский этап».

В процессе поиска регионалами новой конфигурации сил, способной надежно обеспечить сохранение интересов политической элиты в постельцинскую эпоху, ключевые позиции, как представлялось многим экспертам, занимал Ю. Лужков. Одним из серьезных просчетов президентской команды называлась попытка сыграть на соперничестве между столичным мэром и премьером Е. Примаковым. словно в пику Кремлю лидер «Отечества» открыто выступил за сохранение прежнего кабинета.

Убедившись, что эта задача невыполнима, мэр сменил тактику, бросив все силы на поддержку Ю. Скуратова. Не скрывал Ю. Лужков и своих симпатий к Ю. Скуратову во время заседания и удовлетворения тем, что президент потерпел поражение. По словам мэра, верхняя палата парламента высказалась за верховенство закона над «прецедентным правом» и Кремлю надо смириться с решением Совета Федерации и предоставить Генпрокурору условия для нормальной работы.

По мнению экспертов, борьба Совета Федерации за Генпрокурора с президентом во многом превратилась в схватку команды Ю. Лужкова с командой Б. Ельцина, главной ставкой в которой стала не фигура Генпрокурора, а внутриэлитное лидерство. Это обстоятельство было особенно заметно после того, как мэр

на правах победителя начал активно встраиваться в схему регионального партстроительства, выступив в качестве партнера М. Шаймиева, и во все большей степени брать на себя роль верховного арбитра в отношении элит. Так, после встречи 22 апреля с Е. Примаковым московский мэр подверг резкой критике А. Волошина за его высказывания о том, что премьер является «нестратегическим партнером» для президента, и заявил, что «плохо понимает, почему кабинет Е. Примакова, предложенный несколько месяцев назад президентом и решивший проблемы стабилизации, сейчас может быть отставлен».

Продолжив критику экономической политики премьера, в том числе и таких его фундаментальных достижений, как стабилизация, которая, по словам Ю. Лужкова, была «абсолютно неустойчивой», мэр стремился показать элитам, что именно он играл первую роль в альянсе с Е. Примаковым.

Более того, Ю. Лужков успешно сделал заявку на роль гаранта политической стабильности и конституционного порядка, резко осудив на съезде «Отечества» в Ярославле любые попытки нарушить политическую стабильность в стране, от кого бы они ни исходили, и призвав провести смену как парламентской, так и президентской власти в строго установленные Основным законом сроки.

Солидные выступления мэра Москвы по вопросам внешней политики, в том числе в печати (в частности, его статья в газете «Коммерсантъ» по проблеме отношений России и Запада), также подкрепляли обоснованность его претензий на роль общенационального лидера.

По ряду оценок, тактика столичного мэра, ориентированная на превращение в гаранта политической стабильности и неприятие любого политического радикализма, олицетворяла его намерение начать, по образцу президентской избирательной кампании 1996 года, консолидацию всех некоммунистических сил вокруг себя и своего движения «Отечество», что в принципе показали майские праздники 1999 года.

В сущности, как отметили многие аналитики, интересная с точки зрения межпартийной борьбы за президентство новая первомайская панорама едва ли могла

считаться утешительной для Б. Ельцина и его ближайшего окружения.

Участники и лидеры обоих первомайских мероприятий («зюгановцы» и «лужковцы») по основным вопросам текущей политики оказались фактически на одинаковых позициях, выразив отрицательное отношение к возможным шагам президента по изменению состава правительства и смены премьера, к капитуляции перед требованиями МВФ, к основным итогам ельцинского правления. Как отмечалось в прессе, тезисы выступлений Г. Зюганова и Ю. Лужкова во многом перекликались.

Наличие множества точек соприкосновения между отличными по взглядам политическими силами в условиях весенней ситуации означало, что в целом произошло заметное ухудшение позиций президента, которому приходилось держать фактически круговую оборону, не имея значительного пространства для маневрирования.

Движущим конфликтом основного политического процесса этого периода была и острая внутриэлитная борьба вокруг вопроса об импичменте. Усилия администрации президента были направлены на поиск наиболее приемлемой для Кремля тактики политического поведения в преддверии обсуждения обвинений, выдвинутых против Б. Ельцина.

Готовясь к решительному бою за власть, президент продолжал терять политический вес, о чем, в частности, свидетельствовал тот факт, что с ним прекращали связывать свои карьерные устремления молодые чиновники. Пример — уход заместителя главы администрации президента, начальника Главного правового управления Р. Орехова, который был носителем ряда весьма важных для стабильности режима связей. Не менее показателен факт возбуждения 23-летним прокурором из Челябинской областной прокуратуры А. Саломаткиным уголовного дела против заместителя прокурора Москвы В. Росинского по обвинению в превышении полномочий при возбуждении уголовного дела в отношении Ю. Скуратова. И хотя заместитель Генпрокурора Ю. Чайка не поддержал молодого юриста, доводы последнего не остались неза-

меченными спецкомиссией Совета Федерации по борьбе с коррупцией.

На ее заседании, состоявшемся в начале мая, было принято мало устраивавшее президента решение «о политической поддержке громких дел», рекомендовавшее не производить кадровых перестановок в Генпрокуратуре до назначения нового Генерального прокурора. Однако президентские структуры всеми последующими действиями показали, что не намерены были обращать внимания на рекомендации комиссии. Подобное отношение к сенаторам еще более осложнило положение Б. Ельцина и его администрации.

Наблюдавшиеся во время майских праздников интенсивные консультации главы администрации президента с рядом российских политиков, в частности, с Г. Селезневым, Е. Строевым, В. Жириновским, Г. Явлинским, О. Морозовым и другими думскими лидерами не привели окружение главы государства к согласию в вопросе выбора наилучшей тактики противодействия угрозе импичмента.

Поначалу на Старой площади весьма активно заявили о себе представители «гибкой» тактики поведения президентской стороны перед предстоящим в Думе рассмотрением вопроса об импичменте. В обширном интервью журналу «Коммерсантъ-Власть» («Коммерсантъ-Власть», № 17, 1999 г.) первый заместитель главы администрации президента О. Сысуев сформулировал такую точку зрения: главе государства и его структурам следует избегать резких движений, так как они неизбежно приведут к ухудшению позиций президента и дадут депутатам повод для консолидации вокруг сторонников отрешения его от должности.

В свою очередь министр юстиции М. Крашениников заявил, что президентской стороне импичмент не страшен: если депутаты проголосуют за его начало, то в силу неотработанности процедуры в дальнейшем он «умрет сам собой».

Сторонники «гибкой» линии особое значение придавали отношениям между президентом и главой правительства.

О. Сысуев в упомянутом выше интервью исходил из того, что главным раздражителем для Думы могла

стать отставка премьера, немислимая в конкретной политической обстановке без серьезных последствий для Кремля. Поэтому президентской стороне не следовало сильно акцентировать свое внимание на возможности отставки Е. Примакова и нагнетать атмосферу.

О. Сысуев отверг версию о том, что назначение С. Степашина первым вице-премьером связано со скорой отставкой Е. Примакова, который, согласно другому заявлению первого заместителя руководителя президентской администрации, при любом раскладе сил в Думе оставался «стратегическим партнером» президента. Это, правда, противоречило мнению А. Волошина, который после второй неудачной попытки отправить в отставку Ю. Скуратова объявил, что Е. Примаков не является «стратегическим партнером» Кремля.

Высказывалось мнение, что гибкую линию О. Сысуева поддерживала близкая к А. Чубайсу часть кремлевской команды, включая В. Путина.

Такая позиция скорее всего объяснялась тем, что руководимое А. Чубайсом РАО «ЕЭС России» оказалось в весьма сложном финансовом положении, и он опасался, что дальнейшее раскручивание конфронтации в верхах могло привести к серьезному ослаблению и без того уязвимых позиций энергетического концерна. Его долг «Газпрому» составлял на конец апреля почти 50 млрд. рублей, и для его погашения «ЕЭС России» пришлось расплачиваться с газовиками акциями дочерних предприятий — так, «Газпрому» были переданы за долги 72 процента госпакета акций АО «Псковская ГРЭС». Требования «Газпрома» могли значительно вырасти с вовлечением его в сложную политическую игру.

Некоторые эксперты считали, что в паре с ЛУКОЙЛОМ «Газпром» финансировал создававшийся М. Шаймиевым региональный избирательный блок «Вся Россия», у которого, при поддержке Е. Примакова, складывались союзнические отношения с движением «Отечество».

Подобная конфигурация политических сил, в которой мог быть задействован основной кредитор «ЕЭС

России», особенно в условиях дефицита финансов на предвыборную кампанию, вполне была способна расстроить политические планы самого А. Чубайса и сложившегося вокруг него блока «Правое дело» в случае дальнейшего обострения ситуации в российских верхах. Помимо прямого давления со стороны правительства (налоговики приступили к широкомасштабной проверке «ЕЭС России»), компания А. Чубайса могла стать объектом весьма опосредованного политического влияния со стороны московского мэра. Во всяком случае, возобновившиеся острые нападки Ю. Лужкова на «приватизаторов, которые еще ответят за свои дела», не сулили ничего хорошего главе РАО «ЕЭС» и могли реализоваться в конкретных ударах по его позициям при обострении политической борьбы в стране.

По сведениям, просочившимся в печать, деятельность О. Сысуева вызывала крайнее недовольство А. Волошина и Т. Дьяченко, подозревавших его в авторстве идеи альянса между «Отечеством» и «Всей Россией», а также в контактах с лужковским окружением, в частности, с С. Ястржембским и премьером.

Определенная рассогласованность между президентом и некоторыми лицами из его администрации проявилась на первом заседании Российского оргкомитета по подготовке встречи третьего тысячелетия и празднования 2000-летия христианства: глава государства неожиданно весьма вызывающе и грубо повел себя по отношению к присутствовавшим представителям российской политической элиты. Ряд экспертов полагал, что причина бурной эмоциональной реакции Б. Ельцина по поводу того, что С. Степашин сидел «не на положенном месте», заключалась не только в возросшей склонности президента к немотивированной гневности, но и в явном неодобрении им позиции склонных к компромиссу представителей «гибкой» линии.

Незадолго до заседания оргкомитета произошла очередная закулисная стычка между президентом и премьером, который вопреки рекомендациям Б. Ельцина «отдыхать до 9 мая» вел достаточно активный образ жизни: поздравил журналистов с Днем печати,

вновь вступил в негласную полемику с президентом. Однако главным предлогом стычки и последовавшего за этим «разносом» Е. Примакова стало якобы нежелание премьера тратить бюджетные деньги на проведение бессмысленных, по его мнению, торжеств, что Б. Ельцину, «мыслящему историческими категориями», показалось покушением на его верховную власть.

С учетом этого не казалась странной ярость, охватившая президента, когда он увидел О. Сысуева в соседстве с Е. Примаковым, и решившего посадить между ними новоиспеченного первого вице-премьера С. Степашина.

Существовала точка зрения, что высказывания В. Черномырдина в поддержку правительства Е. Примакова (которому «мы все по рукам и по рукам...») были связаны со стремлением экс-премьера на всякий случай заручиться поддержкой главы кабинета в борьбе за сохранение «Газпрома» в орбите своего влияния. По распространенной версии, В. Черномырдин пытался продать решение о назначении на место Р. Вяхирева, который должен был уйти на пенсию в соответствии с уставом «Газпрома», достигнув 61 года, своего верного политзаместителя, депутата Госдумы В. Бабичева.

С другой стороны, вновь претендуя на пост премьера, В. Черномырдин не хотел выглядеть перед Думой врагом Е. Примакова, прекрасно понимая, что в этом случае его шансы на утверждение будут минимальны. Более того, по договоренности с Б. Ельциным экс-премьер намеревался до последнего защищать действовавшего главу кабинета и получить на этом солидный политический капитал, который давал бы ему основание предстать перед Думой в качестве «законного» преемника Е. Примакова.

С распространенным мнением о том, что правительство и его глава избрали пассивную, выжидательную линию поведения в отношении действий президента, соглашались не все. Внимательный анализ показывал, что премьер проводил линию на активную оборону своих позиций, искал и находил новых союзников, прилагал усилия по формированию в общественном мнении позитивного образа кабинета министров.

С назначением С. Степашина первым вице-премьером в аппарате правительства начали готовить согласованное между президентом и премьером решение по изменению конфигурации подведомственного ему блока правительственных учреждений, в целом направленное на упрощение задач по курированию региональной политики. В частности, говорили о предстоящем слиянии министерств региональной и национальной политики в одно Министерство федеративной политики. Наиболее вероятным кандидатом на его руководство считался советник премьера по правовым вопросам С. Шахрай. Блокирование ставленника Б. Ельцина своей собственной креатурой позволило бы главе кабинета отчасти нейтрализовать негативные последствия осуществленной президентом рокировки.

Кроме того, Е. Примаков подписал принятую Советом Европы «Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 года, которая предусматривала розыск, арест, конфискацию и возвращение из-за рубежа незаконно вывезенных средств. Этим было фактически выбито последнее формальное основание для упреков в адрес Ю. Скуратова, что «швейцарские» документы, полученные Генпрокуратурой, не имели правового основания. Более того, это открывало путь к более широкому взаимодействию российских правоохранительных органов с аналогичными структурами, входившими в Совет Европы.

Одновременно резко усилился поток позитивной информации о результатах деятельности правительства, что говорило о его стремлении нейтрализовать распространявшиеся негативные сведения о кабинете и создать себе положительный имидж в общественном мнении.

В прессе появились данные о восстановлении российской промышленностью докризисных объемов производства и даже о некотором росте соответствующих показателей по отношению к первому кварталу 1998 года. К числу своих достижений кабинет относил рост стоимости «голубых фишек», акций российских приватизированных предприятий, прежде всего, ТЭКа, также достигших докризисного уровня. Это позволило некоторым аналитикам сделать благоприятный для

правительства вывод о том, что рынок корпоративных бумаг начал выходить из депрессивного состояния. Наконец, в СМИ появились утверждения о том, что в апреле Министерству по налогам и сборам удалось перевыполнить соответствующее бюджетное задание.

Реклама этих достижений, которые во многом были связаны не с деятельностью самого правительства, а с объективными последствиями финансового кризиса 17 августа (девальвацией национальной валюты, продолжавшейся инфляцией, резким падением экспорта), как полагали эксперты, должна была прикрыть его реальные провалы.

В частности, в сфере борьбы с инфляцией (за первый квартал 1999 года, по данным Госкомстата, она составила 19,5 процента против 3,5 процента в первом квартале 1998 года, а в апреле возросла до трех процентов по сравнению с 2,8 процента в марте) и с продолжавшимся инвестиционным кризисом — в первом квартале инвестиции в реальный сектор были на 10,5 процента меньше, чем за аналогичный период 1998 года. Иными словами, несмотря на ситуативные успехи российской экономики, ее сползание в пропасть правительству Е. Примакова реально остановить не удалось.

Его кабинет вполне целенаправленно стремился преодолеть свой прежний имидж правительства лоббистов, организуя «утечки» соответствующей информации. Например, в российской прессе широко обсуждались сообщения о том, что, несмотря на все усилия вице-преьера Г. Кулика, считавшегося лоббистом интересов АПК, ему не удалось добиться от Минфина выделения всех положенных по бюджету средств на финансирование сельского хозяйства, и даже о «серьезном конфликте», возникшем между ним и М. Задорновым.

Понимая, что действия президента во многом определялись не столько рациональным, сколько эмоциональным началом, Е. Примаков стремился в этой ситуации делать тихие позиционные шаги, направленные на укрепление позиций кабинета. С прагматической готовностью премьер искал себе влиятельных союзников. Выражением этого стало подписание соглашения между контролируемой Е. Примаковым

через своего назначенца Г. Рапота госкомпанией «Росвооружение» и Банком Москвы, на обслуживание которому были переданы ее счета. По-видимому, это обстоятельство, среди прочих, также во многом объясняло явное содействие, оказываемое Ю. Лужковым главе российского правительства. Московский мэр неоднократно в первой декаде мая брал правительство под защиту и даже объявил Е. Примакова лучшим премьером, «по крайней мере последнего десятилетия».

Несмотря на большие трудности, команда Е. Примакова довольно продуктивно вела сложный диалог с мировыми финансовыми институтами. Убедившись в том, что Россия не способна выдержать жесткую антинатовскую позицию, чтобы дорого продать ее в обмен на помощь МВФ, западные кредиторы начали переходить с языка политических уступок (именно так в начале апреля многие объясняли неожиданную покладистость МВФ, за которой стояли расчеты США, что имело смысл «купить» невмешательство России в балканский конфликт в обмен на помощь фонда) на откровенно жесткие требования.

Эксперты, близкие к Кремлю, в требованиях фонда отчитаться о расходовании предыдущих траншей, представлять регулярные отчеты ЦБ о состоянии золотовалютных резервов России и провести через Думу пакет малопопулярных законопроектов и поправок к уже действовавшим законам усмотрели «вежливую» форму отказа МВФ кредитовать непопулярное на Западе правительство Е. Примакова.

Вместе с тем принципиальное согласие МВФ на выделение кредита российскому правительству некоторыми независимыми экспертами было расценено как усиление его позиций в диалоге с оппонентами.

Казалось, что у кабинета появился вполне убедительный аргумент для того, чтобы любые попытки дестабилизировать ситуацию вокруг кабинета считать деструктивными. Подготовленный им пакет согласованных с МВФ законопроектов стал одной из гарантий продления жизни правительства Е. Примакова. Вероятно, имея в виду его судьбу, Г. Зюганов сказал, что отставка правительства была бы равнозначна финансово-хозяйственному краху сложившейся в стране сис-

темы, так как Дума не станет рассматривать аналогичные представленному пакету предложения, если они будут исходить от другого кабинета и не будет утверждать других премьеров.

Твердая позиция лидера думского большинства и игра правительства с МВФ вроде бы обоснованно давали Е. Примакову определенное пространство для маневрирования в отношениях с президентом и вместе с тем затрудняли принятие им серьезных кадровых решений потому, что они могли стать дополнительным поводом для резкой и опасной раскрутки внутривнутриполитического кризиса, вина за который неизбежно в глазах общества пала бы на Кремль. Предполагалось, что сдерживающим фактором для Кремля станет также угроза лидеров оппозиции в случае отставки правительства Е. Примакова призвать россиян к массовым выступлениям и созвать совместное заседание Думы и Совета Федерации с целью вынудить Б. Ельцина уйти с президентского поста.

Однако вопреки нависшим над Кремлем со всех сторон угрозам и здравому смыслу в самый канун голосования по импичменту — 12 мая президент в присущем ему стиле все-таки отправил в отставку правительство Е. Примакова.

Глава 6

НА РАСПУТЬЕ

Отставка Е. Примакова: безрассудство или часть стратегии. — Для чего к разведчику Е. Примакову приставили контрразведчика С. Степашина. — Как возникли две кандидатуры на пост премьера. — Кто двигал Н. Аксененко. — Сценарный план «семьи». — Без А. Чубайса и тут не обошлось. — Б. Ельцин идет на третий срок? — Новые кремлевские сценарии

Наверное, прав политолог профессор С. Черняховский: при Б. Ельцине не может быть сильного премьера. «Сильный руководитель, который чего-либо добьется в экономике и обществе, — станет популярен, а потому опасен и ненавидим им... Примаков вызвал ревность Ельцина не тем, что взял в правительство коммунистов и что-то сделал или не сделал в экономике, а тем, что стал популярен» («Независимая газета», 13 мая 1999 г.).

В этой связи хотелось бы упомянуть и о такой точке зрения: «коммунистическому» правительству Е. Примакова не удалось ничего сделать в стране потому, что оно отвергло самое главное — коммунистическую идеологию. У него вообще не было никакой концепции. Так что кратковременное возвращение Политбюро (Е. Примаков был кандидатом в члены Политбюро, Ю. Маслюков — членом Политбюро, В. Герщенко — членом ЦК КПСС) пользы не принесло. Практика без теории мертва, впрочем, как и теория без практики.

И тем не менее отставка правительства Е. Примакова не получила одобрения в обществе. Уход премьера поддержало всего восемь процентов населения, не поддержало — 81 процент. Это дало повод «Известиям» заявить: «Подобного демонстративного вызова общественному мнению не может себе позволить ни один глава цивилизованного государства» («Известия», 25 мая 1999 г.).

Отставку Е. Примакова вряд ли можно было назвать безрассудством, если учесть, что до того Б. Ель-

цин предпринял ряд важных дополнительных мер, позволивших ему занять выгодные позиции для решительного контрнаступления.

Вокруг президента С. Степашина создал еще одну мощную силовую линию. К часу «Ч» были сформированы две новые элитные части в составе Отдельной дивизии оперативного назначения Внутренних войск МВД РФ — полк спецназа ВВ «Витязь» (создан на основе первого полка оперативного назначения упомянутой дивизии и отряда спецназа «Витязь») и отдельный батальон оперативного назначения. На церемонии, посвященной этому событию, министр внутренних дел отметил, что речь идет о частях, являющихся «надежным резервом президента и МВД России».

11 мая, за день до отставки правительства, из администрации президента произошла утечка информации о том, что во время очередной встречи с Е. Примаковым президент предложит ему уйти в отставку и назначит на должность и. о. премьера Н. Аксененко. Сам факт, что контролируемый Б. Березовским телеканал ОРТ всеми силами пытался дезавуировать этот слух и убедить телезрителей, что ничего на самом деле не происходит, заставил многих наблюдателей насторожиться. Складывалось впечатление, что «голуби» в администрации старались предупредить общественность о грядущих переменах, а «семья», в противовес этому, «заметала информационные следы».

Действительно, как стало известно позже, семейный консилиум над «телом умиравшего» кабинета министров состоялся вечером 11 мая. Т. Дьяченко в унисон с В. Путиным, отталкиваясь от угрозы «семье», настаивали на отставке премьера и роспуске кабинета министров.

По всей видимости, в Кремле до последнего момента происходила борьба между членами клана Б. Березовского и более мягко настроенными либералами, которые не хотели допустить начала реализации сценария, чреватого неприятностями для самого Б. Ельцина. Не случайно поэтому ряд сторонников президента осудил отставку правительства и назвал ее грубейшей и очень опасной ошибкой. Наиболее

жестко и принципиально высказались по этому поводу представитель президента в Думе А. Котенков и лидер фракции НДР В. Рыжков. Таким образом, заключали некоторые аналитики, смена стратегии Кремля, переход к конкретным действиям по эскалации политической напряженности в стране произошли под влиянием «последнего олигарха».

Действительно, как выяснилось впоследствии, судьба правительства Е. Примакова была решена поздно вечером 11 мая на экстренном совещании узкого круга лиц, на котором, помимо самого президента, присутствовали ближайшие сподвижники Б. Березовского — Т. Дьяченко, В. Юмашев и А. Волошин. По всей видимости, о принятом решении был заранее извещен и другой политический союзник владельца «ЛОГОВАЗа» — В. Черномырдин. После возвращения из утомительного и не слишком удобного вояжа в Пекин спецпредставитель президента по Югославии был приглашен на внеплановую встречу с Б. Ельциным. Сам же Б. Березовский все последние дни находился в Москве и, по всей видимости, принимал активное участие в разработке долгосрочного плана действий Кремля по «политической зачистке» Е. Примакова и левой оппозиции.

Отсюда наблюдатели делали вывод — отставку правительства Е. Примакова нельзя рассматривать только лишь как эмоциональный выпад Б. Ельцина против надоевшего ему премьера и игравшей в импичмент КПРФ. Это решение было частью хорошо продуманного плана по обеспечению необходимой для «семьи» преемственности власти в России. Аналитики исходили из того, что группа Б. Березовского стремилась повторно реализовать провалившийся в сентябре 1998 года сценарий по превращению выбранного политика в официального наследника президента и недопущению прорыва Ю. Лужкова в Кремль.

Предполагалось, что спусковым крючком нового политического взрыва станет наметившийся после повторного голосования по утверждению отставки Ю. Скуратова в Совете Федерации стратегический союз Е. Примакова, Ю. Лужкова и М. Шаймиева. Недаром же хорошо информированный главный редактор «Независимой газеты» В. Третьяков считал, что

действия Кремля были нацелены на срыв планов «одного активного московского политика» по организации досрочной отставки Б. Ельцина. Таким образом, рассуждения В. Рыжкова, что отставка правительства обусловлена прежде всего подготовкой левыми думцами импичмента, не в полной мере соответствовали действительности.

Психологическая реакция главы государства по поводу многодневных слушаний в парламенте приписываемых ему преступлений против российской государственности играли, конечно, определенную роль. Однако вероятность начала процедуры отрешения президента от власти стала скорее поводом, чем причиной правительственного кризиса. Дата начала слушаний в парламенте пяти пунктов обвинений президента в государственной измене была лишь отправной точкой для перехода Б. Ельцина в решительную контратаку. Другое дело, что подготовка импичмента внесла определенные коррективы в стратегию Кремля, нацеленную на перехват политической инициативы, и сделала план обеспечения необходимой для «семьи» преемственности власти более сложным и многовариантным. Реализация этого сценария не случайно была начата за день до слушаний по импичменту.

Дело в том, что изначальный план исходил, прежде всего, из необходимости роспуска Государственной думы, который должен был произойти под предлогом трехкратного неутверждения депутатами предложенной Кремлем кандидатуры нового премьера. Положительное решение парламента о начале процедуры импичмента могло сорвать данный сценарий, так как в этом случае Дума на какое-то время получала иммунитет от роспуска. В то же время антиконституционные действия на самом первом этапе правительственного кризиса явно не входили в планы администрации. Многие наблюдатели еще задолго до развязки абсолютно справедливо отмечали, что в прямом противостоянии президента с элитой проиграет тот, кто первым предпримет антиконституционные действия. Отставка Е. Примакова и внесение в Думу на утверждение новой кандидатуры еще до начала слушаний по импичменту давали видимость законных оснований для роспуска парламента при любом исходе слушаний.

Согласно одной из юридических традиций, из двух равнозначных с точки зрения закона прецедентов приоритет получает тот, который возник раньше.

Кроме того, неожиданный переход в контратаку давал Б. Ельцину тактическое преимущество и вынуждал его противников обороняться по навязанным им правилам игры. Майский правительственный кризис 1999 года во многом развивался по принципам шахматной партии. Обе стороны старались придерживаться установленных правил (в данном случае Конституции), и при этом изначальное превосходство имел игрок, игравший белыми фигурами. Тем более, что Б. Ельцин в решительные для него минуты всегда исходил из принципа «главное ввязаться в бой, а там посмотрим».

Возможность начала процедуры импичмента была, по всей видимости, одной из причин того, что в запасе у Б. Ельцина оказалось сразу несколько кандидатов на замещение должности и. о. премьера. В зависимости от исхода голосования по предъявленным обвинениям он мог — как стимулировать роспуск, так и попытаться достичь компромисса. Наиболее нежелательной для депутатов из имевшихся у Кремля кандидатур был В. Черномырдин. В случае ее внесения в Думу всем стало бы понятно, что Кремль, так же, как и осенью 1998 года, играл на партитуре, написанной Б. Березовским. Это могло бы еще больше увеличить шансы положительного вердикта Думы по предъявленным президенту обвинениям и к тому же вынудить Совет Федерации вмешаться в конфликт. Поэтому, по поступившим из Кремля утечкам информации, Б. Ельцин готов был официально выдвинуть В. Черномырдина только на третье голосование.

Во время правительственного кризиса Б. Ельцин должен был действовать исключительно в рамках Конституции, что гарантировало его от возможности прямого противостояния с Советом Федерации. Таким образом, согласно планам «семьи», отставка правительства должна была окончиться конституционным роспуском Думы и превращением выбранного наследника в абсолютно законного и легитимного премьера. Досрочный роспуск Думы и назначение нового срока выборов в парламент, а они должны были пройти не

позже начала октября, открыли бы для президента и нового премьера большие возможности по реализации намеченного плана обеспечения преемственности власти и предвыборного моделирования ситуации. КПРФ и другие левые партии теряли аппарат и инфраструктуру нижней палаты парламента, что значительно усложнило бы им проведение избирательной кампании и само по себе могло уменьшить их представительство в Думе нового созыва.

Согласно тем же планам, в предвыборный период страна абсолютно конституционно управлялась бы по указному праву. В отсутствие Думы Совет Федерации превращался в собрание высокопоставленных чиновников и терял свои функции законодательной власти. Это можно было бы использовать для того, чтобы уменьшить представительство левых в Думе нового созыва. Появлялась возможность внести в указном порядке выгодные для исполнительной власти изменения в избирательное право — например, отказаться от выборов по партийным спискам и проводить голосование исключительно по мажоритарным округам. Новая Дума для подтверждения собственной легитимности вынуждена была бы потом задним числом признать законность этой новации. При такой модели проведения выборов решающее влияние на их исход приобретали губернаторы, что гарантировало поддержку этого решения со стороны Совета Федерации.

Впрочем, желаемый результат можно было бы получить и без подобных изменений избирательного законодательства. В случае досрочных выборов наиболее влиятельные губернаторы потеряли бы право участвовать в выборах под крышей собственных партий. Движения «Отечество» и «Голос России» были зарегистрированы в декабре 1998 года и не смогли бы участвовать в новых выборах. Поэтому в случае сохранения системы выборов по партийным спискам им пришлось бы блокироваться с другими партиями. При любых раскладах Ю. Лужков в случае реализации сценария роспуска парламента ослабил бы свое влияние в элите.

Для успеха данного плана ключевое значение имела позиция Запада. Перед началом кризиса Б. Ельцин имел доверительный телефонный разговор с Б. Кли-

нтоном. Ряд СМИ сообщил, что в случае бескровной конституционной смены Е. Примакова на прозападного лидера американский президент пообещал выделение России восьми из запрашиваемых Б. Ельциным миллиардов долларов. Условием предоставления данных средств была помощь России в урегулировании балканского конфликта. Возможно, приходили к заключению наблюдатели, этим объяснялся тот факт, что в самый разгар слушаний по импичменту Б. Ельцин так активно занимался решением проблемы Косова и угрожал странам НАТО выходом из переговорного процесса.

Обозреватели не исключали и того, что Запад действительно решится поддержать В. Черномырдина. Его доверительные отношения с А. Гором и руководством ФРГ были известны всем. К тому же Запад также волновала проблема преемственности верховной власти в бывшей сверхдержаве, и спецпредставитель по Югославии выглядел вполне приемлемым кандидатом в отличие от жестких государственников — Е. Примакова и Ю. Лужкова. В случае выделения России 8 миллиардов долларов (4,5 миллиарда из них были бы возвращены МВФ в счет долга 1998 года) у нового правительства появились бы дополнительные финансовые ресурсы для укрепления собственных политических позиций. Возникли возможности по погашению накопленных долгов в бюджетной сфере, что повысило бы популярность партии власти в преддверии выборов в Думу. Одновременно у правительства появился бы пряник, с помощью которого можно было бы задобрить некоторых чересчур строптивых губернаторов.

Все эти обстоятельства, безусловно, создали бы предпосылки для получения нужного результата на досрочных парламентских выборах, но сами по себе не гарантировали избрания выбранного преемника новым президентом России. Для решения этой проблемы, полагали аналитики, будет использован план по объединению России и Белоруссии в конфедеративное государство. По признанию А. Лукашенко, уже имелась договоренность, что почетным вице-председателем нового государственного объединения станет Б. Ельцин. В таком случае он гарантированно получал

новое место работы после своей отставки с поста президента России.

Создание нового государственного образования не раз рассматривалось Кремлем как повод для изменения конституционного законодательства в нужном направлении и в нужное время. Для легитимизации решения об образовании Союза России и Белоруссии потребовалось бы провести референдум, совмещенный с досрочными выборами в Думу. Не исключалось, что в бюллетенях для голосования содержалась бы формулировка, подразумевавшая перенос сроков или изменение порядка выборов президента собственно России. В этом случае новый премьер на какой-то срок был бы уполномочен выполнять функции главы государства.

Как видно, предложенный план при всей его условности был вполне реализуем и при этом не вынуждал Б. Ельцина особенно подставляться и далеко выходить за рамки конституционного поля. По всей видимости, подобные сценарии построения и представляли те аргументы, на основании которых Б. Ельцин принял решение об отставке Е. Примакова. При этом президент не обязательно исходил из приоритетности фигуры В. Черномырдина. Кремлевские стратеги не могли не понимать, что новый правительственный кризис порождал в целом крайне неопределенную ситуацию, когда полностью спрогнозировать действия политических противников практически было невозможно. Поэтому план действий Кремля имел лишь самый общий характер и подразумевал принятие конкретных решений, включая и кадровые, уже по ходу дела. Другим недостатком этого сценария была его полная ангажированность интересами узкого круга лиц.

Б. Ельцин должен был считаться и с либеральными кругами. Поэтому уже на первом этапе в план стали вноситься существенные изменения.

В апреле — мае 1999 года частым гостем в Кремле был А. Чубайс, который активно участвовал в консультациях при подготовке отставки Е. Примакова. «Младореформатор» резко выступал против назначения на должность и. о. премьера Н. Аксененко и настаивал на кандидатуре С. Степашина. Таким образом, даже призрачная перспектива усиления Б. Ельцина вы-

звала к жизни традиционные противоречия между «младореформаторами» и «последним олигархом». По словам Г. Селезнева, А. Чубайс выступал также против реализации сценария безусловного роспуска Думы. Он по своему опыту знал, что в ситуации политической нестабильности и конфронтации правительства с основными группами российской элиты ничего путного в экономике сделать нельзя. К тому же МВФ, как правило, дает кредиты только под программу правительства, одобренную в парламенте. Следовательно, в случае роспуска Думы ожидать скорого поступления финансовых вливаний от Запада не приходилось.

Наблюдатели полагали, что под давлением президент до последнего момента исходил все же из необходимости назначения и. о. премьера Н. Аксененко. Однако в ходе последней встречи с Е. Примаковым отставляемый премьер также высказался в поддержку кандидатуры С. Степашина. По всей видимости, он исходил из того, что этот политик более приемлем для Думы, так как не запятнан сомнительными корпоративными связями. В итоге Б. Ельцин в самый последний момент изменил свое кадровое решение. Это обстоятельство и объясняло странный на первый взгляд казус, когда президент сначала сообщил Е. Строеву и Г. Селезневу о назначении Н. Аксененко и. о. премьера, а затем прислал в Думу письмо с кандидатурой С. Степашина.

Проведенная в самый последний момент «кадровая рокировка», возможно, была связана не только с тем, что в преддверии голосования по импичменту Б. Ельцин решил не раздражать лишним раз депутатов. Не исключалось, что сам президент вопреки изначальному плану отнюдь не исходил из безусловного роспуска Думы. Он не мог не понимать, что даже конституционные действия по роспуску нижней палаты парламента могли натолкнуться на ожесточенное сопротивление Совета Федерации, который в этом случае терял статус законодательного органа власти. Складывалось также впечатление, что Б. Ельцин не рассматривал кандидатуру В. Черномырдина в качестве единственно возможной фигуры, достойной премьерского поста и статуса наследника. В противном

случае не нужно было вытаскивать на передний план Н. Аксененко, который также являлся гарантом интересов «семьи», в том числе и Б. Березовского и Р. Абрамовича, и в функциональном отношении был своего рода дублером спецпредставителя по Югославии.

Возможно, это объяснялось тем, что сам Б. Ельцин не в полной мере разделял планы «семьи» о необходимости преемственности власти. Судя по всему, президент чувствовал себя в начале мая относительно неплохо. В такие моменты он возвращается к, казалось бы, уже окончательно похороненным мечтам о «третьем сроке». В случае, если на базе Союза Белоруссии и России удастся создать централизованную систему государственного управления, Б. Ельцин уже в новой должности смог бы оставаться хозяином положения и в собственно России.

В свое время именно такой политический трюк произвел С. Милошевич, который, став президентом Югославии, в полной мере контролирует ситуацию в Сербии. Тогда Б. Ельцину не нужны сильные преемники и он не заинтересован в назначении на должность премьера какого-либо «политического тяжеловеса» типа В. Черномырдина. В рамках этой логики его вполне устраивали С. Степашин или Н. Аксененко, которые так же, как в свое время С. Кириенко, не обладали самостоятельным политическим влиянием и даже теоретически не в состоянии затмить собой президента.

Наблюдатели отмечали, что описанный выше сценарий обеспечения преемственности власти мог и не быть реализован и использовался лишь как «страшилка», призванная обуздать строптивую левую оппозицию. Хотя сам спецпредставитель по Югославии по вполне понятным причинам более всего был заинтересован в реализации именно этого сценария. Потому он и старался взвинтить политическую ситуацию и спровоцировать Думу на дальнейшую эскалацию противостояния с Кремлем. С этой целью он выступил с провокационным заявлением о необходимости самороспуска парламента и перехода к мажоритарной системе проведения парламентских выборов. Не случайно также было то, что самую нелицеприятную характеристику С. Степашину из всех лидеров думских фракций дал В. Рыжков.

По оценке близкой к «Яблоку» «Новой газеты», шла «очередная разборка на кремлевском дворе царедворцев, погрязших в закулисных интригах, смертельно ненавидящих друг друга, до крови бьющихся за право встать возле левого или правого уха президента» («Новая газета», 24—30 мая 1999 г.) .

А тут как раз подоспел импичмент.

Из досье «Отрешение Б. Ельцина от власти. Хроника попыток»:

Согласно Конституции РФ, основанием для отрешения президента России от должности могут служить тяжкое преступление или измена Родине, им совершенные. Инициаторы импичмента должны собрать 150 подписей депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ в поддержку создания комиссии по отрешению президента от должности, которая должна вынести обвинение против президента на заседании Госдумы, а та — проголосовать «за» двумя третями голосов (300). Обвинения подтверждаются заключением Верховного суда РФ, а порядок проведения процедуры — заключением Конституционного суда России.

Если в течение трех месяцев после голосования в Думе Совет Федерации Федерального собрания РФ не примет решение об отрешении президента от должности двумя третями голосов (119), обвинение против президента будет считаться отклоненным.

Согласно 109-й статье Конституции РФ, Дума не может быть распущена «с момента выдвижения ею обвинения против президента» в течение трех месяцев.

Вопрос об отрешении президента от должности впервые был поставлен в мае 1992 года. На совместном пленуме ЦИК, ЦКК было принято заявление «К годовщине правления президента Российской Федерации», в котором констатировалось невыполнение Б. Ельциным своих предвыборных обязательств и содержался призыв требовать его отставки. В середине мая движение «Трудовая Россия» приступило к сбору подписей за проведение всероссийского референдума об отставке Б. Ельцина с поста президента РФ.

28 марта 1993 года на IX внеочередном съезде народных депутатов была предпринята неудачная попытка сместить Б. Ельцина с поста президента: вопрос об

импичменте был проголосован, для отставки не хватило нескольких голосов.

25 апреля 1993 года состоялся референдум о доверии президенту РФ Б. Ельцину. Осенью 1996 года, когда президенту проводилась операция на сердце, депутаты Госдумы не решились принять закон с названием «О медицинской комиссии». В итоге положение о медицинской комиссии, проводящей обследование главы государства, было спрятано в закон «Об обеспечении непрерывного исполнения полномочий президента Российской Федерации в случае их досрочного прекращения» (законопроект подготовлен вице-спикером С. Бабуриным и председателем думского комитета по культуре С. Говорухиным), который был принят во втором чтении 10 июня 1996 года.

22 января 1997 года по инициативе председателя Комитета Госдумы по безопасности В. Илюхина состоялось обсуждение вопроса о способности президента управлять страной и был предложен проект постановления о досрочном прекращении его полномочий. За проект постановления проголосовали 229 депутатов, против — 63, воздержался 1, не голосовало 157 человек. Документ был принят за основу.

7 апреля 1998 года председатели комитетов Госдумы РФ по безопасности и обороне В. Илюхин и Л. Рохлин начали сбор подписей депутатов, чтобы начать процедуру отрешения президента от должности. Также было распространено заявление исполкома «Движения в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА), в котором говорилось, что руководство ДПА совместно со всеми оппозиционными политическими и общественными организациями решило с 27 апреля 1998 года начать «всероссийские бессрочные политические акции протеста» с целью добиться отставки президента.

20 мая 1998 года в ходе пленарного заседания думская фракция КПРФ объявила о начале процедуры импичмента президенту России и сбора подписей. Решение о начале процедуры импичмента было принято на заседании фракции КПРФ и в тот же день подтверждено постановлением президиума НПСР. Инициатива исходила от лидера КПРФ Г. Зюганова. Депутаты из КПРФ собрали 177 подписей. Поводом послужила ситуация в угледобывающих регионах России.

На заседании Генерального совета Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) 21 мая 1998 года его члены высказались в поддержку требования части депутатов Госдумы о начале процедуры импичмента в отношении Б. Ельцина.

20 июня 1998 года была образована комиссия Государственной думы по отрешению президента от должности. За создание комиссии проголосовали 300 депутатов, против — 3, воздержавшихся не было. В комиссию были направлены представители всех фракций и парламентских групп (комиссия сформирована в соответствии с регламентом, предусматривающим пропорциональный принцип ее создания). Председатель комиссии — В. Филимонов (КПРФ), заместитель — Е. Мизулина (фракция «Яблоко»).

2 июля 1998 года главе государства было направлено письмо с извещением о начале работы комиссии и сообщено, что комиссия готова выслушать президента или представителя президента на своих заседаниях.

6 июля 1998 года состоялось первое заседание комиссии Государственной думы по проверке выдвинутых против президента России Б. Ельцина обвинений. Согласно «Обоснованию постановления вопроса об отрешении президента от должности» Б. Ельцина обвиняли в государственной измене — ст. 75 УК (подписание Беловежского соглашения, развал Вооруженных Сил), государственном перевороте — ст. ст. 278, 280, 105 и 186 и другие статьи УК (штурм Белого дома в 1993 году), превышение должностных полномочий — ст. 286 УК, ст. ст. 15 и 102 Конституции РФ (война в Чечне) и геноциде — ст. 357 УК (последствия экономических реформ).

27 июля 1998 года комиссия по импичменту провела первые публичные слушания по первому пункту обвинения в адрес президента — неправомерность подписания Б. Ельциным Беловежских соглашений о ликвидации СССР.

На очередном заседании комиссии 17 августа 1998 года были проведены слушания, посвященные второму пункту обвинений, выдвинутых против президента. Одновременно рассматривался законопроект «О гарантиях гражданину, исполнявшему должность президента РФ», в котором оговаривались привилегии бывшему президенту.

21 августа 1998 года 248 депутатов Госдумы проголосовали за постановление «О рекомендации президенту РФ Б. Н. Ельцину досрочно прекратить исполнение президентских полномочий и уйти в отставку» (против постановления проголосовали 32 законодателя). 28 сентября 1998 года в Госдуме были проведены слушания, касавшиеся третьего пункта обвинений в адрес главы государства (война в Чечне). 14 октября парламентская комиссия по импичменту приняла в целом заключение по третьему пункту обвинений депутатами главы государства — «начало чеченской войны».

7 октября состоялась Всероссийская акция протеста, в которой приняли участие, по официальной версии, 1,3 миллиона человек, по данным профсоюзов — 25 миллионов человек. Большинство участников акции требовали отставки президента Б. Ельцина. 14 октября Комитет Совета Федерации по вопросам социальной политики подготовил проект постановления «Об итогах Всероссийской акции протеста 7 октября 1998 года», который заканчивался словами: «признать политику, проводимую президентом в социально-экономической сфере, неудовлетворительной, противоречащей интересам большинства граждан страны» и, «поддерживая требования участников Всероссийской акции протеста, предложить президенту РФ добровольно и безотлагательно уйти в отставку». Резолюция принята не была.

2 ноября комиссия по импичменту начала обсуждение вопроса о виновности Б. Ельцина в развале Вооруженных Сил и военно-промышленного комплекса России. На обсуждении, в частности, выступил бывший министр обороны России И. Родионов, который обвинил президента в самоустранении от выполнения обязанностей Верховного Главнокомандующего. 7 декабря комиссия приняла «в целом» проект заключения по четвертому пункту обвинений главе государства — «нанесение серьезного ущерба обороноспособности и безопасности РФ». Депутатам не удалось доказать, что президент «умышленно разваливал армию», поэтому из документа выпало обвинение Б. Ельцина в «государственной измене», на чем настаивали некоторые члены комиссии. Депутаты в окончательном варианте заключения поставили в вину главе государства «использование должностных полномочий вопреки интересам службы и, в данном случае, интересам госу-

дарства», что подпадало под статью 285 Уголовного кодекса — «злоупотребление служебным положением».

15 декабря комиссия по импичменту приступила к рассмотрению пятого, заключительного пункта — «геноцид российского народа». Статья 357 УК РФ (намеренные действия для уничтожения коренных жителей региона или страны), по которой классифицируется это преступление, предусматривает исключительную меру наказания. На заседании с обвинениями выступал В. Илюхин.

11 января 1999 года комиссия по импичменту продолжила рассмотрение последнего пункта обвинений — «о целенаправленных действиях по «десакрализации русского языка» и половой распущенности населения». На заседании комиссии 12 февраля члены комиссии приняли «в целом» заключение по пятому, последнему пункту обвинений депутатами главы государства — геноцид российского народа, в котором признали «обоснованным» выдвигание этого обвинения против Б. Ельцина. Таким образом, комиссия подготовила заключение по всем пяти пунктам обвинений парламентариями главы государства: подписание Беловежских соглашений, события сентября — октября 1993 года, чеченская война, развал армии и геноцид российского народа.

Комиссия по импичменту завершила свою работу 15 февраля 1999 года. Были подготовлены все пять заключений. Материалы комиссии внесены в думские комитеты и комиссии для рассмотрения, а также направлены в Кремль.

Решением комиссии по импичменту было определено, что решающее голосование состоится на внеочередном заседании Госдумы 15 апреля 1999 года.

В начале апреля 1999 года вышло официальное сообщение Центра общественных связей ФСБ России, в котором говорилось, что в выводах специальной комиссии по импичменту допущены существенные ошибки правового характера. Такое заключение, отмечалось в сообщении, сделано ФСБ на основе изучения и анализа подготовленных спецкомиссией официальных заключений об оценке обоснованности отдельных пунктов обвинения, выдвинутого против президента РФ по статьям Уголовного кодекса, отнесенных к компетенции следователей органов безопасности. Накануне в адрес пред-

седателей обеих палат Федерального собрания, председателя правительства РФ из ФСБ была направлена аналитическая записка, в которой говорилось о существенных ошибках правового характера, содержащихся в подготовленных комиссией документах. В письме на имя Г. Селезнева была изложена просьба распространить указанную аналитическую справку среди депутатов.

12 апреля 1999 года во время совещания лидеры депутатских фракций и групп решили не рассматривать 15 апреля вопрос о вынесении импичмента президенту России и отодвинуть этот вопрос на неопределенный срок. Лидеры фракций НДР и ЛДПР В. Рыжков и В. Жириновский предложили отказаться от импичмента, подобную позицию занимало большинство членов группы «Российские регионы». Причина — намерение депутатов внести изменения и дополнения в регламент Думы.

По сообщению Г. Селезнева, после встречи руководителей думских фракций с председателем правительства РФ Е. Примаковым 11 мая, голосование по импичменту президенту было намечено на 15 мая 1999 года. Депутаты намеревались завершить эту процедуру в течение трех дней.

Итак, 15 мая 1999 года. Заседание Госдумы началось в 10.00.

Кворум на начало пленарного заседания по импичменту президента составил 386 человек. Это было больше, чем ожидали в президентской администрации, правительстве и даже в самом парламенте — всего в нижней палате насчитывалось 442 депутата из 450 по списку.

Фракции НДР (66 голосов) и ЛДПР (49 голосов) уже объявили, что будут солидарно голосовать против импичмента. Ожидалось, что против проголосуют не менее 10—15 членов группы «Российские регионы» и 5—6 независимых депутатов. Таким образом, против импичмента могло проголосовать около 130 человек.

Между тем начались выступления руководителей думских фракций.

Принимается решение о том, чтобы голосование проходило бюллетенями открыто («за» — 300, «против» — 45, «воздержалось» — 2). Предложение о тайном голосовании получило всего 98 голосов. Объявле-

но письменное заявление находившегося в Волгограде депутата И. Кобзона на имя Г. Селезнева с просьбой засчитать его голос «за» по всем пяти пунктам обвинений в адрес Б. Ельцина.

Принимается решение провести открытое голосование по импичменту президента (бюллетенями через кабины) с 13.00 до 14.30. Розданы 440 бюллетеней.

Однако Госдуме не удалось набрать необходимых 300 голосов депутатов ни по одному из пяти пунктов обвинения против Б. Ельцина для начала процедуры отрешения. Председатель счетной комиссии Думы И. Братищев объявил, что за признание Б. Ельцина виновным в подписании Беловежских соглашений и развале СССР проголосовали 239 депутатов, против — 73. Виновным в трагических событиях осени 1993 года в Москве Б. Ельцина признали 263 депутата, против голосовали 60 депутатов. За обвинение президента в развязывании войны в Чечне проголосовало 283 депутата, против — 43. В развале армии виновным президента счел 241 депутат, против высказались 77. В геноциде российского народа президента обвинили 238 депутатов, против высказались 88 парламентариев.

Отрешение президента от должности целиком и полностью поддержали коммунисты, аграрии и депутаты из группы «Народовластие». Виновным в чеченской войне признало также подавляющее большинство фракции «Яблоко». Кроме того, за те или иные пункты отдали свои голоса представители группы «Российские регионы», независимые депутаты и даже представители НДР и ЛДПР.

Но, несмотря на то, что к импичменту приложили руку представители всех думских сил, голосов все-таки не хватило. Хотя еще утром котировки «обвинения по Чечне» были выше 300 пунктов. Более того, накануне вечером «проходным» считался и второй пункт обвинения — разгон Верховного Совета. В день импичмента напряжение дошло до верхней точки. Представители усиленного десанта администрации президента отказывались от прогнозов. Трудились посланцы Старой площади не покладая рук. По оценкам наблюдателей, лоббистам из кремлевской администрации принадлежала весомая заслуга в провале импичмента.

Кое-кого из депутатов удалось уломать буквально в те два часа, которые прошли с выступления послед-

него фракционного лидера до голосования. Вынужденный технический перерыв — члены Счетной палаты физически не успевали подписать 2200 бюллетеней — возможно, сыграл решающую роль. Даже если не принимать во внимание многочисленные кулуарные слухи о несметных суммах, предлагавшихся депутатам за отказ от импичмента (секретарь ЦК КПРФ депутат А. Кравец называл сумму от 10 до 30 тысяч долларов, которую обещали за «перемену фронта»), было очевидно, что без психологической обработки дело не обошлось.

Специалисты прямо указывали, какое «ноу-хау» использовал Кремль. Тем депутатам, которым непременно надо было «отметиться» перед избирателями и проголосовать за импичмент, говорили следующее: «Голосуй, но не по Чечне, а по любому другому пункту». В результате антиельцинские голоса были «размазаны» по пяти пунктам. Правда, как показали результаты голосования, всего за импичмент хотя бы по одному из пяти пунктов проголосовали 294 депутата. То есть даже если бы все выразившие недоверие Б. Ельцину депутаты и проголосовали по чеченскому пункту, результат все равно был бы отрицательным. Однако вкупе с другими способами воздействия на депутатов переброска голосов себя оправдала.

Результаты субботнего голосования вызвали ликование не только в Кремле. Хотя на Охотном ряду по-настоящему радовался только В. Жириновский, другие вожди тоже выглядели вполне удовлетворенными. Г. Зюганов заявил, что «гордится тем, как слаженно работали три наши фракции» (имелись в виду КПРФ, «Народовластие» и аграрии), и обвинил в провале предприятия ЛДПР и НДР, «которые давно работают как единая команда». Главный обвинитель президента В. Илюхин также заявил о том, что удовлетворен итогами голосования, поскольку «по всем пяти пунктам более половины депутатов поддержали обвинения».

Столь благостная оценка левыми провалившейся затее легко объяснима. Получить максимальные дивиденды от импичмента можно было только на первой стадии процедуры. Далее от него можно было ждать неприятностей — в виде отрицательных заключений Верховного суда, негативной реакции в верхней палате и т.д. Кроме того, на Охотном ряду побаивались

резкой реакции Б. Ельцина — разгона Думы, запрета оппозиционных партий. Однако многие рядовые левые искренне были огорчены провалом импичмента. Некоторые из них к тому же не были уверены, что это было гарантией неприменения Б. Ельциным силы в отношении Думы. К тому же прохождение импичмента облегчило бы коммунистам решение текущей тактической задачи — утверждение С. Степашина. Набрав 300 голосов за импичмент, можно было спокойно голосовать за любого нового премьера.

Для представителей же других фракций вопрос о С. Степашине становился судьбоносным. От того, распустят ли Думу тогда, или она доработала бы положенный срок, зависело будущее многих депутатов из «Российских регионов». Часть из них связала себя с лужковским «Отечеством», другая — со «Всей Россией» М. Шаймиева. Лидер «регионалов» О. Морозов, ранее не поддерживавший идею импичмента, проголосовал «за» по чеченскому пункту. При этом, как уверяли в думских кулуарах, именно он выполнял роль разводящего голоса, помогая кремлевской администрации.

Эпопея с импичментом, и результаты голосования, вне зависимости от конкретных причин произошедшего, показала крайнюю степень неудовлетворенности политической элиты и общества в целом системой президентской власти и одновременно неготовность к ее смене. Неготовность — несмотря на то, что даже полученный результат голосования в принципиальном плане свидетельствовал о крахе президентской политики. Неготовность — несмотря на достаточную сплоченность, проявленную левопатриотической оппозицией, на то, что никто из выступавших в Думе против импичмента не высказался в поддержку президента, даже В. Жириновский, а лидер думской фракции НДР прямо сказал, что Б. Ельцин прямо виноват в провале реформ, ресурс его исчерпан, он со своей непредсказуемостью является гарантом новых потрясений в стране.

«Безрезультатна и кампания по доказательству «безгрешности» Ельцина по статьям обвинения в связи с импичментом, — писали в этой связи «Известия». — Если бы голосовали избиратели, то даже по такой экстравагантной статье, как «геноцид русского наро-

да», 67 процентов россиян признало бы президента виновным, а по всем остальным — куда больше. Абсолютное большинство избирателей сочло бы за благо немедленный уход Ельцина с его поста. Никогда еще не было столь очевидного разрыва между интересами общества и интересами тех, кто им реально руководит. Семейный круг Ельцина и демократия — не одно и то же» («Известия», 25 мая 1999 г.).

Президент одержал далеко не безусловную и не безоговорочную победу в долгосрочном, стратегическом плане. Но на том этапе президентская команда в очередной раз взяла верх, ее аналитики верно оценили состояние российской политической элиты и реализовали свое преимущество. Президент, не приобретя социальной базы, что было невозможно уже в принципе, в значительной мере восстановил базу в политической элите, ослабив возможности давления на него двух сил — КПРФ и группы Ю. Лужкова, а третью — правительство Е. Примакова — устранив с политической сцены. Кроме того, он сформировал предпосылки воссоздания собственной достаточно мощной финансово-политической команды. Последняя, конечно, была одиозной как никогда, но характеризовалась почти безусловным доминированием интересов Б. Березовского, что сулило дальнейшее обострение противоречий с кланом А. Чубайса, не слишком сильная с точки зрения кадрового потенциала (А. Волошин, Н. Аксененко), но способная в режиме наибольшего благоприятствования мобилизовать существенный финансовый ресурс.

Казалось, импичмент мог бы быть проголосован квалифицированным большинством Государственной думы, прежде всего по обвинению в развязывании войны в Чечне. Об этом вроде бы свидетельствовал и почти нулевой рейтинг президента, и ситуационная раскладка голосов в нижней палате, и несомненный эффект отставки Е. Примакова, и наличие панических настроений в «семье» в связи с эпопеей вокруг Ю. Скуратова и действиями Генпрокуратуры в отношении ряда олигархов, прежде всего Б. Березовского.

Однако неожиданность результата — 284 голоса «за» по самому «проходному» пункту говорили за себя. Дума, начав всерьез играть против президента, продемонстрировала неспособность к консолидации

всех сил, потенциально способных проголосовать за импичмент. Левые (КПРФ и Аграрная группа) проголосовали почти сплоченно и согласованно, но этого оказалось недостаточно. Сторонники импичмента не сумели договориться с некоторыми из своих потенциальных союзников — в тех же «Народовластии», «Российских регионах». Это дало повод ряду аналитиков говорить о том, что левый истеблишмент вовсе импичмента и не хотел и будто бы вздохнул с облегчением после оглашения результатов голосования.

Слабость Думы и ее низведение до роли второстепенного субъекта политического процесса была окончательно подтверждена и закреплена последовавшим за провалом импичмента утверждением С. Степашина на посту председателя правительства. 301 голос «за» — это, конечно, был прецедент.

После утверждения С. Степашина основная игра Кремля сосредоточилась вокруг формирования нового состава правительства.

Из досье: «Пресса о правительстве С. Степашина. Министры из портфеля Б. Березовского».

Газета «Московский комсомолец»: «Скоропостиженный отлет Бориса Николаевича в Сочи не мог не породить слухов, точнее, слуха. Он был один и утверждал, что президента решили изолировать. Вопросы — кто и от кого? Наиболее распространенная версия: семья на время формирования кабинета отключила Ельцина от нежелательных источников информации, то есть не относящихся к группе влияния Березовского. Похоже на правду, если учесть, что схватка за место в правительстве развернулась и впрямь нешуточная» («Московский комсомолец», 24 мая 1999 г.).

«Главным слухом прошлой недели стали разговоры о возвращении Березовского в Кремль, и не простом возвращении — триумфальном. Опять-де распростер Борис Абрамович свои темные крылья над Кремлем, надо всей над Россией..

По слухам, в штабе Березовского царит эйфория: там считают, что в ближайшие два месяца не только восстановят контроль над ключевыми позициями в российской власти, но и выйдут на новые, доселе невиданные рубежи. Первым таким рубежом стало назначение Владимира Рушайло на пост главы МВД: бункер на

Житной очень удобная позиция для ведения войны компроматов с неудобными кандидатами на пост президента, второй рубеж — пост вице-преьера, курирующего финансово-экономический сектор: нужны не только деньги под выборы, но и деньги для снятия социальной напряженности. Пока на этот фронт брошен Николай Аксененко, но при очевидной нелюбви к нему Сергея Степашина и макроэкономической неумолимости одному ему не выстоять, поэтому есть идея укрепить его Волошиным и отдать под его контроль все финансовые реки, притоки, ручейки, запруды и затоны России. Впрочем, сегодня это невозможно, не взяв главную финансовую цитадель — ЦБ. Известно, что БАБ обязательно попробует на прочность позиции его нынешнего хозяина Геращенко» («Московский комсомолец», 24 мая 1999 г.).

Газета «Известия»: «При демократии управляет власть, избранная народом. Ельцин у нас избран, но его крайне ограниченная дееспособность заметна невооруженным взглядом. От его имени страной руководят не те, кто должен это делать по Конституции, а узкий семейный круг лиц, занимающих посты советника президента по имиджу (Татьяна Дьяченко) или внештатных советников главы администрации (Борис Березовский, Валентин Юмашев). Ни для кого не секрет, что именно это трио принимает сейчас все реальные решения, в том числе — по формированию правительства. Президент демонстративно отправлен в Сочи, чтобы не мешал их «правильной» кадровой политике, цель которой — расставить своих людей на посты, связанные с контролем за силовыми структурами и финансовыми потоками. Пока все, что объединяет новых назначенцев в правительство (Аксененко, Рушайло), — это преданность кремлевскому трио и лично Березовскому» («Известия», 25 мая 1999 г.).

Газета «КоммерсантЪ»: «Вчера судьба правительства решалась в Сочи. На доклад к президенту официально прибыли Сергей Степашин и Александр Волошин, туда же на свой страх и риск по-партизански отправился Николай Аксененко.

Вчера во главе думской делегации в Лондон улетел Александр Жуков, в пятницу вечером из Москвы в Лондон же отправился Владимир Гусинский, на следующий

день из США в Москву вернулся Анатолий Чубайс. Олигархи потому и олигархи, что им, по словам Николая Аксененко, «до всего в правительстве есть дело». В связи с этим отлет Гусинского можно понимать так, что он добился главной цели — помог Степашину ограничить влияние Бориса Березовского путем внесения в структуру правительства двух постов первых вице-премьеров. Гусинский с Березовским конкурируют как крупнейшие медиа-магнаты. Но весьма своеобразно. Для обоих политический вес, который дают СМИ, — лишь средство, цель же — доступ к бюджету. Без контроля за государственными финансовыми потоками сегодняшние олигархи рискуют утонуть в долгах» («КоммерсантЪ», 25 мая 1999 г.)

Приезд в Сочи почти инкогнито первого вице-преьера Н. Аксененко и его появление у президента вместе со С. Степашиным и А. Волошиным показало, насколько жесткая борьба за контроль над государственными финансами накануне выборов развернулась между группировкой Б. Березовского, с одной стороны, и остальной частью правого спектра российской политической элиты, которая ассоциировалась с А. Чубайсом, с другой.

Состоявшееся после двухдневных переговоров назначение М. Задорнова первым вице-премьером по финансово-экономическим вопросам стало своеобразным компромиссом, свидетельствующим, что позиции группировки Б. Березовского были отнюдь не столь прочны и что президент не сразу решился на однозначный переход к «радикальному» сценарию, а решил понаблюдать за развитием обстановки.

Б. Ельцин всегда стремился строить взаимоотношения кланов через систему сдержек и противовесов (например, связка О. Сосковец — А. Чубайс). Профессиональный и личностный потенциал главы транспортной монополии был такой, что в случае утверждения Н. Аксененко в роли отвечающего «за все», можно было констатировать лишь дальнейшую деградацию правящей страной элиты. Ключевые вопросы управления экономикой решались бы и вовсе теневым образом — администрацией президента, или, вернее, узкой группой в ее формальном и неформальном руководстве.

При таком раскладе сил фигура премьера рисковала стать сугубо декоративной. Возможно, С. Степашин отдавал себе в этом отчет и потому выступил за «уравновешивание» Н. Аксененко вторым первым вице-премьером — председателем бюджетного комитета Думы А. Жуковым. Его кандидатура, судя по всему, была выдвинута не без влияния А. Чубайса. Однако Кремль достаточно резко отреагировал на инициативу С. Степашина. Поскольку кандидатура А. Жукова не была согласована с администрацией, то С. Степашин получил в ответ достаточно жесткую реакцию президента.

О том, что группировка Б. Березовского имела перевес, свидетельствовало назначение В. Рушайло министром внутренних дел. Некоторые аналитики склонны были даже рассматривать это назначение в контексте подготовки «семьи» к новой попытке осуществления жесткого конфронтационного сценария с радикальной переделкой всего конституционного и политического поля.

Полностью лояльный по отношению к президенту С. Степашин, по мнению наблюдателей, не был ставленником Б. Березовского, хотя на ранних этапах своей карьеры имел с ним контакты, в основном с связи с чеченскими делами. 23 мая С. Степашин подтвердил, что он будет продолжать настаивать на назначении А. Жукова первым вице-премьером.

Если президент рассматривал кабинет министров С. Степашина исключительно в качестве прикладного и технического инструмента для решения своих ближайших задач, что было наиболее вероятно, то правительство С. Степашина обречено было стать временным и переходным, а любые попытки премьера проводить сколько-нибудь самостоятельную линию привели бы лишь к сокращению отведенного ему срока пребывания в Белом доме. Не случайно, наверное, большинство серьезных политических сил, от КПРФ до НДР, не спешили лоббировать продвижение своих представителей в этот кабинет.

Однако если сам Б. Ельцин имел планы, не во всем совпадавшие с планами «семьи» и Б. Березовского, и присматривался к С. Степашину как к одному из

возможных преемников, то «последнему олигарху» не дали бы возможности монополизировать все рычаги влияния на правительство. Ясность в этот вопрос могло внести только время.

Если исходить из структуры политических потребностей (но не экономики!), фигура С. Степашина говорила о многом.

Б. Ельцин за время своего правления перепробовал многие модели режимов: либерально-демократический Е. Гайдара—А. Чубайса; распределительно-номенклатурный — В. Черномырдина; отчетливо «подопытное» правительство С. Кириенко, финал которого совпал с прогнозировавшимся дефолтом, счастливо избежавшим его преемника; наконец, было вполне коалиционное правительство Е. Примакова.

Новое правительство должно было обеспечить, как минимум, невозможность нового перехода «красных» в наступление, а может быть, даже их временный уход с политической арены. Обозреватели отмечали: новый председатель правительства не олицетворял собой какой-то особый экономический курс, считался наиболее ресурсообеспеченной силовой фигурой российского истеблишмента и представлял собой открытую компенсацию видимого оскудения центральной кремлевской власти. Фигура С. Степашина трактовалась в качестве одного из факторов объективно и неизбежно складывавшегося нового профиля режима Б. Ельцина — мобилизационного режима с элементами диктатуры.

Уход Е. Примакова и назначение С. Степашина означали конкретное начало нового выборного процесса, главными задачами которого было снова переиграть «красных» и с ними протестный слой населения; «не пустить» наверх криминалитет; обеспечить истеблишменту гарантии физического, экономического — а в случае удачи и реализации известных технологий — и политического выживания.

С. Степашин сразу заявил, что костяк правительства останется прежним, но перестановки, причем серьезные, в кабинете будут. Если раньше борьба за состав правительства шла по линии «левые — правые», то теперь борьба развернулась между Б. Березовским и его противниками из числа «правых».

Свою оценку событиям в России дал находившийся в то время в США А. Чубайс. С. Степашин, по оценке А. Чубайса, представитель нового поколения российских политиков. Вся его карьера строилась уже в новой России. При нем у страны будет «рациональное и некоммунистическое правительство». Сам А. Чубайс не собирался возвращаться на работу в правительство, поскольку ему «очень нравится нынешняя работа в РАО ЕЭС».

Отставку главы предыдущего кабинета он считал «продуманным и своевременным решением» президента. По мнению А. Чубайса, оно было продиктовано в первую очередь стремлением Б. Ельцина «не допустить усиления коммунистического влияния» в преддверии парламентских и президентских выборов. Как сказал А. Чубайс, «исторический эксперимент» с правительством Е. Примакова был «очень рискованным», но в итоге подтвердил, что теперь в России «даже левое правительство не может проводить левую политику».

Касаясь отношений Москвы с Международным валютным фондом и Всемирным банком, А. Чубайс выразил мнение, что согласованная с ними прежним кабинетом экономическая программа пользовалась поддержкой Госдумы исключительно по политическим соображениям. С. Степашину, несомненно, будет труднее проводить предусматриваемые ею меры через парламент, но это не означает, что отношения России с МВФ полностью подорваны. «Принятие пяти-шести законов для Фонда — не самоцель. Важны результаты принятия этих законов. Думаю, этих же результатов можно достичь и другими средствами».

Все аналитики дружно отмечали возвращение к активной политической жизни «всероссийского аллергена» — Б. Березовского. Отмечалось, что свою основную задачу тот видел в том, чтобы предложить обществу «надежную схему», позволившую обеспечить преемственность власти после ухода Б. Ельцина с поста президента. И потому прилагал усилия, чтобы нарушить наметившуюся связку В. Гусинского, М. Ходорковского и других с Ю. Лужковым.

А каково было положение московского мэра в конце мая 1999 года?

Против него по-прежнему заготавливали компромат. Еще одним свидетельством серьезности намерений президентской стороны стало озвучивание В. Жириновским идеи о необходимости отмены поста мэра Москвы и введения в правительство РФ должности министра по делам столицы. Эта идея была разработана в структурах президентской администрации и запущена в массы через лидера ЛДПР.

31 мая стали известны последние назначения в правительстве С. Степашина. Победу по очкам Б. Березовский, Н. Аксененко, Р. Абрамович довели до почти полной, хотя и не безоговорочной.

С. Степашин, писали обозреватели, будет выполнять роль политической крыши, подпирая ее штыками МВД, контроль над которым он пока сохранил. И В. Христенко, назначенный первым финансовым вице-премьером, самостоятельности ему не прибавил: он заведомо не мог, а скорее всего не хотел противостоять Н. Аксененко. Новое назначение М. Задорнова, позволившее С. Степашину хоть как-то сохранить лицо, также не давало полномочному представителю президента никаких распорядительных полномочий.

Таким образом, впереди, по мнению аналитиков, страну ожидал новый политический кризис. Те, кто его провоцировали, прекрасно понимали, что у Думы следующего созыва будет еще большая аллергия на Б. Ельцина и его окружение. Вместе с тем было ясно, что только сохранение Б. Ельцина в Кремле давало группе Б. Березовского — Р. Абрамовича шанс руководить реальной политикой.

В этой связи «семья» должна была быть кровно заинтересована в реализации сценария досрочного роспуска нижней палаты парламента. В этом случае политическое движение Ю. Лужкова «Отечество» потеряло бы возможность самостоятельного участия в парламентских выборах, так как оно было зарегистрировано 19 декабря 1998 года.

Этот сценарий давал широкие возможности для активного моделирования предвыборной ситуации. Действовавший закон, регламентировавший порядок выборов в Думу, безнадежно устарел и противоречил действовавшему законодательству, в том числе и за-

кону об избирательных правах граждан. В связи с этим нижняя палата парламента сразу же после утверждения С. Степашина принялась за «доводку» нового закона о порядке проведения парламентских выборов. Однако наблюдатели не исключали, что даже после оперативного утверждения этого закона в Думе и Совете Федерации президент под формальным предлогом мог отказаться его визировать. Тогда у Кремля появилась бы, в случае роспуска Думы, юридически корректная возможность сослаться на противоречивость действовавшего законодательства и ввести указом новые правила проведения парламентских выборов.

Наиболее вероятным избирательным новшеством наблюдатели называли отказ от выбора половины депутатов по спискам политических партий и полный переход к выборам по одномандатным территориальным округам. В этом случае наибольшие потери понесла бы наиболее организованная и популярная партия — КПРФ, а преимущества получили бы наиболее обеспеченные в финансовом отношении кандидаты, имевшие хорошие отношения с местными органами власти. Именно по этой причине Совет Федерации давно уже добивался перехода к мажоритарной выборной системе. Переход правительства, а вместе с ним и основных финансовых потоков под контроль «семьи» позволил бы обеспечить приоритетное финансирование нужных кандидатов, а полный контроль над финансовым краном позволил бы увеличить лояльность даже самых оппозиционно настроенных губернаторов.

Одним из вероятных поводов для политической напряженности наблюдатели считали необходимость утверждения парламентом бюджетных законов, под которые планировалось получение долгожданных кредитов МВФ. Дума должна была рассмотреть этот вопрос оперативно, так как уже в конце июня истекал срок, когда Россия должна была урегулировать свои последние разногласия с внешними кредиторами. В обратном случае страну ждал дефолт по суверенному внешнему долгу. Неутверждение Думой требуемого пакета законов давало прекрасный повод для того,

чтобы поставить нижнюю палату парламента перед необходимостью не проголосовать за доверие правительству. Согласно Конституции, президент получает в этом случае все законные права для досрочного роспуска Думы.

Большинство фракций нижней палаты парламента, да и сам С. Степашин не были заинтересованы в реализации такого сценария и искали возможности для того, чтобы Дума получила возможность оперативно принять непопулярные законы, не потеряв при этом окончательно собственное политическое лицо перед избирателями.

Однако Дума могла бы обезопасить себя от роспуска, если бы проголосовала против предлагаемых законов, но при этом подтвердила бы доверие правительству. При таком раскладе у Кремля оставался бы единственный рычаг для провоцирования роспуска Думы — отставка С. Степашина и назначение на его место все того же Н. Аксененко. Не исключалось, что та подчеркнутая демонстративность и откровенность, с которой велось наступление на позиции С. Степашина в правительстве, во многом была обусловлена подспудным желанием вынудить премьера самолично подать прошение об отставке.

Для более точной оценки складывавшейся в мае-июне 1999 года политической ситуации обозреватели пытались разобраться, кто на тот момент являлся лидером семейного клана. Отмечалось, что скорее всего Н. Аксененко не слишком кривил душой, когда заявил — он лично встречался с Б. Березовским всего один раз в жизни. По оценке многих аналитиков, «последний олигарх» не был доминирующей фигурой в кремлевском окружении президента, а Н. Аксененко прежде всего был ставленником Р. Абрамовича. Еще в 1997 году хорошо осведомленный А. Коржаков заявлял, что именно этот предприниматель, а не Б. Березовский, был реальным хозяином «Сибнефти» и «главным кормильцем семьи».

Было известно также, что весной 1999 года Б. Березовского окончательно вытеснил Р. Абрамович из этой нефтяной компании. Таким образом, по мнению некоторых экспертов, Б. Березовский в последнее время

был отстранен от основных финансовых каналов, контролируемых «семьей», и мог рассматриваться ею лишь в качестве политконсультанта и информационного менеджера. Обращало на себя внимание также то обстоятельство, что сразу же после утверждения Думой С. Степашина Б. Березовский улетел во Францию и не мог принимать непосредственного личного участия в интриге по формированию нового правительства.

Аналитики предполагали, что в рамках «семьи» существовали определенные противоречия между ставленниками Б. Березовского и Р. Абрамовича. Было известно: А. Волошин — человек Б. Березовского и его давний соратник по «ЛогоВАЗу». Возможно, поэтому Н. Аксененко не в полной мере доверял А. Волошину и так настойчиво пытался навязать свое присутствие на сочинской встрече премьера и главы администрации с президентом. Не случайно также было и то, что новые должности в правительстве по линии укрепления контроля над бюджетными финансовыми потоками получали люди, лично близкие к Р. Абрамовичу.

Новый глава таможенного комитета М. Ванин считался сподвижником хозяина «Сибнефти», назначенный на должность руководителя Минтопэнерго В. Калюжный в первый же день утвердил новые финансовые льготы для этой нефтяной компании. Новый руководитель Пенсионного фонда М. Зурабов до недавнего времени работал в администрации и был близок Т. Дьяченко.

Падение влияния Б. Березовского на принимаемые «семьей» решения, возможно, объяснял тот факт, что столь любимые «последним олигархом» политики — В. Черномырдин и А. Лебедь — оказались не востребовавшими Кремлем.

Складывалось впечатление, что функции главного кремлевского стратега единолично несла Т. Дьяченко. Б. Березовский, несмотря на свою страсть к игре на грани фола, был тонким политическим комбинатором и не любил без крайней необходимости предпринимать чересчур рискованные шаги, в результативности которых он до конца не уверен. Дилетанты обычно склонны переоценивать собственные возможности Думы.

Таким образом, июньскую ситуацию 1999 года характеризовало падение роли правительства при усилении президентских структур, снижение его эффективности в управлении экономикой. Одновременно аналитиками фиксировалось практически полное, хотя тактическое и сугубо временное, объединение политических элит страны на позициях неприятия новой роли семейного клана. Это противодействие, по прогнозам, могло принять не только «антиберезовский», но и «антиельцинский» характер с выбросом компрометов.

Отмечалось формирование вокруг Ю. Лужкова и Г. Явлинского некоей коалиции, альтернативной всем группам, ориентировавшимся на Б. Ельцина. Предполагалось, что окружение президента, вдохновленное успехами, начнет атаку на «нелояльного» Ю. Лужкова с целью подрыва его политического влияния или локализации его активности в столице.

Считались неясными позиции большинства региональных лидеров по отношению к борьбе за власть в центре. Допускалось, что при новой парадигме, наверное, замедлится образование «пролужковской» коалиции губернаторов, восстановится, по крайней мере на ближайшие месяцы, тактика «регионалов» на диверсификацию политических предпочтений. В этих условиях региональные коалиции — НДР, «Голос России», «Вся Россия» получали шанс на поиск союзников в регионах. Вопрос о том, удастся ли «Отечеству» стать центром консолидации большинства региональных элит, зависел как от общей конфигурации антипрезидентской коалиции, так и от эффективности «коалиционного строительства» у его конкурентов.

Весна и начало лета 1999 года были ознаменованы всплеском партийной жизни в стране. По мере приближения парламентских и президентских выборов строительство избирательных блоков шло полным ходом, несмотря на продолжавшуюся борьбу по вопросам импичмента президента, введения чрезвычайного положения, отставки правительства Е. Примакова, роспуска Госдумы и запрета Компартии.

Непрекращавшийся всеохватывающий кризис в России привел к существенным переменам в рас-

становке сил на политическом поле. Вырисовывались контуры новой российской ситуации. Она определялась несколькими факторами: финансово-экономическим обвалом, поисками путей выхода из положения, обострением отношений с Западом и слабостью России, политическим банкротством президента, его физическим состоянием и слабостью президентской власти, фактическим началом избирательной президентской кампании, которая по времени все более пересекалась с подготовкой к выборам в Думу.

Главный вывод, который не могли не учитывать политики различного профиля и ранга, состоял в том, что общество объективно левело ввиду очевидного для всех экономического краха и практически полного отсутствия социальной защиты.

Ведущие политики предпринимали активные усилия по сплочению рядов своих партий и движений, развертыванию пропагандистских кампаний, переманиванию друг у друга потенциальных союзников и попутчиков.

В предстоявших парламентских выборах могли самостоятельно участвовать 139 зарегистрированных Минюстом в установленные сроки партий и движений. Для сравнения: правом участия в выборах 1995 года обладали 70 объединений. Бум партстроительства тем не менее продолжался: появлялись экзотические партии «диггеров», «тэтчеристов», внука Л. Брежнева, предпринимателя В. Довганя и др. Цель каждой из них состояла в том, чтобы «раскрутить» и провести в Думу одного-единственного кандидата — лидера такой «партии». Тем не менее аналитики предупреждали: не стоит этих персон сбрасывать со счетов, потому что они могли изрядно пощипать электорат в облюбованных ими мажоритарных округах.

Внимание политологов было приковано в первую очередь к тем партиям, движениям и блокам, которые реально могли претендовать на формирование крупных фракций в следующем составе Думы.

По различным социологическим опросам, несмотря на весьма широкий разброс оценок, фаворитами в мае — июне 1999 года была КПРФ, которая могла получить 21—26 процентов избирателей.

Коммунисты обладали устойчивым электоратом. Однако, по оценкам экспертов, этого недостаточно для решающей победы. Влияние КПРФ среди избирателей практически не выросло. Об этом свидетельствовали и результаты выборов глав исполнительной власти субъектов Федерации, которые прошли в 72 регионах. Только в 19 из них (29 процентов) победу одержали кандидаты КПРФ. В 72 регионах также прошли выборы законодательных собраний. Примерно в 30 регионах левые силы имели от трети и более депутатских мандатов, но только в десяти субъектах Федерации КПРФ и ее союзники имели абсолютное большинство.

Выборы депутатов Государственной думы взамен выбывших прошли в 25 округах, и только в восьми из них победу одержали представители левой оппозиции, в результате чего общее представительство левых сил в нижней палате парламента не увеличилось. По признанию одного из лидеров коммунистов В. Купцова, можно говорить о сохранении компартией значительного избирательного потенциала, но тенденции к его росту не прослеживалось. В то же время аналитики отмечали: благодаря кампании по импичменту президента, хотя и неудачной, влияние компартии несколько возросло.

Задачи КПРФ следующие. Задача-максимум: завоевание вместе с союзниками более половины депутатских мандатов, что позволило бы избрать в нижней палате председателя-коммуниста, обеспечить контроль над ключевыми комитетами и реально воздействовать на формирование правительства и проводимый им курс. В качестве задачи-минимум лидеры КПРФ выдвинули работу на удержание имевшихся властных позиций и расширение плацдарма в республиках, краях и областях для подготовки к президентским выборам.

ЦК КПРФ считал, что тактика предвыборной работы должна быть адресной, нацеленной на конкретные категории граждан: рабочих крупных предприятий, военнослужащих, студентов, преподавателей школ и вузов, сотрудников НИИ и КБ, обманутых вкладчиков и других категорий обиженных граждан.

По мнению экспертов, КПРФ была намерена особое внимание уделить развитию контактов с руководителями региональных и местных органов власти, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а также с отечественными предпринимателями. Поддержка в этих кругах обеспечивала формирование материальной базы предвыборной кампании КПРФ, доступ к местным СМИ. Для достижения поставленных целей КПРФ планировала при благоприятных ситуациях внедрять симпатизировавших ей людей на должности руководителей предприятий, на которые партия впоследствии может опереться.

К своим твердым союзникам коммунисты причисляли тех, кто по сути своей многолетней политики был и оставался левым: РКРП (В. Тюлькин), СКП-КПСС (О. Шенин), АПР (М. Лапшин), народно-патриотические организации «Народовластие» (Н. Рыжков), ДПА (В. Илюхин), РОС (С. Бабурин). Однако роста популярности союзников компартии не отмечалось. Кроме того, в последнее время наблюдался определенный разброд в рядах левой оппозиции: от ней дистанцировалось «Духовное наследие» (А. Подберезкин), часть электората отходила к движению «Возрождение и единство» (А. Тулеев). Свою линию в предвыборной борьбе вел и Г. Селезнев.

Коммунисты были немало обеспокоены и тем, что на сцену политической борьбы выходили новые политические организации, которые перехватывали лозунги оппозиции. Сюда относились «Союз народовластия и труда» (А. Николаев), «Новые социалисты» (Ю. Петров), Социалистическая партия (Л. Вартазарова), «Союз труда» (А. Исаев). Но, пожалуй, главным своим оппонентом в борьбе за умеренный электорат государственной ориентации коммунисты видели в «Отечестве» Ю. Лужкова, а также в новых региональных движениях.

Тем не менее многие ветеранские, молодежные, женские организации и движения стали активнее поддерживать левые силы, так как из-за ухудшения социального положения основной массы населения лозунги оппозиции становились все более привлекательными. Это позволяло экспертам утверждать: по сравнению

с предвыборной ситуацией 1995 года компартия не растеряла своих больших ресурсов.

ЛДПР. Эксперты сходились во мнении, что ЛДПР и ее лидер В. Жириновский «потеряли лицо» в период обсуждения кандидатуры В. Черномырдина в Думе в августе — сентябре 1998 года, а затем и при обсуждении импичмента и утверждении С. Степашина. Сам В. Жириновский назвал свою партию «партией власти», ссылаясь на то, что либеральные демократы всегда поддерживали позицию президента и правительства по принципиальным вопросам.

Стремление либеральных демократов любыми путями попасть во властные структуры вызывало у многих членов партии возмущение неконструктивной позицией их лидера, особенно открытый торг В. Жириновского за министерские посты. Кроме того, в политических кругах распространилась информация, что за поддержку президентских позиций В. Жириновский получает на нужды партии определенные средства. Никто не решался открыто обнародовать данный факт, однако в сознании политиков утвердилась уверенность в нечистоплотности лидера ЛДПР.

Мнение аналитиков по истечении небольшого срока стало однозначным: ЛДПР оказалась в опасной «пороговой» зоне, утратив былую привлекательность в глазах протестного электората, все более ассоциировалась с послушным инструментом президента и его окружения. Весной — летом 1999 года началась уже ставшая традиционной предвыборная «раскрутка» ЛДПР и ее вождя в пропрезидентских СМИ. Цель та же — отобрать как можно больше голосов у «Отечества» и КПРФ. Но если партия и прорвется в новую Госдуму, считали эксперты, то она скорее всего потеряет значительное количество мест. Шансы самого В. Жириновского на президентское кресло также оценивались как нулевые. Тяжелое поражение в губернаторских выборах в Белгороде нанесло сильный удар по престижу В. Жириновского.

Захватывающая интрига предвыборной кампании, как прогнозировалось, развернется в центре политического спектра. Позиционная борьба за влияние на приверженцев центристских взглядов велась весьма активно.

«Отечество». Блок Ю. Лужкова как общественно-

политическая общероссийская организация был оформлен на учредительном съезде 18 декабря 1998 года. 24 апреля следующего года состоялся второй съезд организации «Отечество».

За время своего существования «Отечество» доказало, что являлось отнюдь не «столичной» организацией, но пользовалось достаточно широкой, хотя и не одинаковой поддержкой в регионах. Об этом свидетельствовали не только образование и включение в работу организаций «Отечества» практически во всех регионах России, но и заметные первые успехи, достигнутые движением на региональных выборах.

К началу лета 1999 года этап формирования «Отечества» в основном закончился, и организация начала непосредственную активную работу по подготовке к парламентским выборам.

Восприятие «Отечества» на местах как партии власти (что на первых порах вызвало волну критики ряда СМИ) многими расценивалось как достижение лидера движения, его центрального аппарата и региональных структур. По высказываниям делегатов и данным независимых экспертов, в регионах наблюдался рост обращений граждан в местные органы «Отечества» с различными просьбами и жалобами как в последнюю инстанцию.

Создание и деятельность «Отечества» с самого начала было воспринято Кремлем и лично президентом крайне холодно. Такое отношение однозначно связывалось с тем, что организация сразу же стала популярной среди той наиболее многочисленной части российского электората, которая относилась к центру. Но самое главное — прохладное отношение к «Отечеству» со стороны Кремля объяснялось личностью лидера организации Ю. М. Лужкова, одного из наиболее вероятных кандидатов на выборах президента России 2000 года. Нападки властей на «Отечество» и его лидера особенно усилились после майских событий 1999 года. Ю. Лужков стал противником № 1 для Кремля.

С учетом того, что многие губернаторы, на которых делался расчет в становлении местных организаций «Отечества» и привлечении их возможностей для проведения эффективной предвыборной кампании, заняли выжидательную позицию, ориентируясь на пре-

зидентскую администрацию и исполнительную федеральную власть, Ю. Лужков возлагал большие надежды на мэров городов и другие органы местного самоуправления.

Проведенная в Москве по инициативе Ю. Лужкова и президента Союза российских городов В. Рощупкина (Омск) конференция мэров ста городов достигла своей цели, завершившись созданием «Конгресса муниципальных образований». Его признанным лидером стал Ю. Лужков. Поскольку во многих краях и областях между губернаторами и мэрами административных центров субъектов Федерации шла борьба за финансовые потоки, «Отечество», таким образом, получило серьезные козыри.

С другой стороны, проведенная в Екатеринбурге конференция «Отечества» завершилась конфликтом. Мэр города А. Чернецкий, которого центральное руководство движения выдвинуло на роль руководителя местной организации, не стал объединяющей фигурой. Конференцию покинули 15 из 42 ее делегатов.

В ряде регионов отмечалось стремление чиновников, директорского корпуса и предпринимателей приобщиться к деятельности местных отделений «Отечества» для сохранения своего положения и продолжения карьеры. В то же время формирование руководящих команд, актива общественности и работа крепнувшего движения с населением велась слабо.

Аналитики отмечали, что проблем в «Отечестве» достаточно. Главными из них оставались строительство партийных организаций на местах и их деятельность, неоднородность в руководстве движения.

Возможность «тройственной коалиции» — с КПРФ и «Яблоком» — наблюдателями отвергалась. Речь скорее могла идти о «джентльменских» договоренностях по поводу совместной поддержки в округах умеренных и авторитетных, «проходных» кандидатов, противостоявших левому экстремизму и праволиберальному монетаристскому подходу.

В целом шансы «Отечества» на парламентских выборах оценивались достаточно высоко — 12—15 процентов электората.

«Яблоко». Построенное на рыхлых конфедеративных началах объединение преобразовалось на своем

очередном съезде в апреле 1999 года в централизованную партию. Целью внутренней реформы, как ее определил Г. Явлинский, было создание «самой крупной оппозиционной силы», призванной объединить тех, кто «уже не может голосовать за Ельцина, но еще не готов голосовать за Зюганова».

С марта сторонникам Г. Явлинского было запрещено одновременно числиться в «Яблоке» и в какой-нибудь иной политической организации. Этот шаг был, в частности, реакцией на создание членом руководства «Яблока» И. Грачевым «Движения развития предпринимательства» и его попытки договориться о плотном сотрудничестве сначала с «Отечеством», а затем с «Голосом России».

Преобразуя «Яблоко» в партию с жесткими принципами внутреннего построения, Г. Явлинский, возможно, потеряет часть единомышленников. От него ушли трое из пяти членов Социал-демократической партии. Но одновременно из парламентской группы «Российские регионы» к Г. Явлинскому перешли депутаты Н. Медведев и А. Янковский. Последний, являвшийся сопредседателем Партии экономической свободы, рассчитывал сыграть роль своего рода «мостика» между блоком Е. Гайдара, куда входила Партия экономического свободы, и «Яблоком».

Мнение о том, что Г. Явлинский — общепризнанный лидер «Яблока», по мнению некоторых наблюдателей, несколько преувеличено. Его соратники не отрицали, что он — наиболее оптимальная публичная фигура, хороший полемист, однако отмечали в частных беседах, что истоки переросшего в партию объединения основывались на антикоммунистической основе, о чем Г. Явлинский, стремившийся в сугубо личных целях занять значимый государственный пост, иногда забывал. К тому же он был выдвинут более глубинными силами на передний край политики. «Мы впервые в российской политической жизни сконструировали партию и выбрали для нее руководителя», — заявлял не только в частном порядке, но и на внутрипартийных форумах В. Игрунов.

Не осталось незамеченным и некоторое сближение Г. Явлинского с Ю. Лужковым. «Яблоко» обязательно найдет общий язык с «Отечеством» на декабрьских

выборах в Госдуму, считает Г. Явлинский. В то же время каких-либо конкретных договоренностей о совместных действиях не обнаруживалось. В руководстве «Яблока» на этот счет были разногласия.

Категорически против выступал, в частности, С. Митрохин. По его мнению, суть вопроса состояла в том, что Москва всасывала в себя все ресурсы регионов. Руководитель избирательной кампании «яблочников» В. Игрунов считал, что союз с Ю. Лужковым в случае столкновений с «Отечеством» в борьбе за электорат на местах станет маловероятным.

Фигура лидера, безусловно, имеет большое значение. Никто не оспаривал способностей «раскрученного» перед общественностью Г. Явлинского влиять на публику.

Эксперты отмечали также, что местные структуры «Яблока» основывались преимущественно на ячейках интеллигенции и охватывали научных работников, специализировавшихся в вопросах политологии, социологии, культурологии, проведения предвыборных кампаний. Основным источником финансирования, по оценкам специалистов, были американские и другие западные гранты «на поддержку российской науки», что в материальном плане удовлетворяло участников «яблочных» мероприятий. «Яблочников» широко привлекали к программам по изучению общественного мнения в регионах, независимо от политических пристрастий их руководителей.

Тем не менее политологи не исключали возможности взаимодействия «Яблока» с «Отечеством» в отношении одномандатных округов, тактики и стратегии предвыборной кампании. Как полагал Г. Явлинский, их объединял «взаимодополняющий некомунистический электорат». Ю. Лужкову импонировал античубайсовский подход «Яблока» к приватизации. Однако взаимодействие прогнозируется не очень тесным. Оба движения, намеревающиеся выдвигать собственные списки, скорее всего пойдут на раздел сфер влияния в одномандатных округах.

Существует еще «проблема С. Кириенко», который, по оценкам руководства «Яблока», 5-процентный барьер со списком «Новой силы» не перешагнет, а отнять голоса сторонников Г. Явлинского может.

«Наш дом — Россия». Политологи называли движение утратившей свою роль «партии власти» «домом разбитых надежд» или «карточным домиком».

С другой стороны, не осталось незамеченным стремление администрации президента вернуть В. Черномырдина во власть. Об этом свидетельствовали, в частности, регулярные появления экс-премьера на телеэкранах и в других СМИ. Встречи Б. Ельцина с В. Черномырдиным тоже о многом говорили. Были публикации о том, что ставку на бывшего премьер-министра после его визита в США и встреч на высоком уровне делали и американцы.

В. Черномырдин относился к попыткам «растачить» НДР по разным углам, прежде всего в «Отечество», «Голос России» и «Правое дело», весьма ревностно. Поединок с А. Шохиним на этот счет он выиграл, однако с губернаторами, допускавшими свое участие в двух и более блоках, держался более осторожно.

На заседании президиума политсовета НДР 1 апреля был принят проект программы. На съезде 24 апреля она была утверждена в качестве предвыборной платформы НДР.

Программа подтверждала такие основные принципы НДР, как приверженность рыночной экономике, основанной на разнообразии форм собственности, демократии, правах человека, общечеловеческих ценностях. Главной своей целью движение ставило «сделать Россию мощной, процветающей, демократической страной, занимающей достойное место в ряду экономически и социально развитых и богатых государств планеты». По оценкам политологов, эта программа не привлечет на сторону движения сколько-нибудь значительное число голосов.

Разрыв «семьи» с «младореформаторами» ввергнул НДР и ее лидера в опасную борьбу за власть, в результате чего были потеряны практически почти все надежды и реальные предпосылки на ведущую политическую и государственную роль в стране. Неудачные действия и выступления В. Черномырдина оттолкнули от него огромное количество его бывших сторонников. Такое поведение лидера НДР дискредитировало движение в целом.

Выступления оппонентов В. Черномырдина в разгар экономического кризиса нанесли не только сокрушительный удар по престижу движения, но и явились контрпропагандой существа проводимого его лидером и поддерживаемого движением курса реформ. Рухнули практически все надежды В. Черномырдина составить серьезную конкуренцию другим фигурам на президентских выборах. Движению приходилось расставаться с иллюзиями о значительных финансовых поддержках и кресле главы государства для его лидера. Прогнозировалось существенное сокращение электората НДР.

Устранение с поста лидера фракции НДР А. Шохина, который стал публично полемизировать с В. Черномырдиным и говорить о необходимости создания новых блоков, в том числе с «Отечеством» Ю. Лужкова, положение в бывшей партии власти не спасло. Шансы НДР преодолеть пятипроцентный барьер на выборах в Госдуму оставались крайне минимальными. Положение НДР усугубилось неудачной работой В. Черномырдина в качестве спецпредставителя президента Б. Ельцина на Балканах.

«Голос России». Сформировался по инициативе самарского губернатора К. Титова, носит антилужковский характер и пользуется покровительством президентской администрации.

Главы регионов, объявившие об участии в «Голосе России», продолжали проведение лояльной линии по отношению как к президенту, так и правительству. Единственной крупной силой, воспринимаемой «Голосом России», была КПРФ. По словам представителей «Голоса России», «коммунисты — наши противники, антагонисты».

Самостоятельное участие «Голоса России» в парламентских выборах без коалиции с другими центристскими силами, как считали эксперты, обречено на неудачу, поскольку у него нет ярких имен общероссийского масштаба, политической ниши, идеологического знамени.

В то же время нельзя сбрасывать со счетов влияние конкретных фигур, присоединившихся к «блоку К. Титова». Не исключалась в этой связи вероятность создания его связок с другими политическими группировками.

Говоря о конкуренции с «Отечеством», К. Титов заверял, что не собирается выступать с нападками на Ю. Лужкова. В своих заявлениях «политический кочевник» А. Шохин, рассматривавшийся в качестве одного из главных идеологов нового регионального блока, также подчеркивал: «Если региональные лидеры создают свою партию, стало быть, они не идут к Ю. Лужкову сейчас, на парламентских выборах. Но это не означает, что они не будут готовы с ним разговаривать по поводу президентских выборов и условий формирования политической коалиции на срок последующих президентских полномочий».

«Правое дело». Предпринимавшиеся весной попытки консолидации либерал-реформаторских сил представляли собой закономерный этап формирования нового политического ландшафта страны в преддверии парламентских выборов. Учитывая активность левых и левоцентристских партий и движений на фоне кризисного состояния реформаторского лагеря, ассоциировавшегося в глазах большинства избирателей с «партией власти», образование либеральной коалиции под претенциозным названием «Правое дело» было призвано, по замыслу его создателей, восстановить пошатнувшийся баланс политических сил страны.

В этом смысле дальнейшее промедление с формированием коалиции («отцы-основатели» — Е. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, Б. Федоров, А. Яковлев) имело бы для реформаторских сил, на их взгляд, катастрофические последствия.

Отсюда и проистекала бурная активность известных «младореформаторов», их рассчитанная на достижение пропагандистских козырей поездка в Югославию, участвовавшие появления на телеэкране.

Принципиальную важность, учитывая специфику российских избирательных кампаний и менталитет электората, имел вопрос о лидере коалиции. В этом плане «Правое дело» находилось в крайне незавидном положении, поскольку личности его учредителей воспринимались подавляющим большинством граждан однозначно негативно. Все они без исключения были повинны в социальных издержках рыночных реформ, в обнищании населения и в беспрецедентном размахе финансово-экономических махинаций, коррупции и преступности.

В западных дипломатических кругах полагали, что лидеры «реформаторов» впервые за последние годы не только лишились ключевых постов в правительстве, хотя и пустили там глубокие корни, но фактически остались не у дел. Правые партии и движения утратили роль «политического ядра» государственной системы и были аутсайдерами в начавшейся предвыборной гонке.

В коалицию вошли почти все заметные либеральные объединения: ДВР (Е. Гайдар), движение и партия «Демократическая Россия» (Л. Пономарев, В. Гусляников и др.), Крестьянская партия России (Ю. Черниченко), Российская партия социальной демократии (А. Яковлев), Партия экономической свободы (К. Боровой), «Вперед, Россия!» (Б. Федоров), «Россия молодая» (Б. Немцов), «Свободные демократы России» (М. Салье), «Общее дело» (И. Хакамада).

Хотя реально костяк «Правого дела» составляют организации «Демвыбора России», лидер ДВР Е. Гайдар запретил своим коллегам по партии выпячивать собственную роль, чтобы не создавать внутри коалиции лишних трений. Впрочем, большинство участников «Правого дела» достаточно спокойно относятся к гегемонии ДВР в коалиции.

В идеологическом плане достаточно разношерстный и раздираемый внутренними противоречиями конгломерат реформаторских сил сближает приверженность классическим принципам западного либерализма. Однако четкой концептуальной программы конкретных действий по выводу страны из кризиса у лидеров «Правого дела» летом 1999 года все еще не было.

Лидеры «Правого дела» расходились между собой как по тактическим вопросам (отношение к правительству С. Степашина, определение политических партнеров), так и в подходах к самому характеру предвыборной стратегии коалиции. Маятник разногласий колебался от лозунгов «демократического популизма» (например, от социально ориентированной рыночной экономики) до «либерального экстремизма» (стремление разработать программу на принципах классического монетаризма и минимальной роли государства в экономической сфере). Тактически выигрышным по-

литологи считали наметившийся в сложившейся ситуации переход коалиции в оппозицию правительству и Кремлю с целью получить политические дивиденды от любых их неудач и ошибок.

Прогнозы избираемости представителей блока в конце июня 1999 года были таковы: 4—6 процентов.

«Новая сила». Отдельной «интригой» формирования «Правого дела» является позиция С. Кириенко. Созданная им партия держится несколько особняком от «Правого дела». Войдя в декабре 1998 года на персональной основе в координационный совет правоцентристской коалиции, С. Кириенко с февраля 1999 года начал дистанцироваться от «Правого дела», а в мае того же года выступил за создание широкого блока в составе НДР, «Новой силы», «Правого дела», а также «губернаторских» блоков «Голос России» и «Вся Россия».

Аналитики отмечают политическую всеядность С. Кириенко. Тем не менее интересно замечание Б. Федорова: «Кириенко, если уйдет, совершит ту же ошибку, что и я несколько лет назад. Участие в правительстве сначала сильно повышает самомнение и кружит голову, затем оборачивается одиночеством, депрессией и долями процента».

С. Кириенко активно искал других союзников, основным из них стал «Голос России» К. Титова, который считал, что коалиция с «Новой силой» могла помочь им стать серьезным противовесом «Отечеству».

Сам С. Кириенко считает: сегодня нельзя останавливаться только на том, чтобы собрать 5 или 6 процентов людей, которые придерживаются крайне правых либеральных взглядов. Он за такую коалицию, которая бы включала в себя и НДР, и «Новую силу», и «Правое дело», и «Голос России», и «Всю Россию».

«Вся Россия». Основные программные установки блока: сплав «практического опыта и здравого смысла», «новый федерализм», «рыночные реформы и демократия», «консолидация общества».

Образующие блок объединения — движение «Регионы России» (В. Медведев) и «За равноправие и справедливость» (Б. Агапов). Среди руководителей не су-

ществует единого мнения о формах взаимодействия с родственными политическими партиями и движениями.

Председатель исполкома движения О. Морозов не исключает сотрудничества как с «Голосом России», так и с «Отечеством», но считает, что «форсировать этот процесс нет необходимости».

Социал-демократы. Движение «Социал-демократы», возглавляемое Г. Поповым и получившее на парламентских выборах 1995 года всего 0,13 процента голосов, безуспешно пыталось стать объединяющим звеном родственных политических течений. Однако «Союз труда» А. Исаева, ставшего членом политсовета «Отечества», «Партия самоуправления трудящихся» С. Федорова, движение «За новый социализм» Ю. Петрова, Социалистическая партия трудящихся Л. Вартазаровой, Социалистическая партия России И. Рыбкина, «Союз народовластия и труда» А. Николаева проигнорировали третий съезд «Социал-демократов» в феврале 1999 года.

С Российской партией социальной демократии А. Яковлева, вошедшей в «Правое дело», отношения у Г. Попова и других руководителей его движения (Ф. Бурлацкий, Н. Аджубей, О. Богомолов, В. Гольданский, Н. Шмелев) расстроились. Единственным звучным приобретением для «Социал-демократов» стал бывший член фракции КПРФ В. Семаго, кооптированный в федеральный совет движения.

Попытки обхаживания Е. Строева, Г. Селезнева, К. Титова и предложения своих услуг в качестве возможных союзников успехом не увенчались.

В то же время Г. Попов не оставляет надежд найти сколько-нибудь значимую нишу в политической жизни России. Однако шансы «Социал-демократов» на успех весьма незначительны. Ряд левоцентристских партий ориентируется на более крупные блоки, а те, кто не примкнул к ним, имеют собственные амбиции.

Народно-республиканская партия и движение «Честь и Родина» А. Лебеда, по мнению аналитиков, не состоялись. Эффективно действовавших структур в центре и на местах не наблюдалось. Сам генерал-губернатор, будучи на государственной службе, вынужден был оставаться в стороне от партийной де-

тельности, а доверенных лиц, которые могли бы в его отсутствие действительно заниматься политической деятельностью с расчетом на президентскую перспективу, у него не оказалось. Все больше увязая в красноярских проблемах, А. Лебедь терял общенациональные перспективы. Бывшие соратники А. Лебедева, в том числе в движении «Честь и Родина», откровенно отворачивались от него.

«Движение Юрия Болдырева». Съезд этой новой общественно-политической организации прошел 6 июня 1999 года. Лидер — бывший соратник Г. Явлинского, один из организаторов «Яблока».

Движение придерживалось четко выраженной левоцентристской ориентации. Однако его образование — свидетельство того, что внутри «Яблока», от которого отпочковался Ю. Болдырев, также зрело недовольство «вечно недовольным» лидером Г. Явлинским, его непомерными амбициями.

По мнению экспертов, новое движение самостоятельно идти на выборы не может и скорее всего будет искать союзников.

«Духовное наследие». Народно-патриотический союз России (НПСР) уже не один месяц находился на грани раскола, в частности, из-за того, что входившее в НПСР «Духовное наследие» предлагало тесное сотрудничество с Ю. Лужковым. Так, А. Подберезкин считал: «То, что говорится «Отечеством», — калька с нашего государственно-патриотического мировоззрения».

Решение КПРФ и АПР об отдельном участии в выборах побудило «Духовное наследие» также выстраивать свою колонну. Велась активная кампания, в том числе через СМИ, по мобилизации своих сторонников на некоммунистической основе.

Просто «Россия». В июне 1999 года появились слухи о возможном формировании под эгидой администрации президента суперблока «Россия», который мог бы объединить движения «Вся Россия», «Голос России», «Наш дом — Россия», «Новая сила» (С. Кириенко) и «Правое дело». Основная цель такого блока — создать конкуренцию «Отечеству» и отобрать у него электорат (по расчетам инициаторов, около 50 процентов). Появление «России» могло бы способствовать

объединению разрозненных финансовых потоков для противодействия Ю. Лужкову и его движению и содействия прохождению в новую Думу лояльных к режиму депутатов.

Итак, подводя итоги событий мая-июня 1999 года, наблюдатели сходились во мнении, что правительство С. Степашина формировалось не столько для решения сложнейших экономических и социальных проблем, стоявших перед страной, сколько с прицелом на сиюминутные политические задачи.

Из федеральных властных структур были «вычищены» все представители оппозиционных партий и сторонники Ю. Лужкова. Главной особенностью нового кабинета министров стала полная подконтрольность президенту и его администрации. Это позволило президентской команде взять в свои руки основные рычаги управления страной, силовые и правоохранительные ведомства, информационную политику и использовать их в своих интересах. С другой стороны, образование связки «президент—администрация—правительство» позволило проводить экономическую политику, в том числе строить отношения с МВФ, без особой оглядки на Думу.

С. Степашину как премьеру, безусловно, было нелегко. Кратковременные «стажировки» на высоких должностях в парламенте, аппарате правительства и ведомствах позволили ему накопить некоторый государственный опыт, но далекий от экономики. Ожидать от него выработки и проведения продуманной и твердой экономической политики не приходилось. Об этом свидетельствовала и его речь в Госдуме при утверждении — набор лозунгов, подходивших по своей «левизне» скорее для Г. Зюганова. Реальных механизмов их претворения в жизнь он даже не обозначил. Поэтому «загрубленная» схема деятельности нового правительства представлялась примерно такой: экономическую и финансовую политику определяли «рекомендации» МВФ и близких к «семье» «олигархов», а задача С. Степашина реализовывать их, не допуская никаких социальных катаклизмов, нарастающих по мере неизбежного дальнейшего падения уровня

жизни в результате принятия уже обещанных «непопулярных» мер.

Аналитики предсказывали неизбежность трений внутри обновленного кабинета. Уже при его формировании обозначилось противоборство различных группировок. Основная борьба прогнозировалась за контроль над бюджетообразующими («денежными») отраслями и ведомствами. Ясно также было, что ставленник администрации Н. Аксененко не намерен смириться с ролью вице-премьера (хотя и «главного первого»), а будет стараться подмять под себя не только «второго первого» вице-премьера, но и С. Степашина.

У С. Степашина в этой борьбе, как представлялось аналитикам, шансов было мало — по причине отсутствия опыта, знаний, команды, поддержки. К тому же в «семье» и у президента зрело недовольство «чрезмерной» самостоятельностью С. Степашина: сохранил в правительстве В. Матвиенко и часть людей Г. Кулика, взял В. Михайлова (бывший первый заместитель секретаря Совета безопасности не пользовался доверием «семьи» как симпатизировавший КПРФ), «бился» за А. Жукова, «отбивал поклоны» Е. Примакову, да и в Думе получил неожиданную поддержку.

Н. Аксененко выглядел более опытным, более напористым, и к тому же он пользовался поддержкой заинтересованного в нем клана «теневых руководителей» — Т. Дьяченко и Б. Березовского. О многом говорила его «телерадиоактивность», причем основной рефрен его выступлений: «Я в правительстве главный». Не случайной скорее всего была и «оговорка» президента в телефонной беседе с Г. Селезневым в отношении Н. Аксененко как кандидата на пост премьера. Правда, против Н. Аксененко были настроены А. Чубайс и Е. Гайдар, которые считали, что этот «ЧВС № 2» способен лишь «дискредитировать реформы». «Младореформаторы» поддерживали С. Степашина.

В силу этих и ряда других причин большинство сходилось во мнении, что правительство С. Степашина — временное и может быть отправлено в отставку еще до президентских выборов. Вряд ли оно могло добиться решения сложнейших экономических и социальных задач. А именно эти задачи в конечном итоге определяют судьбу кабинета.

Наблюдатели обратили внимание и на то, что правительство С. Степашина, в котором большинство членов осталось от кабинета Е. Примакова (14 из 19), вдруг стало преподноситься как «профессиональное», причем не только СМИ, подконтрольными главным президентским «кадровикам», но и некоторыми политиками.

В целом ситуацию, сложившуюся в мае — июне 1999 года, эксперты оценивали как неблагоприятную для интересов московского мэра и поддерживавших его финансовых и политических структур. Именно они назывались в качестве одних из основных объектов, против которых направлялись усилия президентско-правительственной связки, имевшие конечной целью не допустить победы Ю. Лужкова на президентских выборах.

Среди возможных политических мер, частично уже реализованных в июне, прогнозировались публикации (озвучивание) различного рода компрометирующих и скандальных материалов, направленных на дискредитацию ближайшего окружения, строгая информационная «теледиета» (особенно на каналах общероссийского масштаба) и другие акции по уменьшению информационных возможностей «московской группировки», «отсечка» регионов, принятие мер, препятствующих созданию коалиций с другими политическими партиями и движениями и натравливание политических конкурентов.

Последние строки этой книги написаны в июне 1999 года. Насколько события развивались по предсказанному сценарию, судить читателям.

Конец второй книги

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРАТКАЯ ХРОНИКА СОБЫТИЙ

(август 1996 — июнь 1999 гг.)

1996 год

(август — декабрь)

09.08 — Б. Ельцин принял Присягу Президента РФ, вступил в должность на второй срок, принял отставку правительства и направил в Думу представление о назначении председателем правительства В. Черномырдина.

10.08 — Государственная дума постановила: по результатам тайного голосования дать согласие президенту РФ на назначение В. Черномырдина председателем правительства РФ.

30.08 — В Хасавьюрте секретарь Совета безопасности РФ А. Лебедь и начальник штаба Чеченских вооруженных формирований А. Масхадов обнародовали совместное заявление, предусматривавшее достижение до 31 декабря 2001 г. соглашения об основах взаимоотношений между Россией и Чечней.

17.10 — Отставка секретаря Совета безопасности РФ, помощника президента РФ по национальной безопасности А. Лебеда.

21.10 — И. Рыбкин назначен секретарем Совета безопасности РФ и дал обещание продолжить курс А. Лебеда на мирное урегулирование в Чечне.

5.11 — До 100 тысяч человек приняли участие в митинге у стен Кремля, прошедшем в рамках общероссийской акции протеста прсфсоюзов под единым лозунгом «За труд, зарплату и социальные гарантии».

— Президенту РФ Б. Ельцину сделана операция на сердце.

15.11 — Государственная дума приняла постановление и обращение «К президенту Российской Федерации» по факту публикации 15 ноября 1996 г. в «Московском комсомольце» статьи, в которой содержалась расшифровка аудиозаписи разговора работников администрации президента А. Чубайса, В. Илюшина и С. Красавченко.

20.11 — Президенты Польши, Литвы и Украины выступили с совместным заявлением, призывающим Запад мобилизовать политические силы для «защиты демократии» в Белоруссии.

21.11 — Госдума приняла обращение к президенту РФ Б. Ельцину с предложением «рассмотреть вопрос о дисциплинарной ответственности В. В. Илюшина и А. Б. Чубайса и до решения этого вопроса отстранить В. В. Илюшина и А. Б. Чубайса от исполнения должностных обязанностей».

30.11 — И. Родионов своим приказом отстранил главнокомандующего сухопутных войск В. Семенова от должности «за действия, порочащие честь военнослужащего».

01.12 — На выборах председателя правительства Республики Хакасия победил депутат Госдумы Алексей Лебедь, брат бывшего секретаря Совета безопасности Александра Лебеда.

14.12 — Бывшему и. о. Генерального прокурора РФ А. Ильюшенко предъявлено обвинение по двум статьям: неоднократное получение взяток и злоупотребление служебным положением. Следствие длилось 10 месяцев.

23.12 — Б. Ельцин вернулся в Кремль после болезни. Президент оценил работу своей команды в его отсутствие как «удовлетворительную».

24.12 — Б. Ельцин встретился с В. Черномырдиным. Вывод, сделанный президентом после знакомства с ситуацией в стране: «Что творится здесь! До чего дошли!»

1997 год

07.01 — Пресс-секретарь президента РФ С. Ястржембский сообщил, что Б. Ельцин заразился простудным заболеванием от одного из своих родственников.

08.01 — Б. Ельцин с подозрением на пневмонию госпитализирован в ЦКБ.

13.01 — Около полумиллиона школьных учителей и преподавателей профтехучилищ в 65 регионах России начали забастовки в рамках Всероссийской акции протеста работников народного образования.

18.01 — Неудачей закончилась попытка депутатов Госдумы отправить президента Б. Ельцина в отставку по болезни.

20.01 — Б. Ельцин выписан из Центральной клинической больницы.

— Состоялся телефонный разговор Б. Ельцина с А. Лукашенко, в ходе которого президенты условились дать поручение своим правительствам готовить конкретные вопросы интеграции для российско-белорусской встречи на высшем уровне в середине февраля.

22.01 — В первом чтении Госдума приняла постановле-

ние «О досрочном прекращении исполнения полномочий Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина по состоянию здоровья».

27.01 — На президентских выборах в Чечне победил А. Масхадов.

04.02 — А. Куликов назначен вице-премьером РФ с сохранением должности министра внутренних дел.

10.03 — Президент Белоруссии А. Лукашенко заявил, что Россия не готова к объединению двух государств на равноправной основе.

— Президент РФ Б. Ельцин подписал указ о назначении Е. Шапошникова своим помощником.

13.03 — Указом Б. Ельцина воздушно-десантные войска переподчинены главкомату сухопутных войск.

17.03 — Указом Б. Ельцина первым заместителем председателя правительства — министром финансов РФ назначен А. Чубайс, первым заместителем председателя правительства — Б. Немцов. Заместителями председателя правительства назначены В. Булгак, А. Кох (одновременно председателем ГКИ), Я. Уринсон (одновременно министром экономики), О. Сысуев, руководителем аппарата правительства — министром РФ В. Бабичев (освобожден от должности заместителя председателя правительства — руководителя аппарата правительства); министром науки и технологий В. Фортов (освобожден от должности заместителя председателя правительства — председателя Госкомитета РФ по науке и технологиям).

— В связи с изменением структуры правительства освобождены от должности первого заместителя председателя правительства РФ А. Большаков, В. Илюшин и В. Потанин; с 1 апреля 1997 г. от должности заместителя председателя правительства РФ — министра внешних экономических связей освобожден О. Давыдов; от должности заместителя председателя правительства освобождены А. Заверюха, В. Игнатенко, А. Лившиц (назначен заместителем руководителя администрации президента РФ), О. Лобов.

09.04 — В средствах массовой информации обнародован проект Устава Союза Белоруссии и России.

24.04 — Б. Ельцин своим указом назначил первого вице-преьера правительства РФ Б. Немцова министром топлива и энергетики.

06.05 — Бывший секретарь Совета безопасности РФ О. Лобов был допрошен в качестве свидетеля по уголовному делу, возбужденному в 1995 г. по факту незаконной деятельности тоталитарной секты Аум Синрике в России. О. Лобов отверг утверждения о том, что он передал этой японской секте технологию производства отравляющего газа зарин.

20.05 — Б. Ельцин потребовал приостановить реорганизацию и сокращение воздушно-десантных войск. Президент рассматривал ВДВ как резерв Верховного Главнокомандующего.

21.05 — Главная военная прокуратура вынесла постановление о взятии под стражу бывшего главного военного инспектора — заместителя министра обороны РФ генерала армии К. Кобеца. Ему предъявлено обвинение в получении взятки в размере одного миллиарда четырехсот миллионов рублей, злоупотреблении служебным положением, незаконном хранении огнестрельного оружия.

22.05 — Открывая заседание Совета обороны, Б. Ельцин снял с должности министра обороны И. Родионова и начальника Генштаба В. Самсонова.

23.05 — Б. Ельцин подписал указ о назначении министром обороны РФ И. Сергеева и и.о. начальника Генштаба ВС РФ А. Квашнина.

19.06 — Указом Б. Ельцина генерал-полковник А. Квашнин назначен начальником Генерального штаба ВС РФ — первым заместителем министра обороны РФ.

30.06 — Дочь президента РФ Т. Дьяченко назначена его советником.

02.07 — Б. Ельцин назначил министром юстиции РФ бывшего руководителя ФСБ С. Степашина. Его предшественник В. Ковалев освобожден от должности министра юстиции.

— Работники Смоленской атомной электростанции начали пеший марш протеста на Москву.

14.07 — Колонна атомщиков подошла к Москве, встав у кольцевой дороги. К ним присоединились коллеги из Ленинградской, Кольской, Курской, Нововоронежской АЭС.

04.08 — Б. Ельцин объявил о деноминации российского рубля в 1000 раз с 1 января 1998 г.

13.08 — Указом президента РФ с поста руководителя Госкомимущества смещен вице-премьер А. Кох, проработавший в этой должности четыре месяца.

29.08 — Государственным военным инспектором РФ — секретарем Совета обороны назначен А. Кокошин, освобожденный от должности первого заместителя министра обороны РФ. Ю. Батурин освобожден от должности секретаря Совета обороны РФ.

18.09 — В аэропорту г. Орла находившийся там с рабочим визитом президент РФ Б. Ельцин заявил журналистам, что начиная с 1999 года Россия будет отказываться от финансовой помощи МВФ.

24.09 — Состоялось пикетирование Дома правительства представителями оборонных профсоюзов России.

08.10 — Пресс-секретарь президента РФ С. Ястржембский заявил о том, что не исключает возможности участия в следующих выборах Б. Ельцина, поскольку в первый раз тот стал президентом РСФСР, а по новой Конституции избран главой независимого государства только на первый срок.

14.11 — Освобождены от занимаемых должностей первый заместитель главы администрации президента А. Казаков, министр госимущества М. Бойко, председатель Федеральной службы по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению П. Мостовой. Поводом послужили завышенные гонорары, полученные ими за неизданную брошюру «История приватизации России». По данному случаю возбуждено уголовное дело. Первый зампред правительства РФ — министр финансов А. Чубайс, являвшийся главой авторского коллектива, подал в отставку, но она не была принята президентом.

20.11 — Б. Ельцин подписал указ о назначении М. Задорнова главой Минфина и С. Кириенко главой Минтопэнерго.

— Б. Ельцин частично удовлетворил просьбу А. Чубайса об отставке, освободив его от должности министра финансов. Пост первого вице-преьера за А. Чубайсом сохранился.

18.12 — Б. Ельцин своим указом удовлетворил просьбу директора ФПС А. Николаева об освобождении от занимаемой должности.

1998 год

23.01 — Государственная дума в очередной раз отклонила представленный президентом проект конституционного закона о российском флаге, гербе и гимне. Депутаты во второй раз отказались соглашаться с тем, чтобы символами современной Российской Федерации стали герб и флаг прежней Российской империи.

30.01 — Б. Ельцин официально заявил, что сохранит в следующем году нынешнее правительство во главе с В. Черномырдиным. Однако президент не исключил, что заменит в правительстве «одного-двух человек».

11.02 — Б. Ельцин подписал указы об освобождении от должности своих помощников Ю. Батурина и Б. Кузыка, а также советников Н. Малышева и В. Волкова.

12.02 — Генерал А. Лебедь объявил о решении баллотироваться на выборах губернатора Красноярского края.

18.02 — Помощник президента РФ по правовым воп-

росам М. Краснов добровольно подал заявление с просьбой о своей отставке.

2.03 — Б. Ельцин назначил И. Рыбкина вице-премьером, курирующим проблемы СНГ вместо уволенного В. Серова; С. Франка — министром транспорта вместо уволенного Н. Цаха; министром общего и специального образования А. Тихонова вместо уволенного В. Кинелева.

— Б. Ельцин подписал распоряжение, согласно которому снималась персональная охрана с 12 высших государственных чиновников, в том числе со всех заместителей председателя правительства, включая первых вице-премьеров, а также с первого заместителя руководителя администрации президента Ю. Ярова.

15.03 — В связи с болезнью Б. Ельцина саммит глав СНГ перенесен с 19.03 на третью декаду апреля.

23.03 — Б. Ельцин своим указом объявил об отставке правительства России. Отдельным указом уволены со своих постов первый вице-премьер правительства РФ А. Чубайс и вице-премьер, министр внутренних дел А. Куликов. И. о. председателя правительства назначен министр топлива и энергетики С. Кириенко.

09.04 — Госдума обсуждала кандидатуру С. Кириенко на пост председателя правительства. Итоги голосования: за — 143, против — 186, воздержались — 5.

17.04 — Госдума во второй раз отказалась утвердить кандидатуру С. Кириенко на пост председателя правительства РФ. Против проголосовал 271 депутат, за — 115. Б. Ельцин внес кандидатуру С. Кириенко в третий раз.

21.04 — Конституционный суд России принял запрос о правомочности президента выдвигать несколько раз одну и ту же кандидатуру на пост главы правительства. Председатель КС М. Баглай сообщил, что рассмотрение состоится в порядке очереди не раньше августа.

24.04 — Дума в третий раз рассмотрела кандидатуру С. Кириенко на должность председателя правительства РФ. За проголосовал 251 депутат, против — 25.

25.04 — Экс-премьер, лидер движения НДР В. Черномырдин подтвердил, что в 2000 году он намерен баллотироваться в президенты России.

28.04 — Б. Ельцин произвел первые назначения в новом правительстве. Вице-преьерами назначены Б. Немцов и В. Христенко. Сохранили свои посты министры обороны — И. Сергеев, внутренних дел — С. Степашин, иностранных дел — Е. Примаков, финансов — М. Задорнов.

29.04 — Исполнительным секретарем СНГ назначен Б. Березовский.

30.04 — Председателем правления РАО «ЕЭС России» стал бывший первый вице-премьер А. Чубайс.

27.05 — Выступая на международной встрече в Москве, премьер-министр С. Кириенко заявил, что девальвации рубля не будет.

17.08 — Правительство и Центральный банк России сделали заявление о финансовом положении страны, объявив практически о банкротстве.

23.08 — Б. Ельцин своим указом отправил правительство С. Кириенко в отставку. Временное исполнение обязанностей до утверждения его кандидатуры Госдумой возложено на В. Черномырдина.

25.08 — Госдума приняла постановление, которым рекомендовала президенту Б. Ельцину добровольно досрочно уйти в отставку. За принятие этого постановления, предложенного группой депутатов-аграриев, проголосовало 245 парламентариев, против — 32, воздержавшихся не было.

31.08 — Депутаты Госдумы проголосовали против утверждения В. Черномырдина на пост председателя правительства РФ. За — 94 голоса, против — 251.

07.09 — Государственная дума повторно отклонила предложенную президентом кандидатуру В. Черномырдина на пост премьер-министра. За него проголосовали 138 депутатов, против — 273, 1 — воздержался.

10.09 — В. Черномырдин добровольно снял свою кандидатуру с рассмотрения Госдумой.

11.09 — Госдума одобрила предложенную президентом кандидатуру Е. Примакова на пост премьер-министра. За него проголосовало 315 депутатов, против — 63, воздержалось — 15.

12.09 — Б. Ельцин освободил от занимаемой должности своего пресс-секретаря и заместителя главы администрации С. Ястржембского. А. Волошин, который был помощником главы президентской администрации В. Юмашева, стал его заместителем.

14.09 — Б. Ельцин подписал указ о назначении Н. Бордюжи секретарем Совета безопасности РФ, освободив его от обязанностей директора Федеральной пограничной службы.

— Генеральная прокуратура России возбудила уголовное дело против экс-мэра Санкт-Петербурга А. Собчака по обвинению в получении взятки и превышении служебных полномочий.

30.09 — Мэр Москвы Ю. Лужков заявил в Лондоне о своем намерении принять участие в следующих президентских выборах.

19.11 — В Санкт-Петербурге в подъезде своего дома убита депутат Госдумы, сопредседатель федеральной партии «Демократическая Россия» Г. Старовойтова.

1999 год
(январь — июнь)

01.02 — Генеральный прокурор Ю. Скуратов подал прошение об отставке.

12.05 — Б. Ельцин отправил в отставку правительство Е. Примакова.

13—15.05 — импичмент в Госдуме по отрешению от должности президента РФ Б. Ельцина.

19.05 — Госдума проголосовала за назначение С. Степашина премьер-министром РФ.

ОБ АВТОРЕ

(Биографическая справка)

Вагиф Алиовсатович Гусейнов родился в Азербайджане, в городе Кубе.

Этот город, расположенный на склонах Большого Кавказа, помнит Лермонтова. Был там и Александр Дюма во время путешествия по России.

Свою журналистскую деятельность В. А. Гусейнов начал в 60-х годах во время службы в армии. Потом работал в ряде СМИ в Баку: корреспондентом Азербайджанского радио и телевидения, главным редактором республиканской молодежной газеты.

В 1974—1978 гг. руководил комсомолом республики. Затем был избран секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам. Работал первым секретарем Бакинского горкома Компартии Азербайджана, первым заместителем начальника одного из управлений МИД СССР, в 1989—1991 гг. был последним председателем КГБ Азербайджана.

Генерал-майор КГБ В. А. Гусейнов уволился со службы после августа 1991 года.

В настоящее время он руководитель одного из московских аналитических центров. Входит в состав совета директоров московской корпорации «Система» и совета директоров концерна «Система Масс-медиа». Член Совета по внешней и оборонной политике.

ИСТОЧНИКИ

Личный архив автора.

Стенограммы пленарных заседаний Государственной думы РФ (1996—1999).

Стенограммы пленарных заседаний Совета Федерации РФ (1996—1999).

Текущие архивы:

информационно-аналитического центра АФК «Система»;

АО научно-технического развития «Регион»;

фотохроники ИТАР-ТАСС.

Газеты (1996—1999): «Версия»; «Известия»; «Коммерсантъ-дейли»; «Комсомольская правда»; «Московский комсомолец»; «Московские новости», «Невское время»; «Новые известия»; «Новая газета»; «Независимая газета»; «Парламентская газета»; «Санкт-Петербургские ведомости»; «Сегодня»; «Смена»; «Труд»; «Крисчен сайенс монитор»; «Нью-Йорк таймс»; «Уолл-стрит джорнэл»; «Файнэншл таймс».

Журналы: «Власть»; «Коммерсант-власть»; «Нефть России»; «Новое время»; «Российская Федерация сегодня»; «Ньюсуик».

Современная политическая история России (1985—1998 годы). Т. 1. Хроника и аналитика: Духовное наследие, РАУ-корпорация. М., 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

КРЕМЛЕВСКИЙ ОГОНЬ ОБЖИГАЕТ КРЫЛЬЯ

Глава 1.	
ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	3
Глава 2	
ЧЕРНОМЫРДИН БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН	49
Глава 3	
ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ	94
Глава 4	
«КИНДЕР-СЮРПРИЗ»	137
Глава 5	
АВГУСТОВСКИЙ КРИЗИС	177

Часть вторая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТБЮРО

Глава 1	
ДУБЛЕР ПРЕЗИДЕНТА	224
Глава 2	
У КАЖДОГО СВОЙ КРЕМЛЬ	269
Глава 3	
ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ	315
Глава 4	
ПЫЛАЮЩИЕ БАЛКАНЫ	347
Глава 5	
ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА	389
Глава 6	
НА РАСПУТЬЕ	436
ПРИЛОЖЕНИЕ	485
Об авторе (<i>биографическая справка</i>)	493
Источники	494

**Вагиф Алиовсатович
Гусейнов**

От ЕЛЬЦИНА К...?

Книга вторая

ПЬЯНЯЩИЙ ДУРМАН ВЛАСТИ

Январь 1998 — июнь 1999

Редактор *В. Поляков*

Младший редактор *Е. Дубровская*

Художественный редактор *В. Горин*

Технический редактор *В. Кулагина*

Корректор *Т. Никифорова*

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96.

Сдано в набор 20.07.99. Подписано в печать 23.08.99.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.

Тираж 11 000 экз. Изд. № 99-443-ДО. Заказ № 4471.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075 Москва, Звездный бульвар, 23

Полиграфическая фирма «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

103473 Москва, Краснопролетарская, 16

ВАГИФ ГУСЕЙНОВ

Генерал-майор КГБ В. А. Гусейнов начинал с журналистики: работал на радио, редактировал молодежную газету. Был первым секретарем ЦК комсомола Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, зам. начальника одного из управлений МИД СССР, последним председателем КГБ Азербайджана.

В настоящее время В. А. Гусейнов возглавляет один из аналитических центров в Москве.

Во второй книге «От Ельцина к...?» автор раскрывает механизмы тайной борьбы за президентское кресло, достигшей наивысшей напряженности в 1998 – 1999 гг. Вы узнаете:

- КАК Б. ЕЛЬЦИН ИЗБЕГАЕТ ЛОВУШЕК И СТАВИТ СВОИ**
- ДЛЯ ЧЕГО К РАЗВЕДЧИКУ Е. ПРИМАКОВУ ПРИСТАВИЛИ КОНТРАЗВЕДЧИКА С. СТЕПАШИНА**
- СОЮЗ БЕЛОРУССИИ И РОССИИ: ЧЕЙ ЭТО СЦЕНАРИЙ**

ISBN 5-224-00582-5

